F. O. Fortunatov

Ф. Ѳ. Фортунатовъ.

LEKTSII

ЛЕКЦІИ

PO FONETIKE

по фонетикѣ Старославянскаго (Церковнославянскаго) языка

Посмертное изданіе

Изданіе Отдѣленія Русскаго языка и словесности
Россійской Академіи Наукъ

ПЕТРОГРАДЪ
Типографія Россійской Академіи Наукъ
Вас. Остр., 9 лин., № 12
1919.

Напечатано по распоряженію Россійской Академіи Наукъ.
Май 1919 г. Непремѣнный Секретарь академикъ *С. Ольденбургъ*.

PG
628
.F6

1508029

Отдѣленіе Русскаго языка и словесности Россійской Академіи Наукъ еще при жизни своего члена теперь покойнаго Ф. Ѳ. Фортунатова († 20 октября 1914 года) настаивало на изданіи высоко цѣнныхъ въ научномъ отношеніи его курсовъ, читанныхъ имъ въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ въ Московскомъ Университетѣ. Ф. Ѳ. Фортунатовъ пошелъ на встрѣчу желанію Отдѣленія и согласился начать изданіе своихъ лекцій съ курса, озаглавленнаго «Краткій очеркъ сравнительной фонетики индоевропейскихъ языковъ»; печатаніе началось при его жизни, но до сихъ поръ еще не доведено до конца. На вторую очередь Отдѣленіе поставило изданіе «Лекцій по фонетикѣ старославянскаго (церковнославянскаго) языка», нынѣ выпускаемое. Эти лекціи были приготовлены къ печати и частью напечатаны въ 1888—1890 годахъ самимъ авторомъ, со всею свойственною ему тщательностью. Неоконченное изданіе остановилось на 16-мъ листѣ; ненапечатанною осталась значительная часть задуманнаго труда; отпечатанные листы погибли въ складахъ московской университетской типографіи; выпущено было только около 25 несброшюрованныхъ экземпляровъ изданія, разошедшихся по друзьямъ и ученикамъ автора, мысли котораго такимъ путемъ проникли въ ученую литературу какъ въ Россіи, такъ и за границей. Въ распоряженіи Отдѣленія послѣ смерти Ф. Ѳ. Форту-

натова оказался экземпляръ московскаго изданія, а также одинъ листокъ, содержащій продолженіе печатнаго текста и писанный рукою автора. Все это воспроизведено въ настоящемъ изданіи съ возможною точностью, безъ всякихъ измѣненій или дополненій (печатному изданію соотвѣтствуютъ здѣсь стр. 1—280, а рукописному листку стр. 280 и 281, отъ словъ «текстовъ эти слова не извѣстны» и до конца).

Списокъ опечатокъ приготовленъ Л. В. Біанки. Онъ принялъ участіе и въ составленіи оглавленія, пожелавъ почтить своимъ трудомъ память учителя.

I.

Старославянскимъ или церковнославянскимъ языкомъ называется тотъ древній южно-славянскій языкъ, на который въ IX вѣкѣ было переведено Священное Писаніе. Къ славянскимъ языкамъ принадлежатъ въ настоящее время слѣдующіе языки: 1) южно-славянскіе, именно болгарскій, словинскій (или словенскій) и сербо-хорватскій, 2) восточно-славянскіе языки, именно русскій въ собственномъ смыслѣ, или великорусскій, и малорусскій, 3) западно-славянскіе языки, именно чешскій, словацкій, польскій, кашубскій и лужицкій, подраздѣляющійся на верхнелужицкій и нижне-лужицкій. Къ западно-славянскимъ языкамъ относится и исчезнувшій въ прошломъ вѣкѣ полабскій языкъ, принадлежавшій славянамъ, жившимъ между прочимъ по рѣкѣ Лабѣ, или Эльбѣ. Что касается старославянскаго, или церковнославянскаго языка, то это несомнѣнно языкъ южно-славянскій и притомъ родственный ближайшимъ образомъ съ болгарскимъ языкомъ, хотя мы и не имѣемъ пока основаній утверждать, что старославянскій языкъ есть языкъ древне-болгарскій; еще менѣе основаній признавать въ немъ языкъ древне-словинскій, за который принимали его нѣкоторые слависты. Древнѣйшимъ изъ тѣхъ памятниковъ старославянскаго языка, въ которыхъ обозначено время написанія, является Остромирово евангеліе, написанное, т. е. переписанное въ 1056—1057 годахъ для Остромира въ Новгородѣ (рукопись хранится въ Петербургской публичной библіотекѣ). Остромирово евангеліе заключаетъ въ себѣ однако не чистый старославянскій языкъ, но, какъ писанное въ Россіи, оно имѣетъ примѣсь и русскаго языка и стоитъ такимъ образомъ

во главѣ старославянскихъ памятниковъ русской редакціи. Изъ XI вѣка намъ извѣстны и нѣкоторые другіе старославянскіе тексты русской редакціи, напр., Изборникъ 1073-го года, а изъ позднѣйшихъ вѣковъ мы знаемъ ихъ, понятно, все болѣе и болѣе, но чѣмъ новѣе эти памятники, тѣмъ менѣе знакомятъ они насъ съ настоящимъ старославянскимъ языкомъ, и такимъ образомъ съ теченіемъ времени старославянскій языкъ обратился у насъ въ тотъ искусственный, искаженный языкъ, который употребляется теперь въ богослуженіи и называется церковнославянскимъ языкомъ. Для того, чтобы не смѣшивать съ этимъ ломаннымъ языкомъ тотъ древній церковнославянскій языкъ, который мы открываемъ при изученіи древнѣйшихъ его памятниковъ, я называю послѣдній языкомъ старославянскимъ. Подобную же судьбу, какъ въ Россіи, старославянскіе тексты имѣли въ Сербіи и въ Болгаріи, и такимъ образомъ, кромѣ старославянскихъ текстовъ русской редакціи, мы находимъ старославянскіе тексты сербской редакціи, напр., Симеоново евангеліе, и старославянскіе тексты болгарской редакціи, напр., Болонскую псалтырь. Но кромѣ старославянскихъ памятниковъ этихъ трехъ редакцій, вносившихъ въ старославянскіе тексты примѣсь русскаго, сербскаго и болгарскаго языковъ, существуютъ также древніе памятники старославянскаго языка, которые не обнаруживаютъ признаковъ ни одной изъ этихъ редакцій и представляютъ чистый старославянскій языкъ: это такъ называемые «паннонскіе» памятники старославянскаго языка, между которыми существуютъ въ свою очередь извѣстныя различія. Къ числу ихъ принадлежитъ, напр., Саввина книга (евангельскія чтенія), Зографское евангеліе, Маріинское евангеліе, Ассеманово, или Ватиканское евангеліе, Супрасльская рукопись и другіе. Одни изъ этихъ памятниковъ писаны кириллицей, другіе глаголицей. Къ первымъ принадлежатъ, напр., Саввина книга и Супрасльская рукопись, ко вторымъ, напр., Зографское евангеліе, Маріинское евангеліе, Ассеманово евангеліе. Я удерживаю для этихъ текстовъ принятое теперь названіе «паннонскіе» памятники или «паннонскіе» тексты, хотя

въ названіи «паннонскіе» я вижу только условный терминъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я не могу признать, чтобы паннонскіе памятники старославянскаго языка являлись единственнымъ критеріемъ при опредѣленіи чистаго старославянскаго языка, какъ думаютъ нѣкоторые слависты. Извѣстныя различія въ языкѣ, существующія между памятниками паннонскими и, напр., древнѣйшими старославянскими памятниками русской редакціи, могутъ восходить къ самому старославянскому языку, который, понятно, какъ и всякій живой языкъ, дробился на нарѣчія и говоры. На существованіе нарѣчій указываютъ и самые паннонскіе памятники, различающіеся между собой въ языкѣ по извѣстнымъ признакамъ. Опредѣляя редакцію того или другого старославянскаго текста, мы не должны забывать, что одинъ и тотъ же текстъ можетъ представлять смѣшеніе одной редакціи съ другими, позднѣйшими. Такъ, рукопись, писанная въ Россіи, кромѣ русской редакціи представляетъ болгарскую, если послѣдняя существовала въ томъ оригиналѣ, съ котораго былъ списанъ русскимъ писцомъ данный текстъ.

Старославянскій языкъ по своему строю отличается наибольшей древностью среди извѣстныхъ намъ славянскихъ языковъ. Въ этомъ заключается особенно важное значеніе старославянскаго языка при сравнительно-историческомъ изученіи славянскихъ нарѣчій, хотя и не слѣдуетъ думать, что старославянскій языкъ во всѣхъ чертахъ древнѣе другихъ славянскихъ языковъ, и никоимъ образомъ не слѣдуетъ выводить факты другихъ славянскихъ языковъ, хотя бы, напр., русскаго, изъ фактовъ старославянскаго языка, такъ какъ старославянскій языкъ не есть родоначальникъ, но лишь старшій братъ въ той семьѣ языковъ, которая произошла изъ общеславянскаго языка, или языка праславянскаго, возстановляемаго въ наукѣ путемъ сравнительно-историческаго изученія отдѣльныхъ славянскихъ языковъ. Этотъ праславянскій языкъ, отъ котораго произошли извѣстные намъ славянскіе языки, образовался въ свою очередь, какъ показываетъ сравнительное языковѣдѣніе, изъ языка литовско-славян-

скаго, т. е. въ ближайшемъ родствѣ съ славянскими языками находятся языки литовскіе, или балтійскіе, къ которымъ принадлежатъ: собственно литовскій языкъ, языкъ латышскій и не существующій теперь прусскій языкъ. Подобно тому, какъ славянскіе языки восходятъ къ одному общеславянскому языку, такъ и литовскіе, или балтійскіе языки произошли изъ общелитовскаго, или общебалтійскаго языка, а этотъ языкъ вмѣстѣ съ общеславянскимъ языкомъ составлялъ нѣкогда одинъ языкъ, который мы можемъ называть поэтому языкомъ литовско-славянскимъ. Намъ извѣстно изъ сравнительнаго языковѣдѣнія происхожденіе и этого литовско-славянскаго языка, нѣкогда существовавшаго, а именно сравнительное языковѣдѣніе показываетъ, что славянскіе и балтійскіе языки принадлежатъ къ индоевропейской семьѣ языковъ, въ составъ которой, кромѣ вѣтвей *балтійской* и *славянской*, входятъ также слѣдующія вѣтви: *индійская* вѣтвь, древнѣйшій представитель которой, языкъ древнеиндійскій, называемый въ извѣстномъ періодѣ его жизни санскритскимъ языкомъ, или санскритомъ, является по своему древнему строю очень важнымъ при сравнительномъ изученіи индоевропейскихъ языковъ; вѣтвь *иранская*, древнѣйшими представителями которой служатъ языкъ Авесты, называемый нерѣдко зендомъ (или зендскимъ языкомъ), и языкъ древне-персидскій, извѣстный изъ клинообразныхъ надписей; *греческая* вѣтвь, къ которой принадлежитъ греческій языкъ въ его нарѣчіяхъ древнихъ и новыхъ; вѣтвь *италійская*, заключающая въ себѣ латинскій языкъ и нѣкоторые другіе древніе языки Италіи, а изъ латинскаго языка образовалась семья *романскихъ* языковъ, къ которымъ принадлежатъ языки французскій, италіанскій, испанскій и нѣкоторые другіе; вѣтвь *кельтская*, — къ ней принадлежатъ въ настоящее время народныя нарѣчія Ирландіи, части Шотландіи, Валлиса и Бретани; вѣтвь *германская*, или *нѣмецкая*, древнѣйшимъ представителемъ которой является не существующій теперь языкъ готскій, и къ которой принадлежатъ также языки скандинавскіе, нижне-нѣмецкій и языкъ верхне-нѣмецкій. Всѣ эти языки составляютъ одну

общую индоевропейскую семью, т. е. всѣ они произошли изъ одного общаго индоевропейскаго языка. Этотъ общій индоевропейскій языкъ, или индоевропейскій праязыкъ наука открываетъ путемъ сравнительнаго изученія отдѣльныхъ индоевропейскихъ, или индогерманскихъ (какъ ихъ называютъ нѣмецкіе лингвисты) языковъ. Родство этихъ языковъ было доказано нѣмецкимъ лингвистомъ Боппомъ въ началѣ текущаго столѣтія, хотя еще въ концѣ прошлаго вѣка было указано на возможность родства между собой большей части изъ этихъ языковъ; это предположеніе, однако, Боппъ первый обратилъ въ несомнѣнный научный фактъ и такимъ образомъ положилъ начало сравнительному изученію индоевропейскихъ языковъ, а вмѣстѣ съ появленіемъ сравнительнаго изученія индоевропейскихъ языковъ получило начало и научное языковѣдѣніе вообще.

Языковѣдѣніе, или лингвистика ставитъ предметомъ изученія человѣческій языкъ въ его исторіи и, слѣдовательно, исторію отдѣльныхъ человѣческихъ языковъ. Изслѣдованіе того или другого отдѣльнаго языка является научнымъ только тогда, когда изучается исторія этого языка, но изученіе исторіи того или другого языка возможно лишь при сравненіи его съ родственными языками, и задача изслѣдователя какого-либо индоевропейскаго языка состоитъ въ томъ, чтобы прослѣдить исторію изучаемыхъ явленій до эпохи распаденія общаго индоевропейскаго праязыка. Поэтому при изложеніи фонетики старославянскаго языка я буду обращаться къ сравненію фактовъ этого языка съ фактами по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ другихъ индоевропейскихъ языковъ. Такъ, изъ славянскихъ языковъ я возьму русскій языкъ, а изъ языковъ неславянскихъ — греческій и латинскій. Но сопоставленіе старославянскаго языка съ русскимъ возможно только при посредствѣ общеславянскаго языка, а сопоставленіе старославянскаго языка съ греческимъ и латинскимъ возможно лишь при посредствѣ общеиндоевропейскаго языка. Такимъ образомъ я буду обращаться и къ этимъ праязыкамъ, возстановляемымъ въ наукѣ путемъ сравнительно-историческаго изу-

ченія тѣхъ языковъ, которые образовались изъ этихъ праязыковъ.

Языкъ состоитъ изъ словъ, а слова—это звуки рѣчи, имѣющіе значенія. Жизнь языковъ представляетъ постоянныя, хотя и постепенныя измѣненія какъ звуковой стороны словъ, такъ и ихъ значеній. Измѣненія языка происходятъ какъ въ процессѣ мышленія, такъ и въ процессѣ рѣчи, т. е. когда мы образуемъ звуки словъ. Въ процессѣ рѣчи языкъ подвергается измѣненіямъ только въ звуковой сторонѣ, и сюда принадлежатъ тѣ именно измѣненія звуковой стороны языка, которыя состоятъ въ измѣненіи отдѣльныхъ звуковъ и звуковыхъ сочетаній въ словахъ лишь въ качествѣ звуковъ рѣчи, т. е. безъ всякаго отношенія къ словамъ и ихъ значеніямъ. Тотъ отдѣлъ языковѣдѣнія, который занимается звуками языка и ихъ измѣненіями въ процессѣ рѣчи въ исторіи языка, называется *фонетикой*, т. е. ученіемъ о звукахъ языка. Фонетическія явленія, какъ явленія физической стороны языка въ ихъ результатѣ, гораздо менѣе сложны въ этой ихъ сторонѣ сравнительно съ духовными явленіями въ жизни языка и потому болѣе доступны для точнаго наблюденія. Понятно поэтому, что съ фонетики должно быть начинаемо научное изученіе какого бы то ни было языка.

Наиболѣе полная грамматика старославянскаго языка, т. е. какъ грамматика въ собственномъ смыслѣ, или ученіе о формахъ, такъ и фонетика, составлена извѣстнымъ славистомъ Миклошичемъ и входитъ какъ часть въ его сравнительную грамматику славянскихъ языковъ. Она написана на нѣмецкомъ языкѣ и состоитъ изъ четырехъ томовъ (Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, von F. Miklosich). Первый томъ (Lautlehre, два изданія; 2-е: Wien 1879) содержитъ въ себѣ фонетику, второй томъ (Stammbildungslehre, одно изданіе, W. 1875) посвященъ словообразованію, третій (Wortbildungslehre, два изданія; 2-е: W. 1876), разсматриваетъ формы флексіи въ славянскихъ языкахъ; четвертый томъ (Syntax: W. 1868—74, перепечатанъ въ 1883 г.) содержитъ въ себѣ синтаксисъ. Наи-

болѣе полный словарь старославянскаго языка составленъ Миклошичемъ и изданъ имъ подъ заглавіемъ: Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum; надо, впрочемъ, имѣть въ виду, что въ этомъ словарѣ недостаточно строго отдѣлены слова старославянскаго языка отъ такихъ словъ въ старославянскихъ текстахъ, которыя мы не имѣемъ право давать самому старославянскому языку.

Лучшимъ учебникомъ старославянскаго языка является учебникъ Лескина — Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache, von A. Leskien, второе изданіе 1886 г. Недостатокъ этого учебника во второмъ изданіи тотъ, что Лескинъ останавливается исключительно на старославянскомъ языкѣ паннонскихъ текстовъ; первое изданіе (1871 г.), составленное по другому плану, теперь, понятно, устарѣло. Учебникъ Лескина содержитъ въ себѣ грамматику, христоматію и словарь.

Изъ другихъ христоматій укажу на христоматію Ягича (Образцы языка церковно-славянскаго, Спб. 1882) и на христоматію Буслаева (Историческая христоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ, Москва 1861).

Буквы, обозначающія звуки старославянскаго языка. Памятники старославянскаго языка представляютъ два рода письменъ; одни изъ нихъ писаны такъ называемой кириллицей, въ другихъ является такъ называемая глаголица. Вопросъ о взаимномъ отношеніи по происхожденію обоихъ этихъ славянскихъ алфавитовъ, кириллицы и глаголицы, остается нерѣшеннымъ, точно такъ же, какъ и по вопросу о происхожденіи нѣкоторыхъ буквъ въ томъ и другомъ алфавитѣ пока возможны только одни предположенія. Что касается большинства буквъ кириллицы, то извѣстно, что онѣ взяты изъ греческихъ буквъ, именно изъ греческаго уставнаго письма; другими словами, въ основаніи кириллицы находится несомнѣнно греческій алфавитъ, и только относительно буквъ кириллицы, обозначающихъ такіе звуки, которыхъ не было въ греческомъ языкѣ, возникаетъ вопросъ, откуда онѣ взяты, изъ извѣстныхъ ли лигатуръ, т. е. соединеній буквъ

греческаго письма, или изъ азбуки не греческой. Въ славянскомъ алфавитѣ, называемомъ глаголицей, многія буквы представляютъ сходство съ греческими курсивными письменами, такъ что трудно сомнѣваться въ томъ, что въ основаніи и этого славянскаго алфавита находится греческій алфавитъ, именно въ его курсивномъ письмѣ; но и здѣсь остается открытымъ вопросъ о происхожденіи буквъ, обозначающихъ звуки, которыхъ не было въ греческомъ языкѣ. Съ вопросомъ же о происхожденіи такихъ буквъ въ кириллицѣ и въ глаголицѣ связанъ вопросъ и о взаимномъ отношеніи обоихъ славянскихъ алфавитовъ, такъ какъ нѣкоторыя изъ такихъ буквъ кириллицы и глаголицы представляютъ полное или значительное сходство между собою. Такъ, буквы ш кириллицы и глаголицы по начертанію вполнѣ тождественны; буквы, обозначающія согласную ч въ обоихъ алфавитахъ, очень сходны между собою; буква ⱑ, обозначающая ѧ въ глаголицѣ, извѣстна и въ кириллицѣ, только въ другомъ значеніи, именно въ значеніи носового е. Желающіе познакомиться съ тѣмъ, какъ стоитъ теперь вопросъ о происхожденіи обоихъ славянскихъ алфавитовъ, могутъ обратиться къ книгѣ Ягича, подъ заглавіемъ: Четыре критико-палеографическія статьи И. В. Ягича (изданіе Академіи Наукъ, Спб. 1884). — Значеніе старославянскихъ буквъ опредѣляется частію изъ значенія соотвѣтствующихъ греческихъ буквъ въ IX вѣкѣ и въ предыдущихъ вѣкахъ, частію значеніе старославянскихъ буквъ можетъ быть опредѣлено изъ написаній въ старославянскихъ текстахъ иностранныхъ словъ, частію же при этомъ помогаетъ сопоставленіе этого языка съ другими славянскими языками, преимущественно съ ближайшими къ нему южнославянскими языками; наконецъ, и сохранившееся по традиціи произношеніе звуковъ церковнославянскаго языка, хотя само по себѣ представляетъ очень недостаточное средство для опредѣленія звуковъ старославянскаго языка, можетъ давать однако извѣстныя указанія относительно старославянскихъ звуковъ, какъ скоро только мы провѣряемъ эти указанія при помощи другихъ средствъ, имѣющихся у насъ.

Буквы (въ написаніяхъ кириллицы), обозначающія гласные звуки. Буква **а** — звукъ а. — Буква **є** — звукъ е. — Буквы **и** и **ї** (три буквы въ глаголицѣ) обозначаютъ одинъ звукъ і, т. е. различіе между этими буквами было только графическое, при чемъ въ кириллицѣ буква **и** послѣ согласныхъ была болѣе употребительна, чѣмъ **ї**. — Буква **о** — звукъ о; въ томъ же значеніи употреблялась въ извѣстныхъ случаяхъ и болѣе рѣдкая буква **ѡ**, соотвѣтствующая по начертанію кириллицы греческой буквѣ ω. — Написаніе **оу** изъ двухъ буквъ **о** и **у** обозначаетъ одинъ звукъ у, а передача этого звука двумя буквами представляетъ подражаніе греческому письму, и какъ въ греческомъ письмѣ вмѣсто написонія ου для звука у употреблялась извѣстная лигатура, извѣстное соединеніе буквъ, такъ и въ кириллицѣ вмѣсто **оу**, написаннаго двумя буквами, употреблялась иногда одна буква, представляющая по происхожденію такую же лигатуру изъ двухъ буквъ **о** и **у**, именно **ꙋ**. — Буква **ъ** обозначаетъ очень краткое, т. е. ирраціональное у открытое или, что то же, о закрытое. Буква **ь** обозначаетъ очень краткое, т. е. ирраціональное і открытое или, что то же, е закрытое. Въ извѣстныхъ случаяхъ въ **ъ** и **ь** можно видѣть гласныя неслоговыя. Ирраціональныя гласныя иногда въ старославянскихъ текстахъ или вовсе опускались, или обозначались извѣстными надстрочными знаками, подобными греческимъ знакамъ придыханія: въ такомъ значкѣ **ъ** и **ь** не различались между собою. — Написанія **ы**, **ъı**, а также написаніе **ън** обозначаютъ звукъ ы. Въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ мы увидимъ далѣе, представляется труднымъ отличить написанія **ы** и **ън** въ значеніи звука ы отъ тѣхъ же написаній для обозначенія звуковыхъ сочетаній **ъ**+і или **ъ**+**ј**і. Въ нѣкоторыхъ древнихъ текстахъ встрѣчаются написанія **ы**, **ьн** вмѣсто **ъı**, **ън** для обозначенія звука ы. — Буква **ѣ**: мы будемъ произносить ее условно какъ е, но нѣтъ достаточнаго основанія думать, что въ самомъ старославянскомъ языкѣ она звучала какъ е, отличавшееся отъ другого е (буква **є**) или долготою, или качествомъ, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Противъ такого значенія буквы **ѣ** свидѣтель-

ствуютъ слѣдующіе факты. 1) Въ старославянскихъ текстахъ не обозначалось вообще различіе между краткими (не ирраціональными) и долгими гласными, и потому нельзя предположить, что такое различіе обозначалось здѣсь только по отношенію къ е (а если въ старославянскомъ языкѣ было ē, то были извѣстны и другія долгія гласныя). 2) Если бы старославянское ѣ было извѣстнаго рода е, отличавшееся отъ того е, которое выражалось буквой є, количествомъ или качествомъ (напр., еслибъ одно изъ нихъ было открытымъ, другое закрытымъ) или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, то уже въ древнѣйшихъ старославянскихъ текстахъ надо было бы ждать случаевъ нерѣдкаго смѣшенія одной буквы съ другою, между тѣмъ какъ въ дошедшихъ до насъ памятникахъ є и ѣ не смѣшиваются. 3) Происхожденіе самаго написанія ѣ кириллицы трудно было бы понять, если предположить, что этою буквою обозначалось извѣстнаго рода е. Въ пользу того предположенія, что старославянское ѣ было извѣстнаго рода е, не можетъ свидѣтельствовать и происхожденіе звука, обозначавшагося этой буквой въ старославянскомъ языкѣ, такъ какъ изъ сопоставленія отдѣльныхъ славянскихъ языковъ надо заключить, что старославянское ѣ было получено не изъ общеславянскаго е долгаго, но изъ общеславянскаго сочетанія іе, на которое распалось ē еще въ общеславянскомъ языкѣ, какъ мы увидимъ далѣе. Это общеславянское іе, получившееся изъ ē, въ наиболѣе основномъ его произношеніи было вѣроятно дифтонгомъ іе съ слоговымъ і и съ неслоговымъ е, хотя, быть можетъ, въ общеславянскомъ языкѣ существовали діалектическія различія въ произношеніи этого іе. Въ старославянскомъ ѣ надо видѣть, слѣдовательно, звуки, получившіеся изъ общеславянскаго сочетанія іе, и хотя бы мы и не могли опредѣлить точно эти звуки, во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ достаточнаго основанія (какъ я говорилъ уже) признавать въ старославянскомъ ѣ звукъ ē или ē извѣстнаго качества, изъ общеславянскаго іе. Надо думать, что въ различныхъ діалектахъ старославянскаго языка въ произношеніи ѣ существовали различія, какъ показываетъ уже то обстоятель-

ство, что въ глаголицѣ въ соотвѣтствіи съ буквами ѣ и ѧ кириллицы существовала одна буква, называемая условно буквой ѣ въ глаголицѣ: отсюда слѣдуетъ, что въ діалектѣ, для котораго составлена была глаголица, эти звуки ѧ и ѣ или совпадали, или были очень близки между собою. Въ паннонскихъ памятникахъ, писанныхъ кириллицей, въ отличіе ихъ отъ памятниковъ непаннонскихъ, вмѣсто ѧ въ извѣстномъ положеніи, именно послѣ смягченныхъ согласныхъ (какъ мы увидимъ далѣе), очень часто писалась буква ѣ, откуда слѣдуетъ для діалекта этихъ памятниковъ близость между собой ѧ и ѣ въ данномъ положеніи, хотя вообще ѧ и ѣ здѣсь не смѣшивались. Можетъ быть старославянское ѣ въ наиболѣе основномъ его для извѣстнаго намъ старославянскаго языка произношеніи было сочетаніемъ «неслоговое і + слоговое е + неслоговое а» (i̯ea̯), откуда въ другихъ діалектахъ сочетаніе «e̯ (е неслоговое) + а» (e̯a), или «i̯ (і неслоговое) + а» (i̯a), можетъ быть въ однихъ одно, въ другихъ другое. Сочетаніе i̯ea̯ изъ іе получилось черезъ посредство i̯e^{a} (e^{a} = е открытое), но для извѣстныхъ намъ діалектовъ старославянскаго языка трудно предположить послѣднее произношеніе ѣ, потому что въ такомъ случаѣ въ текстахъ можно бы ожидать смѣшенія буквы ѣ съ буквою ѥ (е іотированное), чего однако мы не находимъ.

Буквы, обозначающія носовыя гласныя. Буква «большой юсъ», ѫ, обозначаетъ носовое о (ср. франц. on). Буквы, называемыя «малымъ юсомъ» ѧ, ѧ, ѧ, обозначаютъ носовое е (ср. франц. in въ fin). Въ Остромировомъ евангеліи исключительно употребляется въ такомъ значеніи только первое изъ этихъ начертаній (ѧ), въ Супрасльской рукописи преимущественно второе, въ Саввиной книгѣ преимущественно третье, между тѣмъ какъ первое начертаніе обозначаетъ въ Саввиной книгѣ и въ Супрасльской рукописи іотированное носовое е. *Слитныя буквы, обозначающія такъ называемыя іотированныя гласныя.* Въ кириллицѣ сюда принадлежатъ: ѩ, ѥ, ю, ѭ, ѩ, при чемъ въ Саввиной книгѣ и въ Супрасльской рукописи, какъ я уже замѣтилъ, въ послѣднемъ

значеніи употребляется начертаніе ѧ. Въ глаголицѣ въ соотвѣтствіи съ ѧ кириллицы употребляется буква ⱑ, соотвѣтствующая и буквѣ ѣ кириллицы. Іотированное е не употребляется въ глаголицѣ, точно такъ же, какъ, напр., въ Саввиной книгѣ, написанной кириллицею, вмѣсто іотированнаго е пишется неіотированное є. Что касается произношенія буквъ, обозначающихъ такъ называемыя іотированныя гласныя, то ихъ первая часть въ началѣ словъ, а также внутри и въ концѣ словъ послѣ гласной, т. е. вообще не послѣ согласной, обозначаетъ или j или i̯, что точно опредѣлить едва ли можно; тамъ же, гдѣ эти іотированныя гласныя стоятъ послѣ буквъ, обозначающихъ согласныя, первая часть ихъ обозначаетъ мягкость предшествующей смягченной согласной. По отношенію къ ю надо замѣтить, что самая буква, употребляемая въ кириллицѣ, равно какъ соотвѣтствующее написаніе въ глаголицѣ, указываетъ на то, что слоговая гласная, входившая въ составъ ю, отличалась отъ чистаго у, т. е. отъ оу неіотированнаго, въ эпоху изобрѣтенія славянскихъ алфавитовъ; къ такому же заключенію приводитъ и употребленіе буквы ю въ паннонскихъ памятникахъ, какъ мы увидимъ далѣе, а что касается діалекта, являющагося, напр., въ Остромировомъ евангеліи, то здѣсь ю выражаетъ, повидимому, у послѣ j (i̯) и смягченныхъ согласныхъ. Въ старославянскихъ текстахъ не существуетъ обозначенія іотированнаго i; мы въ нашемъ условномъ произношеніи старославянскихъ словъ произносимъ ji тамъ, гдѣ въ соотвѣтствующихъ случаяхъ русскій языкъ имѣетъ ji, а не i. — Кромѣ указанныхъ мною старославянскихъ буквъ, обозначающихъ гласныя, мы находимъ въ кириллицѣ и въ глаголицѣ еще одну букву, обозначающую гласную, именно букву, называемую теперь ижицей, то эта буква употреблялась лишь въ написаніи словъ, взятыхъ изъ греческаго языка, для выраженія греческаго υ; тотъ же звукъ передавался въ старославянскихъ текстахъ черезъ ю и оу.— Касательно обозначенія гласныхъ въ старославянскихъ текстахъ, надо имѣть въ виду, что долгота гласныхъ здѣсь не обозначалась, какъ я уже говорилъ. Отсутствіе этого обозначенія

не можетъ, понятно, само по себѣ свидѣтельствовать о томъ, что старославянскій языкъ не имѣлъ долгихъ гласныхъ (а долгія гласныя существуютъ въ нѣкоторыхъ славянскихъ языкахъ), но у насъ нѣтъ во всякомъ случаѣ указаній на то, какъ различать старославянскія долгія и краткія гласныя, если этотъ языкъ и имѣлъ дѣйствительно долгія гласныя.

Буквы, обозначающія согласные звуки. Сначала я укажу на буквы, обозначающія такія согласныя, которыя существовали въ старославянскомъ языкѣ въ словахъ незаимствованныхъ, и начну съ согласныхъ несмягченныхъ. *Буквы, обозначающія такъ называемыя шумныя (несмягченныя) согласныя.* Гортанныя, т. е. задненёбныя согласныя (неточно называемыя гортанными): буква **к** — звукъ к, буква **г** — звукъ г, буква **х** — звукъ х. Относительно нёбной согласной j я уже говорилъ, что не можетъ быть точно опредѣлено, имѣлъ ли старославянскій языкъ j или і въ тѣхъ написаніяхъ, которыя обозначаютъ такъ называемыя іотированныя гласныя въ положеніи безъ предшествующей согласной. Зубныя согласныя: буквы **т**, **д**, **с**, **ꙁ** — звуки т, д, с, з. Губныя согласныя: буквы **п**, **б**, **в** — звуки п, б, в. — *Буквы, обозначающія (несмягченныя) носовыя согласныя:* буква **н** — звукъ н (зубное), буква **м** — звукъ м (губная носовая). *Буквы, обозначающія (несмягченныя) плавныя согласныя:* буква **р** — звукъ р, буква **л** — звукъ извѣстнаго вида l, который мы въ нашемъ условномъ произношеніи старославянскихъ звуковъ передаемъ какъ русскій звукъ **л**, напр., въ ла, но который въ старославянскомъ языкѣ былъ вѣроятно менѣе открытымъ, болѣе близкимъ къ l, напр., французскаго и нѣмецкаго языковъ, какъ можно думать на основаніи того, что та же буква употреблялась и для обозначенія l передъ мягкими гласными, гдѣ во всякомъ случаѣ звукъ былъ не **ѣ** (русское твердое л). Если бы старославянское **л**, какъ несмягченная согласная, звучало какъ русское **ѣ** (л) въ эпоху изобрѣтенія старославянскихъ алфавитовъ, то едва ли можно было бы ждать отсутствія всякаго различія въ обозначеніи этого **ѣ** и того закрытаго l, которое существовало передъ мягкими гласными

звуками. Плавныя ρ и л существовали въ старославянскомъ языкѣ между прочимъ и въ качествѣ слоговыхъ звуковъ въ положеніи передъ ирраціональными гласными ъ и ь, бывшими при этомъ неслоговыми. Сочетанія ръ, рь, лъ, ль съ слоговыми плавными не отличались на письмѣ отъ соотвѣтствующихъ сочетаній съ неслоговыми плавными, а указаніе на слоговое свойство плавныхъ въ этихъ сочетаніяхъ въ извѣстныхъ случаяхъ дается, какъ мы увидимъ далѣе, нѣкоторыми фактами фонетики.

Нѣкоторыя изъ числа названныхъ мною согласныхъ существовали въ старославянскомъ языкѣ и въ качествѣ смягченныхъ, а именно старославянскій языкъ имѣлъ смягченныя плавныя (неслоговыя) ρ и л, смягченную посовую н, а также рѣдкое смягченное с передъ твердой гласной. Общеславянскій языкъ въ эпоху распаденія имѣлъ смягченное с не только въ положеніи передъ твердыми гласными, но также и въ другихъ сочетаніяхъ, какъ мы увидимъ далѣе; для старославянскаго языка мы не находимъ однако указаній на смягченное s въ положеніи не передъ твердыми гласными. Мягкость смягченныхъ согласныхъ обозначалась, во-первыхъ, написаніемъ іотированныхъ гласныхъ послѣ буквъ, обозначающихъ согласныя; при такомъ способѣ обозначенія въ положеніи передъ н и ь мягкость предшествующей согласной оставалась необозначенной, по самому отсутствію буквъ «іотированное» н и «іотированный» ь. Во-вторыхъ, мягкость смягченныхъ ρ, л, н, преимущественно въ Супрасльской рукописи, изъ числа памятниковъ, писанныхъ кириллицей, и въ Зографскомъ евангеліи, изъ числа памятниковъ, писанныхъ глаголицей, обозначалась знакомъ ˆ надъ буквой, обозначающей согласную, при чемъ слѣдующая гласная писалась или неіотированной или іотированной. Такія написанія, какъ ρ̂ѫ, л̂ѫ, н̂ѫ и т. д., указываютъ, можетъ быть, на то, что въ самомъ языкѣ было извѣстно ј послѣ смягченныхъ ρ, л, н. Мягкость смягченныхъ ρ, л, н въ текстахъ часто остается и необозначенной, что, можетъ быть, объясняется опущеніемъ въ рукописяхъ надстрочнаго знака ˆ, обозначавшаго мягкость согласной.

Кромѣ указанныхъ мною смягченныхъ согласныхъ изъ числа тѣхъ согласныхъ, которыя существовали въ языкѣ и въ качествѣ несмягченныхъ (твердыхъ), въ діалектахъ паннонскихъ текстовъ, можетъ быть, были извѣстны и смягченныя губныя, а именно въ Зографскомъ евангеліи иногда является написаніе губной согласной съ значкомъ ͡ (напр. в͡, м͡) передъ **н** и **ь** въ такихъ случаяхъ, какъ **ꙁем͡н** при **ꙁемн** и **ꙁемл͡н**, **корав͡ь** при **корабь** и **корабл͡ь** (образованія съ **л** и безъ **л** въ подобныхъ случаяхъ существовали въ самомъ языкѣ). Въ виду однако того, что въ Зографскомъ евангеліи этотъ значокъ надъ буквами, выражающими согласныя, иногда употребляется неправильно и надъ буквами, выражающими согласныя не смягченныя, но полусмягченныя, полумягкія (о которыхъ я буду говорить далѣе), въ виду этого нельзя утверждать, что въ такихъ написаніяхъ, какъ **ꙁем͡н**, **корав͡ь**, обозначались дѣйствительно смягченныя губныя. Что же касается написанія «губная согласная + іотированная гласная» въ нѣкоторыхъ паннонскихъ памятникахъ, напр., въ такихъ случаяхъ, какъ **оставѭ** при **оставлѭ** (образованія съ **л** и безъ **л** существовали въ самомъ языкѣ), то здѣсь надо видѣть, вѣроятно, обозначеніе тѣхъ звуковыхъ сочетаній, которыя по большей части, особенно послѣдовательно въ Супрасльской рукописи, передавались написаніями «губная согласная + **ь**, рѣже **ъ**, + іотированная гласная», напр. **ꙁемьꙗ**, **оставьѭ**, т. е. въ самомъ языкѣ здѣсь сочетаніе «j или j̯ + гласная» въ слоговомъ отношеніи отдѣлялось отъ предшествующей гласной, при чемъ буквы **ъ** и **ь** въ такихъ случаяхъ, можетъ быть, не обозначали гласныхъ, но служили лишь средствомъ обозначить положеніе губной согласной въ концѣ слога.

Отъ такихъ смягченныхъ согласныхъ, каковы разсмотрѣнныя мною согласныя старославянскаго языка, или каковы русскія мягкія согласныя (напр. въ тя, дя), должны быть отличаемы такія согласныя, которыя по отношенію къ смягченнымъ согласнымъ являются болѣе твердыми, а по отношенію къ мягкости занимаютъ середину между смягченными и твердыми согласными.

Мы увидимъ впослѣдствіи, что уже въ общеславянскомъ языкѣ твердыя согласныя передъ мягкими гласными нѣсколько смягчались, хотя такія согласныя, за исключеніемъ задненёбныхъ согласныхъ, при такомъ положеніи не переходили еще здѣсь въ согласныя, называемыя собственно смягченными согласными. Мы увидимъ, напр., что согласная t передъ мягкой гласной еще въ общеславянскомъ языкѣ отличалась по мягкости отъ t передъ твердой гласной, хотя и не была такимъ мягкимъ t, каково русское т въ слогѣ тя или те. Можно допустить, что и въ старославянскомъ языкѣ всѣ такія согласныя передъ мягкими гласными, т. е. передъ **є**, **ѣ**, **и** (**ї**), **ь**, являлись въ качествѣ полусмягченныхъ, т. е. что, напр., **т** въ старославянскомъ **тєбѣ** было болѣе мягко, чѣмъ **т**, напр., въ **ты**, но менѣе мягко, чѣмъ т въ русскомъ тебѣ. Въ нашемъ условномъ произношеніи старославянскихъ словъ мы замѣняемъ эти полусмягченныя согласныя смягченными, но въ самомъ старославянскомъ языкѣ въ этихъ случаяхъ существовали согласныя, не имѣвшія полной мягкости, какъ видно изъ того, что обыкновенно такія согласныя не смѣшивались въ старославянскихъ текстахъ съ согласными смягченными. Извѣстны однако отдѣльные случаи ошибочнаго обозначенія согласной какъ смягченной тамъ, гдѣ въ самомъ языкѣ она была несмягченною, но полусмягченною (изъ твердой передъ мягкою гласной).

Кромѣ указанныхъ мною согласныхъ, полученныхъ старославянскимъ языкомъ какъ несмягченными, такъ и полусмягченными, а частію и смягченными (послѣдними были именно, какъ мы видѣли, **р**, **л**, **н** и рѣдко **с**), старославянскій языкъ имѣлъ еще нѣкоторыя согласныя, которыя были имъ получены изъ общеславянскаго языка лишь въ качествѣ смягченныхъ, хотя при этомъ представляется вопросъ, каковы онѣ были по отношенію къ мягкости въ старославянскомъ языкѣ извѣстныхъ намъ текстовъ. Сюда принадлежатъ именно слѣдующія нёбно-зубныя согласныя: слитныя согласныя (аффрикаты): **ɣ**, **ʒ** и діалектическое слитное дз, обозначавшееся въ кириллицѣ буквами **ѕ** *(зѣло)* и **ꙁ** съ

извѣстнымъ значкомъ[1]) (въ глаголицѣ также особая буква); простыя согласныя: ꙁ изъ діалектическаго старославянскаго ѕ (такое старославянское ꙁ должно быть отличаемо по происхожденію отъ того ꙁ, о которомъ я говорилъ прежде), ж и ш; сочетанія согласныхъ: жд и шт (послѣднее передавалось какъ буквами шт, такъ и одною буквой щ), образовавшіяся изъ извѣстныхъ (опредѣляемыхъ далѣе) общеславянскихъ сочетаній смягченныхъ согласныхъ. Указаній на полную мягкость этихъ согласныхъ въ старославянскомъ языкѣ мы не имѣемъ. Тексты, въ которыхъ употребляется надстрочный знакъ ˜ надъ р, л, н, а также, какъ мы увидимъ далѣе, и надъ к, г, х въ значеніи смягченныхъ согласныхъ (въ заимствованныхъ словахъ), не имѣютъ этого значка надъ буквами, выражающими тѣ согласныя, о которыхъ я говорю теперь. Изъ числа іотированныхъ гласныхъ послѣ этихъ согласныхъ въ паннонскихъ текстахъ пишется обыкновенно ю, но въ виду того, что въ тѣхъ же текстахъ послѣ этихъ согласныхъ пишется обыкновенно а и въ большинствѣ изъ нихъ лишь очень рѣдко является вмѣсто этого ѣ, въ виду этого въ написаніи ю въ этихъ текстахъ нельзя еще видѣть обозначеніе мягкости предшествующихъ согласныхъ (сравн. сказанное прежде объ ю). Иногда въ паннонскихъ текстахъ встрѣчается послѣ этихъ согласныхъ и ѫ, вообще какъ исключеніе, но послѣдовательно въ Синайскомъ требникѣ (см. Лескина Handbuch der altbulg. Sprache, 2-е изданіе, стр. 48): и здѣсь въ написаніи ѫ можно видѣть обозначеніе извѣстнаго діалектическаго отличія самой носовой гласной отъ ѫ неіотированнаго въ положеніи послѣ этихъ согласныхъ, полученныхъ смягченными, а не указаніе на то, что эти согласныя продолжали сохранять полную мягкость въ языкѣ этихъ текстовъ. Итакъ, паннонскіе тексты не даютъ прямыхъ указаній на сохраненіе полной мягкости названныхъ мною согласныхъ, хотя единичные случаи употребленія ѣ вмѣсто а послѣ

1) Въ древнѣйшихъ текстахъ, писанныхъ кириллицей, эти буквы не употребляются, т. е. въ самихъ діалектахъ этихъ текстовъ не существовало слитное дз.

буквъ, обозначающихъ эти согласныя, а также и нѣкоторые другіе факты (см. далѣе) позволяютъ думать, что эти согласныя и въ положеніи передъ твердыми гласными не были вполнѣ твердыми въ этихъ діалектахъ. Повидимому, онѣ являлись здѣсь полумягкими, полусмягченными, или менѣе мягкими сравнительно съ смягченными **р**, **л**, **н**, а также сравнительно съ рѣдкимъ смягченнымъ **с** (передъ твердою гласною), о которыхъ я говорилъ уже. Что касается того нарѣчія старославянскаго языка, которое является, напр., въ Остромировомъ евангеліи, то здѣсь мы не имѣемъ прямыхъ указаній и на полумягкость этихъ согласныхъ (написаніе **ѵю** при **ѵоу** является въ Остромировомъ евангеліи въ видѣ исключенія), такъ что по отношенію къ этому нарѣчію остается неизвѣстнымъ, сохраняли ли всѣ эти согласныя и здѣсь полумягкость (образовавшуюся изъ полной мягкости), или же, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ, стали здѣсь твердыми.

Въ извѣстныхъ случаяхъ и старославянскія **ст** и **ꙁд** образовались изъ общеславянскихъ сочетаній смягченныхъ согласныхъ, но такія старославянскія **ст**, **ꙁд** совпали съ **ст**, **ꙁд** другого происхожденія, при томъ же фонетическомъ положеніи.

Буквы, обозначающія такія согласныя, которыя существовали лишь въ словахъ заимствованныхъ: буква **ф** — звукъ **ф**; буква **ѳ**, повидимому, произносилась такъ же, какъ **ф**, и употреблялась для передачи греческой **ϑ**. — Смягченныя **к**, **г** и **х** существовали въ старославянскомъ языкѣ лишь въ заимствованныхъ словахъ въ положеніи передъ мягкими гласными. Въ тѣхъ старославянскихъ текстахъ, въ которыхъ мы находимъ особый надстрочный знакъ для обозначенія мягкости смягченныхъ согласныхъ (см. выше), этотъ же знакъ ˜ употреблялся и для обозначенія мягкости согласныхъ **к**, **х** въ словахъ заимствованныхъ, а также и для обозначенія мягкости смягченнаго **г** (въ словахъ заимствованныхъ) въ памятникахъ, писанныхъ кириллицей; въ глаголическихъ же текстахъ смягченное **г** обозначалось особою буквой, отличавшейся отъ буквы **г**, что позволяетъ думать, что въ діалектахъ старославянскаго языка звукъ смягченное **г** (въ поло-

женіи передъ мягкими гласными въ словахъ заимствованныхъ) подвергся какому-то измѣненію. — Въ кириллицу перешли и греческія буквы ѯ и ѱ для передачи греческихъ буквъ ξ и ψ, хотя буква ѱ встрѣчается и какъ обозначеніе старославянскаго сочетанія **пс** въ словѣ **ѱати** (писать) вмѣсто болѣе древняго **пьсати**.

Буква ꙋ (ѹ), передающая греческое υ какъ слоговую гласную, о чемъ я говорилъ прежде, служила также для передачи греческаго υ въ значеніи неслогового звука, хотя въ этомъ случаѣ вмѣсто ꙋ (ѹ) употребляется и буква **в**, а въ извѣстныхъ случаяхъ и **оу**.

Удареніе словъ не обозначалось въ старославянскихъ текстахъ, и, слѣдовательно, намъ не извѣстно въ точности мѣсто ударенія въ старославянскихъ словахъ; въ нашемъ условномъ произношеніи мы ставимъ удареніе обыкновенно тамъ, гдѣ находимъ его въ русскомъ языкѣ, а тамъ, гдѣ въ русскомъ языкѣ нѣтъ соотвѣтственнаго слова, мы основываемся на традиціонномъ произношеніи церковно-славянскаго языка.

II.

Разсматривая звуки старославянскаго языка въ ихъ отношеніи по происхожденію къ звукамъ греческаго и латинскаго языковъ, мы должны будемъ познакомиться съ тѣми звуками, которые, какъ показываетъ сравнительно-историческое изученіе индоевропейскихъ языковъ, существовали въ индоевропейскомъ праязыкѣ въ эпоху его распаденія. Опредѣляя же отношенія старославянскихъ звуковъ къ звукамъ русскаго языка, мы должны будемъ обращаться при этомъ къ звукамъ общеславянскаго языка, открываемаго изъ сравнительно-историческаго изученія всѣхъ славянскихъ языковъ, а также изъ сравнительнаго изученія языковъ славянскихъ и балтійскихъ, образовавшихся, какъ мы знаемъ, изъ одного общаго литовско-славянскаго языка. Изъ сопоставленія между собой славянскихъ языковъ наука открываетъ общеславянскій языкъ въ эпоху его распаденія на отдѣльные славян-

скіе языки, т. е. въ послѣднемъ періодѣ его жизни. Сопоставленіе же языковъ славянскихъ съ языками балтійскими, открывая языкъ балтійско-славянскій, или литовско-славянскій, даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность познакомиться съ языкомъ общеславянскимъ въ эпоху его выдѣленія изъ литовско-славянскаго языка, и, слѣдовательно, такимъ путемъ мы узнаемъ общеславянскій языкъ въ древнѣйшемъ періодѣ его жизни. Между этими двумя періодами жизни общеславянскаго языка, между начальной эпохой его существованія и послѣднимъ періодомъ, наука можетъ открывать и промежуточныя эпохи въ жизни этого языка изъ сопоставленія фактовъ обоихъ этихъ періодовъ.

Въ измѣненіяхъ звуковъ языка въ процессѣ рѣчи, или, что то же, въ фонетическихъ измѣненіяхъ языка, надо различать измѣненія того или другого звука или того или другого звукового сочетанія самого по себѣ и измѣненія, вызываемыя положеніемъ отдѣльныхъ звуковъ или звуковыхъ сочетаній въ различныхъ словахъ и въ сочетаніяхъ словъ въ рѣчи, т. е. измѣненія, вызываемыя или вліяніемъ со стороны другихъ звуковъ словъ, или вліяніемъ ударенія словъ, или вліяніемъ возможной паузы, т. е. остановки рѣчи при положеніи звука въ концѣ слова, или вліяніемъ возможнаго начала рѣчи, т. е. при положеніи звука въ началѣ слова. Понятно, что прежде чѣмъ изучать въ исторіи языка фонетическія явленія второго рода, надо познакомиться съ явленіями перваго рода, т. е. съ исторіей звуковъ самихъ по себѣ, насколько первыя явленія могутъ быть отдѣляемы отъ фонетическихъ явленій второго рода. Я укажу поэтому сперва на то, въ какомъ видѣ являются отдѣльные звуки и звуковыя сочетанія индоевропейскаго праязыка въ языкахъ общеславянскомъ, старославянскомъ, русскомъ, греческомъ и латинскомъ. Начнемъ съ гласныхъ такой обзоръ старославянскихъ звуковъ въ ихъ отношеніи по происхожденію къ звукамъ родственныхъ языковъ.

Индоевропейскій праязыкъ въ эпоху распаденія изъ числа гласныхъ имѣлъ: 1) различные звуки, которымъ мы даемъ общее

названіе — индоевропейскіе звуки a, 2) звуки i и 3) звуки u. Въ индоевропейскихъ звукахъ a можно различать теперь слѣдующіе виды: три вида краткаго a, именно краткое a чистое, краткое a, склонявшееся къ e, и краткое a, склонявшееся къ o; три соотвѣтственные вида долгаго a, именно долгое a чистое, долгое a, склонявшееся къ e, и долгое a, склонявшееся къ o; наконецъ, еще звуки a ирраціональнаго, т. е. болѣе краткаго сравнительно съ краткими a индоевропейскаго языка и, въ связи съ этимъ, отличавшіеся по качеству отъ краткихъ a. Намъ остается неизвѣстнымъ качество этихъ индоевропейскихъ ирраціональныхъ гласныхъ (такъ какъ возможно, что онѣ представляли различные виды по отношенію къ качеству звука), поэтому точнѣе бы было называть ихъ вообще ирраціональною гласною или ирраціональными гласными, а не ирраціональнымъ a. Но послѣднее названіе представляетъ то удобство, что указываетъ на связь ихъ по происхожденію съ индоевропейскими гласными a краткими и долгими, а такая связь дѣйствительно существовала въ индоевропейскомъ языкѣ, какъ я укажу далѣе. Индоевропейскія гласныя, называемыя мною a краткимъ или долгимъ, склоннымъ къ e, и a краткимъ или долгимъ, склоннымъ къ o, — могли бы быть называемы иначе e краткимъ или долгимъ, склоннымъ къ a, и o краткимъ или долгимъ, склоннымъ къ a; другими словами, это такія гласныя, которыя по условіямъ ихъ образованія занимаютъ промежуточное мѣсто между чистымъ a и чистымъ e и между чистымъ a и чистымъ o. Соотвѣтственно съ нашими названіями этихъ индоевропейскихъ гласныхъ мы можемъ и выражать ихъ буквами, именно a, склонное къ e, краткое или долгое, буквой a съ надписаннымъ на верху e ($\breve{a}^e$, $\bar{a}^e$), a, склонное къ o, краткое или долгое, буквой a съ надписаннымъ на верху o ($\breve{a}^o$, $\bar{a}^o$); подобнымъ же образомъ индоевропейское a чистое, краткое или долгое, можетъ быть обозначаемо буквой a съ надписаннымъ на верху a ($\breve{a}^a$, $\bar{a}^a$), между тѣмъ какъ одну букву $\breve{a}$, $\bar{a}$ мы можемъ употреблять въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оставляемъ безъ опредѣленія качество индоевропейскаго краткаго или долгаго a

или гдѣ это качество пока и не можетъ быть опредѣлено точно. Относительно долгихъ индоевропейскихъ а всѣхъ трехъ видовъ замѣчу, что самая долгота ихъ была, повидимому, двухъ видовъ, но такъ какъ пока нерѣдко представляется труднымъ различать эти виды долготы, то мы будемъ ихъ разсматривать вообще безъ отношенія къ этому различію, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаевъ. Индоевропейскія ирраціональныя гласныя, называемыя мною индоевропейскимъ ирраціопальнымъ а, могутъ быть выражаемы условно греческою буквой α; въ этихъ индоевропейскихъ гласныхъ надо различать ирраціональное а слоговое и ирраціональное а неслоговое. Различіе между слоговыми и неслоговыми звуками не слѣдуетъ смѣшивать съ различіемъ гласныхъ и согласныхъ; какъ гласныя могутъ являться въ видѣ неслоговыхъ звуковъ, такъ и длительныя согласныя могутъ являться въ видѣ слоговыхъ звуковъ. Слогъ состоитъ или изъ одного звука, потому слогового, или изъ сочетанія нѣсколькихъ звуковъ; въ послѣднемъ случаѣ слоговымъ становится тотъ звукъ, который имѣетъ въ такомъ сочетаніи (при извѣстной длительности) бо́льшую силу сравнительно съ другими звуками, являющимися по отношенію къ нему неслоговыми. Индоевропейскія гласныя ă и ā всѣхъ трехъ видовъ извѣстны намъ лишь въ слоговомъ употребленіи, а индоевропейское ирраціональное а было какъ слоговою гласною, такъ и неслоговою; въ связи съ этимъ могло существовать различіе и въ качествѣ этой гласной. Индоевропейское ирраціональное неслоговое а можетъ быть обозначаемо, для отличія отъ индоевропейскаго слогового ирраціональнаго а, буквою $\underset{\sim}{\alpha}$, гдѣ значекъ подъ буквой выражаетъ неслоговое свойство звука. Индоевропейское неслоговое ирраціональное а существовало лишь въ сочетаніи съ плавными и носовыми согласными, и при томъ по большей части въ сочетаніи съ послѣдующею плавною или носовою согласною, хотя въ индоевропейскомъ языкѣ были извѣстны также и сочетанія неслоговаго ирраціональнаго а съ предшествующею плавною или носовою. Такимъ образомъ, разсматривая исторію индоевропей-

скаго неслоговаго ирраціональнаго a въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ, мы должны брать этотъ звукъ въ сочетаніи съ плавными и носовыми согласными, такъ какъ внѣ этихъ сочетаній въ индоевропейскомъ языкѣ такая гласная не существовала. Въ сочетаніяхъ индоевропейской ирраціональной неслоговой гласной съ послѣдующею плавною или послѣдующею носовою согласной надо различать: 1) сочетанія, въ которыхъ за плавною или носовою слѣдовала гласная, и 2) сочетанія, въ которыхъ за плавною или носовою согласной не слѣдовала гласная, т. е. гдѣ плавная или носовая стояла или передъ согласной, или въ концѣ слова. Въ сочетаніяхъ второго рода сама плавная или носовая была въ индоевропейскомъ языкѣ слоговымъ звукомъ, т. е. въ этихъ случаяхъ здѣсь существовали сочетанія «неслоговое ирраціональное a + слоговая плавная или слоговая носовая». Такія слоговыя плавныя и слоговыя носовыя были въ индоевропейскомъ языкѣ не только краткими, но также и долгими, т. е. въ индоевропейскихъ сочетаніяхъ «неслоговое ирраціональное a + слоговая плавная или носовая» надо различать сочетанія съ краткими слоговыми плавными или носовыми и сочетанія (болѣе рѣдкія) съ долгими слоговыми плавными или носовыми. Что же касается тѣхъ гораздо болѣе рѣдкихъ случаевъ, гдѣ въ индоевропейскомъ языкѣ неслоговое ирраціональное a находилось послѣ плавной или носовой, то здѣсь сама плавная или носовая была всегда слоговою; но существовали ли и въ этихъ сочетаніяхъ, кромѣ краткихъ слоговыхъ плавныхъ или носовыхъ, также долгія слоговыя плавныя или носовыя, остается пока неизвѣстнымъ. — Различныя гласныя индоевропейскаго языка, называемыя нами вообще индоевропейскими гласными a, были различнымъ образомъ связаны между собой по происхожденію, какъ показываетъ грамматическій анализъ словъ индоевропейскаго языка. А именно индоевропейское $ă^e$ оказывается родственнымъ по происхожденію съ $ă^o$, т. е. чередуется въ словахъ родственныхъ между собой съ $ă^o$, откуда слѣдуетъ, что обѣ эти гласныя произошли въ индоевропейскомъ языкѣ изъ одной и той же глас-

ной вслѣдствіе какихъ-то фонетическихъ условій. Впрочемъ въ этомъ отношеніи въ самомъ индоевропейскомъ ă° надо различать два вида, и только одинъ изъ двухъ видовъ этой гласной оказывается въ чередованіи съ ă°, между тѣмъ какъ ă° другого вида имѣло другое происхожденіе и не находилось въ родствѣ съ ă°. Индоевропейскія долгія а всѣхъ трехъ видовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ произошли путемъ стяженія въ словѣ двухъ краткихъ а того или другого вида, или долгаго а того или другого вида съ краткимъ а того или другого вида, или, наконецъ, двухъ долгихъ а того или другого вида; чаще однако индоевропейскія долгія а не могутъ быть объясняемы такъ, и въ этихъ случаяхъ мы ихъ находимъ частью въ чередованіи съ краткими а трехъ видовъ, при чемъ намъ остается неизвѣстнымъ происхожденіе такого чередованія, т. е. является ли въ этихъ случаяхъ краткое а того или другого вида звукомъ болѣе древнимъ или наоборотъ; частью же мы находимъ чередованіе между различными видами долгаго а, хотя случаи этого рода мало изслѣдованы пока, вслѣдствіе того, что въ этомъ отношеніи нерѣдко расходятся между собой показанія отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ. Индоевропейское слоговое ирраціональное а частью оказывается родственнымъ по происхожденію съ долгими а всѣхъ трехъ видовъ, т. е. въ случаяхъ этого рода наблюдается чередованіе въ словахъ долгихъ а всѣхъ трехъ видовъ съ слоговымъ ирраціональнымъ а въ зависимости отъ извѣстныхъ фонетическихъ условій, частью же индоевропейское слоговое ирраціональное а являлось въ качествѣ такъ называемой соединительной гласной, существовавшей въ словахъ въ извѣстныхъ случаяхъ между составными частями слова, между основой и суффиксомъ (эта гласная первоначально или возникала фонетическимъ путемъ или же выдѣлялась изъ окончанія древней основы), и въ этихъ случаяхъ индоевропейское слоговое ирраціональное а не находилось въ чередованіи съ долгими а всѣхъ трехъ видовъ. Индоевропейское неслоговое ирраціональное а, существовавшее въ сочетаніи съ плавными и носовыми согласными, въ большинствѣ случаевъ оказывается родственнымъ по

происхожденію съ гласными ă^{e} и ă^{o}, чередовавшимися между собой, и такое неслоговое ирраціональное a въ индоевропейскомъ языкѣ было ослабленіемъ полныхъ гласныхъ a, вызывавшимся извѣстными фонетическими условіями. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ индоевропейское неслоговое ирраціональное a оказывается однороднымъ по происхожденію съ слоговымъ ирраціональнымъ a въ качествѣ соединительной гласной.—Что касается гласныхъ i и u въ индоевропейскомъ языкѣ, то здѣсь надо различать i и u краткія и i и u долгія; въ долгихъ i и u существовали тѣ же два вида долготы, какъ и въ долгихъ a. Индоевропейскія долгія i и u частью получались путемъ стяженія изъ извѣстныхъ сочетаній гласныхъ, начинавшихся съ i и u, частью же, и при томъ въ большинствѣ случаевъ, они не могутъ быть объясняемы такъ, и при такихъ долгихъ i и u, иногда въ тѣхъ же словахъ, встрѣчаются и краткія i и u. Относительно индоевропейскихъ i и u надо замѣтить еще, что здѣсь различались i и u слоговыя и i и u неслоговыя. Исторія какъ тѣхъ, такъ и другихъ въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ представляетъ въ свою очередь различія, зависящія отъ различныхъ сочетаній этихъ звуковъ съ другими звуками слова. Въ этомъ отношеніи въ индоевропейскихъ слоговыхъ i и u надо различать: 1) слоговыя i и u безъ послѣдующей гласной, т. е. передъ согласною или въ концѣ слова, и 2) i и u слоговыя передъ гласною. По отношенію же къ индоевропейскимъ неслоговымъ i и u надо различать: 1) неслоговыя i и u, примыкавшія въ слоговомъ отношеніи къ слѣдовавшему далѣе слоговому звуку, и 2) неслоговыя i и u, примыкавшія въ слоговомъ отношеніи къ предшествовавшему слоговому звуку, именно къ различнаго рода ă и ā; сочетанія послѣдняго рода принадлежатъ къ звуковымъ сочетаніямъ, называемымъ дифтонгами въ тѣсномъ смыслѣ этого термина.

Я указалъ на тѣ гласныя, которыя существовали въ индоевропейскомъ праязыкѣ въ эпоху его распаденія. Теперь я укажу на то, въ какомъ видѣ перешли эти индоевропейскія гласныя въ языки общеславянскій, старославянскій и русскій, а также въ языки греческій и латинскій.

Индоевропейское $ă^e$, откуда въ греческомъ и латинскомъ языкахъ ĕ, въ общеславянскомъ звучало также е и такимъ же перешло въ старославянскій и русскій языки. Напр., старославянское **берѫ**, русское беру, греческое φέρω, латинское fero; старославянское **везѫ**, русское везу, латинское veho (объ отношеніи общеславянскаго z къ латинскому h я буду говорить далѣе); старославянское **ѥсть**, русское есть, греческое ἐστί, латинское est; старославянское е въ окончаніи звательной формы единственнаго числа именъ съ основами на индоевропейское $ă^o$, чередовавшееся съ $ă^e$, напр., **рабе** (основа, вошедшая въ составъ другихъ формъ, рабо-), греческое и латинское е въ окончаніи звательной формы единственнаго числа именъ съ соотвѣтствующими основами, напр., греческое ἵππε, латинское eque.

Индоевропейское $ă^o$, откуда греческое и латинское ŏ, въ общеславянскомъ звучало также о и такимъ же перешло въ старославянскій и русскій языки. Напр., старославянское **домъ**, русское домъ, греческое δόμος, латинское domus; старославянское **овьца**, русское овца, родственны, хотя и не тождественны: латинское ovis, греческое ὄϊς, οἶς изъ ὀ*F*ις; старославянское **возъ** (срави. е въ **везѫ**), русское возъ, родственно греческое *F*όχος, откуда ὄχος; старославянское **боръ**, напр., въ словѣ **съборъ** «собраніе» (сравн. е въ **берѫ**), русское сборъ, греческое φόρος (сравн. φέρω).

Индоевропейское $ă^a$, откуда въ греческомъ и латинскомъ ă, въ общеславянскомъ языкѣ совпало съ о, т. е. въ общеславянскомъ языкѣ индоевропейскія $ă^o$ и $ă^a$ явились въ одной и той же гласной ŏ; совпаденіе этихъ двухъ гласныхъ въ одной гласной произошло еще въ литовско-славянскомъ языкѣ, гдѣ эта гласная звучала какъ $ă^o$, откуда общеславянское о, литовское а. Напр., съ греческимъ ἀρόω, латинскимъ arare родственно старославянское **орати** «пахать», русское орать; съ латинскимъ axis тождественно старославянское **ось**, русское ось, родственно также, хотя отличается по суффиксу, греческое ἄξων; съ греческимъ ă въ окончаніи звательной формы единственнаго числа именъ съ

основами на индоевропейское $\bar{a}^a$, чередовавшееся съ $\breve{a}^a$, въ такихъ случаяхъ, какъ звательныя νύμφα, δέσποτα, въ старославянскомъ тождественно **о**, всегда являющееся здѣсь въ окончаніи звательной формы единственнаго числа именъ съ соотвѣтственными основами, напр., звательная форма **жено** при именит. **жена**.

Индоевропейское $\bar{a}^e$, откуда греческое η и латинское $\bar{e}$, перешло и въ общеславянскій языкъ какъ $\bar{e}$, которое въ эпоху распаденія общеславянскаго языка являлось въ видѣ звукового сочетанія ie, составлявшаго одинъ слогъ, именно съ i слоговымъ, e неслоговымъ, а въ діалектахъ, можетъ быть, съ неслоговымъ i и e слоговымъ, долгимъ или полудолгимъ, т. е. въ общеславянскомъ $\bar{e}$ первая часть долгаго звука приняла качество i, а вторая часть осталась гласной e. Изъ общеславянскаго $\widehat{ie}$ въ старославянскомъ языкѣ получилось то звуковое сочетаніе, различное въ различныхъ діалектахъ (какъ я говорилъ прежде), которое выражалось буквой **ѣ**, а въ русскомъ языкѣ отсюда явилось съ теченіемъ времени e, которое совпало слѣдовательно съ старымъ e изъ общеславянскаго $\breve{e}$. Напр., въ старославянскомъ глаголѣ **дѣти**, русское дѣть, старославянское **дѣ-** тождественно съ греческимъ θη- въ глаголѣ τίθημι; старославянское **сѣмя**, русское сѣмя, родственно съ латинскимъ sēmen. Надо замѣтить, что общеславянское $\widehat{ie}$, откуда старославянское **ѣ**, новое русское e, имѣло также другое происхожденіе, какъ мы увидимъ далѣе.

Индоевропейское $\bar{a}^o$, откуда греческое ω, латинское $\bar{o}$, въ общеславянскомъ языкѣ въ эпоху его распаденія въ большинствѣ случаевъ совпадало съ $\bar{a}$, происшедшимъ изъ индоевропейскаго $\bar{a}^a$; но изъ балтійскихъ языковъ видно, что въ эпоху выдѣленія общеславянскаго языка изъ языка литовско-славянскаго, такая долгая гласная изъ индоевропейскаго $\bar{a}^o$ отличалась еще отъ долгой гласной изъ $\bar{a}^a$ и звучала $\bar{o}$ (литовское uo). Общеславянское $\bar{a}$ указаннаго происхожденія въ старославянскомъ языкѣ являлось какъ **ѫ** (количество неизвѣстно), и въ русскомъ языкѣ отсюда а (краткое, такъ какъ долгія гласныя въ русскомъ языкѣ вообще утратили долготу). Напр., старославянское **даръ**, русское даръ, грече-

ское δῶρον; въ старославянскомъ глаголѣ **дати**, русское дать, старославянское **да-** тождественно съ греческимъ δω- въ глаголѣ δίδωμι и съ латинскимъ dō-, напр., въ dōnum; старославянское **кс-** въ словѣ **по-ксъ** (гдѣ **по-** предлогъ), русское поясъ, тождественно съ греческимъ ζωσ- (гдѣ ζ изъ индоевропейскаго j) въ ζωστήρ, сравните также ζώννυμι. Когда я указывалъ на индоевропейскія ā различнаго вида, я замѣтилъ, что они представляли различія и по самой долготѣ, которая была двухъ родовъ. Общеславянское ā изъ индоевропейскаго ā° восходитъ именно къ индоевропейскому ā° съ тою долготой, которая преимущественно употреблялась въ индоевропейскомъ языкѣ въ долгихъ гласныхъ; что же касается ā° съ другою долготой, являвшейся въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ, то образовавшееся отсюда литовско-славянское ō въ общеславянскомъ языкѣ перешло съ теченіемъ времени, какъ я думаю, не въ ā, а въ ū (черезъ посредство ō закрытаго), откуда старославянское **оу**, русское у, хотя надо замѣтить, что обыкновенно общеславянское ū, откуда старославянское **оу**, русское у, имѣло другое происхожденіе, какъ мы увидимъ далѣе. Наиболѣе ясный случай такого общеславянскаго ū (старославянское **оу**, русское у), которое образовалось изъ индоевропейскаго ā° съ извѣстною долготой, представляетъ одно падежное окончаніе, гдѣ въ индоевропейскомъ языкѣ ā° являлось въ дифтонгѣ ā°i; этотъ случай я приведу далѣе, когда буду говорить о дифтонгахъ индоевропейскаго языка въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ.

Индоевропейское ā^{a}, откуда въ греческомъ ᾱ, а также въ діалектахъ η при извѣстныхъ условіяхъ (это η надо отличать отъ общегреческаго η изъ индоевропейскаго ā^{e}), въ латинскомъ ā, звучало и въ общеславянскомъ языкѣ въ эпоху его распаденія какъ ā, откуда старославянское **а** (количество неизвѣстно), русское а, при чемъ въ общеславянскомъ ā являлась, какъ мы видѣли, и та гласная, которая получалась изъ индоевропейскаго ā° съ извѣстною долготой. Напр., старославянское **мати**, русское мать, латинское māter, греческое дорическое μᾱ́τηρ, іоническое

и аттическое μήτηρ; старославянское **братръ**, а также **братъ**, русское братъ, родственны латинское frāter, греческое φρᾰ́τηρ φρᾰ́τωρ «членъ фратріи» (извѣстно также изъ одного древняго словаря діалектическое φρήτηρ, съ діалектическимъ η, въ значеніи «братъ»); старославянское -**а**, русское -**а**, въ именительномъ единственнаго числа именъ и мѣстоименій съ основами на первоначальное ā[a], т. е., напр., въ именительномъ единственнаго числа **жена**, **рыба**, **та**, греческое ᾱ (діалектическое η при извѣстныхъ условіяхъ) въ именительномъ единственнаго числа именъ и мѣстоименій съ соотвѣтственными основами, напр. χώρᾱ, τιμή, ἥ, латинское ă изъ ā въ именительномъ единственнаго числа именъ и мѣстоименій съ соотвѣтственными основами, напр. aquă, istă (долгая гласная сократилась здѣсь въ латинскомъ языкѣ вслѣдствіе положенія въ концѣ слова).

Индоевропейское ирраціональное слоговое a (индоевропейское ᾰ) въ греческомъ языкѣ обратилось въ гласную полнаго образованія и получало при этомъ различное качество, а именно переходило здѣсь и въ α, и въ ε, и въ ο; въ латинскомъ языкѣ индоевропейское ирраціональное слоговое a стало также гласной полнаго образованія и перешло именно въ ă, которое, какъ и всякое латинское ă, подвергалось при извѣстныхъ положеніяхъ въ словахъ извѣстнымъ измѣненіямъ. Для опредѣленія тѣхъ случаевъ, гдѣ греческія α, ε, ο, латинское a произошли изъ индоевропейскаго слогового ирраціональнаго a, а не изъ индоевропейскаго ă того или другого вида, важно сопоставленіе съ древнеиндійскимъ языкомъ. Изъ этого сопоставленія видно, напримѣръ, что въ греческомъ πατήρ, латинскомъ pater греческое и латинское ă образовались не изъ ă[a], а изъ индоевропейскаго ирраціональнаго слогового a, принадлежавшаго здѣсь корню слова. Точно такъ же изъ такого сопоставленія видно, напр., что греческое ᾰ̆ въ словѣ θυγάτηρ образовалось не изъ индоевропейскаго ă[a], а изъ индоевропейскаго ирраціональнаго слогового a, въ данномъ случаѣ являвшагося въ качествѣ такъ называемой соединительной гласной передъ согласной суффикса. Слово родственное съ греческимъ

θυγάτηρ извѣстно и изъ славянскихъ языковъ: сюда принадлежатъ старославянское **дъшти**, русское дочь (старославянское **шт**, русское ч получились здѣсь изъ первоначальной группы kt передъ мягкою **гласной**, какъ мы увидимъ далѣе); въ этомъ славянскомъ словѣ, какъ и въ тождественномъ литовскомъ duktė (ė — долгое закрытое), мы не находимъ никакой гласной въ соотвѣтствіи съ греческимъ α въ θυγάτηρ, и въ этомъ отношеніи славянское и литовское слово ближе къ родственному слову въ нѣмецкихъ языкахъ, напр., къ нововерхненѣмецкому Tochter, гдѣ также нѣтъ никакой гласной (не было и въ общенѣмецкомъ, какъ показываетъ сравненіе между собой нѣмецкихъ языковъ), въ соотвѣтствіи съ греческимъ α въ словѣ θυγάτηρ. Въ случаяхъ такого рода въ самомъ индоевропейскомъ языкѣ ирраціональное слоговое a, какъ соединительная гласная, существовало, можетъ быть, не во всѣхъ формахъ слова, т. е. въ данномъ примѣрѣ не во всѣхъ падежахъ имени, и появленіе этой гласной въ такихъ случаяхъ, можетъ быть, обусловливалось сперва извѣстными фонетическими причинами, напр., извѣстнымъ стеченіемъ согласныхъ въ той или другой формѣ, при чемъ, можетъ быть, еще въ индоевропейскомъ языкѣ эта слоговая ирраціональная гласная частью переносилась по аналогіи и въ другія формы слова, гдѣ присутствіе ея не требовалось фонетическими условіями. Впослѣдствіи въ отдѣльныхъ языкахъ однѣ изъ такихъ формъ могли вполнѣ вытѣснять другія: такъ, въ греческомъ языкѣ въ словѣ θυγάτηρ сохранились лишь формы, гдѣ существовало ирраціональное слоговое a, между тѣмъ какъ въ балтійскихъ, славянскихъ, а также нѣмецкихъ языкахъ въ томъ же словѣ сохранились лишь формы безъ этой гласной. Итакъ, случаи, подобные отношенію старославянскаго **дъшти**, русскаго дочь, литовскаго duktė, нѣмецкаго Tochter къ греческому θυγάτηρ и къ родственному древнеиндійскому слову, не даютъ еще права предполагать, что индоевропейское ирраціональное слоговое a само по себѣ, какъ звукъ, исчезло въ общеславянскомъ языкѣ или еще раньше, въ литовскославянскомъ языкѣ, а также и въ общенѣмецкомъ языкѣ. Изъ

такихъ случаевъ, какъ нововерхненѣмецкое Vater, извѣстно, что изъ индоевропейскаго ирраціональнаго слогового a получалось еще въ общенѣмецкомъ языкѣ ă. Что же касается общеславянскаго языка, то я думаю, что здѣсь этотъ индоевропейскій звукъ существовалъ въ видѣ ŏ (= литовскому a) и, слѣдовательно, совпадалъ съ общеславянскимъ ŏ изъ индоевропейскихъ ă° и ă^{a}; въ старославянскомъ и русскомъ языкахъ, слѣдовательно, и здѣсь является о. При опредѣленіи такого славянскаго о важно сопоставленіе съ древнеиндійскимъ языкомъ, а такъ какъ въ этомъ курсѣ я не привожу вовсе фактовъ древнеиндійскаго языка, то потому я не могу здѣсь объяснить, почему въ извѣстныхъ случаяхъ въ общеславянскомъ о я вижу индоевропейское ирраціональное слоговое a. Такое о я нахожу, напр., въ старославянскомъ **о** передъ **х** въ аористѣ, напр., въ формахъ **рєкохъ**, **нєсохъ**; здѣсь старославянское **о** изъ индоевропейскаго ирраціональнаго слогового **a** въ качествѣ соединительной гласной, между тѣмъ какъ такія формы старославянскаго аориста какъ **рѣхъ** (изъ * **рѣкхъ**) восходятъ къ индоевропейскому образованію того же аориста безъ этой соединительной гласной; изъ древнеиндійскаго языка извѣстны какъ образованіе аориста, соотвѣтствующее славянскому **рєкохъ**, **нєсохъ**, такъ и образованіе аориста, соотвѣтствующее славянскому **рѣхъ**. Касательно старославянскаго **х** въ **рєкохъ**, **нєсохъ** надо замѣтить, что оно произошло изъ индоевропейскаго s; о переходѣ s въ χ въ общеславянскомъ языкѣ я буду говорить впослѣдствіи, а пока замѣчу, что съ этимъ χ въ аористѣ родственно, слѣдовательно, греческое σ въ сигматическомъ аористѣ. Другіе примѣры для общеславянскаго ŏ, старославянскаго **о** изъ индоевропейскаго слогового ирраціональнаго a: старославянское **колъ**, русское колъ, тождественное съ извѣстнымъ древнеиндійскимъ словомъ, имѣющимъ гласную изъ индоевропейскаго α; старославянское **споръ** «обильный», русское спорый «прибыльный, успѣшный», тождественное съ извѣстнымъ древнеиндійскимъ словомъ, имѣющимъ гласную изъ индоевропейскаго α (корень въ этомъ словѣ тотъ же, что въ **спѣти**, гдѣ **ѣ** изъ ā^{e}).

Индоевропейское неслоговое ирраціональное a существовало, какъ я говорилъ, лишь въ сочетаніяхъ съ плавными и носовыми согласными, и при томъ по большей части въ сочетаніяхъ съ послѣдующими плавными и носовыми. Индоевропейскими плавными согласными были r, l и плавная, называемая мною неопредѣленною плавною индоевропейскаго языка (такъ какъ она не можетъ быть точно опредѣлена: или извѣстный родъ r, или извѣстный видъ l); носовыми согласными въ индоевропейскомъ языкѣ были звуки n различнаго мѣста образованія и губная носовая m (см. дальше). Индоевропейское $\underset{\sim}{\alpha}$, существовавшее въ сочетаніи съ плавными и носовыми согласными, было получено общеславянскимъ языкомъ изъ литовско-славянскаго языка въ большинствѣ случаевъ въ видѣ i, а въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаяхъ (передъ плавными и носовыми) въ видѣ u, при чемъ происхожденіе этого u вмѣсто обыкновеннаго i обусловливалось, вѣроятно, въ литовско-славянскомъ языкѣ извѣстнымъ фонетическимъ положеніемъ звука въ словахъ. Литовско-славянское i и рѣдкое u изъ индоевропейскаго $\underset{\sim}{\alpha}$ въ положеніи *передъ* индоевропейскими *неслоговыми* плавными и носовыми были въ общеславянскомъ языкѣ слоговыми ирраціональными i и u, т. е. слоговыми ь и ъ (и такими, можетъ быть, были получены изъ литовско-славянскаго языка); точно такъ же и литовско-славянское i *послѣ* индоевропейскихъ слоговыхъ плавныхъ и носовыхъ было въ общеславянскомъ языкѣ слоговымъ ирраціональнымъ i, т. е. ь, между тѣмъ какъ индоевропейская слоговая плавная или слоговая носовая въ такомъ положеніи являлась въ общеславянскомъ языкѣ неслоговою. Эти общеславянскія ь и ъ, съ которыми совпали здѣсь ь и ъ изъ индоевропейскихъ ĭ и ŭ (см. далѣе), перешли и въ старославянскій языкъ какъ ь и ъ (объ измѣненіяхъ ь и ъ въ діалектахъ старославянскаго языка я говорю далѣе); въ русскомъ языкѣ, въ зависимости отъ различнаго положенія въ словахъ, эти ь и ъ или исчезали, или переходили въ гласныя полнаго образованія, ь въ e, ъ въ o. Что касается литовско-славянскаго i и рѣдкаго u изъ индоевропейскаго $\underset{\sim}{\alpha}$ въ положеніи *передъ* индоевропейскими

слоговыми плавными и носовыми, то эти i и u, какъ можно думать на основаніи указаній балтійскихъ и славянскихъ языковъ, были получены общеславянскимъ языкомъ въ качествѣ неслоговыхъ ирраціональныхъ, т. е. въ качествѣ неслоговыхъ ь и ъ (ь̯, ъ̯), при чемъ слоговыя плавныя и носовыя продолжали сохранять слоговое свойство. Общеславянскія ь̯r̥, ь̯l̥, ъ̯r̥, ъ̯l̥ (значекъ подъ r, l выражаетъ слоговое свойство согласныхъ) такого происхожденія имѣли этотъ видъ и въ эпоху распаденія общеславянскаго языка (при чемъ общеславянское ъ̯l̥ имѣло ъ̯ не только изъ литовско-славянскаго ъ̯, но также и изъ литовско-славянскаго ь̯ при извѣстномъ фонетическомъ положеніи послѣдняго, какъ мы увидимъ далѣе). Что же касается общеславянскихъ ь̯n̥, ь̯m̥, ъ̯n̥, ъ̯m̥ указаннаго происхожденія, то въ извѣстную эпоху жизни общеславянскаго языка, когда возникъ здѣсь фонетическій законъ относительно образованія носовыхъ гласныхъ изъ сочетаній «гласная + носовая согласная» въ положеніи безъ послѣдующей гласной, ь̯n̥, ь̯m̥ перешли въ е носовое, которое въ положеніи передъ согласной (какъ и всякая носовая гласная въ такомъ положеніи) становилось долгимъ, а въ положеніи въ открытомъ конечномъ слогѣ переходило, повидимому, въ е краткое неносовое; соотвѣтственно съ этимъ надо думать, что ъ̯n̥, ъ̯m̥ въ эпоху образованія носовыхъ гласныхъ перешли въ общеславянскомъ языкѣ въ о носовое, которое въ положеніи передъ согласной становилось долгимъ (примѣры для гласной изъ «ъ̯ + слоговая носовая» въ открытомъ концѣ слова неизвѣстны). Отъ общеславянскаго е носового и рѣдкаго о носового этого происхожденія должны быть отличаемы общеславянскія е и о носовыя другого происхожденія, о которыхъ я говорю далѣе. Надо замѣтить еще, что общеславянскія ь̯n̥, ь̯m̥, ъ̯n̥, ъ̯m̥ при извѣстномъ фонетическомъ положеніи въ словахъ имѣли въ общеславянскомъ языкѣ другое измѣненіе и дали въ результатѣ ъ, какъ мы увидимъ далѣе. Что касается различія между индоевропейскими краткими и долгими слоговыми плавными и носовыми въ ихъ сочетаніи съ предшествовавшимъ неслоговымъ ирраціональнымъ

а, то въ общеславянскомъ языкѣ, гдѣ плавныя и носовыя въ такихъ сочетаніяхъ были получены изъ литовско-славянскаго языка, повидимому, всюду некраткими, различіе между индоевропейскою краткостью и долготою слоговыхъ плавныхъ въ этихъ сочетаніяхъ продолжало сохраняться въ эпоху распаденія общеславянскаго языка въ различномъ качествѣ долготы этихъ некраткихъ слоговыхъ плавныхъ въ положеніи подъ удареніемъ или въ различномъ качествѣ ударенія этихъ сочетаній, между тѣмъ какъ подобное же различіе, существовавшее нѣкогда въ слоговыхъ носовыхъ, отразилось на различномъ качествѣ долготы долгихъ носовыхъ гласныхъ, полученныхъ изъ такихъ сочетаній, въ положеніи ихъ подъ удареніемъ или на различномъ качествѣ ударенія этихъ долгихъ носовыхъ гласныхъ.

Въ старославянскомъ и русскомъ языкахъ исторія разсматриваемыхъ мною теперь общеславянскихъ звуковъ была такова. Общеславянское е носовое и рѣдкое о носовое указаннаго происхожденія въ старославянскомъ языкѣ, какъ и всякія носовыя е, о, сохранились какъ носовыя гласныя **ѧ** и **ѫ** (е и о носовыя); въ русскомъ языкѣ всякое общеславянское е носовое перешло въ я, т. е. ја въ положеніи безъ предшествующей согласной и $^{(i)}$а послѣ согласной, становившейся при этомъ смягченною (знакомъ $^{(i)}$ въ $^{(i)}$а передается смягченіе предшествующей согласной), а всякое общеславянское о носовое въ русскомъ языкѣ перешло въ у. — Что касается общеславянскихъ сочетаній ь̯г̯, ы̯, ъ̯г̯, ъ̯, то въ старославянскомъ языкѣ они получили перестановку гласной и плавной, т. е. перешли въ сочетанія **рь, ль, ръ, лъ**, которыя въ различныхъ діалектахъ старославянскаго языка имѣли различную исторію. Въ діалектахъ паннонскихъ глаголическихъ текстовъ плавныя въ этихъ сочетаніяхъ такого происхожденія продолжали сохраняться слоговыми, между тѣмъ какъ **ь и ъ** остались неслоговыми: на это указываетъ отсутствіе измѣненія такихъ **ь и ъ** въ **є и о** въ этихъ діалектахъ при условіяхъ, вызывавшихъ здѣсь такое измѣненіе въ другихъ **ь и ъ**, какъ мы увидимъ далѣе, между прочимъ въ тѣхъ группахъ **рь, ль, ръ, лъ**, которыя про-

изошли изъ общеславянскихъ гь, ль, гъ, лъ (съ слоговыми ь и ъ различнаго происхожденія). Для діалекта Зографскаго евангелія (паннонскій глаголическій текстъ) различіе между ь, ъ въ группахъ рь, ль, ръ, лъ, изъ общеславянскихъ сочетаній гь, ль, гъ, лъ съ одной стороны и изъ общеславянскихъ сочетаній «ь̯ или ъ̯ + г̯ или л̯» съ другой стороны свидѣтельствуется также тѣмъ, что въ группахъ рь, ль, лъ, ръ изъ общеславянскихъ ь̯г̯, ь̯л̯, ъ̯г̯, ъ̯л̯ въ этомъ памятникѣ существуетъ, по наблюденію Ягича, такое колебаніе въ употребленіи ь и ъ, съ преобладаніемъ, впрочемъ, ъ, какого вообще, за извѣстными исключеніями, не представляютъ здѣсь ь и ъ въ группахъ рь, ль, ръ, лъ изъ общеславянскихъ гь, ль, гъ, лъ. Въ другихъ древнихъ глаголическихъ текстахъ въ группахъ «плавная + ирраціональная гласная» передъ согласными, того и другого происхожденія, пишется почти исключительно ъ (изъ общеславянскихъ ь и ъ), при чемъ, какъ я замѣтилъ уже, вмѣсто ь и ъ изъ общеславянскихъ слоговыхъ ь и ъ при извѣстномъ фонетическомъ положеніи здѣсь являются и о вмѣсто ъ, и є вмѣсто ь, между тѣмъ какъ вмѣсто ъ изъ общеславянскихъ неслоговыхъ ь и ъ (въ сочетаніи съ слоговыми плавными) при томъ же фонетическомъ положеніи мы не находимъ здѣсь є и о. Саввина книга и Супрасльская рукопись (важнѣйшіе изъ паннонскихъ памятниковъ, писанныхъ кириллицею) отличаются отъ глаголическихъ паннонскихъ текстовъ по отношенію къ исторіи разсматриваемыхъ нами звуковыхъ сочетаній въ томъ отношеніи, что здѣсь въ группахъ «плавная + ирраціональная гласная» изъ общеславянскихъ группъ ь̯г̯, ь̯л̯ (а также и изъ общеславянскихъ гь, ль) не господствуетъ ъ, но очень часто является и ь, особенно при р: въ Супрасльской рукописи мы находимъ то рь, ль изъ общеславянскихъ ь̯г̯, ь̯л̯, то ръ, лъ (при другомъ фонетическомъ положеніи), то колебаніе въ одномъ и томъ же случаѣ между ь и ъ, а въ Саввиной книгѣ господствуетъ ь изъ общеславянскаго ь̯ въ этихъ сочетаніяхъ, хотя и здѣсь въ извѣстныхъ случаяхъ являются лъ вмѣсто ль или при ль, изъ общеславянскаго ь̯л̯, и ръ вмѣсто рь или при рь, изъ общеславянскаго ь̯г̯.

Относительно Супрасльской рукописи надо замѣтить при этомъ, что хотя здѣсь, какъ и въ глаголическихъ текстахъ, существуетъ вообще замѣна ь черезъ є при извѣстномъ фонетическомъ положеніи, между прочимъ и въ группахъ рь, ль изъ общеславянскихъ гь, lь, такая замѣна однако, какъ и въ глаголическихъ текстахъ, не является въ рь, ль изъ общеславянскихъ ъ̯г, ъ̯l, откуда слѣдуетъ, что и въ этомъ діалектѣ ь въ такихъ группахъ (а слѣдовательно и ъ въ группахъ ръ, лъ изъ общеславянскихъ группъ ъ̯г, ъ̯l) было получено неслоговымъ. Для діалекта Саввиной книги мы не имѣемъ прямыхъ указаній на то, что ь и ъ въ сочетаніяхъ рь, ръ, ль, лъ изъ общеславянскихъ сочетаній ъ̯г, ъ̯г, ъ̯l, ъ̯l были получены неслоговыми, такъ какъ этотъ памятникъ не представляетъ измѣненія какихъ бы то ни было ь и ъ въ є и о. Съ діалектомъ Саввиной книги сходится и діалектъ Остромирова евангелія (древнѣйшаго изъ непаннонскихъ текстовъ) въ томъ отношеніи, что и здѣсь мы не находимъ прямыхъ указаній на неслоговое свойство ь и ъ въ сочетаніяхъ «плавная + ь или ъ» изъ общеславянскихъ сочетаній «ъ̯ или ъ̯ + слоговая плавная»; при этомъ общеславянское ъ̯ въ ъ̯г обыкновенно сохраняется въ Остромировомъ евангеліи какъ ь въ рь и лишь рѣдко замѣняется черезъ ъ въ ръ, между тѣмъ какъ общеславянское ъ̯l является въ Остромировомъ евангеліи въ видѣ лъ, т. е. общеславянскія ъ̯l и ь̯l совпадаютъ въ Остромировомъ евангеліи въ одномъ лъ. Въ этомъ лъ, гдѣ оно восходитъ къ общеславянскому ь̯l, измѣненіе ь въ ъ произошло въ діалектахъ старославянскаго языка еще ранѣе старославянской перестановки гласной и плавной въ такихъ сочетаніяхъ, какъ это видно изъ того, что общеславянское lь и въ діалектѣ Остромирова евангелія удерживаетъ ь, т. е. является какъ ль: измѣненіе общеславянскаго ъ̯l въ діалектахъ старославянскаго языка въ лъ, черезъ посредство ъ̯l, обусловлено было тѣмъ, что l̥ было извѣстнымъ видомъ l (l открытаго) слогового, и это-то l вліяло на измѣненіе предшествовавшаго ь въ ъ. Приводя въ этомъ курсѣ старославянскія слова, заключавшія въ себѣ сочетанія, полученныя изъ общеславян-

скаго ъ̯r̥, я даю имъ только **рь** (оставляя въ сторонѣ позднѣйшее діалектическое **ръ** изъ **рь**), а приводя старославянскія слова, заключавшія въ себѣ сочетанія, полученныя изъ общеславянскаго ъ̯l̥, я даю имъ **лъ** (издавна существовавшее въ діалектахъ изъ всякаго ъ̯l̥), а также и **ль** въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно засвидѣтельствовано какъ древнее **ль** Саввиною книгой и Зографскимъ евангеліемъ. Относительно Остромирова евангелія и другихъ старославянскихъ памятниковъ русской редакціи надо замѣтить, что старославянскія группы «плавная + ирраціональная гласная» изъ общеславянскихъ группъ «неслоговая ирраціональная гласная + слоговая плавная» нерѣдко писались здѣсь ошибочно съ **ь** и **ъ** передъ плавными (напр. **мьртвъ**, **пълнъ** вмѣсто **мрътвъ**, **плънъ**), въ примѣненіи къ русскому произношенію, или же съ **ь** и **ъ** или съ замѣнявшимъ ихъ надстрочнымъ знакомъ и передъ плавной и послѣ плавной (напр. **пьрьси** вмѣсто **прьси**, **пьр̀вын** вмѣсто **прьвын**, **пьръсты** вмѣсто **прьсты**, **вълкъ** вмѣсто **влькъ**, **дълъгы** вмѣсто **длъгы**). — Въ русскомъ языкѣ общеславянскія сочетанія «ь̯ или ъ̯ + слоговая плавная» перешли въ сочетанія «е или о + плавная неслоговая», при чемъ е въ этихъ сочетаніяхъ изъ общеславянскаго ь, а о изъ общеславянскаго ъ, а также изъ общеславянскаго ь передъ l (при посредствѣ измѣненія этого ь въ ъ) въ томъ случаѣ, когда этому ь предшествовала согласная, полученная изъ общеславянскаго языка не смягченною, но лишь полусмягченною, полумягкою.

Укажу теперь на сочетанія индоевропейскаго неслогового ирраціональнаго a съ плавными и носовыми въ ихъ переходѣ въ греческій и латинскій языки, при чемъ я ограничусь тѣми сочетаніями, въ которыхъ эта гласная предшествовала плавнымъ и носовымъ, а изъ слоговыхъ носовыхъ въ этихъ сочетаніяхъ я возьму только краткія слоговыя носовыя. Въ греческомъ языкѣ индоевропейское неслоговое ирраціональное a передъ неслоговою носовой или плавной является въ видѣ краткаго слогового α; передъ неслоговою плавной мы находимъ въ греческомъ языкѣ и о слоговое изъ индоевропейскаго неслогового ирраціональнаго a,

именно тамъ, гдѣ плавная получилась въ индоевропейскомъ языкѣ изъ долгой плавной. Индоевропейскія сочетанія «неслоговое ирраціональное a + краткая слоговая носовая» въ греческомъ языкѣ давали по большей части, именно тамъ, гдѣ эти сочетанія были получены безъ ударенія, краткое слоговое α съ полною утратой носовой согласной. Индоевропейскія сочетанія «неслоговое ирраціональное a + краткая слоговая плавная» въ греческомъ языкѣ обращались въ сочетанія αρ, αλ, допускавшія перестановку въ ρα, λα: плавная въ томъ и другомъ случаѣ была въ греческомъ языкѣ неслоговою, а гласная была слоговою; въ рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ эти сочетанія были получены подъ удареніемъ, греческій языкъ имѣлъ отсюда ρο, lu, откуда далѣе діалектическое λυ, съ краткою слоговою гласной и неслоговою плавной. Индоевропейскія сочетанія «неслоговое ирраціональное a + долгая слоговая плавная» въ греческомъ языкѣ давали или ορ, ολ (съ краткою слоговою гласной и неслоговою плавной), или съ перестановкой ρω, λω (съ долгою слоговою гласной и неслоговою плавной, — долгота гласной образовалась здѣсь подъ вліяніемъ бывшей прежде долготы плавной). — Въ латинскомъ языкѣ индоевропейское неслоговое ирраціональное a передъ неслоговою носовой n, а также передъ краткими слоговыми носовыми обратилось въ краткія слоговыя e, i, при чемъ носовая всегда являлась неслоговою (различіе между ĕ и ĭ находилось въ зависимости отъ различнаго положенія звука въ словѣ), а передъ индоевропейскимъ неслоговымъ m неслоговое ирраціональное a перешло въ латинскомъ языкѣ въ краткія слоговыя o, u (различіе между o и u, откуда далѣе въ извѣстныхъ случаяхъ i, зависѣло отъ различнаго положенія звука въ словѣ). Индоевропейское неслоговое ирраціональное a передъ краткою неслоговою плавной въ латинскомъ языкѣ обратилось въ краткое слоговое o, откуда при извѣстныхъ условіяхъ u передъ l. Индоевропейское неслоговое ирраціональное a передъ краткою слоговою плавной переходило въ латинскомъ языкѣ также въ краткое слоговое o, откуда при извѣстномъ положеніи u, а передъ r иногда, повидимому (при

какихъ-то условіяхъ), и въ краткое слоговое е, при чемъ плавная и въ томъ и въ другомъ случаѣ становилась здѣсь неслоговою. Индоевропейскія сочетанія «неслоговое ирраціональное а + долгая слоговая плавная» въ латинскомъ языкѣ или переходили въ сочетанія rā, lā, rē, lē, гдѣ плавная была неслоговою, а гласная долгою (долгота слоговой гласной была заимствована изъ долготы плавной), или, при другихъ условіяхъ, отсюда получались сочетанія ar, al, er, el безъ перестановки, гдѣ гласная была слоговою, а плавная неслоговою.

Примѣры. Индоевропейскія сочетанія «неслоговое ирраціональное а + неслоговая носовая». Старославянское **ъ** изъ индоевропейскаго неслогового ирраціональнаго а передъ неслоговою носовой: **ѫнѫ** въ глаголѣ **на-ѫнѫ** (**на** предлогъ), русское начну, отъ того же корня съ индоевропейскою гласной полнаго образованія, ă°, старославянское **конь** «начало», являющееся въ нарѣчіи **исконн**; старославянское **мьнѫ**, русское мню въ помню, отъ того же корня съ индоевропейскими ă° и ă°, напр., греческія μένος, μέμονα; старославянское **жьмѫ**, русское жму, отъ того же корня съ индоевропейскими ă° и ă° греческія γέμω, γόμος. Старославянское **ъ** изъ индоевропейскаго неслогового ирраціональнаго а передъ неслоговою носовой, обратившагося еще въ литовско-славянскомъ языкѣ не въ i, какъ обыкновенно, но въ u: старославянское **гънати**, русское гнать, отъ того же корня съ индоевропейскими гласными ă° и ă° старославянскія **женѫ**, **гонѫ**, русское гоню, между тѣмъ какъ съ старославянскимъ **ъ** въ **гънати** тождественно прусское u въ родственномъ словѣ; старославянское **дъмѫ** «дую» (неопредѣленное **дъти**), съ старославянскимъ **ъ** въ этомъ словѣ тождественно литовское u въ соотвѣтствующемъ словѣ (dumiù), а родственныя слова древнеиндійскаго языка указываютъ на индоевропейскій корень въ полномъ видѣ съ гласной ă извѣстнаго качества передъ m. *Индоевропейскія сочетанія «неслоговое ирраціональное а + слоговая носовая».* Старославянское **ѫ** изъ индоевропейскаго сочетанія «неслоговое ирраціональное а + слоговая носовая» въ положеніи не въ открытомъ концѣ

слова: старославянское **па-мать**, русское память, гдѣ **па** предлогъ, а **мать** тождественно съ литовскимъ mintis въ at-mintis «память», гдѣ at предлогъ, и съ латинскимъ mens; старославянское **десать**, **десатын**, русское десятый, а также старославянское **десать**, русское десять, сравните греческое δέκατος, гдѣ греческое α восходитъ къ индоевропейскому сочетанію «неслоговое ирраціональное а + слоговая носовая». Старославянское **ѫ**, т. е. о носовое изъ индоевропейскаго сочетанія «неслоговое ирраціональное а + слоговая носовая» при положеніи не въ открытомъ конечномъ слогѣ, тамъ, гдѣ неслоговое ирраціональное а еще въ литовско-славянскомъ языкѣ давало не i, какъ обыкновенно, но u (случаи вообще рѣдкіе): вполнѣ достовѣрные примѣры неизвѣстны, но, можетъ быть, сюда принадлежитъ старославянское **ѫ**, напр., въ неопредѣленномъ **дѫти** (сравните наст. **дъмѫ**, о которомъ я говорилъ), если **дѫти** вполнѣ тождественно съ литовскимъ dùmti «дуть». Объ индоевропейскомъ сочетаніи «неслоговое ирраціональное а + слоговая носовая» въ открытомъ конечномъ слогѣ въ общеславянскомъ языкѣ и далѣе въ старославянскомъ и русскомъ языкахъ я буду говорить впослѣдствіи. *Индоевропейскія сочетанія «слоговая носовая + неслоговое ирраціональное* а». Старославянское **ь** изъ индоевропейскаго неслогового ирраціональнаго а послѣ слоговой носовой, бывшей въ общеславянскомъ языкѣ уже неслоговою, между тѣмъ какъ гласная стала слоговою: такое старославянское **ь** является, напр., въ глаголѣ **нѣзнти**, въ сложеніи съ предлогомъ **въ-нѣзнти**, при родственномъ **въ-нознти**, гдѣ о изъ индоевропейскаго а полнаго образованія, именно изъ ă°; тотъ же корень въ существительномъ **ножь**, русское ножъ, гдѣ о изъ индоевропейскаго ă°.

Индоевропейскія сочетанія «неслоговое ирраціональное а + *неслоговая плавная»*. Старославянское **ь** изъ индоевропейскаго неслогового ирраціональнаго а передъ неслоговою плавной является, напр., въ старославянскомъ **дьрати**, русское драть, сравните греческое δαρ-, напр., въ ἔδάργν, δαρήσομαι, гдѣ греческая α изъ индоевропейскаго неслогового ирраціональнаго а, отъ

того же корня съ ă° греческое δέρω, старославянское **дерѫ**, русское деру. Такое же **ь**, какъ въ **дьрати**, является, напр., и въ старославянскомъ **бьрати**, русское брать, при старославянскомъ **берѫ**, русское беру, гдѣ е изъ индоевропейскаго ă°; или такое же **ь** въ **мьрѫ**, русское мру, родственное латинское mor- въ morior можетъ имѣть о того же происхожденія, т. е. изъ индоевропейскаго неслогового ирраціональнаго a; такое же **ь** въ старославянскомъ **стьлати**, русское стлать, при е изъ индоевропейскаго ă° въ **стелѫ**, русское стелю. Что касается старославянскаго **ъ** изъ индоевропейскаго неслогового ирраціональнаго a передъ неслоговою плавной, именно изъ того индоевропейскаго неслогового ирраціональнаго a, которое еще въ литовско-славянскомъ языкѣ обратилось не въ i, какъ обыкновенно, а въ u, то достовѣрные примѣры здѣсь мнѣ неизвѣстны: можетъ быть, сюда принадлежитъ, напр., **кърь** «корень», сравните родственныя **кора**, **корень**, русское корень, гдѣ славянское o изъ индоевропейскаго ă°, чередовавшагося съ ă° (родственныя слова балтійскихъ языковъ имѣютъ e). *Индоевропейскія сочетанія «неслоговое ирраціональное a + слоговая плавная»*. Старославянскія группы **рь** (**ръ**), **ль лъ** изъ общеславянскихъ группъ ьr̥, ьl̥: таково происхожденіе **рь**, напр., въ старославянскомъ **съ-мрьть**, русское смерть, въ старославянскомъ **мрьтвъ**, русское мертвъ, тождественны латинскія mors, mortuus, а отъ того же корня съ ă° и съ ā° старославянское **мрѣти** (гдѣ старославянское **рѣ** изъ общеславянскаго er), русское мереть (съ полногласіемъ), старославянское **моръ**, русское моръ; старославянское **четвьртъıи**, русское четвертый, тождественно греческое τέταρτος, τέτρατος (греческое αρ при ρα изъ того же индоевропейскаго сочетанія «неслоговое ирраціональное a + слоговая плавная»); старославянское **сръдьце**, русское сердце, родственны греческія καρδία, κραδίη, латинское cor(d), гдѣ греческія αρ, ρα, латинское or изъ того же индоевропейскаго сочетанія «неслоговое ирраціональное a + краткая слоговая плавная»; старославянское **влькъ** (такъ въ Зографскомъ евапгеліи) и **влъкъ**, русское волкъ, тождественны литовское vìlkas, греческое λύκος,

нововерхненѣмецкое Wolf; старославянское **влъна** «шерсть», русское во́лна, тождественны литовское vìlna, латинское lāna, гдѣ латинское lā восходитъ къ индоевропейскому сочетанію «неслоговое ирраціональное a + долгая слоговая плавная»; старославянское **про-стрѣтъ** (при неопредѣленномъ **про-стрѣти**), гдѣ старославянское **стрѣтъ** тождественно съ греческимъ στρωτός, латинскимъ strātus, т. е. здѣсь слоговая плавная въ индоевропейскомъ языкѣ была долгою; старославянское **зрьно**, русское зерно, тождественны латинское grānum (индоевропейская слоговая плавная была здѣсь долгою), нововерхненѣмецкое Korn. Старославянская группа «плавная + ъ» изъ общеславянской группы «$\breve{\text{ъ}}$ + слоговая плавная», гдѣ ъ изъ литовско-славянскаго u, вмѣсто обыкновеннаго i, изъ индоевропейскаго неслогового ирраціональнаго a: примѣромъ можетъ служить старославянское **грълло**, русское горло, родственно литовское gurklýs «зобъ птицы», «кадыкъ», гдѣ литовское u, тождественное съ старославянскимъ **ъ** въ **грълло**, восходитъ вмѣстѣ съ нимъ къ литовско-славянскому u изъ индоевропейскаго неслогового ирраціональнаго a передъ плавной; отъ того же корня съ индоевропейскимъ $\breve{a}^e$ литовское gerklė «горло», съ которымъ родственно русское ожерелье (русское ере изъ общеславянскаго er передъ согласною). О старославянской группѣ **лъ** изъ такой общеславянской группы $\breve{\text{ъ}}\text{l}$, гдѣ **ъ** было измѣненіемъ литовско-славянскаго i при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ, я буду говорить впослѣдствіи. *Индоевропейскія сочетанія «слоговая плавная + неслоговое ирраціональное* a». Старославянское **ь** изъ индоевропейскаго неслогового ирраціональнаго a послѣ слоговой плавной, бывшей въ общеславянскомъ языкѣ уже неслоговою, между тѣмъ какъ гласная была здѣсь слоговою: старославянское **рьцѣ**, гдѣ **ц** изъ k, при **рекѫ**, гдѣ **е** изъ индоевропейскаго $\breve{a}^e$; сравненіе съ литовскимъ языкомъ показываетъ, что литовско-славянскій языкъ имѣлъ при сильной основѣ rek- слабую основу rik-, гдѣ i изъ индоевропейскаго неслогового ирраціональнаго a послѣ плавной. Другимъ примѣромъ является старославянское **не-прѣ-брьдомъ**

«безпредѣльный», собственно «неперебредомый», при **бредѫ**, русское бреду, гдѣ е изъ индоевропейскаго ā°; сравненіе съ литовскимъ языкомъ показываетъ, что литовско-славянскій языкъ имѣлъ при сильной основѣ bred- слабую основу brid-, гдѣ і изъ индоевропейскаго неслогового ирраціональнаго а послѣ плавной.

Перехожу теперь къ индоевропейскимъ гласнымъ і и u и остановлюсь сперва на индоевропейскихъ і и u слоговыхъ краткихъ и долгихъ въ положеніи безъ послѣдующей гласной, т. е. передъ согласною или въ концѣ слова.

Индоевропейское слоговое краткое і въ положеніи безъ послѣдующей гласной, откуда въ греческомъ и латинскомъ языкахъ также ĭ, въ общеславянскомъ языкѣ съ теченіемъ времени обратилось въ ь, т. е. въ і ирраціональное и потому открытое, откуда и въ старославянскомъ языкѣ **ь**; въ русскомъ языкѣ, въ зависимости отъ различнаго положенія въ словахъ, эта ирраціональная гласная или исчезала, или переходила въ краткую гласную е (сравните сказанное мною прежде объ измѣненіи въ русскомъ языкѣ того общеславянскаго ирраціональнаго і, которое образовалось изъ индоевропейскаго неслогового ирраціональнаго а). Слѣдовательно, въ общеславянскомъ и старославянскомъ ь надо отличать ь изъ индоевропейскаго неслогового ирраціональнаго а отъ ь изъ индоевропейскаго краткаго слогового і въ положеніи безъ послѣдующей гласной. Старославянское **ь** изъ индоевропейскаго ĭ является, напр., въ старославянскомъ **ъь** въ мѣстоименіи **ъьто** (русское что, откуда што), гдѣ общеславянское č изъ k вслѣдствіе положенія передъ мягкимъ звукомъ, и съ этимъ **ъь** тождественны латинское quid, греческое τί (греческое τ изъ первоначальнаго k, какъ мы увидимъ далѣе); съ старославянскимъ **овьца** (русское овца) родственны латинское ovis, греческое ὀϝις, ὄϊς, откуда далѣе οἰς; старославянское **-мь** (русское -м) въ окончаніи 1 лица единственнаго числа настоящаго времени извѣстныхъ глаголовъ, напр., въ **іесмь**, **дамь** (русское дамъ), тождественно греческое -μι, напр., въ εἰμί, δίδωμι; старо-

славянское **-ть** (русское -т смягченное и -т несмягченное) въ 3 лицѣ единственнаго числа настоящаго времени, напр., въ **ѥсть** (русское есть), **дасть** (русское дастъ), **беретъ** (русское беретъ) тождественно съ греческимъ -τι, -σι (гдѣ σ изъ τ), напримѣръ, въ ἐστί, δίδωσι (дорическое δίδωτι); старославянское **дьнь**, русское день, родственно латинское dĭn- въ nundĭnae, а также и извѣстное древнеиндійское слово съ ĭ въ корнѣ.

Индоевропейское ī, откуда въ греческомъ и латинскомъ ī, сохранялось и въ общеславянскомъ языкѣ какъ ī; въ старославянскомъ отсюда і (буквы **и**, **і**), количество котораго неизвѣстно, въ русскомъ і (и), понятно краткое, такъ какъ здѣсь сократились всѣ долгія гласныя. Напр., старославянское **живъ**, русское живъ (гдѣ общеславянское ž изъ g передъ мягкимъ звукомъ), тождественно латинское vīvus (гдѣ v въ началѣ изъ извѣстнаго рода g), въ греческомъ родственно βίος изъ βιϜος (гдѣ греческое β изъ извѣстнаго рода g), но это греческое слово отличается отъ латинскаго и славянскаго слова тѣмъ, что имѣетъ ĭ изъ первоначальнаго ĭ, а не ī изъ первоначальнаго ī; старославянское **пи-** въ словѣ **пити**, русское пить, тождественно съ греческимъ πῑ̄-, напр., въ πῑ̄θι; старославянское **свинъ** «свиной», **свинии**, русское свинья, родственны латинское suīnus, нововерхненѣмецкое Schwein (гдѣ новый дифтонгъ ei изъ древняго ī).

Индоевропейское й слоговое въ положеніи безъ послѣдующей гласной, откуда латинское й, общегреческое й, обратившееся въ діалектахъ, напр., въ іоническомъ и аттическомъ, въ й (υ), въ общеславянскомъ языкѣ съ теченіемъ времени стало ирраціональнымъ и потому открытымъ, подобно тому какъ индоевропейское ĭ въ томъ же положеніи въ общеславянскомъ языкѣ въ эпоху его распаденія было ирраціональнымъ и потому открытымъ. Изъ общеславянскаго ирраціональнаго слогового u, т. е. ъ, получилось **ъ** и въ старославянскомъ языкѣ, а въ русскомъ языкѣ, въ зависимости отъ различнаго положенія въ словѣ, эта ирраціональная гласная или исчезала, или переходила въ краткую гласную о; сравните сказанное мною о замѣнѣ въ русскомъ языкѣ

того общеславянскаго ъ, которое образовалось въ извѣстныхъ случаяхъ изъ индоевропейскаго неслогового ирраціональнаго a. Слѣдовательно, въ общеславянскомъ и старославянскомъ языкахъ ъ изъ индоевропейскаго краткаго u должно быть отличаемо по происхожденію отъ ъ изъ индоевропейскаго неслогового ирраціональнаго a въ извѣстныхъ случаяхъ. Старославянское ъ изъ индоевропейскаго краткаго слогового u въ положеніи безъ послѣдующей гласной является, напр., въ старославянскомъ **дъштн**, русское дочь, гдѣ старославянское **шт**, русское ч произошли изъ извѣстной общеславянской группы, получившейся изъ kt въ положеніи передъ мягкою гласной; тождественны литовское duktė̃ (гдѣ ė̃ выражаетъ долгое закрытое e), нѣмецкое Tochter, родственно греческое θυγάτηρ; старославянское **мєдъ**, русское мёдъ, тождественно греческое μέθυ; старославянское **снъха**, русское сноха (гдѣ общеславянское χ изъ s), родственны латинское nurus (гдѣ r изъ s въ положеніи между гласными), греческое νυός (въ греческомъ языкѣ s между гласными исчезало).

Индоевропейское ū, откуда латинское ū, общегреческое ū, измѣнившееся въ діалектахъ, напр., въ іоническомъ и аттическомъ, въ ӥ долгое (ū), въ общеславянскомъ языкѣ съ теченіемъ времени обратилось въ долгое у (ы); отсюда старославянское **ы** и въ русскомъ языкѣ также ы. Напр., старославянское **дымъ**, русское дымъ, тождественное съ латинскимъ fūmus (f изъ индоевропейскаго d придыхательнаго), то же слово извѣстно изъ древнеиндійскаго языка съ d придыхательнымъ въ началѣ; старославянское **бы-** въ **бытн**, русское быть, тождественно съ греческою глагольною основой φū- при основѣ φŭ-, въ латинскомъ языкѣ греческой основѣ φŭ- соотвѣтствуетъ fū- въ словѣ futurus; старославянское **мышь**, русское мышь, родственны греческое μῦς, латинское mūs (общеславянское š въ **мышь** изъ χ передъ мягкою гласной, а χ изъ первоначальнаго s); старославянское **нынѣ**, родственно греческое νῦν; старославянское **ы** въ окончаніи нѣкоторыхъ именныхъ основъ въ именительномъ единственнаго числа, какъ, напр., въ **любы** «любовь», **свекры** «свекровь», сравните

греческое ῡ въ окончаніи извѣстныхъ именныхъ основъ, напр., въ ὀφρῦς, πληθῦς.

Индоевропейскія ī и ū слоговыя существовали въ индоевропейскомъ языкѣ лишь въ положеніи передъ согласными или въ концѣ слова, въ положеніи же передъ гласными ī и ū слоговыя еще въ индоевропейскомъ языкѣ распадались на звуки двухъ слоговъ, именно ī переходило въ ĭ слоговое одного слога + i̯ другого слога, а ū переходило въ ŭ слоговое одного слога + u̯ другого слога, при чемъ i̯ и u̯ въ этихъ сочетаніяхъ при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ измѣнялись въ j и v (j изъ i̯, v изъ u̯). Въ старославянскомъ языкѣ, какъ мы знаемъ, изъ индоевропейскаго ŭ слогового получалось **ъ** (т. е. и ирраціональное), а индоевропейскія u̯ и v являлись здѣсь въ видѣ **в**, какъ мы увидимъ далѣе; поэтому индоевропейскимъ сочетаніямъ «ŭ слоговое одного слога + u̯ или v другого слога» въ старославянскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ сочетаніе **ъв**, напр., въ родительномъ единственнаго числа **любъвє**, **свекръвє**, при именительномъ **любъı**, **свекръı**, гдѣ **ъı**, какъ я говорилъ, изъ индоевропейскаго ū; сравните въ греческомъ языкѣ, гдѣ въ нарѣчіяхъ аттическомъ и іоническомъ рано исчезло *F*, напр., родительный единственнаго числа συός изъ συ*F*ος съ ŭ, при именительномъ σῦς съ ū. Изъ индоевропейскаго сочетанія «ĭ слоговое одного слога + j другого слога», а частью также изъ сочетанія «ĭ слоговое одного слога + i̯ другого слога» при извѣстномъ его положеніи (какъ я объясню впослѣдствіи), въ чередованіи этихъ сочетаній съ ī въ положеніи безъ послѣдующей гласной, въ старославянскомъ языкѣ надо ждать i + j (старославянскій звукъ, который могъ быть i̯ или j, я называю условно j), такъ какъ еще въ общеславянскомъ языкѣ въ положеніи передъ j (i̯), какъ мы увидимъ далѣе, ь, т. е. ирраціональное i, переходило въ i, вѣроятно среднее по количеству между ĭ и ī, откуда старославянское **и**, измѣнявшееся въ діалектахъ въ **ь**. Такое старославянское i + j изъ индоевропейскаго сочетанія «i слоговое одного слога + i̯ или j другого слога», полученнаго изъ ī въ положеніи передъ гласной, является, напр., въ

словѣ **приятель**, какъ показываютъ родственныя слова древнеиндійскаго языка; сравните въ греческомъ языкѣ такіе случаи, какъ χιός изъ χῐ̯ός, при именительномъ χῖς. Индоевропейскія сочетанія «ī слоговое одного слога + i̯ или j другого слога» изъ ī передъ гласной и «ū слоговое одного слога + u̯ или v другого слога» изъ ū передъ гласной — эти сочетанія при извѣстномъ фонетическомъ положеніи теряли можетъ быть еще въ индоевропейскомъ языкѣ i̯ или j и u̯ или v передъ гласной, т. е. переходили въ одно краткое слоговое i передъ гласной и въ одно краткое слоговое u передъ гласной. Но индоевропейскій языкъ имѣлъ также и такія краткія слоговыя i и u въ положеніи передъ гласной, которыя не находились въ чередованіи съ ī и ū безъ послѣдующей гласной, т. е. такія, которымъ въ положеніи безъ послѣдующей гласной соотвѣтствовали также ī и ū слоговыя. Эти индоевропейскія сочетанія «ī слоговое или ū слоговое + гласная» при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ, можетъ быть, получали въ индоевропейскомъ языкѣ неслоговое i или j между ī слоговымъ и слѣдующей гласной и неслоговое u или v между ū слоговымъ и слѣдующей гласной, такъ что индоевропейскій языкъ въ эпоху его распаденія имѣлъ сочетанія ĭi̯a, ŭu̯a какъ изъ сочетаній īa, ūa, такъ, можетъ быть, при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ, и изъ сочетаній ĭa, ŭa, а индоевропейскія сочетанія ĭa, ŭa были частью первоначальными ĭa, ŭa, частью же, при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ, получались, можетъ быть, и изъ īa, ūa черезъ посредство ĭi̯a (или ĭja) и ŭu̯a (или ŭva). Греческій и латинскій языки не позволяютъ намъ различать индоевропейскія ĭi̯a и ŭu̯a, а также ŭva съ одной стороны и индоевропейскія ĭa, ŭa съ другой стороны (гласную а я беру въ качествѣ представителя различныхъ гласныхъ), такъ какъ мы находимъ греческое и латинское ia и латинское ua, греческое діалектическое υα и въ томъ и въ другомъ случаѣ. Въ латинскомъ языкѣ индоевропейскія сочетанія ĭi̯a и ĭja также совпали въ одномъ ia, но въ греческомъ языкѣ ĭja при фонетическомъ измѣненіи, тамъ, гдѣ оно не замѣнялось по аналогіи сочетаніемъ ĭi̯a родственныхъ

образованій, отличалось, повидимому, отъ i̯a, а именно первоначальное j въ такомъ положеніи въ греческомъ языкѣ давало, повидимому, δ (таково, можетъ быть, происхожденіе греческаго δ въ такихъ случаяхъ, какъ ἔριδος). Что касается общеславянскаго языка, то здѣсь индоевропейскія i̯a и u̯a, i̯va отличались отъ индоевропейскихъ ia, ua при положеніи въ послѣднихъ слоговыхъ i и u въ неначальномъ слогѣ слова. Я говорилъ уже о томъ, въ какомъ видѣ мы находимъ въ общеславянскомъ языкѣ индоевропейскія сочетанія i̯a и u̯a, i̯va; что же касается индоевропейскихъ сочетаній ia, ua при положеніи въ нихъ i и u въ неначальномъ слогѣ слова, то въ такомъ ia слоговое i съ теченіемъ времени совпало въ общеславянскомъ языкѣ съ i̯ въ одномъ звукѣ, съ которымъ совпало далѣе и индоевропейское j, при чемъ въ зависимости отъ различнаго положенія въ словахъ эти звуки имѣли въ общеславянскомъ языкѣ различную исторію, какъ мы увидимъ далѣе, а изъ индоевропейскаго u̯ передъ гласной въ неначальномъ слогѣ получалось въ общеславянскомъ языкѣ v, откуда старославянское **в**, русское **в**, при чемъ то же общеславянское v получалось, какъ мы увидимъ далѣе, и изъ индоевропейскихъ неслогового u и v. Старославянское **в**, русское **в** изъ индоевропейскаго слогового u̯ передъ гласной въ неначальномъ слогѣ является, напр., въ **мрьтвъ**, русское мертвый, тождественномъ съ латинскимъ mortuus, гдѣ, какъ показываютъ родственныя по суффиксу древнеиндійскія образованія, индоевропейскій языкъ имѣлъ слоговое u передъ гласной. Что же касается индоевропейскихъ ia, ua съ i и u въ начальномъ слогѣ словъ въ общеславянскомъ языкѣ, то, повидимому, въ этомъ случаѣ первоначальное i слоговое передъ гласной переходило въ общеславянскомъ языкѣ въ i + j, гдѣ i непосредственно изъ ь въ положеніи передъ j, а u̯ слоговое переходило при этомъ въ ъ + v, если только эти общеславянскія ij, ъv не восходятъ къ индоевропейскимъ i̯j, u̯v (или i̯d u̯u̯), чередовавшимся съ i и u̯ передъ гласными при какихъ-то фонетическихъ условіяхъ. Такое общеславянское ij является, напр., въ родительномъ trìjь «трехъ» (гдѣ

ь изъ ъ послѣ мягкой согласной), откуда старославянское **трии**, сравните греческое τριῶν, латинское trium; соотвѣтствующее слово литовскаго языка trijú позволяетъ думать, что ij существовало здѣсь еще въ литовско-славянскомъ языкѣ. Общеславянское ъv указаннаго происхожденія, откуда старославянское **ък**, является въ числительномъ **дъва** (русское два), тождественномъ съ греческимъ δύω, латинское **duo**; тождественное древнеиндійское слово указываетъ на индоевропейское й слоговое передъ гласной, не на сочетаніе й + u̯ или й + v.

Индоевропейскія неслоговыя i и u существовали въ индоевропейскомъ языкѣ, какъ я говорилъ, въ сочетаніяхъ двухъ родовъ, а именно они примыкали въ слоговомъ отношеніи или къ послѣдующему слоговому звуку, или къ предшествующей слоговой гласной, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ получалось звуковое сочетаніе, называемое дифтонгомъ въ тѣсномъ смыслѣ этого термина, т. е. сочетаніе слоговой гласной съ послѣдующею неслоговою гласною того же слога. Индоевропейскія i̯ и u̯ въ сочетаніяхъ перваго рода я разсмотрю впослѣдствіи вмѣстѣ съ согласными j и v, а теперь остановлюсь на индоевропейскихъ дифтонгахъ, оканчивавшихся на неслоговыя i и u. Слоговою гласной въ этихъ индоевропейскихъ дифтонгахъ были разнаго вида краткія и долгія a, т. е. индоевропейскій языкъ имѣлъ дифтонги ăi̯, ău̯ и āi̯, āu̯ съ ă°, ā°, ă°, ā°, ă^{a}, ā^{a}, при чемъ ă° и ă° въ дифтонгахъ чередовались между собой такъ же, какъ и тѣ ă° и ă°, которыя являлись не въ дифтонгахъ, а въ долгихъ a различнаго качества существовали, вѣроятно, въ дифтонгахъ тѣ же два вида долготы, какъ и не въ дифтонгахъ. Неслоговыя i и u въ дифтонгахъ ai̯ и au̯ (можетъ быть и въ āi̯, āu̯) были въ индоевропейскомъ языкѣ не только краткими, но также, въ случаяхъ болѣе рѣдкихъ, долгими или полудолгими, хотя исторія индоевропейскихъ дифтонговъ съ долгими или полудолгими i̯ и u̯ въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ требуетъ еще изслѣдованія. Индоевропейскіе дифтонги ăi̯ съ ă различнаго качества, а можетъ быть и ău̯ съ ă различнаго качества, получались частію путемъ

стяженія въ словѣ двухъ слоговыхъ гласныхъ, а и і, а и u, но обыкновенно они имѣли другое происхожденіе, при чемъ дифтонги ăi̯ съ ă° и ă°, чередовавшимися между собою такъ же, какъ эти гласныя чередовались и внѣ дифтонговъ, являлись въ чередованіи съ і слоговымъ, обыкновенно краткимъ, но иногда и долгимъ, и подобнымъ же образомъ дифтонги ău̯ съ ă° или ă°, чередовавшимися между собою, являлись въ чередованіи съ u слоговымъ, обыкновенно краткимъ, иногда также долгимъ. Что касается индоевропейскихъ дифтонговъ āi̯ и āu̯ съ долгимъ а различнаго качества, то частію они получались путемъ стяженія, напр., āi̯ могло получиться изъ соединенія «ā того или другого качества + і слоговое другой части слова» или изъ соединенія «ă того или другого качества + дифтонгъ ai̯ съ а того или другого качества другой части слова», но кромѣ того они имѣли и иное происхожденіе, и въ этихъ случаяхъ дифтонги āi̯, āu̯ могли чередоваться съ ăi̯, ău̯. Дифтонги существовали въ индоевропейскомъ языкѣ въ эпоху его распаденія лишь въ положеніи безъ послѣдующей гласной, т. е. передъ согласной или въ концѣ слова; впрочемъ, индоевропейскіе дифтонги āi̯ съ ā различнаго качества въ положеніи передъ согласной теряли i̯ еще въ индоевропейскомъ языкѣ, а дифтонги āu̯ съ ā различнаго качества теряли здѣсь u̯ въ положеніи передъ носовою согласной (а также, вѣроятно, передъ плавною) безъ послѣдующей гласной.

Индоевропейскіе дифтонги ăi̯ *съ* ă *различнаго качества въ языкахъ греческомъ, латинскомъ, старославянскомъ, русскомъ.* Въ греческомъ языкѣ мы находимъ эти индоевропейскіе дифтонги въ видѣ αι, ει, οι, въ древнелатинскомъ также въ видѣ ai, ei, oi, которыя съ теченіемъ времени стянулись въ латинскомъ языкѣ въ долгія гласныя, а именно ai черезъ посредство дифтонга ae перешло въ ē, ei въ ī, oi частію въ ū, частію же, при другихъ условіяхъ, черезъ посредство дифтонга oe въ ō долгое, откуда далѣе ē, а въ конечномъ слогѣ словъ еще въ древнелатинскомъ языкѣ вмѣсто oi являлся дифтонгъ ei, который далѣе, какъ и всякое ei, обратился въ ī. Мы видѣли, что въ литовско-славянскомъ языкѣ

индоевропейскія ă° и ă^a совпали въ одномъ звукѣ ă°, откуда общеславянское ŏ; поэтому и индоевропейскіе дифтонги ăi̯ съ ă° и ă^a совпали въ литовско-славянскомъ языкѣ въ одномъ дифтонгѣ ă°i̯, откуда общеславянскій дифтонгъ ŏi̯. Это ŏi̯ въ общеславянскомъ языкѣ съ теченіемъ времени обратилось въ ē закрытое, въ которое здѣсь перешло съ теченіемъ времени и старое ē открытое изъ индоевропейскаго ā^e, а въ эпоху распаденія общеславянскаго языка ē того и другого происхожденія одинаково распалось на дифтонгическое сочетаніе i͡e, откуда старославянское ѣ, новое русское е. Индоевропейскій дифтонгъ ăi̯ съ ă° въ литовско-славянскомъ языкѣ звучалъ ei̯, ибо само индоевропейское ă° звучало здѣсь какъ ĕ, а въ общеславянскомъ языкѣ дифтонгъ ei̯ измѣнился съ теченіемъ времени въ ī и совпалъ, слѣдовательно, съ ī изъ индоевропейскаго ī; въ старославянскомъ языкѣ отсюда и (ї), русское и (і). О тѣхъ общеславянскихъ измѣненіяхъ индоевропейскихъ дифтонговъ ăi̯ съ ă различнаго качества, которыя были обусловлены извѣстнымъ фонетическимъ положеніемъ ихъ въ словахъ, я буду говорить далѣе.

Примѣры. Старославянское ѣ изъ индоевропейскаго дифтонга ăi̯ съ ă не склонявшимся къ е: старославянское **лѣкъ**, русское лѣвый, греческое λαιός изъ λαι*Fός*, латинское laevus; старославянское **вѣмь** «я знаю», а также **вѣдѣ** «я знаю», сравните греческое οἶδα изъ *Fοιδα*, тождественное съ старославянскимъ **вѣдѣ**, отъ того же корня съ индоевропейскою гласной ī, въ чередованіи съ дифтонгами ă°i̯, ă^ei̯, напр., греческое ἴδμεν, ἴσμεν; старославянское **отъ-лѣкъ** «остатокъ», родственно греческое λοιπός, гдѣ π изъ k, какъ мы увидимъ далѣе, сравните отъ того же корня λείπω, ἔλιπον, латинское linquo; старославянское ѣ въ окончаніи основы повелительной формы не единственнаго числа въ одномъ изъ двухъ главныхъ спряженій, напр., старославянское ѣ въ формахъ **берѣте**, **вѣдѣте**, тождественно греческое οι въ окончаніи основы желательнаго наклоненія въ одномъ изъ двухъ главныхъ спряженій, напр., въ φέροιτε, тождественномъ съ старославянскимъ **берѣте** (славянская повелительная форма образовалась изъ ши-

европейскаго желательнаго наклоненія); старославянское **мѣн-** въ **мѣна**, русское мѣна, тождественно съ латинскимъ mūn, изъ древнелатинскаго moin въ commūnis. — Старославянское **и** изъ индоевропейскаго дифтонга ai съ ă°: старославянское **нти**, русское **идти**, литовское eĩti, сравните греческое ει въ εἶμι, латинское ī изъ ei, напр., въ īs изъ eis или въ īre, отъ того же корня съ ĭ, напр., греческое ἴμεν; старославянскія **видъ**, **видѣти**, русскія видъ, видѣть, родственны греческія εἶδος, εἴδομαι изъ *Fειδος*, *Fειδομαι*, отъ того же корня съ ĭ, напр., латинское video; старославянское **зим-** въ словѣ **зима**, русское зима, тождественно съ греческимъ χειμ- въ словахъ χειμών, χεῖμα, отъ того же корня съ индоевропейскимъ ĭ, напр., греческое χιμος въ словѣ δύσχιμος.

Индоевропейскіе дифтонги ău съ ă различнаго качества въ греческомъ языкѣ являлись какъ дифтонги αυ, ευ, ου, при чемъ изъ ου черезъ посредство ō закрытаго получилось далѣе ū; въ латинскомъ языкѣ отсюда дифтонги au и древнелатинское ou, измѣнявшееся далѣе въ ū, иногда въ ō, при чемъ въ латинскомъ ou совпали индоевропейскіе дифтонги ău съ ă° и ă°. Общеславянскій языкъ получилъ изъ литовско-славянскаго языка индоевропейскіе дифтонги ău съ ă^{a} и ă° въ видѣ дифтонга ă°u̯, откуда въ общеславянскомъ ou̯, такъ какъ литовско-славянское ă° въ общеславянскомъ давало o; этотъ дифтонгъ ou̯ стянулся затѣмъ въ общеславянскомъ языкѣ въ ō закрытое, откуда въ эпоху распаденія общеславянскаго языка ū, старославянское **оу**, русское у. Индоевропейскій дифтонгъ ă°u̯ въ литовско-славянскомъ языкѣ долженъ былъ обратиться въ дифтонгъ ĕu̯, такъ какъ ă° давало въ литовско-славянскомъ языкѣ ĕ, и я думаю, что этотъ дифтонгъ перешелъ какъ eu̯ и въ общеславянскій языкъ, гдѣ съ теченіемъ времени, можетъ быть черезъ посредство дифтонга iu̯, получилось отсюда сочетаніе i̯ + ū. Въ этомъ общеславянскомъ сочетаніи i̯ū дальнѣйшая исторія i̯ совпадала съ исторіей общеславянскаго i̯ въ другихъ случаяхъ, а объ общеславянскомъ i̯ въ различныхъ сочетаніяхъ я говорю далѣе и тогда же разсмотрю вмѣстѣ съ другими сочетаніями и сочетаніе i̯ + ū. Это общесла-

вянское сочетаніе i̯ + ū имѣло также, какъ мы увидимъ далѣе, и другое происхожденіе, и въ большинствѣ случаевъ оно было не изъ индоевропейскаго дифтонга ă°u̯, но такъ какъ еще въ общеславянскомъ языкѣ совпали между собою сочетанія i̯ + ū различнаго происхожденія, то и дальнѣйшая исторія ихъ какъ въ общеславянскомъ языкѣ, такъ и въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ была одинакова. Въ старославянскомъ языкѣ мы находимъ отсюда при положеніи безъ предшествующей согласной сочетаніе, выражавшееся написаніемъ іотированной гласной **ю**, которая въ этомъ случаѣ обозначала сочетаніе «i̯ или j + извѣстная слоговая гласная». Въ положеніи послѣ общеславянскихъ смягченныхъ согласныхъ, оставшихся въ старославянскомъ языкѣ смягченными, писалось то же **ю**, при чемъ такое написаніе, такъ же какъ написанія другихъ іотированныхъ гласныхъ, обозначало, какъ я говорилъ уже прежде, смягченіе предшествующей согласной, т. е. написаніе **ю** въ этомъ случаѣ обозначало извѣстную слоговую гласную въ положеніи послѣ смягченной согласной. Наконецъ, послѣ общеславянскихъ смягченныхъ согласныхъ č, ž, š и т. д., терявшихъ въ старославянскомъ языкѣ съ теченіемъ времени по крайней мѣрѣ полную степень смягченія (см. выше), написаніе **ю** паннонскихъ текстовъ обозначало извѣстную слоговую гласную неіотированную (сравните обыкновенное написаніе **а**, а не **ѫ** или **ѣ** послѣ тѣхъ же согласныхъ въ тѣхъ же текстахъ), между тѣмъ какъ, напр., въ Остромировомъ евангеліи послѣ тѣхъ же согласныхъ является **оу** въ соотвѣтствіи съ **ю** текстовъ паннонскихъ. Отсюда слѣдуетъ, что въ текстахъ паннонскихъ написаніе **ю** тамъ, гдѣ при извѣстномъ положеніи оно обозначаетъ гласную неіотированную, которой соотвѣтствуетъ гласная **оу** въ томъ же положеніи въ другихъ текстахъ, было обозначеніемъ звука не u (у), но вѣроятно извѣстнаго рода ü. Поэтому и въ написаніи **ю** паннонскихъ текстовъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этимъ написаніемъ обозначалась іотированная гласная, надо видѣть здѣсь въ самой слоговой гласной не u (у), но ü. Что же касается текстовъ, гдѣ послѣ **ч**, **ж**, **ш**

и т. д. является **оу** въ соотвѣтствіи съ **ю** паннонскихъ текстовъ, то здѣсь въ написаніи **ю** въ значеніи іотированной гласной можно видѣть обозначеніе слоговой гласной u (у) послѣ i̯ или послѣ смягченной согласной. — Въ русскомъ языкѣ въ соотвѣтственныхъ случаяхъ мы находимъ ю, т. е. j + у въ положеніи безъ предшествующей согласной, а послѣ согласныхъ, полученныхъ изъ общеславянскаго языка смягченными, хотя нѣкоторыя изъ нихъ въ русскомъ языкѣ отвердѣли, — у (пишется ю и у). — Я сказалъ, что общеславянское сочетаніе i̯ + ū съ его дальнѣйшими измѣненіями, въ зависимости отъ положенія въ словахъ, въ большинствѣ случаевъ получалось не изъ индоевропейскаго дифтонга ău̯ съ ă°. По мнѣнію нѣкоторыхъ лингвистовъ, индоевропейскій дифтонгъ ă°u не давалъ вообще въ общеславянскомъ языкѣ такого сочетанія и совпадалъ здѣсь съ дифтонгомъ ou, откуда далѣе ū, т. е. совпадалъ съ индоевропейскими дифтонгами ău̯ съ ă не склоннымъ къ e. Я думаю, однако, что для нѣкоторыхъ, хотя и рѣдкихъ случаевъ, трудно отрицать происхожденіе общеславянскаго сочетанія i̯ + ū изъ индоевропейскаго дифтонга ău̯ съ ă°, хотя чаще этотъ индоевропейскій дифтонгъ, вѣроятно еще въ литовско-славянскомъ языкѣ, замѣнялся не фонетически, а подъ вліяніемъ грамматической аналогіи, дифтонгомъ изъ индоевропейскаго дифтонга ău̯ съ ă°, именно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ родственныхъ словахъ сохранялось древнее чередованіе индоевропейскихъ дифтонговъ ău̯ съ ă° и съ ă°. Обратное явленіе представляетъ греческій языкъ, гдѣ дифтонгъ ου изъ индоевропейскаго дифтонга ă°u̯ въ большинствѣ случаевъ замѣненъ былъ подъ вліяніемъ грамматической аналогіи дифтонгомъ ευ изъ индоевропейскаго дифтонга ă°u̯.

Примѣры. Старославянское **оу** изъ индоевропейскаго ău̯ съ ă не склоннымъ къ e: старославянская основа **оушь-**, являющаяся въ двойственномъ числѣ, напр. **оушн**, русское уши (общеславянское š изъ χ передъ мягкою гласной, а χ изъ s), тождественна латинская основа aurī- въ auris изъ ausis (латинское r изъ первоначальнаго s между гласными): родственно, но съ другимъ

суффиксомъ, старославянское **оухо**, русское ухо, гдѣ общеславянское χ изъ s; старославянское **тоуръ**, тождественное съ греческимъ ταῦρος, латинскимъ taurus; старославянское **лоуч-** въ словѣ **лоуча̀** «лучъ, свѣтъ», русское лучъ, гдѣ общеславянское č изъ k, родственны латинское lūc-, напр. въ lūceo, гдѣ ū изъ древнелатинскаго ou и можетъ восходить какъ къ индоевропейскому ău̯ съ ă не склоннымъ къ e, такъ и къ ău̯ съ ăᵉ, греческое λευκ- въ λευκός, гдѣ ευ изъ индоевропейскаго ăᵉu̯ (но въ этомъ словѣ могло быть нефонетическою замѣной дифтонга ου); тотъ же корень съ гласной ŭ является, напр., въ латинскомъ lucerna; старославянское **боудити**, русское будить, родственно греческое πεύθομαι, гдѣ дифтонгъ ευ изъ индоевропейскаго ău̯ съ ăᵉ, чередовавшимся съ ăᵒ; отъ того же корня съ индоевропейскимъ u̯ старославянское **бъдѣти**, греческое πυνθάνομαι (греческое π въ этихъ словахъ восходитъ къ индоевропейскому bh, которое въ греческомъ языкѣ обращалось въ ph (φ) и въ данномъ случаѣ утратило придыханіе подъ вліяніемъ придыханія въ началѣ слѣдующаго слога). — Старославянское **ю**, а послѣ извѣстныхъ согласныхъ въ непаннонскихъ текстахъ **оу** изъ индоевропейскаго дифтонга ăᵉu̯. Таково старославянское **ю** въ словѣ **любити**, русское любить, какъ показываетъ сравненіе съ нѣмецкими языками (въ нововерхненѣмецкомъ языкѣ соотвѣтственное слово является въ lieben); отъ того же корня съ индоевропейскою гласной ŭ, напр. латинское lŭb въ lŭbet; таково же старославянское **ю** въ **блюдѫ**, **блюсти** (гдѣ л̂ изъ общеславянскаго смягченнаго l, получившагося изъ i̯ въ i̯ū послѣ губной согласной), родственномъ съ греческимъ πεύθομαι, сравните отъ того же корня старославянскія **бъдѣти**, **боудити**; такого же происхожденія старославянское **ю** повидимому, напр., и въ словѣ **чюѭ**, **чюти**, въ текстахъ непаннонскихъ **чоуѭ**, **чоути**, русское чую, родственно греческое κοέω изъ κοϜεω.

Индоевропейскіе дифтонги āi̯ и āu̯ съ ā различнаго качества существовали лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. *Индоевропейскіе дифтонги* āi̯ *съ* ā *различнаго качества.* Достовѣрные примѣры для

индоевропейскаго дифтонга $\bar{a}_{\underline{i}}$ съ $\bar{a}^{o}$ неизвѣстны. Я остановлюсь поэтому только на дифтонгахъ $\bar{a}_{\underline{i}}$ съ $\bar{a}^{o}$ и $\bar{a}^{a}$, которые мы находимъ въ окончаніи дательнаго единственнаго числа именъ съ извѣстными основами и мѣстоименій.

Въ греческомъ языкѣ дифтонгъ $\bar{a}^{a}_{\underline{i}}$ сохранился какъ $\bar{a}\iota$ ($\bar{\alpha}$), откуда діалектическое $\eta\iota$ ($\bar{\eta}$); подобнымъ же образомъ изъ индоевропейскаго дифтонга $\bar{a}^{o}_{\underline{i}}$ мы находимъ греческое $\omega\iota$ ($\bar{\omega}$). Въ латинскомъ языкѣ изъ индоевропейскаго дифтонга $\bar{a}^{o}_{\underline{i}}$ мы находимъ $\bar{o}$, съ утратой неслоговой части дифтонга, и соотвѣтственно съ этимъ изъ индоевропейскаго дифтонга $\bar{a}^{a}_{\underline{i}}$ можно было бы ждать $\bar{a}$; но въ той формѣ, которая нѣкогда оканчивалась на $\bar{a}^{a}_{\underline{i}}$, именно въ дательномъ единственнаго числа латинскаго перваго склоненія, мы находимъ въ латинскомъ не $\bar{a}$, но древнелатинское $\breve{a}_{\underline{i}}$, откуда далѣе ae, при чемъ остается неизвѣстнымъ, есть ли здѣсь ai, съ $\breve{a}$, фонетическое измѣненіе первоначальнаго $\bar{a}^{a}_{\underline{i}}$, или же самая форма представляетъ по образованію не первоначальный дательный, но первоначальный мѣстный падежъ единственнаго числа, а форма мѣстнаго единственнаго числа въ именахъ съ такими основами въ индоевропейскомъ языкѣ оканчивалась, между прочимъ, на $\breve{a}^{a}_{\underline{i}}$. Въ общеславянскомъ языкѣ индоевропейскій дифтонгъ $\breve{a}^{a}_{\underline{i}}$, какъ и $\breve{a}_{\underline{i}}$ съ $\breve{a}$ не склоннымъ къ e, съ теченіемъ времени обратился въ $\bar{e}$, откуда далѣе общеславянское дифтонгическое ie, старославянское ѣ, современное русское e. Изъ индоевропейскаго дифтонга $\bar{a}^{o}_{\underline{i}}$ съ $\bar{a}^{o}$ такого качества долготы, при которомъ не въ дифтонгѣ эта гласная переходила въ общеславянскомъ языкѣ въ $\bar{a}$, откуда старославянское а, надо бы ждать въ общеславянскомъ языкѣ въ эпоху его распаденія также дифтонгическое ie (непосредственно изъ $\bar{e}$), откуда въ старославянскомъ языкѣ получилось бы ѣ. Но въ томъ случаѣ, изъ котораго намъ извѣстенъ въ индоевропейскомъ языкѣ дифтонгъ $\bar{a}^{o}i$, а именно въ окончаніи дательнаго единственнаго числа именъ съ основами на первоначальное $\breve{a}^{o}$ и мѣстоименій мужескаго и средняго рода, въ этомъ случаѣ индоевропейское $\bar{a}^{o}$ въ этомъ дифтонгѣ имѣло въ литовско-славянскомъ языкѣ то

качество долготы, при которомъ изъ индоевропейскаго $\bar{a}^{o}$ (откуда литовско-славянское $\bar{o}$) получалось въ общеславянскомъ языкѣ, какъ я думаю, $\bar{u}$ (старославянское **оу**), черезъ посредство долгаго закрытаго о, и то же общеславянское $\bar{u}$, откуда старославянское **оу**, русское у, мы находимъ изъ индоевропейскаго дифтонга $\bar{a}^{o}\underset{\cdot}{i}$ съ такимъ $\bar{a}^{o}$, при чемъ, слѣдовательно, неслоговая часть дифтонга исчезла въ общеславянскомъ языкѣ. Утрата неслоговой части дифтонга въ этомъ случаѣ въ общеславянскомъ языкѣ, между тѣмъ какъ въ индоевропейскомъ $\bar{a}^{a}\underset{\cdot}{i}$ неслоговое і не было утрачено въ общеславянскомъ языкѣ, — эта утрата указываетъ можетъ быть на то, что общеславянское $\bar{u}$ изъ литовско-славянскаго $\bar{o}$ съ извѣстнымъ качествомъ долготы (изъ индоевропейскаго $\bar{a}^{o}$) образовалось непосредственно изъ дифтонгическаго uo, которое, въ свою очередь, получилось изъ $\bar{o}$ закрытаго, и что, слѣдовательно, въ данномъ случаѣ нѣкогда существовалъ въ общеславянскомъ языкѣ трифтонгъ, терявшій далѣе конечную неслоговую часть.

Примѣры. Старославянское **ѣ** изъ индоевропейскаго дифтонга $\breve{a}^{a}\underset{\cdot}{i}$: сюда принадлежитъ **ѣ** въ окончаніи дательнаго единственнаго числа именъ съ основами на первоначальное $\bar{a}^{a}$, оканчивавшихся въ именительномъ единственнаго числа на старославянское **а** изъ индоевропейскаго $\bar{a}^{a}$, напр., въ формахъ дательнаго **женѣ**, **рыбѣ**, русскія женѣ, рыбѣ, сравните греческое $\bar{\alpha}$, откуда діалектическое η при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ, въ дательномъ единственнаго числа именъ съ соотвѣтственными основами, въ греческомъ первомъ склоненіи, напр., $\chi\acute{\omega}\rho\bar{\alpha}$. — Старославянское **оу** изъ индоевропейскаго $\bar{a}^{o}\underset{\cdot}{i}$, съ $\bar{a}^{o}$, $\bar{o}$, извѣстнаго качества долготы въ литовско-славянскомъ языкѣ, является въ окончаніи дательнаго единственнаго числа именъ съ основами на первоначальное $\breve{a}^{o}$ и мѣстоименій мужескаго и средняго рода, слѣдовательно въ такихъ формахъ, какъ **рабоу**, **мѣстоу**, **томоу**, русскія рабу, мѣсту, тому, сравните греческое ω, латинское $\bar{o}$ изъ $\bar{o}i$ въ окончаніи дательнаго именъ съ соотвѣтствующими основами, напр., греческое $\acute{\iota}\pi\pi\omega$, латинское equ$\bar{o}$.

Индоевропейскіе дифтонги āu̯ *съ* ā *различнаго качества* въ греческомъ языкѣ извѣстны намъ лишь въ положеніи передъ согласными, при чемъ они получили здѣсь въ такомъ положеніи краткую слоговую гласную вмѣсто долгой, т. е. индоевропейскіе дифтонги āu̯ съ ā различнаго качества въ греческомъ языкѣ перешли въ ευ, ου, αυ, съ краткими слоговыми гласными. Въ латинскомъ языкѣ индоевропейскіе дифтонги āu̯ съ ā различнаго качества въ положеніи передъ согласными теряли неслоговую часть, и поэтому, напр., индоевропейское ā°u обращалось въ латинскомъ языкѣ въ такомъ положеніи въ ē, съ утратою неслоговой части. Въ общеславянскомъ языкѣ ū, откуда старославянское **оу**, русское у, въ окончаніи мѣстнаго падежа единственнаго числа именъ, первоначально съ основами на индоевропейское ŭ, т. е., напр., въ такихъ формахъ, какъ старославянскій мѣстный **сыноу**, **врьхоу**, русскій предложный (на) верху, образовалось, какъ можно предположить на основаніи древнеиндійской формы мѣстнаго единственнаго числа въ именахъ съ соотвѣтствующими основами, изъ индоевропейскаго дифтонга āu съ ā не склоннымъ къ е, именно съ ā° въ этомъ случаѣ.

Индоевропейскіе дифтонги въ положеніи передъ слоговою гласной распадались въ индоевропейскомъ языкѣ на сочетанія: «слоговая гласная а того или другого качества и количества + неслоговое i или u, примыкавшее въ слоговомъ отношеніи къ послѣдующему слогу», при чемъ эти неслоговыя i и u въ индоевропейскомъ языкѣ при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ переходили въ j и v. Т. е., какъ скоро въ индоевропейскомъ языкѣ дифтонгъ ai, съ ă того или другого качества и количества, получалъ въ словѣ мѣсто, напр., передъ a, то сочетаніе aja распадалось на сочетаніе «а одного слога + ja или при извѣстныхъ условіяхъ ja другого слога». Подобнымъ же образомъ изъ сочетанія «дифтонгъ au съ а того или другого качества или количества + a» получалось сочетаніе «а одного слога + va или при извѣстныхъ условіяхъ va другого слога». Такимъ образомъ въ этихъ случаяхъ являлись уже не дифтонги, а звуковыя сочетанія,

заключавшія въ себѣ, кромѣ слоговой гласной одного слога, неслоговыя i и u или j и v, примыкавшія въ слоговомъ отношеніи къ слоговому звуку слѣдующаго слога (объ этихъ неслоговыхъ i и u и j и v я буду говорить далѣе при обзорѣ согласныхъ). Отношеніе, существующее, напр., между старославянскимъ **пѣти**, гдѣ **ѣ** изъ индоевропейскаго дифтонга ai съ ă не склоннымъ къ e, и **поѭ**, объясняется тѣмъ, что въ послѣднемъ случаѣ индоевропейскій дифтонгъ ai получилъ мѣсто передъ гласной, вслѣдствіе чего явилось сочетаніе «a одного слога + i̯ или j другого слога». Такъ же объясняется чередованіе между старославянскимъ **оу**, изъ индоевропейскаго дифтонга au съ a не склоннымъ къ e, и сочетаніемъ **ов** передъ гласной, напр., въ такихъ случаяхъ, какъ **плоути** (неопредѣленное) при **плову** (настоящее); это старославянское **о** въ такомъ **ов** можетъ восходить не только къ индоевропейскому a не склонявшемуся къ e, но и къ индоевропейскому ă°, такъ какъ послѣднее передъ v еще въ литовско-славянскомъ языкѣ измѣнялось при извѣстныхъ условіяхъ въ ă°, откуда старославянское **о**. Такъ, именно въ **плову** общеславянское ov получилось изъ ev, т. е. индоевропейскою гласной было ă°, сравните греческое πλέω изъ πλέ*F*ω; здѣсь греческое ε*F*, старославянское **ов** восходятъ, слѣдовательно, къ индоевропейскому дифтонгу ă°u̯, получившему мѣсто передъ гласной и распавшемуся поэтому на сочетаніе «ă° одного слога + u или v, примыкавшее въ слоговомъ отношеніи къ послѣдующей гласной».

Относительно той индоевропейской гласной, которая въ эпоху распаденія индоевропейскаго языка въ полномъ видѣ являлась какъ ă° и ă°, чередовавшіяся между собою, надо замѣтить, что при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ эта гласная вполнѣ исчезала въ индоевропейскомъ языкѣ; напр., въ старославянскомъ **сѫть**, какъ и въ латинскомъ sunt, еще въ индоевропейскомъ языкѣ отпала начальная гласная, являющаяся, напр., въ старославянскомъ **єсмь**, **єсть**, гдѣ передъ начальнымъ e еще въ общеславянскомъ языкѣ было приставлено i̯, въ греческомъ ἐστί, въ латинскомъ est. Или, напр., въ старославянскомъ **сєстра**, гдѣ

между **с** и **р** вставлено **т** еще въ общеславянскомъ языкѣ, исчезла въ sesr- еще въ индоевропейскомъ языкѣ та гласная, которая въ полномъ видѣ являлась какъ ă°, а въ извѣстныхъ случаяхъ и какъ ā°, и которую мы находимъ въ латинскомъ soror, sororem (гдѣ первое r изъ s между гласными), между тѣмъ какъ, напр., латинское consobrinus, гдѣ латинское b передъ r изъ первоначальнаго s, сходится съ старославянскимъ **сєстра** въ томъ, что здѣсь еще въ индоевропейскомъ языкѣ утрачена та же гласная. Сравните также такіе случаи, какъ латинское patris, греческое πατρός, гдѣ еще въ индоевропейскомъ языкѣ утрачена гласная, являющаяся, напр., въ πατέρα, πατήρ.

III.

Теперь мы разсмотримъ согласныя индоевропейскаго языка въ ихъ переходѣ въ языкъ старославянскій и въ языки родственные съ нимъ. Согласныя по условіямъ образованія дѣлятся на согласныя шумныя и согласныя сонорныя (по русски ихъ можно называть звучными, но эти звучныя согласныя не слѣдуетъ смѣшивать съ согласными звонкими, о которыхъ я скажу далѣе). Въ первыхъ, т. е. въ согласныхъ шумныхъ, шумъ въ той или другой части полости рта составляетъ или все свойство звука, или его характеристическій признакъ. Шумныя согласныя произносятся или съ голосомъ, или безъ голоса; первыя называются звонкими, вторыя глухими. И тѣ и другія шумныя согласныя дѣлятся, въ свою очередь, на согласныя мгновенныя, являющіяся вслѣдствіе полнаго соприкосновенія органовъ рѣчи въ той или другой части полости рта, и на согласныя такъ называемыя **фрикативныя**, являющіяся только при сближеніи органовъ рѣчи въ той или другой части полости рта, при чемъ выдыхаемый воздухъ подвергается тренію въ суженной полости рта; отсюда и названіе для этихъ согласныхъ «фрикативныя», т. е. согласныя вызываемыя треніемъ. Мгновенныя согласныя могутъ быть какъ непридыхательными, такъ и придыхательными, т. е. такими, при образо-

ваніи которыхъ участвуетъ и придыханіе, образующееся въ гортани. Мгновенныя согласныя въ сочетаніи съ фрикативными согласными того же мѣста образованія могутъ составлять слитныя согласныя, напр. c (ц), разлагающееся по условіямъ образованія на t + s, или č (ч), разлагающееся на извѣстнаго рода t и š (ш). Сонорныя согласныя въ ихъ чистомъ видѣ, именно сонорныя согласныя, образующіяся при участіи голоса, находятся по условіямъ образованія ближе къ гласнымъ, чѣмъ согласныя шумныя. Къ сонорнымъ согласнымъ принадлежатъ, во-первыхъ, согласныя плавныя, и во-вторыхъ — согласныя носовыя; при образованіи послѣднихъ выдыхаемый воздухъ направляется черезъ полость носа, которая при образованіи звуковъ не носовыхъ (гласныхъ и согласныхъ) остается закрытой. Наконецъ, особое мѣсто среди согласныхъ по условіямъ образованія занимаетъ придыханіе (h), образующееся въ самой гортани.

Въ индоевропейскомъ языкѣ въ эпоху его распаденія изъ числа *шумныхъ* согласныхъ существовали слѣдующія согласныя. *Мгновенныя* согласныя. Задненёбныя согласныя, называемыя не точно гортанными: k — глухая согласная, g — соотвѣтствующая звонкая, при чемъ въ этихъ k и g различались, въ свою очередь, k и g чистыя и k и g лабіализованныя, т. е. такія, которыя по отношенію къ k и g нелабіализованнымъ представляютъ въ условіяхъ образованія извѣстное измѣненіе въ направленіи къ гласнымъ o, u. Затѣмъ индоевропейскій языкъ имѣлъ k и g средненёбныя, называемыя также просто нёбными, т. е. приблизительно такія k и g, какія существуютъ, напр., въ нѣмецкомъ языкѣ передъ мягкими гласными, напр., въ нѣмецкихъ словахъ Kind, ging; русскій языкъ имѣетъ также средненёбныя k и g, напр., въ словахъ рукѣ, ногѣ, при чемъ эти k и g являются у насъ въ видѣ смягченныхъ согласныхъ, а смягченныя согласныя въ сравненіи съ несмягченными представляютъ извѣстное измѣненіе въ условіяхъ образованія по направленію къ гласнымъ e и i, т. е. гласнымъ мягкимъ. Зубныя мгновенныя индоевропейскаго языка: глухая согласная t, соотвѣтствующая звонкая d. Губныя мгно-

венныя: глухая p и соотвѣтствующая звонкая b. Мгновенныя согласныя существовали въ индоевропейскомъ языкѣ и въ качествѣ придыхательныхъ, т. е. здѣсь были извѣстны g обоихъ видовъ, ḱ, b, а также k обоихъ видовъ, t, p, между прочимъ въ качествѣ придыхательныхъ (gh, dh, bh, kh, th, ph). Звонкія мгновенныя придыхательныя были въ индоевропейскомъ языкѣ болѣе употребительны, чѣмъ глухія мгновенныя придыхательныя; послѣднія опредѣлены пока для индоевропейскаго языка лишь въ немногихъ случаяхъ. Согласныя *фрикативныя* индоевропейскаго языка. Задненёбныхъ фрикативныхъ согласныхъ индоевропейскій языкъ не имѣлъ, т. е. онъ не имѣлъ звука χ и соотвѣтствующаго звонкаго γ (звукъ являющійся въ русскомъ языкѣ, напр., въ словѣ богатый). Изъ средненёбныхъ фрикативныхъ здѣсь существовала только звонкая фрикативная — j; изъ зубныхъ фрикативныхъ индоевропейскій языкъ имѣлъ глухую фрикативную s и соотвѣтствующую звонкую z; изъ губныхъ фрикативныхъ была здѣсь извѣстна только звонкая фрикативная v. — Изъ числа слитныхъ согласныхъ индоевропейскій языкъ имѣлъ зубную слитную согласную c и соотвѣтствующую звонкую $\widehat{dz}$; послѣдняя можетъ быть передаваема славянскою буквой s, ибо s выражаетъ звукъ $\widehat{dz}$. Индоевропейскія c и s были какъ непридыхательными, такъ и придыхательными.

Сонорныя согласныя индоевропейскаго языка. Плавныя: r, l и плавная, отличавшаяся отъ чистаго r и чистаго l, которую я оставляю безъ опредѣленія и называю неопредѣленною плавной индоевропейскаго языка; носовыя: n задненёбное передъ задненёбными мгновенными согласными, n средненёбное передъ средненёбными мгновенными согласными, n зубное (т. е. тотъ звукъ, который является, напр., въ русскомъ н) и губная носовая m. Плавныя и носовыя согласныя въ индоевропейскомъ языкѣ въ положеніи безъ послѣдующей гласной были извѣстны не только какъ краткія, но и какъ долгія (сравните то, что я говорилъ прежде объ индоевропейскихъ сочетаніяхъ «неслоговое ирраціональное a + слоговая плавная или носовая», гдѣ, какъ мы ви-

дѣли, индоевропейскій языкъ различалъ краткія и долгія плавныя и носовыя).

Наконецъ, индоевропейскій языкъ изъ числа согласныхъ имѣлъ, я думаю, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и *придыханіе* (h) въ качествѣ отдѣльнаго звука.

Индоевропейскія k задненёбныя, чистое и лабіализованное (то и другое я буду разсматривать вмѣстѣ), откуда въ греческомъ языкѣ π, τ, κ, въ латинскомъ qu (т. е. k + неслоговое u) и одно k (буква c), измѣнившееся очень поздно въ положеніи передъ мягкими звуками въ звукъ c, въ общеславянскомъ языкѣ являлись какъ k задненёбное и такимъ же перешли въ старославянскій и русскій языки; въ положеніи передъ мягкими звуками первоначальное k задненёбное подвергалось въ общеславянскомъ языкѣ измѣненіямъ, именно въ č (ч) и c (ц), о чемъ я буду говорить впослѣдствіи. Индоевропейскія g задненёбныя, чистое и лабіализованное, откуда въ греческомъ языкѣ β, δ, γ (сравните греческія π, τ, κ изъ индоевропейскаго k задненёбнаго), въ латинскомъ, во первыхъ gu (т. е. g + неслоговое u), сохранявшееся въ такомъ видѣ послѣ n, во-вторыхъ одно неслоговое u (изъ gu), совпавшее затѣмъ съ v, и въ-третьихъ одно g (сравните латинскія qu, k изъ индоевропейскаго k задненёбнаго), въ общеславянскомъ языкѣ являлись какъ g задненёбное, откуда старославянское **г**, русское г: въ положеніи передъ мягкими звуками первоначальное g измѣнялось въ общеславянскомъ языкѣ въ ǧ, т. е. d͡ž, откуда далѣе еще въ общеславянскомъ языкѣ ž (ж), и въ ʒ (d͡z); объ этихъ измѣненіяхъ я буду говорить впослѣдствіи.

Примѣры. Индоевропейскія k *задненёбныя, чистое и лабіализованное:* старославянская мѣстоименная основа **ко-**, напр., въ формахъ **кого**, **кому**, русскія кого, кому, тождественна съ греческою основой πο-, іоническое κο-, напр., въ πότε, κότε, съ латинскою основой quo-, напр., въ quod; старославянское **которъıи**, а также **котеръıи**, русское который, сравните съ греческимъ πότερος, κότερος; старославянское **влькъ**, **влъкъ** (съ старославянскою перестановкой звуковъ въ общеславянскомъ сочетаніи ьl̥), рус-

ское волкъ, тождественно съ греческимъ λύκος; въ индоевропейскомъ языкѣ въ корнѣ этого слова заключалось сочетаніе «неслоговое ирраціональное a + краткая слоговая плавная», являвшееся здѣсь подъ удареніемъ, какъ я уже говорилъ прежде; старославянское **око**, родственно латинское oculus, съ другимъ суффиксомъ, сравните также греческое οπ-, напр., въ глагольной формѣ ὄπωπα (греческое π здѣсь изъ первоначальнаго k задненёбнаго). Греческое τ изъ индоевропейскаго k задненёбнаго мы находимъ передъ мягкими гласными, т. е. въ такомъ положеніи, при которомъ въ общеславянскомъ языкѣ k подвергалось измѣненію въ č: напр., греческія τίς, τί тождественны съ латинскими quis, quid, и сюда же принадлежитъ старославянское **ѣ** въ мѣстоименіи **ѣто**, гдѣ ѣ изъ k передъ мягкимъ звукомъ.

Индоевропейскія g задненёбныя, чистое и лабіализованное: старославянское **иго** (старославянское **и** здѣсь изъ ję, а это изъ jъ, jъ), сравните латинское jugum, греческое ζυγόν, гдѣ греческое ζ изъ индоевропейскаго j; старославянское **говѧжь** «бычачій», русское говяжій, говядина, гдѣ общеславянское gov- тождественно съ греческимъ βοF- и далѣе βο-, напр., въ формѣ βοFός, откуда βοός, въ древнеиндійскомъ языкѣ соотвѣтствующее слово имѣло въ началѣ звукъ g (родственно и нѣмецкое Kuh); что касается латинскаго bos, bovis, то, такъ какъ латинскій языкъ не представляетъ вообще измѣненія задненёбнаго g въ b, надо думать, что это слово заимствовано въ латинскомъ языкѣ изъ такого древнеиталійскаго языка, въ которомъ извѣстно было b изъ задненёбнаго g. Другіе примѣры для индоевропейскихъ k и g задненёбныхъ я приведу впослѣдствіи, когда буду говорить объ измѣненіяхъ ихъ въ общеславянскомъ языкѣ съ č и ǧ (откуда ž), c и s въ положеніи передъ мягкими звуками.

Индоевропейское k средненёбное, называемое также нёбнымъ, откуда въ греческомъ языкѣ x, въ латинскомъ k (буква c) съ его позднѣйшимъ измѣненіемъ въ звукъ c передъ мягкими гласными, въ общеславянскомъ языкѣ обратилось въ фрикативную согласную s, отсюда старославянское **с** и русское с; въ литов-

скомъ языкѣ такому общеславянскому s изъ индоевропейскаго k средненёбнаго соотвѣтствуетъ фрикативная согласная š (ш). Индоевропейское g средненёбное, откуда въ греческомъ γ, въ латинскомъ g, въ общеславянскомъ языкѣ обратилось въ фрикативную z (сравните общеславянское s изъ k средненёбнаго), откуда старославянское **ꙁ** и русское з; въ литовскомъ языкѣ этому общеславянскому z изъ индоевропейскаго средненёбнаго g соотвѣтствуетъ фрикативная согласная ž (ж). Славянскія s и z изъ индоевропейскихъ k и g средненёбныхъ должны быть отличаемы отъ славянскихъ s и z другого происхожденія.

Примѣры. Индоевропейское k *средненёбное:* старославянскія **дєсать**, **дєсать**, русскія десятый, десять, литовскія dešimtas «десятый» dẽšimtis «десять», греческое δέκατος, тождественное съ старославянскимъ **дєсать**, сравните греческое δέκα, тождественное съ латинскимъ decem; старославянское **срьдьцє**, русское сердце (въ старославянскомъ перестановка звуковъ общеславянскаго сочетанія ьr̥), родственны греческія καρδία, κραδίη, латинское cor изъ cord; старославянскія **слово**, **слава**, русскія слово, слава, сравните греческое κλεϝος, откуда κλέος, тождественное съ старославянскимъ **слово**, отъ того же корня съ первоначальнымъ й греческое κλύω, латинское cluео, cluo.

Индоевропейское g *средненёбное:* старославянское **ꙁнати**, русское знать, родственны по корню греческое γιγνώσκω, латинскія nosco, cognosco (въ nosco g отпало); старославянское **млѣжѫ** «дою» (съ старославянскою перестановкой звуковъ въ общеславянскомъ сочетаніи ьl̥), неопредѣленное **млѣсти** (съ старославянскою перестановкой общеславянскихъ звуковъ el), литовскія mìlžti «доить», mélžu «дою», родственны также греческое ἀμέλγω (гдѣ α приставлено передъ начальнымъ μ), латинское mulgeo.

Въ нѣкоторыхъ единичныхъ случаяхъ мы находимъ общеславянское k, указывающее само по себѣ на индоевропейское k задненёбное, тамъ, гдѣ родственные языки свидѣтельствуютъ объ индоевропейскомъ k средненёбномъ. Таково, напр., общеславянское k въ старославянскихъ **свєкръ**, **свєкры**, русскія свекоръ,

свекровь, которыя родственны съ греческимъ ἑκυρός, латинскимъ socer изъ soceros; въ литовскомъ и древнеиндійскомъ языкахъ мы находимъ здѣсь въ соотвѣтствіи съ славянскимъ k согласныя, указывающія на индоевропейское k средненёбное, изъ котораго могутъ происходить и греческое k въ ἑκυρός и латинское c въ sŏcer.

Индоевропейское t, откуда въ греческомъ и латинскомъ t, сохранилось какъ t и въ общеславянскомъ языкѣ, отсюда старославянское **т** и русское т; объ измѣненіяхъ t въ общеславянскомъ языкѣ въ положеніи передъ мягкими неслоговыми звуками я буду говорить далѣе. *Примѣры:* старославянское **матн**, русское мать, тождественны греческое дорическое μάτηρ, іоническое и аттическое μήτηρ (съ діалектическимъ η изъ общегреческаго ā), латинское māter; старославянское **трнє** (мужескій родъ числительнаго «три»), гдѣ **н** передъ j явилось изъ e еще въ общеславянскомъ языкѣ, какъ мы увидимъ далѣе, тождественно съ греческимъ τρεῖς изъ τρεες, гдѣ между ее исчезло j, и съ латинскимъ trēs, также непосредственно изъ trees, гдѣ между ее исчезло j; основа указательнаго мѣстоименія **то-**, напр., въ формахъ **того**, **тому**, русское то-, напр., въ того, тому, тождественна съ греческою основой το- въ мѣстоименіи и членѣ, напр., въ формахъ τόν, τῷ.

Индоевропейское d, откуда греческое d, латинское d и иногда, въ зависимости отъ неизвѣстныхъ условій, l, въ общеславянскомъ сохранилось какъ d, отсюда старославянское **д** и русское д; объ измѣненіяхъ общеславянскаго d въ положеніи передъ мягкими неслоговыми звуками я буду говорить далѣе. *Примѣры:* старославянское **десать**, русское десятый, сравните греческія δέκατος, δέκα, латинское decem; старославянскія **датн**, **даръ**, русскія дать, даръ, родственны греческія δίδωμι, δῶρον, латинскія dōnum, dare; старославянское **дєверь**, русское деверь, родственны греческое δαήρ изъ δαιϝηρ, латинское lēvir, гдѣ l въ началѣ изъ индоевропейскаго d.

Индоевропейское p, откуда греческое и латинское p, сохранилось и въ общеславянскомъ какъ p, отсюда старославянское **п**

и русское и. *Примѣры:* старославянскія **плокж** «плыву», неопредѣленное **плоүти**, русскія, съ другою гласной въ корнѣ, плыву, плыть, сравните греческое πλε*F*ω, откуда πλέω, тождественное съ старославянскимъ **плокж**, отъ того же корня латинское pluo; старославянское **плънъ**, русское полонъ, полный (въ старославянскомъ перестановка общеславянскихъ звуковъ ъl), литовское pìlnas, можетъ быть тождественно (и во всякомъ случаѣ родственно) съ латинскимъ plēnus, если lē восходитъ здѣсь къ индоевропейскому сочетанію «$\underset{\smile}{\alpha}$ + долгая слоговая плавная», отъ того же корня съ другимъ порядкомъ звуковъ греческое πίμπλημι, латинское pleo; старославянское **сръпъ** (съ старославянскою перестановкой общеславянскихъ звуковъ ъr), русское серпъ, родственно съ греческимъ ἅρπη, гдѣ греческое придыханіе въ началѣ изъ s, а греческое αρ восходитъ, какъ и **ръ** въ **сръпъ**, къ индоевропейскому $\underset{\smile}{\alpha}$r.

Индоевропейское b непридыхательное было звукомъ мало употребительнымъ въ индоевропейскомъ языкѣ; изъ индоевропейскаго b какъ въ греческомъ и латинскомъ языкахъ, такъ и въ общеславянскомъ, старославянскомъ и русскомъ языкахъ находимъ b. Таково **б** въ старославянскомъ словѣ **бѫбънъ**, русское бубенъ, бубны, родственны греческія βόμβος, βαμβαίνω; старославянское **боүѫти** «мычать», а также **бъкъ**, русское быкъ, родственны, повидимому, съ латинскимъ bucina «труба, рогъ, въ который играютъ» и съ греческимъ βύκτης, въ значеніи «ревущій».

Индоевропейскія звонкія мгновенныя придыхательныя въ общеславянскомъ языкѣ не отличались отъ соотвѣтствующихъ непридыхательныхъ согласныхъ, такъ какъ онѣ утратили придыханіе еще въ литовско-славянскомъ языкѣ, т. е въ общеславянскомъ языкѣ въ соотвѣтствіи съ индоевропейскимъ g заднепёбнымъ придыхательнымъ чистымъ и лабіализованнымъ мы находимъ g (старославянское **г** и русское г), въ соотвѣтствіи съ индоевропейскимъ g средненёбнымъ придыхательнымъ мы находимъ здѣсь z (старославянское **з** и русское з), въ соотвѣтствіи съ индоевропейскимъ d придыхательнымъ являлось здѣсь d (старо-

славянское д и русское д), въ соотвѣтствіи съ индоевропейскимъ b придыхательнымъ являлось здѣсь b (старославянское б и русское б). Въ греческомъ языкѣ индоевропейскія звонкія мгновенныя придыхательныя измѣнились сперва въ соотвѣтствующія глухія придыхательныя, а эти, черезъ посредство, вѣроятно, слитныхъ согласныхъ, состоявшихъ изъ глухихъ мгновенныхъ въ слитіи съ соотвѣтствующими фрикативными, перешли съ теченіемъ времени въ новогреческія фрикативныя глухія согласныя χ, ϑ, φ. По отношенію къ индоевропейскимъ g задненёбнымъ придыхательнымъ надо замѣтить, что отсюда въ греческомъ языкѣ получалась не только задненёбная согласная, но также и губная и зубная согласная, точно такъ же какъ изъ индоевропейскихъ задненёбныхъ непридыхательныхъ въ греческомъ языкѣ являлись, какъ мы видѣли, не только задненёбныя, но также губныя и зубныя согласныя. Такимъ образомъ изъ индоевропейскихъ g задненёбныхъ придыхательныхъ, съ g чистымъ задненёбнымъ и лабіализованнымъ, древнегреческій языкъ имѣлъ придыхательныя ph, th, kh (сравните греческія β, δ, γ и греческія π, τ, κ изъ задненёбныхъ g и k непридыхательныхъ); эти придыхательныя согласныя, черезъ посредство, вѣроятно, слитныхъ согласныхъ $\widehat{\pi\varphi}$, $\widehat{\tau\vartheta}$ (межзубное), $\widehat{\kappa\chi}$ обратились въ новогреческія φ, ϑ, χ (согласныя фрикативныя). Изъ индоевропейскаго g средненёбнаго придыхательнаго въ древнегреческомъ получалось k задненёбное придыхательное (kh), откуда, черезъ посредство слитной согласной $\widehat{\kappa\chi}$, новогреческое фрикативное χ. Изъ индоевропейскаго d придыхательнаго въ древнегреческомъ получалось t придыхательное (th), откуда, черезъ посредство слитной согласной $\widehat{\tau\vartheta}$, новогреческое фрикативное ϑ. Подобнымъ же образомъ изъ индоевропейскаго b придыхательнаго въ древнегреческомъ получалось p придыхательное (ph), откуда, черезъ посредство слитной согласной $\widehat{\pi\varphi}$, новогреческое фрикативное φ.—Въ латинскомъ языкѣ индоевропейскія звонкія мгновенныя придыхательныя, черезъ посредство глухихъ мгновенныхъ придыхательныхъ, въ которыя онѣ измѣнились еще въ

общеиталійскомъ языкѣ, перешли затѣмъ въ глухія фрикативныя, которыя далѣе въ извѣстномъ сосѣдствѣ съ звонкими звуками съ теченіемъ времени обратились въ звонкія мгновенныя, черезъ посредство звонкихъ фрикативныхъ; глухая фрикативная χ тамъ, гдѣ она осталась глухою, измѣнилась въ придыханіе (h). Такимъ образомъ, въ зависимости отъ различнаго положенія въ словахъ, въ латинскомъ языкѣ индоевропейскія звонкія мгновенныя придыхательныя подверглись различнымъ измѣненіямъ, а именно изъ индоевропейскаго g задненёбнаго придыхательнаго, чистаго и лабіализованнаго, мы находимъ въ латинскомъ языкѣ: 1) придыханіе h (это рѣдкій случай), 2) f, 3) сочетаніе g + u̯, сохранявшееся въ такомъ видѣ послѣ n, 4) одно u̯, совпадавшее далѣе съ v (сравните латинское gu и одно u̯ изъ g задненёбнаго непридыхательнаго), и 5) g; изъ индоевропейскаго g средненёбнаго придыхательнаго латинскій языкъ получилъ: 1) придыханіе h, и 2) g; изъ индоевропейскаго d придыхательнаго латинскій языкъ имѣлъ: 1) f, непосредственно изъ межзубной фрикативной ϑ, 2) b изъ межзубной звонкой фрикативной, перешедшей въ звонкую мгновенную, и 3) d; изъ индоевропейскаго b придыхательнаго латинскій языкъ имѣлъ: 1) f, и 2) b.

Примѣры. Индоевропейскія g задненёбныя придыхательныя, чистое и лабіализованное: старославянское **снѣгъ** (гдѣ ѣ изъ дифтонга), русское снѣгъ, родственны греческія νείφει, νίφα, латинскія ninguit, niх nivis; старославянское **горѣти**, русское горѣть, родственны греческія θέρος, θερμός, древнелатинское formus; старославянское **дльгъ** (съ старославянскою перестановкой общеславянскихъ звуковъ ъ̯, гдѣ ъ̯ изъ ь̯ еще въ общеславянскомъ языкѣ), русское дологъ, долгій, родственно греческое δολιχός (гдѣ гласная і развилась изъ предыдущей плавной передъ согласной), въ индоевропейскомъ языкѣ это слово заключало въ коренномъ слогѣ сочетаніе «несложовое ирраціональное a + долгая слоговая плавная»; старославянское **гость**, русское гость, латинское hostis; старославянское **лагж**, неопредѣленное **лєшти**, русское лягу, лечь, родственно греческое λέχος. — *Индоевропейское g средненёбное*

придыхательное: старославянскія **везѫ**, **возъ**, русскія везу, возъ, сравните латинское veho, тождественное съ старославянскимъ **везѫ**, и греческое *Fοχος*, откуда ὄχος; старославянское **лизати**, настоящее **лижѫ**, русское лизать, лижу, гдѣ общеславянское ī изъ дифтонга, какъ показываетъ соотвѣтственное литовское слово, родственно греческое λείχω, въ латинскомъ отъ того же корня съ первоначальнымъ краткимъ i lingo; старославянское **зима**, русское зима, гдѣ общеславянское ī изъ дифтонга, какъ показываетъ тождественное слово въ литовскомъ языкѣ, родственны греческія χειμών, χεῖμα. — *Индоевропейское* d *придыхательное:* старославянское **медъ**, русское мёдъ, сравните греческое μέθυ; старославянское **дымъ**, русское дымъ, латинское fūmus, по корню и образованію родственно также греческое θῡμός; старославянское **брада** (съ старославянскою перестановкой общеславянскихъ звуковъ or передъ согласной), русское борода, тождественно латинское barba, гдѣ второе b, соотвѣтствующее славянскому d, изъ индоевропейскаго dh. — *Индоевропейское* b *придыхательное:* старославянское **берѫ**, русское ~~беру~~, тождественны греческое φέρω, латинское fero; старославянское **небо**, родительный **небесе**, русское небо, нёбо, сравните греческое νέφος, родственно, но съ другимъ суффиксомъ, латинское nebula.

Индоевропейскія глухія мгновенныя придыхательныя остаются пока мало извѣстными, какъ я уже говорилъ; въ литовско-славянскомъ онѣ, повидимому, совпадали съ соотвѣтствующими глухими мгновенными непридыхательными, какъ и индоевропейскія звонкія придыхательныя совпали здѣсь съ соотвѣтствующими звонкими придыхательными. Въ греческомъ и латинскомъ языкахъ съ индоевропейскими глухими мгновенными придыхательными совпали и индоевропейскія звонкія придыхательныя, которыя, какъ мы видѣли, въ древнегреческомъ, а также въ общеталійскомъ языкѣ измѣнились въ соотвѣтствующія глухія мгновенныя придыхательныя.

Перехожу теперь къ индоевропейскимъ фрикативнымъ согласнымъ, при чемъ въ связи съ индоевропейскими j и v, соглас-

ными фрикативными, я укажу и на индоевропейскія i̯ и u̯, примыкавшія въ слоговомъ отношеніи къ слоговому звуку слѣдующаго слога. Объ этихъ индоевропейскихъ i̯ и u̯ слѣдовало бы говорить при обзорѣ гласныхъ, такъ какъ это звуки гласные, но ихъ удобнѣе разсмотрѣть вмѣстѣ съ j и v, такъ какъ индоевропейскія i̯ и u̯ въ большинствѣ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ съ теченіемъ времени частію или вполнѣ совпадали съ j и v, и такъ какъ въ самомъ индоевропейскомъ языкѣ во многихъ случаяхъ являлось чередованіе между i̯ и j и между u̯ и v въ зависимости отъ извѣстныхъ фонетическихъ условій (въ нѣкоторыхъ случаяхъ индоевропейскія i̯ и u̯ находились въ чередованіи съ слоговыми i и u передъ гласной); при томъ надо замѣтить, что въ настоящее время мы нерѣдко не можемъ еще различать индоевропейскія u̯ и v и частію индоевропейскія i̯ и j.

Я остановлюсь сперва на *индоевропейскихъ* i̯ и j. Въ греческомъ языкѣ эти звуки въ большинствѣ сочетаній не смѣшивались между собой, хотя они здѣсь не сохранились какъ неслоговое i и j, но подвергались различнымъ измѣненіямъ въ зависимости отъ различнаго положенія въ словахъ и вызывали различныя измѣненія въ сосѣднихъ съ ними въ словахъ звукахъ. Не останавливаясь подробно на этихъ измѣненіяхъ, я укажу лишь на нѣкоторыя относящіяся сюда явленія, изъ которыхъ можно видѣть различную судьбу того и другого звука въ греческомъ языкѣ. Такъ, въ началѣ слова мы находимъ здѣсь индоевропейское i̯ въ видѣ густого придыханія, между тѣмъ какъ изъ индоевропейскаго j въ томъ же положеніи (въ началѣ слова) получалось то звуковое сочетаніе, которое выражалось буквой ζ, хотя греческое ζ имѣло и другое происхожденіе; или, напр., изъ группъ τ + индоевропейское i̯ и k + индоевропейское i̯ въ общегреческомъ языкѣ являлось извѣстное звуковое сочетаніе, перешедшее затѣмъ въ σσ въ однихъ діалектахъ, въ ττ въ другихъ діалектахъ, между тѣмъ какъ изъ τ + индоевропейское j уже общегреческій языкъ имѣлъ σσ, откуда въ аттическомъ одно σ при гомеровскомъ σσ, а изъ группы k + j общегреческій языкъ

получилъ группу k + τ (съ измѣненіемъ j въ τ), перешедшую и въ діалекты. Въ латинскомъ языкѣ индоевропейскія i̯ и j въ положеніи безъ предшествующей согласной совпали въ одномъ звукѣ, который въ началѣ слова сохранялся какъ i̯, откуда впослѣдствіи явилось j (мы произносимъ j), а въ положеніи между гласными исчезъ; что же касается индоевропейскихъ i̯ и j послѣ согласной въ латинскомъ языкѣ, то вопросъ, насколько они могутъ быть различаемы здѣсь, требуетъ еще изслѣдованія: мы находимъ эти звуки въ латинскомъ языкѣ частію въ видѣ i слогового, частію утраченными въ такомъ положеніи, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ извѣстная согласная, смягчаясь, сама уподоблялась слѣдовавшему далѣе индоевропейскому i̯ или j, которое въ этомъ случаѣ продолжало сохраняться въ латинскомъ языкѣ какъ i̯, позже j. Общеславянскій языкъ получилъ изъ литовско-славянскаго языка индоевропейскія i̯ и j можетъ быть уже совпавшими въ одномъ звукѣ, которымъ въ древнемъ періодѣ жизни общеславянскаго языка было, повидимому, i̯ въ положеніи безъ предшествующей гласной и j въ положеніи послѣ гласной, а нѣкогда въ литовско-славянскомъ языкѣ индоевропейскія i̯ и j еще различались между собою, какъ мы увидимъ далѣе. Въ эпоху распаденія общеславянскаго языка неслоговой звукъ изъ индоевропейскихъ i̯ и j (а также изъ индоевропейскаго i слогового передъ гласной) сохранялся или какъ i̯ или какъ j, скорѣе какъ j, по указанію большинства славянскихъ языковъ, въ слѣдующихъ положеніяхъ: въ положеніи въ началѣ словъ передъ гласными, хотя съ извѣстными ограниченіями, о которыхъ я буду говорить далѣе (такое общеславянское j восходитъ какъ къ первоначальному i̯, такъ и къ j); затѣмъ въ старомъ положеніи между гласными (такое общеславянское j восходитъ по бо̀льшей части къ первоначальному j, какъ мы увидимъ впослѣдствіи); и наконецъ въ діалектахъ общеславянскаго языка мы находимъ i̯ или j также въ положеніи послѣ губной согласной не въ начальномъ слогѣ, гдѣ другіе діалекты имѣли вмѣсто этого l смягченное (въ этихъ случаяхъ общеславянское i̯ или j восходитъ какъ

къ индоевропейскимъ i̯ и j, такъ и къ старому і слоговому). Отсюда и въ старославянскомъ языкѣ i̯ или j и въ русскомъ языкѣ j въ положеніи въ началѣ словъ передъ гласными и внутри словъ между гласными, а въ діалектахъ паннонскихъ текстовъ старославянскаго языка также i̯ или j и въ положеніи послѣ губныхъ согласныхъ не въ начальномъ слогѣ словъ, хотя въ тѣхъ же текстахъ въ томъ же положеніи мы находимъ и л смягченное, между тѣмъ какъ въ русскомъ языкѣ въ этихъ случаяхъ является только л смягченное (западно-славянскіе языки представляютъ здѣсь звуки изъ общеславянскихъ сочетаній «губная согласная + i̯ или j»). Относительно того, что въ старославянскихъ текстахъ не существуетъ особаго начертанія для і іотированнаго и что поэтому намъ неизвѣстно, существовали ли въ старославянскомъ языкѣ сочетанія i̯i или ji, я уже говорилъ прежде. Точно такъ же я говорилъ и о томъ, что въ паннонскихъ глаголическихъ текстахъ и частію въ текстахъ, писанныхъ кирилицей, вмѣсто ѥ, которое извѣстно намъ изъ другихъ текстовъ, является є неіотированное.

Я приведу теперь примѣры старославянскаго i̯ или j изъ общеславянскаго j въ томъ его положеніи, при которомъ j существовало въ эпоху распаденія общеславянскаго языка во всѣхъ діалектахъ, т. е. въ положеніи безъ предшествующей согласной, между тѣмъ какъ объ измѣненіяхъ индоевропейскихъ i̯ и j, а также и і слогового передъ гласной (не въ первомъ слогѣ), въ положеніи послѣ согласной въ общеславянскомъ языкѣ я буду говорить впослѣдствіи. Въ старославянскихъ ѥго, ѥмоу, ѥи и т. д., русскія его, ему и т. д., мѣстоименная основа ѥ-, гдѣ общеславянское е изъ о въ положеніи послѣ мягкаго неслогового звука (см. далѣе), тождественна съ греческою основой ὁ- въ мѣстоименіи ὅς, указательномъ и относительномъ, при чемъ съ ὅς въ значеніи относительнаго мѣстоименія однородны по значенію старославянскія ѥгоже, ѥмоуже и т. д. (въ индоевропейскомъ языкѣ эта мѣстоименная основа имѣла въ началѣ i̯, откуда въ греческомъ языкѣ густое придыханіе); старославянское ѥсъ въ

поясъ, русское поясъ, гдѣ **по** предлогъ, родственно греческое ζωσ- въ ζωστήρ, сравните также ζώννυμι (греческое ζ здѣсь изъ индоевропейскаго j); старославянское **юнъ**, тождественно литовское jáunas, родственно по корню латинское juvenis; старославянское **трнѥ**, гдѣ **н** еще въ общеславянскомъ языкѣ изъ e передъ j, тождественно латинское trēs, непосредственно изъ trees, гдѣ между ее исчезло первоначальное j, греческое τρεῖς, непосредственно изъ τρεες, гдѣ между гласными исчезло первоначальное j; точно такъ же старославянское **-нѥ** въ окончаніи именительнаго множественнаго числа именъ мужескаго рода съ основами на первоначальное ĭ, т. е. старославянское **ь**, напр., въ формахъ **гостиѥ**, **пѫтиѥ**, тождественно по происхожденію съ латинскимъ -ēs изъ -ejes, откуда ees съ выпаденіемъ j, въ именительномъ множественнаго числа именъ латинскаго третьяго склоненія, напр., ovēs, первоначально въ именахъ съ основами на ĭ, а затѣмъ по аналогіи такихъ именъ и въ именахъ съ основами на согласную, греческое -εις непосредственно изъ -εες, а это изъ -εjες, въ именительномъ множественнаго числа именъ съ основами на -ι, напр., βάσεις. Въ старославянскихъ **ѕнаѭ ѕнаѥть**, **дѣлаѭ дѣлаѥть**, **сѣѭ сѣѥть**, **желѣѭ желѣѥть**, русскія знаю знаетъ, дѣлаю дѣлаетъ, сѣю сѣетъ, — въ подобныхъ глагольныхъ образованіяхъ старославянское j или i̯ въ первоначальномъ положеніи между гласными восходитъ къ индоевропейскому j, принадлежавшему извѣстному суффиксу основы настоящаго времени.

Индоевропейскія u̯ *и* v. Въ греческомъ языкѣ оба эти звука нѣкогда различались между собой, какъ видно изъ различій въ измѣненіяхъ тѣхъ звуковыхъ группъ, которыя заключали въ себѣ эти звуки. Напр., изъ группы s + u̯ въ началѣ слова мы находимъ въ греческомъ языкѣ густое придыханіе, такъ какъ въ греческомъ языкѣ первоначальное s въ началѣ слова передъ гласной вообще переходило въ густое придыханіе, между тѣмъ какъ въ первоначальной группѣ s + v передъ гласными въ греческомъ языкѣ s удерживалось. Съ теченіемъ времени индоевропейскія u̯ и v совпали въ греческомъ языкѣ въ одномъ звукѣ,

обозначавшемся дигаммой (v или u̯), и этотъ звукъ въ нѣкоторыхъ діалектахъ (въ іоническомъ, аттическомъ) рано исчезъ вполнѣ. Въ латинскомъ языкѣ индоевропейскія u̯ и v въ положеніи безъ предшествовавшей согласной совпали въ одномъ звукѣ u̯, откуда лишь очень поздно v (мы произносимъ и пишемъ v); въ положеніи послѣ согласныхъ мы находимъ здѣсь въ однихъ случаяхъ ŭ, въ другихъ случаяхъ u слоговое, а послѣ извѣстныхъ согласныхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ находимъ и утрату звука изъ индоевропейскаго u̯ или v, при чемъ остается неизвѣстнымъ, насколько могутъ быть различаемы въ латинскомъ языкѣ индоевропейскія u̯ и v. Въ общеславянскомъ языкѣ индоевропейскія u̯ и v совпадали въ одномъ звукѣ v, въ который перешло и индоевропейское слоговое u передъ гласными въ положеніи не въ первомъ слогѣ слова; изъ общеславянскаго v старославянское **к** и русское в. Въ положеніи послѣ согласныхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ (при условіяхъ, остающихся неизвѣстными) индоевропейское u̯ или v, вѣроятнѣе u̯, исчезло еще въ литовско-славянскомъ языкѣ. Напр., старославянское **везѫ**, **возъ**, русскія везу, возъ, сравните латинское veho, греческое ὄχος изъ *Fοχος*; старославянское **новъ**, русское новъ, гдѣ общеславянское о изъ е передъ v, сравните греческое νέος изъ νε*Fος*, латинское novus, гдѣ о изъ е передъ v; старославянское **свекръ**, русское свекоръ, сравните греческое ἑκυρός, гдѣ греческое ἑ въ началѣ изъ индоевропейскаго сочетанія su̯ă°, латинское socer, гдѣ латинское ŏ изъ ĕ вслѣдствіе предшествовавшаго ему нѣкогда u̯; старославянское **сестра**, русское сестра, какъ и родственное литовское sesů «сестра», представляетъ утрату индоевропейскаго u̯ или v, вѣроятнѣе u̯, послѣ начальнаго s еще въ діалектахъ литовско-славянскаго языка, сравните нѣмецкое Schwester, гдѣ нѣмецкое sch изъ s; родственное латинское soror, гдѣ первое r изъ s между гласными, имѣетъ so изъ su̯e, подобно so въ латинскомъ socer, о которомъ я говорилъ.

Индоевропейское s. Въ греческомъ языкѣ индоевропейское s сохранялось какъ s при извѣстныхъ фонетическихъ положеніяхъ,

между тѣмъ какъ въ началѣ словъ передъ гласными оно перешло въ густое придыханіе, внутри словъ между гласными исчезло черезъ посредство перехода въ придыханіе, и т. д. Въ латинскомъ языкѣ индоевропейское s сохранялось какъ s при извѣстныхъ фонетическихъ положеніяхъ, между тѣмъ какъ въ положеніи послѣ гласной и r оно перешло въ r, передъ r въ началѣ слова въ f, передъ r внутри слова въ b, и т. д. Въ общеславянскомъ языкѣ индоевропейское s являлось частію въ видѣ s, частію въ видѣ χ съ тѣми ихъ фонетическими измѣненіями передъ мягкими звуками, о которыхъ я говорю далѣе; отсюда старославянскія **с** и **х** и русскія с и х. Въ общеславянскомъ χ изъ s надо различать два χ: одно изъ этихъ χ являлось въ общеславянскомъ изъ литовско-славянскаго s лишь при извѣстномъ фонетическомъ положеніи, именно между извѣстными гласными, какъ мы увидимъ далѣе, а другое χ получалось изъ индоевропейскаго s независимо, повидимому, отъ извѣстнаго положенія въ словѣ и происходило именно изъ такого индоевропейскаго s, которое еще въ литовско-славянскомъ языкѣ отличалось отъ чистаго s; въ литовскомъ языкѣ такому славянскому χ изъ s соотвѣтствуетъ š, между тѣмъ какъ славянскому s изъ индоевропейскаго s, а равно и такому славянскому χ, которое получалось изъ s только при положеніи между извѣстными гласными, въ литовскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ s. Такимъ образомъ балтійскіе и славянскіе языки позволяютъ думать, что въ индоевропейскомъ s, то есть въ глухой фрикативной класса нёбно-зубныхъ согласныхъ, называемыхъ также зубными согласными въ широкомъ смыслѣ послѣдняго термина, надо различать два звука. Приведу теперь примѣры для старославянскаго **с** изъ первоначальнаго s, а также для того старославянскаго **х** изъ первоначальнаго s, которому въ литовскомъ соотвѣтствуетъ š. Старославянское **с** въ окончаніи именныхъ основъ средняго рода на **-ѥс** не въ именительномъ единственнаго числа, напр., въ родительномъ единственнаго числа **нєбєсє**, **слокєсє** и въ другихъ формахъ, это славянское **-ѥс** тождественно съ греческимъ **-εσ** въ окончаніи извѣстныхъ именныхъ основъ средняго

рода, при чемъ σ фонетически исчезало въ положеніи между гласными, а въ латинскомъ языкѣ сюда принадлежатъ именныя основы на -er передъ гласными, гдѣ r изъ s въ положеніи между гласными, напр., старославянская именная основа **небес-** тождественна съ греческою именною основой νεφεσ-, напр., въ родительномъ νέφεος изъ νέφεσος (именительный νέφος), а въ латинскомъ языкѣ сравните именныя основы на -er изъ -es передъ гласными, напр., gener- въ формѣ generis, гдѣ r изъ s между гласными (именительный genus = греческое γένος). Старославянское **сѣмя**, русское сѣмя, тождественно латинское semen; старославянское **сръпъ**, русское серпъ, родственно греческое ἅρπη, которое я приводилъ уже; старославянское **врьхъ**, русское верхъ, сравните тождественное литовское viršùs, гдѣ литовское š соотвѣтствуетъ общеславянскому χ, родственно латинское verruca, гдѣ rr изъ rs, родственныя слова извѣстны и изъ древнеиндійскаго языка, который указываетъ на первоначальное s послѣ r; старославянское **мѣхъ**, какъ въ значеніи «pellis», такъ и въ значеніи «мѣшокъ», русское мѣхъ, сравните тождественное литовское maîšas «мѣшокъ», гдѣ литовское š соотвѣтствуетъ общеславянскому χ; то же слово извѣстно изъ древнеиндійскаго языка и изъ германскихъ языковъ, которые показываютъ, что славянское χ, литовское š образовались здѣсь изъ первоначальнаго s.

Индоевропейская фрикативная z, т. е. зубная звонкая фрикативная, соотвѣтствующая по мѣсту образованія глухой s, употреблялась въ индоевропейскомъ языкѣ лишь въ сочетаніяхъ съ слѣдовавшею далѣе звонкою мгновенною согласной. Въ общеславянскомъ языкѣ индоевропейское z сохранялось какъ z, откуда старославянское **ꙁ** и русское з. Такое общеславянское z, извѣстное лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ, надо отличать, слѣдовательно, по происхожденію отъ другого общеславянскаго z, о которомъ я говорилъ прежде. Въ греческомъ языкѣ индоевропейское z зависѣло въ своихъ измѣненіяхъ отъ слѣдующей согласной: такъ, изъ группы zd въ греческомъ языкѣ являлось звуковое сочетаніе, выражавшееся буквой ζ, хотя обыкновенно грече-

ское ζ имѣло другое происхожденіе; въ тѣхъ группахъ, гдѣ въ индоевропейскомъ языкѣ за согласной z слѣдовала звонкая мгновенная придыхательная, мы находимъ въ греческомъ языкѣ σ изъ z, такъ какъ въ греческомъ языкѣ индоевропейская звонкая мгновенная придыхательная обращалась, какъ мы знаемъ, въ соотвѣтствующую глухую придыхательную, и вслѣдствіе этого z передъ такою согласной переходило въ соотвѣтствующую глухую, т. е. въ σ. Въ латинскомъ языкѣ исторія индоевропейскаго z обусловливалась также вліяніемъ согласной, слѣдовавшей за z: такъ, изъ индоевропейскаго z передъ g мы находимъ въ латинскомъ r, сравните то латинское r, которое получалось изъ s между гласными, гдѣ это r образовалось непосредственно изъ z, а z изъ s; передъ d индоевропейское z исчезло въ латинскомъ языкѣ, при чемъ предшествующая краткая гласная становилась долгою; передъ индоевропейскимъ d придыхательнымъ индоевропейское z переходило въ латинскомъ языкѣ въ s, въ связи съ измѣненіемъ индоевропейской звонкой придыхательной въ общеиталійскомъ языкѣ въ соотвѣтствующую глухую придыхательную, откуда въ латинскомъ языкѣ въ результатѣ мгновенная непридыхательная въ такомъ сочетаніи. Старославянское ꙁ изъ индоевропейскаго z въ положеніи передъ г является, напр., въ словѣ **мозгъ**, русское мозгъ, какъ показываютъ родственные языки; въ положеніи передъ д старославянское ꙁ можетъ восходить къ первоначальному z въ словѣ **мьздa**, съ которымъ родственно греческое μισθός.

Въ эпоху распаденія индоевропейскаго языка въ немъ существовали и нѣкоторыя *слитныя согласныя*, именно слитная согласная c (ц) и соотвѣтствующая звонкая s (дз), при чемъ эти слитныя согласныя s и c были въ индоевропейскомъ языкѣ не только непридыхательными, но и придыхательными. Слитныя согласныя c и s являлись въ самомъ индоевропейскомъ языкѣ изъ мгновенныхъ зубныхъ t и d непридыхательныхъ и придыхательныхъ въ положеніи ихъ передъ зубными мгновенными, т. е. въ положеніи передъ t (th) и d (dh); кромѣ того, повидимому, и вмѣсто t передъ s индоевропейскій языкъ имѣлъ c. Въ общесла-

вянскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ мы находимъ s изъ индоевропейскаго c, т. е. въ индоевропейской слитной согласной c первая часть исчезала въ этихъ языкахъ, при чемъ въ латинскомъ языкѣ въ группѣ c + t безъ послѣдующаго r, t перешло также въ s, черезъ посредство, вѣроятно, звука c, который являлся изъ уподобленія t предшествовавшему c. Изъ общеславянскаго s такого происхожденія мы находимъ **с**, с и въ старославянскомъ и русскомъ языкахъ. Сюда принадлежатъ такія случаи, какъ старославянскія **вѣсть**, **дасть**, **мсть** (3 л. единственнаго числа), **вѣси**, **даси**, **мси** (2 л. единственнаго числа), русскія дастъ, ѣстъ. Въ старославянскихъ **вѣсть**, **дасть**, **мсть** старославянское **с** изъ общеславянскаго s восходитъ къ индоевропейскому c, которое образовалось изъ зубной мгновенной въ положеніи передъ зубною мгновенной, сравните старославянскій **вѣд-**, **дад-**, **мд-** въ формахъ **вѣдать**, **дадать**, **мдать**; въ старославянскихъ **вѣси**, **даси**, **мси** старославянское **с** изъ общеславянскаго s восходитъ къ болѣе древнему ss, повидимому, изъ cs, гдѣ c изъ зубной мгновенной въ положеніи передъ зубною фрикативной s. Въ греческомъ языкѣ сюда принадлежатъ такіе случаи, какъ ἴστε «вы знаете», гдѣ σ изъ индоевропейскаго c, а индоевропейское c изъ зубной мгновенной въ положеніи передъ зубною мгновенной t (подъ вліяніемъ σ въ формѣ ἴστε явилось σ въ формѣ ἴσμεν при болѣе древней формѣ ἴδμεν); въ такихъ случаяхъ, какъ будущее εἴσομαι, греческое σ изъ ss, а послѣднее, повидимому, изъ cs, гдѣ c изъ зубной мгновенной въ положеніи передъ s. Въ латинскомъ языкѣ сюда принадлежатъ, напр., такіе случаи, какъ scissus, гдѣ ss изъ индоевропейскаго c + t суффикса -tă°-, а c изъ зубной мгновенной въ положеніи передъ зубною мгновенной, сравните латинское scidi; или, напр., въ латинскомъ языкѣ сюда принадлежитъ claustrum, гдѣ st изъ ct, не перешедшаго въ ss подъ вліяніемъ слѣдующаго r, сравните claudo; въ латинскомъ es «ѣшь», s изъ ss, а послѣднее, повидимому, изъ cs, гдѣ c изъ зубной мгновенной въ положеніи передъ s, сравните латинское edo. — Изъ индоевропейской слитной согласной «s придыхательное» въ поло-

женіи передъ глухою согласной въ греческомъ, латинскомъ и общеславянскомъ языкахъ должно было получиться, черезъ посредство c, также s, какъ и изъ индоевропейскаго c, вслѣдствіе того, что индоевропейская придыхательная согласная въ положеніи передъ шумною согласной давно уже утратила придыханіе во всѣхъ этихъ языкахъ, при чемъ передъ глухою согласной предшествовавшая звонкая должна была становиться глухой. Что же касается индоевропейской слитной согласной «s непридыхательное», а также «s придыхательное» въ положеніи передъ звонкою согласной, то въ общеславянскомъ надо ждать здѣсь z, но я не знаю примѣровъ для такого общеславянскаго z.

Индоевропейскія сонорныя согласныя: носовыя и плавныя. Индоевропейскія носовыя согласныя. Изъ индоевропейскихъ различныхъ n (объ ихъ различіяхъ я говорилъ прежде) въ греческомъ языкѣ явились n зубное (ν), n задненёбное (γ) передъ греческими задненёбными мгновенными, а также μ передъ греческими губными мгновенными изъ индоевропейскихъ задненёбныхъ мгновенныхъ; въ латинскомъ языкѣ изъ индоевропейскихъ различныхъ n получились n зубное и n задненёбное, послѣднее передъ латинскими задненёбными согласными. Въ общеславянскомъ языкѣ въ эпоху его распаденія индоевропейскія n сохранялись лишь въ n зубномъ передъ гласными, откуда старославянское **н**, русское н, такъ какъ еще раньше въ общеславянскомъ языкѣ носовыя согласныя, какъ n, такъ и m, въ положеніи безъ послѣдующей гласной исчезали, измѣняя при этомъ предыдущую гласную въ носовую гласную; относительно общеславянскаго n смягченнаго изъ n + j я буду говорить далѣе. *Примѣры.* Старославянское **новъ**, русское новъ, сравните греческое νέος, латинское novus; старославянское **небо, небесе**, русское небо, нёбо, греческое νέφος, νέφεος, родственно, но съ другимъ суффиксомъ, латинское nebula; старославянское **снѣгъ**, русское снѣгъ, родственны греческое νείφει, νίφα, латинскія ninguit, nix; старославянское **жена**, русское жена, родственно греческое γυνή, беотійское βανά (гдѣ β изъ индоевропейскаго g задненёбнаго).

Индоевропейское m, откуда греческое μ, а въ концѣ словъ и передъ зубными мгновенными ν, въ латинскомъ m, а передъ зубными мгновенными n, въ общеславянскомъ языкѣ въ эпоху распаденія сохранялось какъ m лишь въ положеніи передъ гласной, по той причинѣ, на которую я указалъ по поводу n; въ старославянскомъ и русскомъ языкахъ отсюда **м**, м. *Примѣры.* Старославянское **мати**, русское мать, греческое дорическое μᾱ́τηρ, іоническое и аттическое μήτηρ, латинское māter; старославянское **домъ**, латинское domus, греческое δόμος; старославянское **межда**, русское межа, родственны латинское medius, греческое μέσσος, μέσος, гдѣ σσ, σ изъ индоевропейскаго сочетанія dh + j; старославянское **-мь**, русское -м, въ окончаніи перваго лица единственнаго числа настоящаго времени въ **єсмь**, **дамь**, **имь**, **вѣмь**, русскія дамъ, ѣмъ, тождественно греческое -μι, напр., въ εἰμί, δίδωμι; старославянское **-мъ**, русское -м, въ окончаніи перваго лица множественнаго числа, напр., въ формахъ **везємъ**, **несемъ**, русскія веземъ, несемъ, тождественно латинское -mus изъ -mos въ окончаніи перваго лица множественнаго числа, напр., въ vehimus, тождественномъ съ старославянскимъ **везємъ**. Другіе примѣры для индоевропейскихъ носовыхъ согласныхъ я приводилъ прежде, когда говорилъ о сочетаніяхъ этихъ согласныхъ съ неслоговымъ ирраціональнымъ а.

Индоевропейскія плавныя согласныя. Индоевропейское r, откуда греческое и латинское r, сохранялось и въ общеславянскомъ языкѣ какъ r, отсюда старославянское **р** и русское р. Напр., старославянское **берж**, русское беру, тождественны греческое φέρω, латинское fero; старославянское **братръ** въ однихъ діалектахъ, **братъ** въ другихъ, русское братъ, родственны латинское frāter, греческое φρᾱ́τηρ, φρᾱ́τωρ; старославянское **держ**, русское деру, тождественно греческое δέρω; старославянскія **оратн**, **ратан**, **рало**, русскія орать, рало, ратай, сравните греческія ἀρόω, ἄροτρον, латинскія arare, aratrum. Объ общеславянскомъ смягченномъ r изъ r + i я буду говорить далѣе.

Индоевропейское l, довольно рѣдкое вообще въ индоевропей-

скомъ языкѣ, а также индоевропейская плавная, которую я не опредѣляю точно, и которая отличалась отъ чистыхъ r и l, въ европейскихъ языкахъ нашей семьи совпали въ одной плавной l. Въ общеславянскомъ языкѣ l было открытымъ (ł) въ положеніи не передъ мягкими гласными и закрытымъ (при томъ полусмягченнымъ) въ положеніи передъ мягкими гласными. Изъ общеславянскаго l открытаго въ старославянскомъ языкѣ получалось такое l (**л**), которое, какъ я уже говорилъ, повидимому, мало отличалось отъ l закрытаго, а изъ общеславянскаго l закрытаго (полусмягченнаго) и въ старославянскомъ l закрытое (**л**). Въ русскомъ языкѣ общеславянскому l открытому соотвѣтствуетъ l (л) можетъ быть еще болѣе открытое, а общеславянское l закрытое полусмягченное (передъ мягкими гласными) въ русскомъ языкѣ обращалось въ смягченное, подобно тому какъ и другія общеславянскія полусмягченныя согласныя измѣнялись здѣсь въ смягченныя. Объ общеславянскомъ l смягченномъ изъ общеславянскаго l+i я буду говорить впослѣдствіи. *Примѣры.* Старославянское **л** изъ индоевропейскаго l: старославянское **любити**, русское любить, родственны нѣмецкое lieben, латинское lubet, и въ древнеиндійскомъ языкѣ родственныя слова имѣютъ l, что указываетъ на индоевропейское l; старославянское **плова**, **плоути**, родственно русское плыву, плыть, сравните греческое πλέω, и въ древнеиндійскомъ языкѣ родственныя слова имѣютъ l, что указываетъ на индоевропейское l; старославянское **лизати**, русское лизать, сравните греческое λείχω, латинское lingo, родственныя древнеиндійскія слова имѣютъ также l, хотя въ ведійскомъ нарѣчіи древнеиндійскаго языка тѣ же слова извѣстны съ плавной r: въ индоевропейскомъ языкѣ въ этихъ словахъ существовали, повидимому, какъ l, такъ и та плавная, которую я не опредѣляю и называю неопредѣленною плавною, и которая въ древнеиндійскомъ языкѣ совпадала съ r. Старославянское **л** изъ индоевропейской неопредѣленной плавной: старославянскія **слава**, **слово**, русскія слава, слово (общеславянское s здѣсь изъ индоевропейскаго k средненёбнаго), родственны греческое κλέος,

латинское cluеo, cluo (въ древнеиндійскомъ языкѣ родственныя слова имѣютъ только r); старославянское **отъ-лѣкъ** «остатокъ» (**отъ** предлогъ), сравните греческія λείπω, λοιπός (гдѣ греческое π изъ индоевропейскаго k задненёбнаго), латинское linquo въ relinquo (родственныя слова древнеиндійскаго языка имѣютъ r). Другіе примѣры для индоевропейскихъ плавныхъ я приводилъ прежде, когда разсматривалъ индоевропейскія сочетанія «плавная + неслоговое ирраціональное a».

Плавныя и носовыя послѣ гласной въ положеніи безъ послѣдующей гласной были въ индоевропейскомъ языкѣ не только краткими, но и долгими, при чемъ эти различія плавныхъ и носовыхъ существовали не только въ сочетаніяхъ съ предшествующимъ неслоговымъ α (объ этихъ сочетаніяхъ я говорилъ прежде), но также и въ сочетаніяхъ съ предшествующею гласной полнаго образованія. Относительно общеславянскаго языка надо замѣтить, что какъ изъ указаній балтійскихъ языковъ, такъ и изъ фонетическихъ явленій, представляемыхъ отдѣльными славянскими языками по отношенію къ общеславянскимъ группамъ, заключавшимъ въ себѣ плавныя безъ послѣдующихъ гласныхъ послѣ гласныхъ, — изъ этихъ данныхъ явствуетъ, что плавныя послѣ гласныхъ въ положеніи безъ послѣдующей гласной въ общеславянскомъ языкѣ были долгими вообще, т. е. какъ въ соотвѣтствіи съ индоевропейскими долгими плавными, такъ и въ соотвѣтствіи съ индоевропейскими краткими плавными. Тѣмъ не менѣе, однако, эти общеславянскія долгія плавныя въ такихъ сочетаніяхъ нѣкогда различались между собой по качеству долготы или по ея степени въ зависимости отъ того, происходили ли онѣ изъ первоначальныхъ краткихъ плавныхъ или изъ первоначальныхъ долгихъ плавныхъ, и въ эпоху распаденія общеславянскаго языка это различіе продолжало сохраняться въ положеніи такихъ сочетаній подъ удареніемъ въ различномъ качествѣ самаго ударенія, что существовало какъ въ сочетаніяхъ, заключавшихъ въ себѣ слоговыя плавныя (объ этомъ я говорилъ прежде), такъ и въ сочетаніяхъ, заключавшихъ въ себѣ несло-

говыя плавныя. Напримѣръ, различіе въ удареніи между русскимъ вòронъ изъ общеславянскаго *vornъ и русскимъ ворòна изъ общеславянскаго *vorna (удареніе было въ общеславянскомъ языкѣ на первомъ слогѣ и въ томъ и въ другомъ словѣ) объясняется изъ различнаго качества ударенія на or въ слогѣ vor въ томъ и другомъ случаѣ въ общеславянскомъ языкѣ, а это различіе въ качествѣ ударенія, въ свою очередь, стояло въ связи съ различною степенью долготы общеславянскаго r въ томъ и другомъ словѣ; въ одномъ случаѣ это r произошло изъ индоевропейскаго краткаго r, въ другомъ изъ индоевропейскаго долгаго r (краткимъ оно было нѣкогда въ томъ словѣ, изъ котораго произошло общеславянское *vornъ, русское вòронъ, а долгимъ въ томъ словѣ, изъ котораго произошло общеславянское *vorna, русское ворòна). Въ соотвѣтствующихъ литовскихъ словахъ vàrnas «вóронъ», várna «ворóна» также существуетъ извѣстное различіе въ качествѣ ударенія на ar въ слогѣ var, и это различіе въ качествѣ ударенія объясняется здѣсь такъ же, какъ и въ общеславянскомъ языкѣ въ соотвѣтствующихъ сочетаніяхъ, хотя самое качество ударенія въ этихъ литовскихъ словахъ и подобныхъ имъ не то, какое существовало въ литовско-славянскомъ языкѣ, и не то, какое было въ общеславянскомъ языкѣ въ соотвѣтствующихъ словахъ. — Что касается носовыхъ согласныхъ послѣ гласныхъ въ положеніи безъ послѣдующей гласной, то на основаніи указаній балтійскихъ языковъ можно сдѣлать предположеніе, что носовыя согласныя, какъ и плавныя, были получены въ общеславянскомъ языкѣ долгими въ такихъ сочетаніяхъ не только тамъ, гдѣ онѣ образовались изъ индоевропейскихъ долгихъ носовыхъ, но и тамъ, гдѣ онѣ произошли изъ первоначальныхъ краткихъ носовыхъ; понятно, что доказать это нельзя было бы по отношенію къ общеславянскимъ носовымъ согласнымъ въ такихъ сочетаніяхъ, такъ какъ въ эпоху распаденія общеславянскаго языка носовыя согласныя въ положеніи безъ послѣдующей гласной уже не существовали, какъ я говорилъ. Различіе же между первоначальными краткими и первоначаль-

ными долгими носовыми согласными въ положеніи безъ послѣдующей гласной отразилось въ общеславянскомъ языкѣ въ эпоху образованія носовыхъ гласныхъ въ различномъ качествѣ долготы или въ различномъ количествѣ этихъ носовыхъ гласныхъ, и въ эпоху распаденія общеславянскаго языка это различіе продолжало сохраняться въ слогѣ подъ удареніемъ въ различномъ качествѣ ударенія носовыхъ гласныхъ въ положеніи передъ согласной точно такъ же, какъ общеславянскія долгія гласныя изъ первоначальныхъ долгихъ гласныхъ и дифтонговъ представляли нѣкогда различіе въ самой долготѣ, а подъ удареніемъ продолжали различаться въ самомъ удареніи и въ эпоху распаденія общеславянскаго языка, соотвѣтственно съ различіемъ въ долготѣ индоевропейскихъ и литовско-славянскихъ долгихъ гласныхъ и въ количествѣ неслоговыхъ i и u въ индоевропейскихъ и литовско-славянскихъ дифтонгахъ.

Въ индоевропейскомъ языкѣ въ эпоху его распаденія въ числѣ согласныхъ звуковъ существовало, я думаю, и придыханіе h въ качествѣ отдѣльной согласной, т. е. придыханіе было извѣстно здѣсь не только въ придыхательныхъ согласныхъ, о которыхъ я говорилъ прежде. Въ греческомъ языкѣ индоевропейское придыханіе въ положеніи между гласными исчезало такъ же, какъ исчезло здѣсь въ такомъ же положеніи позднѣйшее придыханіе, которое получалось въ греческомъ языкѣ, напр., изъ s между гласными. Случаи же, гдѣ индоевропейскій языкъ имѣлъ придыханіе передъ гласной въ началѣ слова, мнѣ не извѣстны изъ греческаго языка. Въ латинскомъ языкѣ индоевропейское придыханіе между гласными также исчезало, между тѣмъ какъ въ положеніи передъ гласной въ началѣ слова оно удерживалось здѣсь какъ придыханіе h. Въ общеславянскомъ языкѣ придыханіе между гласными не сохранялось такъ же, какъ въ греческомъ и латинскомъ языкахъ, въ началѣ же слова оно нѣкогда продолжало существовать въ общеславянскомъ языкѣ, хотя въ эпоху распаденія общеславянскаго языка, вѣроятно, уже исчезло. Придыханіе въ положеніи между гласными существо-

вало въ индоевропейскомъ языкѣ въ творительномъ падежѣ множественнаго числа именъ съ основами на -ă°, откуда греческое -ο, латинское -ŏ, общеславянское -о; оно находилось въ индоевропейскомъ языкѣ въ этомъ случаѣ между ă° окончанія основы и гласною і (вѣроятно ĭ) падежнаго суффикса -his, являвшагося въ такомъ видѣ лишь въ творительномъ множественнаго числа отъ именъ съ основами на -ă°, а не въ другихъ именахъ. Сюда принадлежитъ въ греческомъ языкѣ окончаніе -οις, напр., въ ἵπποις, изъ -οϊς, а послѣднее изъ -ohis, въ латинскомъ позднѣйшее -īs изъ болѣе древняго -eis, напр., въ equīs, гдѣ -eis изъ -ois, которое въ свою очередь изъ -oïs, -ohis (oi въ конечномъ слогѣ давало въ латинскомъ языкѣ вообще ei, какъ я говорилъ прежде), литовское -ais непосредственно изъ -aïs, послѣднее изъ -ahis, напр., въ vilkais, общеславянское -ȳ, откуда старославянское -ы, напр., въ старославянскомъ творительномъ **клъкы** или **рабы**. Общеславянское -ȳ явилось здѣсь, слѣдовательно, изъ соединенія двухъ слоговыхъ гласныхъ о и і, между которыми исчезло придыханіе, а оно исчезало въ такомъ положеніи, можетъ быть, еще въ литовско-славянскомъ языкѣ. Процессъ образованія общеславянскаго ȳ въ этомъ случаѣ могъ быть таковъ, что о передъ гласной болѣе закрытой і переходило само въ болѣе закрытую гласную, т. е. въ й, а отсюда, вслѣдствіе стяженія й и ĭ, получалось ī, т. е. позднѣйшее ȳ, такъ какъ изъ ī въ общеславянскомъ языкѣ вообще получалось ȳ (старославянское ы). Греческая, латинская и литовская формы могли бы сами по себѣ восходить къ индоевропейской формѣ на -ă°ĭs, но противъ этого свидѣтельствуетъ общеславянская форма, а также соотвѣтствующая форма древнеиндійскаго языка. Индоевропейское придыханіе въ началѣ слова нѣкогда сохранялось въ общеславянскомъ языкѣ: такъ, оно существовало нѣкогда въ общеславянскомъ языкѣ въ той мѣстоименной частицѣ, которая является въ русскомъ языкѣ какъ э, напр., въ словѣ этотъ или, напр., въ словѣ экъ и т. д. На бывшее здѣсь общеславянское придыханіе указываетъ то, что мы находимъ какъ въ русскомъ языкѣ э, такъ и

въ другихъ славянскихъ языкахъ, въ которыхъ сохранилась эта мѣстоименная частица, e, не je, между тѣмъ какъ въ общеславянскомъ языкѣ, какъ мы увидимъ далѣе, передъ каждымъ начальнымъ e развивалось j; отсюда слѣдуетъ, что въ началѣ мѣстоименной частицы *e, откуда русское э въ этотъ, экъ, общеславянскій языкъ имѣлъ нѣкогда передъ e извѣстный звукъ, который сохранялся здѣсь еще въ ту эпоху, когда дѣйствовалъ въ общеславянскомъ языкѣ законъ о появленіи j передъ всякимъ начальнымъ e. Съ русскимъ э въ этотъ, экъ родственно въ латинскомъ языкѣ ho- въ hodie, съ гласной изъ индоевропейскаго ă°, между тѣмъ какъ русское э въ этотъ восходитъ къ индоевропейской гласной ă°, чередовавшейся съ ă°; родственная мѣстоименная основа является и въ латинскомъ hic изъ hoic, heic. Индоевропейское придыханіе въ началѣ слова было получено общеславянскимъ языкомъ и въ томъ словѣ, изъ котораго произошло старославянское а (союзъ), русское а, а и въ другихъ славянскихъ языкахъ, и которое по корню можетъ находиться въ родствѣ съ мѣстоименною частицею *e, напр., въ этотъ. На бывшее нѣкогда въ общеславянскомъ языкѣ придыханіе въ началѣ союза *ā, откуда старославянское а, указываетъ то обстоятельство, что общеславянскій языкъ не получилъ здѣсь передъ ā звука j, который развивался передъ всякимъ общеславянскимъ начальнымъ ā, какъ мы увидимъ далѣе.

IV.

Мы знаемъ теперь, какіе отдѣльные звуки и звуковыя сочетанія получилъ общеславянскій языкъ, и въ какомъ видѣ перешли эти звуки въ старославянскій и русскій языки. Теперь мы должны познакомиться съ тѣмъ, какъ измѣнялись въ общеславянскомъ эти звуки подъ вліяніемъ ихъ различнаго положенія въ словахъ, т. е. вслѣдствіе дѣйствія тѣхъ или другихъ фонетическихъ причинъ, при чемъ въ извѣстныхъ случаяхъ мы должны будемъ обращаться и къ литовско-славянскому языку, именно

тамъ, гдѣ фонетическія измѣненія подъ вліяніемъ фонетическихъ причинъ, являющіяся въ общеславянскомъ языкѣ, произошли, какъ свидѣтельствуютъ славянскіе и балтійскіе языки, еще въ эпоху совмѣстной жизни балтійскихъ и славянскихъ языковъ. Я говорилъ уже прежде, что въ фонетическихъ явленіяхъ надо различать измѣненія звуковъ самихъ по себѣ и тѣ измѣненія, которыя испытываютъ звуки въ ихъ различномъ положеніи въ различныхъ словахъ, при чемъ дѣйствуетъ вліяніе или со стороны другихъ звуковъ слова, или со стороны ударенія, или со стороны положенія звука въ концѣ слова, или со стороны положенія звука въ началѣ слова. Всѣ эти различныя фонетическія причины измѣненія звуковъ словъ могутъ дѣйствовать, понятно, какъ отдѣльно однѣ отъ другихъ, такъ и въ различномъ сложеніи, при чемъ получаются, слѣдовательно, сложныя фонетическія причины звуковыхъ измѣненій языка. Мы можемъ называть измѣненія звуковъ языка самихъ по себѣ первичными фонетическими явленіями, а измѣненія, вызываемыя указанными фонетическими причинами, простыми или сложными, мы можемъ называть по отношенію къ первымъ вторичными фонетическими явленіями. О такихъ вторичныхъ фонетическихъ измѣненіяхъ, возникшихъ еще въ литовско-славянскомъ языкѣ, по отношенію къ которымъ намъ остаются неизвѣстными въ точности фонетическія причины, вызывавшія измѣненія звуковъ, я уже упоминалъ прежде; напр., сюда принадлежитъ литовско-славянское ŭ въ извѣстныхъ случаяхъ, вмѣсто обыкновеннаго ĭ, изъ индоевропейскаго неслогового ирраціональнаго a, или, напр., сюда принадлежитъ утрата u̯, или можетъ быть v, послѣ согласныхъ въ нѣкоторыхъ словахъ. Теперь я остановлюсь на тѣхъ фонетическихъ явленіяхъ литовско-славянскаго и общеславянскаго языковъ (съ дальнѣйшимъ измѣненіемъ въ старославянскомъ языкѣ), которыя могутъ быть опредѣлены въ ихъ фонетическихъ причинахъ. Сперва я разсмотрю вторичныя фонетическія явленія общеславянскаго языка по отношенію къ гласнымъ, при чемъ начну съ *измѣненій гласныхъ въ сочетаніи съ гласными.*

Мы видѣли, что общеславянскій языкъ получилъ въ словахъ нѣкоторыя сочетанія гласныхъ съ гласными, а именно сочетанія гласныхъ i и u слоговыхъ и неслоговыхъ съ другими гласными. Тѣ изъ этихъ сочетаній, въ которыхъ i̯ и u̯ еще въ индоевропейскомъ языкѣ примыкали въ слоговомъ отношеніи къ предшествующей гласной, т. е. индоевропейскіе дифтонги я разсмотрѣлъ еще прежде въ ихъ переходѣ въ общеславянскій языкъ. Относительно индоевропейскихъ слоговыхъ ĭ и ŭ передъ гласной въ первомъ слогѣ словъ я говорилъ, что они, можетъ быть, вовсе не были получены общеславянскимъ языкомъ, въ которомъ мы находимъ въ соотвѣтствующихъ случаяхъ ij (изъ ĭj) и ъv, можетъ быть, изъ индоевропейскихъ ĭi̯, ĭj и ŭu̯, ŭv. Что касается индоевропейскаго слогового ŭ передъ гласной не въ первомъ слогѣ словъ и индоевропейскаго u̯ (при всякомъ положеніи), то они, какъ мы видѣли, совпали въ общеславянскомъ языкѣ съ v изъ индоевропейскаго v (индоевропейское u̯ перешло въ v еще въ литовско-славянскомъ языкѣ); что же касается индоевропейскаго слогового ĭ передъ гласной не въ первомъ слогѣ словъ и индоевропейскаго i̯, то въ зависимости отъ различнаго положенія въ словахъ они имѣли въ общеславянскомъ языкѣ различную исторію, и на этихъ-то явленіяхъ я остановлюсь теперь.

Индоевропейское i̯ *въ положеніи между гласными.* Послѣ ĭ,ī въ первомъ слогѣ словъ мы находимъ какъ въ балтійскихъ языкахъ, такъ и въ общеславянскомъ языкѣ j въ соотвѣтствіи съ ожидаемымъ индоевропейскимъ i̯; сюда принадлежитъ, напр., общеславянское j въ старославянскомъ **пріятель**, о которомъ я говорилъ уже. Достовѣрные примѣры для индоевропейскаго i̯ передъ гласной послѣ ĭ,ī не въ первомъ слогѣ словъ мнѣ не извѣстны, но, вѣроятно, и въ этихъ случаяхъ индоевропейское ĭ послѣ ĭ,ī переходило въ j еще въ литовско-славянскомъ языкѣ. Что же касается индоевропейскаго i̯ передъ гласной въ положеніи не послѣ ĭ,ī, то оно измѣнялось въ литовско-славянскомъ языкѣ непосредственно, вѣроятно, въ придыханіе (почему можно думать такъ, объ этомъ я буду говорить впослѣдствіи), которое

въ положеніи передъ неударяемою гласной исчезало, можетъ быть, еще въ литовско-славянскомъ языкѣ, при чемъ тождественныя гласныя, приходившія въ соприкосновеніе вслѣдствіе исчезновенія придыханія, сливались далѣе въ одну долгую гласную, также, можетъ быть, еще въ литовско-славянскомъ языкѣ. Сюда принадлежитъ образованіе старославянскаго -а, русскаго -а, изъ общеславянскаго -ā въ окончаніи родительнаго единственнаго числа именъ съ основами на индоевропейское -ă°, напр. въ **влька** (**клъка**), волка. Это общеславянское -ā соотвѣтствуетъ литовскому -ō изъ общебалтійскаго -ā°, напр., въ vìlko, а общебалтійское ā° и общеславянское ā могутъ восходить къ литовско-славянскому ā°, получившемуся здѣсь изъ соединенія двухъ ă°, между которыми исчезло индоевропейское i̯; т. е. старославянская форма родительнаго единственнаго числа **влька** (**клъка**) образовалась, по моему мнѣнію, изъ индоевропейской формы на -ă°i̯ă°, гдѣ -i̯ă° суффиксъ родительнаго единственнаго числа, существовавшій лишь въ именахъ (не въ мѣстоименіяхъ) съ основами на ă°, хотя въ индоевропейскомъ языкѣ въ тѣхъ же именахъ (а также въ мѣстоименіяхъ) былъ извѣстенъ и другой суффиксъ родительнаго единственнаго числа, -si̯ă°, который первоначально употреблялся, можетъ быть, только въ мѣстоименномъ склоненіи (отношеніе мѣстоименнаго суффикса -si̯ă° къ именному суффиксу -i̯ă° было бы однородно съ отношеніемъ мѣстоименнаго суффикса sā°m къ именному суффиксу -ā°m въ индоевропейскомъ родительномъ множественнаго числа). Въ греческомъ языкѣ изъ индоевропейской формы родительнаго единственнаго числа на -ă°i̯ă° въ именахъ съ основами на -ă° получилась форма на іоническое и аттическое -ου, непосредственно изъ -οο, гдѣ между обоими о исчезло i̯ еще въ общегреческомъ языкѣ, напр. ἵππου, гдѣ -ου изъ -οi̯ο, -οο. Въ латинскомъ языкѣ сюда принадлежитъ -ī въ окончаніи родительнаго единственнаго числа именъ съ соотвѣтствующими основами, напр., въ equī. Это -ī я объясняю непосредственно изъ -ie, гдѣ между гласными исчезло индоевропейское i̯ (какъ первоначальное i̯, такъ и j въ положеніи между

гласными въ латинскомъ языкѣ вообще исчезали), и гдѣ i и e произошли изъ o (индоевропейскаго ă°), при извѣстномъ фонетическомъ положеніи обоихъ o (i изъ o въ этомъ -ie однородно съ i изъ o, напр., въ ūnicus изъ *oinocos, сравните старославянское инокъ, или, напр., въ novitas, сравните греческое νεότης, а e въ этомъ -ie изъ конечнаго o, которое вообще въ латинскомъ языкѣ измѣнялось въ e).

Индоевропейское i̯ между гласными исчезло фонетическимъ путемъ и въ литовско-славянскихъ основахъ настоящаго времени производныхъ глаголовъ на индоевропейскія -ā^{a}i̯ă^{e} -ă^{a}i̯ă° и -ā^{e}i̯ă^{e} -ā^{e}i̯ă°. Въ индоевропейскомъ языкѣ въ такихъ основахъ глаголовъ гласная передъ i̯ была извѣстна какъ долгая, такъ и краткая; въ греческомъ языкѣ отсюда производные глаголы на -αω и часть производныхъ глаголовъ (именно за исключеніемъ старыхъ каузативныхъ глаголовъ) на -εω, въ латинскомъ языкѣ производные глаголы перваго латинскаго спряженія и часть производныхъ глаголовъ второго латинскаго спряженія (именно за исключеніемъ старыхъ каузативныхъ глаголовъ); соотвѣтствующія древнеиндійскія глагольныя основы съ долгою и съ краткою гласной передъ звукомъ изъ индоевропейскаго i̯ имѣютъ ударѐніе на конечной гласной основы (въ греческомъ и въ литовско-славянскомъ языкахъ мѣсто ударенія было измѣнено по аналогіи другихъ глаголовъ такъ называемаго «тематическаго» спряженія) и этимъ свидѣтельствуютъ, что въ индоевропейскомъ языкѣ здѣсь существовало въ суффиксѣ дѣйствительно i̯, а не j.

Въ литовско-славянскомъ языкѣ при основахъ настоящаго времени производныхъ глаголовъ на -ā°(i)ĕ -ā°(i̯)ă° и на -ē(i̯)ĕ -ē(i̯)ă°, изъ индоевропейскихъ основъ на -ā^{a}i̯ă^{e} -ā^{a}i̯ă° и на -ā^{e}i̯ă^{e} -ā^{e}i̯ă°, существовали также и основы на -ā°jĕ -ā°jă° и на -ējĕ -ējă°, гдѣ j изъ индоевропейскаго j, а индоевропейское j въ положеніи между гласными продолжало сохраняться какъ въ литовско-славянскомъ, такъ и въ общеславянскомъ языкѣ и перешло отсюда и въ отдѣльные славянскіе языки. Литовско-славянскія производныя глагольныя основы настоящаго времени на -ā°jĕ

-ā°jă° являются въ старославянскомъ языкѣ въ производныхъ глаголахъ на **-аѭ -аіеть** (**-аіетъ**), напр., **дѣлаѭ дѣлаіеть** (**дѣлаіетъ**), **бываѭ бываіеть** (**бываіетъ**), русскія дѣлаю дѣлаетъ, бываю бываетъ, которымъ въ литовскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ производные глаголы на ōju, а литовско-славянскія производныя глагольныя основы настоящаго времени на -ējĕ -ējă° въ старославянскомъ языкѣ являются въ производныхъ глаголахъ на **-ѣѭ -ѣіеть** (**-ѣіетъ**), напр., **оумѣѭ оумѣіеть** (**оумѣіетъ**), **желѣѭ желѣіеть** (**желѣіетъ**), русскія умѣю умѣетъ, которымъ въ литовскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ производные глаголы на -ėju (ė выражаетъ долгое e). Что же касается литовско-славянскихъ производныхъ глагольныхъ основъ настоящаго времени на -ā°(i̯)ĕ -ā°(i̯)ă° и на -ē(i̯)ĕ -ĕ(i̯)ă°, то исторія ихъ въ общеславянскомъ и старославянскомъ языкахъ была такова.

Литовско-славянскія производныя глагольныя основы настоящаго времени на -ā°(i̯)ĕ -ā°(i̯)ă° (изъ индоевропейскихъ основъ на -ā^{a}i̯ă° -ā^{a}i̯ă°), являющіяся въ литовскомъ языкѣ въ производныхъ глаголахъ на -au, должны были въ общеславянскомъ обратиться фонетическимъ путемъ въ основы на -āĕ -āŏ, а -āĕ, полученное именно въ формахъ 2 и 3 лицъ единственнаго и двойственнаго чиселъ и во 2 лицѣ множественнаго числа (въ этихъ именно формахъ въ индоевропейскомъ языкѣ существовало ă° въ окончаніи основъ тематическаго спряженія), измѣнилось далѣе въ общеславянскомъ языкѣ въ -āă, т. е. ĕ уподобилось по качеству предшествовавшему ā. Изъ этого общеславянскаго āă мы находимъ въ старославянскомъ языкѣ въ паннонскихъ текстахъ (преимущественно въ Маріинскомъ евангеліи и въ Супрасльской рукописи) **аа** и болѣе рѣдкое **а** (изъ **аа**), напр., въ **бываатъ**, **бываате**, **бывате**, **дѣлаатъ**, **помнинаате**; въ другихъ славянскихъ языкахъ этому старославянскому **аа** соотвѣтствуетъ ā (въ языкахъ, сохраняющихъ долготу), ă, изъ аа, и сюда, между прочимъ, принадлежитъ русское а въ такихъ діалектическихъ формахъ, какъ бывать «бываетъ». Что касается общеславянскаго -āŏ (изъ индоевропейскаго -ā^{a}i̯ă°, литовско-славянскаго -ā°(i̯)ă°),

полученнаго въ окончаніи основъ настоящаго времени разсматриваемыхъ нами глаголовъ въ извѣстныхъ формахъ, именно въ формахъ 1 лица множественнаго и двойственнаго чиселъ и 3 лица множественнаго числа, а также въ причастіяхъ дѣйствительнаго и страдательнаго залоговъ, то оно удерживалось фонетически какъ āŏ, а затѣмъ еще въ общеславянскомъ языкѣ подъ вліяніемъ тѣхъ же формъ отъ глаголовъ съ основами настоящаго времени въ этихъ формахъ на -ājŏ, изъ литовско-славянскаго -ā°jă° (въ неопредѣленномъ и тѣ и другіе глаголы одинаково имѣли въ окончаніи общеславянское ā, откуда старославянское **а**, напр., въ **бывати, дѣлати**), то же ājŏ стало употребляться и вмѣсто āŏ, какъ болѣе удобное сочетаніе звуковъ, т. е., напр., въ 3 лицѣ множественнаго числа окончаніе -āŏntь, -āѫtь было замѣнено окончаніемъ -ājŏntь, -ājѫtь, отсюда старославянское **-аѭть** (**бываѭть**), или, напр., въ 1 лицѣ множественнаго числа окончаніе -āŏmъ было замѣнено окончаніемъ -ājŏmъ, измѣнившимся далѣе фонетически въ -ājĕmъ (объ общеславянскомъ ĕ изъ ŏ послѣ мягкихъ звуковъ я буду говорить впослѣдствіи), откуда старославянское **-аѥмъ** (**бываѥмъ**). Точно такъ же въ 1 лицѣ единственнаго числа настоящаго времени разсматриваемыхъ нами глаголовъ форма на -āān, -āѫ изъ литовско-славянской формы на -ā°(i)ōn (гдѣ литовско-славянское -ōn родственно съ греческимъ -ω и съ латинскимъ -ō въ окончаніи 1 лица единственнаго числа въ тематическомъ спряженіи), стала замѣняться въ общеславянскомъ языкѣ формой на -ājѫ, откуда старославянское **-аѭ** (**бываѭ**), подъ вліяніемъ формы на -ājān, -ājѫ (старославянское **-аѭ**) производныхъ глаголовъ съ основами настоящаго времени на литовско-славянскія -ā°jĕ -ā°jă°, общеславянскія -ājĕ -ājŏ (отсюда далѣе фонетически -ājĕ). Слѣдствіемъ указаннаго вліянія общеславянскихъ основъ на -ājĕ -ājŏ на основы, имѣвшія въ окончаніи -āă (непосредственно изъ -āĕ, какъ мы видѣли) -āŏ, должно было явиться смѣшеніе тѣхъ и другихъ глагольныхъ основъ, и въ эпоху распаденія общеславянскаго языка, повидимому, всѣ производные глаголы съ основами неопредѣленнаго

на -ā допускали (съ различіями по діалектамъ) двоякое образованіе основы настоящаго времени, т. е., напр., форма 3 лица единственнаго числа оканчивалась и на -ājeťь и на -āāťь; нѣкоторые изъ этихъ глаголовъ, можетъ быть, были получены еще изъ литовско-славянскаго языка съ двоякимъ образованіемъ основы настоящаго времени, на -ā°jĕ -ā°jă° и на -ā°(į)ĕ -ā°(į)ă°. Относительно общеславянскаго āă̆ (изъ āă̆) въ окончаніи основы въ формахъ 2 и 3 лицъ единственнаго и двойственнаго чиселъ и 2 лица множественнаго числа надо замѣтить, что, можетъ быть, еще въ діалектахъ общеславянскаго языка это āă могло переноситься и въ формы 1 лица множественнаго и двойственнаго чиселъ, такъ какъ во всѣхъ прочихъ глаголахъ тематическаго спряженія въ эпоху распаденія общеславянскаго языка окончаніе основы въ формахъ 1 лица множественнаго и двойственнаго чиселъ не отличалось отъ окончанія основы въ формахъ 2 и 3 лицъ единственнаго и двойственнаго чиселъ и 2 лица множественнаго числа (ŏ, изъ индоевропейскаго ă°, въ окончаніи основы тематическаго спряженія въ формахъ 1 лица множественнаго и двойственнаго чиселъ настоящаго времени замѣнилось еще въ общеславянскомъ языкѣ, нефонетическимъ путемъ, гласною ĕ, и, напр., вмѣсто формы *bĕromъ, сравните греческое φέρομεν, получилась форма *bĕremъ, старославянское **беремъ**); новые славянскіе языки въ окончаніи основы настоящаго времени разсматриваемыхъ нами глаголовъ и въ формахъ 1 лица множественнаго и двойственнаго чиселъ (гдѣ послѣдняя форма сохранилась) представляютъ тѣ же ā, a, какъ, напр., и въ формахъ 2 и 3 лицъ единственнаго числа, и эти ā, a въ формахъ 1 лица множественнаго и двойственнаго чиселъ могутъ восходить къ діалектическому общеславянскому āă̆, но изъ старославянскаго языка такое новообразованіе въ этихъ формахъ не извѣстно.

Въ 1 лицѣ единственнаго числа настоящаго времени производныхъ глаголовъ съ основами на общеславянское ā въ неопредѣленномъ старославянскій языкъ, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ славянскихъ языковъ, представляетъ только форму на -**лѫ** (**бъıлѫ**,

дѣлаѫ), о которой я уже говорилъ, между тѣмъ какъ изъ всѣхъ другихъ славянскихъ языковъ извѣстно въ этихъ глаголахъ и другое образованіе формы 1 лица единственнаго числа настоящаго времени, именно на общеславянское -ā̆mь; происшедшее отсюда въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ -ām, -am существуетъ и въ діалектахъ малорусскаго и великорусскаго языковъ (въ Угличѣ говорятъ, напр., дѣламъ вмѣсто «дѣлаю»[1]), а въ другихъ славянскихъ языкахъ эта форма теперь почти всюду вытѣснила форму на общеславянское -ājѫ. Общеславянская форма на ā̆mь, при формѣ на -ājѫ, въ этихъ глаголахъ представляетъ собою новообразованіе, возникшее подъ вліяніемъ глаголовъ такъ называемаго «нетематическаго» спряженія, и я объясняю происхожденіе этого новообразованія слѣдующимъ образомъ.

Общеславянскій языкъ въ числѣ непроизводныхъ глаголовъ съ основами на -ā въ неопредѣленномъ имѣлъ нѣкоторые глаголы съ двоякимъ образованіемъ основы настоящаго времени: съ суффиксомъ -jŏ- -jŏ- (откуда фонетически -jĕ-), по тематическому спряженію, и безъ всякаго суффикса, по нетематическому спряженію. Въ эпоху распаденія общеславянскаго языка такимъ глаголомъ былъ тотъ глаголъ, который является въ старославянскомъ ꙁнати, русскомъ знать (родственны по корню греческое γιγνώσκω, латинское (g)nosco); общеславянскую основу настоящаго времени съ суффиксомъ -jĕ-, по тематическому спряженію, мы находимъ въ старославянскихъ формахъ ꙁнаѫ ꙁнаѥть и т. д., въ русскихъ знаю знаетъ и т. д., а общеславянская основа настоящаго времени безъ суффикса, по нетематическому спряженію (сравните греческое ἔγνων), является въ спряженіи глагола znām, znam въ различныхъ новыхъ славянскихъ языкахъ, въ томъ числѣ въ русскихъ діалектическихъ формахъ знамъ «знаю» (въ Сибири), знашь, знатъ и въ русскомъ знамый, а также и въ

1) Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ Ф. Миклошича, перевелъ Н. Шляковъ, подъ редакціей Р. Брандта, стр. 453, примѣч. 3.

старославянскихъ діалектическихъ формахъ (именно въ Маріинскомъ евангеліи) **ꙁнаатъ**, **ꙁнаате**, гдѣ старославянское **аа**, какъ и ā, а другихъ славянскихъ языковъ, восходитъ къ общеславянскому āā вмѣсто ā, что я объясняю далѣе. Мы можемъ предполагать, что нѣкогда въ общеславянскомъ языкѣ кромѣ глагола съ основой неопредѣленнаго *znā- и другіе непроизводные глаголы съ основами неопредѣленнаго на -ā имѣли два образованія основы настоящаго времени, съ суффиксомъ -jĕ-, по тематическому спряженію, и безъ суффикса, по нетематическому спряженію. Такъ, въ непроизводномъ глаголѣ съ основой неопредѣленнаго *-bā- (напр., въ русскомъ діалектическомъ бать), которая еще въ общеславянскомъ языкѣ могла замѣняться новообразованіемъ *bājā- (напр., въ русскомъ баять), можетъ быть, и въ эпоху распаденія общеславянскаго языка сохранялись въ настоящемъ времени кромѣ формъ съ основой настоящаго *bājĕ- и нѣкоторыя формы отъ основы-корня, безъ суффикса (сравните греческое φημί, гдѣ діалектическое η изъ ā), и русскія діалектическія формы башь, батъ, при баешь, баетъ, можетъ быть восходятъ къ общеславянскимъ формамъ нетематическаго спряженія. Непроизводный глаголъ съ основой неопредѣленнаго *stā- (старославянскаго **стати**, русское стать), при основѣ настоящаго *stājĕ- (старославянскія **стаѭ стаіеть**, русскія в-стаю в-стаетъ), подъ вліяніемъ которой образовалась основа неопредѣленнаго *stājā- (старославянское **стаати**), отличавшаяся въ видовомъ значеніи отъ *stā, можетъ быть, имѣлъ и основу настоящаго безъ суффикса, вытѣсненную затѣмъ вообще основой *stānĕ- (старославянскія **станѫ станеть**, русскія стану станетъ) и сохранившуюся въ той формѣ, изъ которой произошла русская діалектическая форма статъ «станетъ» (въ Грязовцѣ). Что же касается встрѣчающихся въ Маріинскомъ евангеліи формъ на **-аатъ**, **-аате**, вмѣсто обычныхъ **-аіетъ**, **-аіете**, въ непроизводныхъ глаголахъ съ производными основами неопредѣленнаго на **-ѧ**, именно **даатъ**, **даате**, **къстаатъ** «встаетъ», **покаатъ сѧ**, **уаате**, вмѣсто **даіетъ**, **даіете** и т. д., то всѣ онѣ могутъ быть объясняемы какъ позднѣй-

шія новообразованія подъ вліяніемъ формъ на **-аатъ** и т. д. при **-аѥтъ** и т. д. въ производныхъ глаголахъ, а также въ непроизводномъ **ꙁнати**. Число непроизводныхъ глаголовъ съ основами въ неопредѣленномъ на -ā было во всякомъ случаѣ очень незначительно въ общеславянскомъ языкѣ, и потому понятно, что на нихъ оказывали здѣсь извѣстное вліяніе производные глаголы съ основами неопредѣленнаго на -ā, а именно подъ вліяніемъ формъ настоящаго времени производныхъ глаголовъ на -āătь, -āăte, -āŏntь и т. д. при формахъ на -ājetь, ājete, ājŏntь и т. д. и въ непроизводныхъ глаголахъ съ основами неопредѣленнаго на -ā, имѣвшихъ при основахъ настоящаго на -ājĕ и основы настоящаго на -ā, вмѣсто этого -ā являлись -āă и -āŏ: напр., *znāatь вмѣсто *znātь, при *znājetь, или, напр., *znāontь вмѣсто *znāntь, при *znājontь, при чемъ форма znājontь, *znājѫtь далѣе вытѣснила собою форму *znāontь, *znāѫtь (какъ и въ производныхъ глаголахъ -āontь, -āѫtь было вытѣснено окончаніемъ -ājontь, ājѫtь), а подъ вліяніемъ -āă вмѣсто -ā въ такихъ формахъ, какъ, напр., *znāatь, *znāate, и вмѣсто *znāmь получалось *znāamь. Съ другой стороны, подъ вліяніемъ формы 1 лица единственнаго числа на -āămь при формѣ на -ājѫ въ непроизводныхъ глаголахъ, совпавшихъ уже въ прочихъ формахъ настоящаго времени съ производными глаголами, и эти послѣдніе получили въ діалектахъ общеславянскаго языка форму на -āamь при формѣ на ājѫ, т. е., напр., подъ вліяніемъ *znāamь при *znājѫ и при *bȳvājѫ являлось новообразованіе *bȳvāamь.

По поводу старославянскихъ діалектическихъ формъ настоящаго времени на **-аать -ать, -аате -ате** и т. д. надо замѣтить, что въ діалектахъ старославянскаго языка по аналогіи такихъ формъ съ основами на **-аа** при **-а** (изъ **-аа**) и въ глаголѣ **имамь**, стоявшемъ одиноко въ системѣ старославянскаго спряженія, вмѣсто **а**, изъ общеславянскаго ā, могло получаться **аа**, какъ мы видимъ это, напр., въ формахъ Остромирова евангелія: **имаамъ** (**ъ** вмѣсто **ь**) при **имамъ** (**ъ** вмѣсто **ь**) въ 1 лицѣ единственнаго числа, **имааши** при **имаши**, **имаать** при **имать** и т. д., между тѣмъ

какъ въ паннонскихъ текстахъ этотъ глаголъ всегда является съ однимъ **л** въ окончаніи основы; отсюда видно, что и въ діалектахъ непаннонскихъ текстовъ въ производныхъ глаголахъ съ основами неопредѣленнаго на **-л** существовали нѣкогда формы настоящаго времени на **-лать** и т. д. при формахъ на **-лѣть** и т. д., хотя впослѣдствіи онѣ исчезли здѣсь.

Перехожу теперь къ исторіи въ общеславянскомъ и старославянскомъ языкахъ основъ настоящаго времени производныхъ глаголовъ на литовско-славянскія -ē(i)ĕ -ē(i)ă°. Въ общеславянскомъ языкѣ получившіяся отсюда -ēĕ и -ēŏ въ окончаніи такихъ основъ съ теченіемъ времени были вытѣснены болѣе удобными сочетаніями -ējĕ и -ējŏ (откуда фонетически -ējĕ) въ окончаніи основы настоящаго времени производныхъ глаголовъ на литовско-славянскія -ējĕ -ējă°, а тѣ и другіе производные глаголы въ окончаніи основы неопредѣленнаго имѣли одинаково общеславянское ē изъ литовско-славянскаго ē, и нѣкоторые изъ нихъ можетъ быть были получены общеславянскимъ языкомъ съ двоякимъ образованіемъ основы настоящаго времени; точно такъ же и въ 1 лицѣ единственнаго числа настоящаго времени сочетаніе -ēān, -ēж въ первыхъ изъ этихъ глаголовъ вытѣснялось болѣе удобнымъ сочетаніемъ -ējān, -ējж глаголовъ съ основами настоящаго времени на литовско-славянскія -ējĕ -ējā°, общеславянскія -ējĕ -ējŏ (откуда -ējĕ). Относительно общеславянскаго ē, которое я беру здѣсь въ его болѣе древнемъ видѣ, напомню, что общеславянское ē съ теченіемъ времени обращалось въ i͡e. Только въ немногихъ производныхъ глаголахъ, повидимому, продолжали существовать въ эпоху распаденія общеславянскаго языка основы настоящаго времени на -i͡eĕ, изъ -ēĕ, при основахъ на i͡ejĕ, изъ -ējĕ, при чемъ въ 1 лицѣ единственнаго числа настоящаго времени такіе глаголы получали новообразованіе въ формѣ на -ēĕть, -i͡eĕть. Таковъ былъ глаголъ съ основой неопредѣленнаго *ūmi͡e-: при основѣ настоящаго *ūmi͡eje, напр., въ старославянскихъ **оумѣж**, **оумѣешн**, **оумѣѥть** и т. д., въ русскихъ умѣю, умѣешь, умѣетъ и т. д., въ этомъ глаголѣ въ эпоху распаденія общесла-

вянскаго языка существовала и основа настоящаго времени *ūmi͡ee-, напр., въ *ūmi͡eeть, при чемъ форма 1 лица единственнаго числа была *ūmi͡eeть, какъ свидѣтельствуютъ различные славянскіе языки, между прочимъ и русскій языкъ, гдѣ въ діалектѣ Углича продолжаютъ сохраняться формы умѣмъ (1 л. ед. ч.), умѣшь, умѣтъ [1]); въ старославянскомъ языкѣ сюда принадлежатъ діалектическія формы Маріинскаго евангелія въ 3 лицѣ единственнаго и во 2 лицѣ множественнаго числа **оумѣатъ** (и **раꙁ-оумѣатъ**), **оумѣате** (и **раꙁ-оумѣате**), гдѣ **ѣа** непосредственно изъ **ѣѣ** (объ измѣненіи **ѣѣ** въ **ѣа** въ діалектахъ старославянскаго языка я говорю далѣе), а **ѣѣ** вмѣсто **ѣ**, получавшагося изъ **ѣє** (общеславянскаго i͡eё): по аналогіи такихъ формъ, какъ **бꙑкатъ**, **бꙑкате** при **бꙑкалатъ**, **бꙑкалате**, и при формахъ *оумѣтъ, *оумѣте (гдѣ **ѣ** изъ **ѣє**) получались формы *оумѣѣтъ, *оумѣѣте, откуда **оумѣатъ**, **оумѣате**, а какъ въ Маріинскомъ евангеліи не сохранились формы типа **бꙑкатъ**, **бꙑкате** (съ однимъ **а**), такъ не сохранились здѣсь и формы *оумѣтъ, *оумѣте. Мы увидимъ далѣе, что **ѣє** (общеславянское i͡eё) въ діалектахъ паннонскихъ текстовъ, какъ скоро не сокращалось въ **ѣ** (сравните **а** изъ **аа**), переходило въ **ѣꙗ** (писалось, понятно, **ѣє** въ тѣхъ текстахъ, гдѣ **ꙗ** вообще передавалось буквой **є**); поэтому здѣсь общеславянскія i͡eё и i͡ejё въ разсматриваемыхъ нами глагольныхъ образованіяхъ должны были совпадать въ **ѣꙗ**, какъ скоро **ѣꙗ** не сокращалось въ **ѣ**. Кромѣ формъ **оумѣатъ** (**раꙁоумѣатъ**), **оумѣате** (**раꙁоумѣате**), встрѣчающихся въ Маріинскомъ евангеліи довольно часто (преимущественно **раꙁоумѣатъ**, **раꙁоумѣате**), мы находимъ здѣсь единичные примѣры формъ на **-ѣатъ**, **-ѣате** и въ нѣкоторыхъ другихъ производныхъ глаголахъ на **-ѣти**, напр., одинъ разъ въ **цѣлѣатъ** или, напр., одинъ разъ въ **въждѣлѣате**, но частію это могутъ быть новообразованія въ діалектѣ Маріинскаго евангелія, сложившіяся по типу формъ **оумѣатъ**, **оумѣате** при **оумѣютъ**, **оумѣюте**; съ

1) Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ Ф. Миклошича, перевелъ Н. Шляковъ, подъ редакціей Р. Брандта, стр. 470, примѣч. 3.

цѣлѣатъ согласуется форма **ницѣлѣтъ**, встрѣчающаяся одинъ разъ въ Зографскомъ евангеліи.

Общеславянская форма 1 лица единственнаго числа на -i͡ĕĕmь, при формѣ на -i͡ejѫ, въ такихъ производныхъ глаголахъ, какимъ былъ, напр., глаголъ съ основой неопредѣленнаго *ūmi͡ē-, образовалась, я думаю, такимъ же путемъ, какъ и форма на -āatь въ производныхъ глаголахъ съ основами неопредѣленнаго на -ā. Въ числѣ производныхъ глаголовъ съ основами неопредѣленнаго на -ē, откуда -i͡e, общеславянскій языкъ имѣлъ глаголы съ двоякимъ образованіемъ основы настоящаго времени: съ суффиксомъ -je-, по тематическому спряженію, и безъ суффикса, по нетематическому спряженію. Подъ вліяніемъ аналогіи производныхъ глаголовъ съ основами настоящаго на -ēĕ -ēŏ при основахъ на -ēje -ējŏ (откуда далѣе фонетически -ējĕ) и въ непроизводныхъ глаголахъ съ основами настоящаго на -ē при основахъ на -ējĕ -ējŏ (откуда фонетически -ējĕ) основы на -ē замѣнялись основами на -ēĕ -ēŏ, т. е., напр., въ 3 лицѣ единственнаго числа въ этихъ глаголахъ форма на -ētь замѣнялась формой на -ēĕtь, i͡eĕtь, въ 3 лицѣ множественнаго числа форма на -ēnt̀ь замѣнялась формой на -ēŏnt̀ь, которую вытѣсняла форма на -ējŏnt̀ь, -ējѫt̀ь, -i͡ejѫt̀ь (подобно тому какъ и въ производныхъ глаголахъ окончаніе -ēont̀ь вытѣснялось окончаніемъ -ējŏnt̀ь, -i͡eѫt̀ь, -i͡ejѫt̀ь). Съ другой стороны, подъ вліяніемъ формы 1 лица единственнаго числа на -ēĕmь (вмѣсто -ēmь), -i͡eĕmь при формѣ на -ējѫ, -i͡ejѫ глаголовъ непроизводныхъ и производные глаголы съ основами настоящаго на -ēĕ, -i͡eĕ получали въ 1 лицѣ единственнаго числа форму на -ēĕmь, -i͡eĕmь при формѣ на -ējѫ, -i͡ejѫ. Къ числу непроизводныхъ глаголовъ съ основами неопредѣленнаго на -ē -i͡e, имѣвшихъ въ общеславянскомъ языкѣ два образованія основы настоящаго времени, съ суффиксомъ -je-, по тематическому спряженію, и безъ суффикса, по нетематическому спряженію, принадлежалъ, по свидѣтельству различныхъ славянскихъ языковъ, глаголъ съ основой неопредѣленнаго *dē-, откуда *di͡e-, «говорить» (въ русскомъ языкѣ сравните частицу де, образо-

вавшуюся изъ глагольной формы); въ старославянскомъ языкѣ общеславянская основа настоящаго *dіее, вмѣсто *dі͡е-, является въ формѣ **дѣшн** въ Супрасльской рукописи, именно въ выраженіи **дѣшн ли** съ значеніемъ вопросительнаго μή, гдѣ **ѣ** вмѣсто **ѣ**, получившагося изъ **ѣє** (сравните сказанное мною объ **ѣа** въ **оүмѣатъ** въ Маріинскомъ евангеліи); изъ другихъ славянскихъ языковъ извѣстна въ этомъ глаголѣ, между прочимъ, и форма 1 лица единственнаго числа на общеславянское -ть (*dі͡еетъ). Въ Маріинскомъ евангеліи встрѣчаются единичные примѣры формъ на **-ѣатъ**, гдѣ **ѣа** непосредственно изъ **ѣ**, не только въ производныхъ глаголахъ, но также и въ нѣкоторыхъ непроизводныхъ, именно **дѣатъ** «дѣлаетъ» (и **дѣата**, 2 **л.** двойств. ч.), **о-дѣатъ**, **сѣатъ**, **оү-спѣатъ**, **про-лѣатъ са**; частію это новообразованія, частію же такія формы могутъ восходить къ общеславянскимъ образованіямъ изъ основъ настоящаго времени на -і͡ей (вмѣсто і͡е), существовавшихъ при основахъ на -і͡ејѣ въ непроизводныхъ глаголахъ съ основами на і͡е въ неопредѣленномъ.

По аналогіи формъ производныхъ глаголовъ на **-аатъ**, **-аатє** при формахъ на **-аіетъ**, **-аієтє** и формъ на **-ѣѣтъ**, **-ѣѣтє**, откуда **-ѣатъ**, **-ѣатє**, при формахъ на **-ѣіетъ**, **-ѣієтє**, въ діалектѣ Маріинскаго евангелія были образованы и формы на **-оүоүтъ**, **-оүоүтє** при старыхъ формахъ на **-оүіетъ**, **-оүієтє** въ производныхъ глаголахъ на **-оѣатн**, напр., **вѣроүоүтъ**, **вѣроүоүтє**; въ общеславянскомъ языкѣ соотвѣтствующіе глаголы имѣли въ настоящемъ только основы на -ūјѣ (ū изъ оц), съ старымъ ј, какъ свидѣтельствуютъ показанія славянскихъ и балтійскихъ языковъ (въ литовскомъ языкѣ тѣ же образованія въ производныхъ глаголахъ на -auju).

Въ примѣрахъ, которые я приводилъ пока изъ общеславянскаго языка для того литовско-славянскаго сочетанія гласныхъ, гдѣ между гласными исчезло индоевропейское ј, вторая изъ этихъ гласныхъ была здѣсь неударяемою, а въ такомъ положеніи индоевропейское ј вполнѣ исчезло, какъ я замѣтилъ, вѣроятно еще въ литовско-славянскомъ языкѣ, при посредствѣ измѣненія въ

придыханіе. Указаніе на то, что индоевропейское ị между гласными (не послѣ ĭ, ī) переходило въ литовско-славянскомъ языкѣ непосредственно въ придыханіе, я вижу въ томъ фактѣ, что изъ индоевропейскаго ị послѣ гласной передъ ударяемою гласной, по крайней мѣрѣ передъ твердою гласной, общеславянскій языкъ получилъ задненёбную звонкую фрикативную γ (тотъ звукъ, который въ положеніи передъ гласными [о γ передъ д я говорю далѣе] существуетъ въ литературномъ нарѣчіи русскаго языка, напр., въ словахъ господь, бога, гдѣ, однако, это γ новаго происхожденія; вѣроятно, оно заимствовано изъ произношенія церковнославянскаго г въ южной Россіи, а здѣсь и общерусское g обращалось въ γ). Измѣненіе бывшаго нѣкогда ị въ общеславянское γ въ положеніи послѣ гласной передъ ударяемою гласной и полная утрата индоевропейскаго ị при другомъ положеніи между гласными (не послѣ ĭ, ī) еще въ литовско-славянскомъ языкѣ, оба эти явленія могутъ быть связаны между собою при томъ предположеніи, что индоевропейское ị и въ томъ и въ другомъ случаѣ перешло въ придыханіе, которое затѣмъ въ положеніи передъ неударяемою гласной исчезло, а передъ гласной ударяемою продолжало сохраняться и обратилось далѣе въ общеславянское γ. Такое общеславянское γ я вижу въ окончаніи -γŏ въ родительномъ единственнаго числа мѣстоименій съ основами на -ŏ (индоевропейское -ă°), напр., въ общеславянскихъ *toγo, *koγo. Указаніе на то, что общеславянскій языкъ имѣлъ здѣсь не g, но γ, даетъ сопоставленіе между собою отдѣльныхъ славянскихъ языковъ: въ діалектахъ русскаго языка, напр., въ литературномъ нарѣчіи, мы находимъ въ этихъ случаяхъ v (в), которое не получалось, однако, въ соотвѣтствіи съ общеславянскимъ g; кашубскій языкъ, какъ и русскій, представляетъ также v, между тѣмъ какъ въ соотвѣтствіи съ общеславянскимъ несомнѣннымъ g мы не находимъ v въ кашубскомъ. Что касается старославянскаго языка, то здѣсь, какъ и въ другихъ южно-славянскихъ языкахъ, общеславянское γ перешло въ g, т. е. изъ общеславянскихъ *toγo, *koγo получились старославянскія **того, кого.**

Общеславянскія формы *tογο, *kογο и тому подобныя произошли, по моему мнѣнію, такъ. Въ литовско-славянскомъ языкѣ въ именахъ съ основами на индоевропейское -ă° (мужескаго и средняго рода) въ родительномъ единственнаго числа были получены формы какъ съ падежнымъ суффиксомъ -i̯ă° (объ этихъ формахъ я уже говорилъ), такъ и съ падежнымъ суффиксомъ -si̯ă° (въ греческомъ языкѣ гомеровскія формы на -οιο, напр., ἵπποιο, могутъ объясняться изъ индоевропейскихъ формъ на -si̯ă°), между тѣмъ какъ въ мѣстоименіяхъ мужескаго и средняго рода литовско-славянскій языкъ получилъ въ родительномъ единственнаго числа только падежный суффиксъ -si̯ă° (сравните сказанное мною прежде). Впослѣдствіи въ литовско-славянскомъ языкѣ по аналогіи чередованія въ именахъ формъ родительнаго на ă°-i̯ă° (когда i между гласными еще сохранялось) и на -ă°-si̯ă° и въ мѣстоименіяхъ съ основами на -ă° при формѣ родительнаго на -ă°-si̯ă° образовывалась форма на -ă°-i̯ă°, а такъ какъ мѣстоименная форма родительнаго единственнаго на -ă°-si̯ă° была получена литовско-славянскимъ языкомъ съ удареніемъ на окончаніи, какъ я сужу на основаніи общеславянскихъ *tογò, *kογò и т. д. (въ индоевропейскомъ языкѣ, по свидѣтельству отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ, въ косвенныхъ падежахъ мѣстоименій съ основами этихъ формъ на краткую гласную были извѣстны формы какъ съ удареніемъ на основѣ, такъ и съ удареніемъ на гласной падежнаго окончанія), то потому и въ новообразованіи на -ă°-i̯ă° ударѐніе падало въ литовско-славянскомъ языкѣ на конечную гласную, т. е., напр., при формѣ *tă°si̯à° получалась форма *tă°i̯à°. Форма родительнаго на -ă°-si̯ă° въ именахъ и мѣстоименіяхъ была вытѣснена затѣмъ параллельною формой на -à°-i̯ă° еще въ діалектахъ литовско-славянскаго языка, между тѣмъ какъ въ мѣстоименіяхъ съ основами въ родительномъ единственнаго числа не на -ă° форма родительнаго на индоевропейское -si̯ă°, не получавшая при себѣ параллельной формы на -i̯ă°, продолжала сохраняться въ литовско-славянскомъ языкѣ и перешла и въ общеславянскій языкъ; старославянское окончаніе **-со** въ родитель-

номъ единственнаго числа **ѵєсо** (основа **ѵє-** изъ индоевропейской основы *kă°-, съ k задненёбнымъ, сравните греческую основу τε-, съ τ изъ k въ родительномъ τέο, гдѣ -о по аналогіи именнаго склоненія) и **ѵьсо** (основа **ѵь-** изъ индоевропейскаго *kĭ-, перенесенная въ родительный падежъ изъ именительно-винительнаго **ѵь**, тождественнаго съ греческимъ τί(d), латинскимъ quid) восходитъ, вѣроятно, къ индоевропейскому суффиксу родительнаго -sj̯ă°, хотя и представляетъ нефонетическое измѣненіе этого -sj̯ă°, по отношенію именно къ древней утратѣ j̯ (изъ -sj̯ă° при фонетическомъ измѣненіи надо бы ждать въ старославянскомъ **-шє**). Въ ту эпоху, когда въ литовско-славянскомъ языкѣ въ родительномъ единственнаго числа мѣстоименій съ основами на -ă°, существовали формы на -sj̯ă° и на -j̯ă°, по аналогіи чередованія такихъ формъ, различавшихся между собою присутствіемъ или отсутствіемъ s въ началѣ суффикса, явилось также чередованіе формъ съ s и безъ s и въ дательномъ и въ мѣстномъ падежахъ единственнаго числа тѣхъ же мѣстоименій, гдѣ изъ индоевропейскаго языка были получены окончанія -smā°j̯ (въ дательномъ падежѣ) и -smĭn (въ мѣстномъ падежѣ), т. е. при формѣ дательнаго на -smōj̯ (прусское -smu) явилась въ литовско-славянскомъ языкѣ форма на -mōj̯ (старославянское **-моѹ**, напр., въ **томоѹ**, литовское -mui изъ -mûi, напр., въ támui «этому»), а въ мѣстномъ единственнаго числа при формѣ на -smĭn получилась форма на -mĭn (старославянское **-мь**, напр., въ **томь**, литовское -mi однихъ діалектовъ, -me другихъ діалектовъ, напр., въ tamì, tamè «(въ) этомъ»). Какъ скоро въ родительномъ единственнаго числа мѣстоименій съ основами на -ă° форма на -sj̯ă° была вытѣснена въ діалектахъ литовско-славянскаго языка формой на -j̯ă°, и въ дательномъ и въ мѣстномъ падежахъ единственнаго числа формы съ s передъ m были вытѣснены формами безъ s, т. е. общеславянскій языкъ получилъ здѣсь только формы безъ s передъ m, хотя эта утрата s передъ m не могла возникнуть фонетическимъ путемъ (сравните первоначальную группу sm безъ измѣненія въ старославянскомъ **ѥсмь**). Что же касается литовско-славянскихъ

мѣстоименій съ основами не на -ă°, продолжавшихъ сохранять форму родительнаго единственнаго числа на -si̯ă°, то въ нихъ и въ дательномъ и въ мѣстномъ падежахъ окончанія -smōi̯ (изъ индоевропейскаго -smā°i̯) и -smīn продолжали удерживать s, которое перешло здѣсь и въ общеславянскій языкъ: въ старославянскомъ языкѣ сюда принадлежитъ **с** въ формахъ **ѵєсомоѵ**, **ѵьсомоѵ** и **ѵєсомь**, гдѣ **-сом-** замѣнило собою -sm- подъ вліяніемъ **-со** (не сознававшагося уже въ качествѣ падежнаго окончанія) въ формѣ родительнаго **ѵєсо**, **ѵьсо**, между тѣмъ какъ форма **ѵємь**, русское чемъ, (**ѵємоѵ**, русское чему, не встрѣчается въ старославянскихъ памятникахъ) образована по аналогіи другихъ мѣстоименій.

Перехожу теперь къ исторіи въ разсматриваемыхъ мною языкахъ *индоевропейскаго* i̯ *въ положеніи не между гласными*, т. е. послѣ согласныхъ и въ началѣ словъ, а также и къ исторіи *индоевропейскаго* ĭ слогового передъ гласными, существовавшаго лишь послѣ согласныхъ и несомнѣнно извѣстнаго при томъ изъ литовско-славянскаго языка, какъ я говорилъ уже, лишь въ положеніи не въ начальномъ слогѣ словъ. Въ эпоху распаденія литовско-славянскаго языка i̯, сохранявшееся въ положеніи не между гласными, и ĭ слоговое передъ гласными различались еще между собою, какъ свидѣтельствуетъ исторія сочетаній, заключавшихъ въ себѣ эти звуки, въ балтійскихъ языкахъ; что же касается i̯ и j, то хотя мы имѣемъ указанія на бывшее нѣкогда въ литовско-славянскомъ языкѣ различіе между собою индоевропейскихъ i̯ и j, тѣмъ не менѣе въ эпоху распаденія литовско-славянскаго языка это различіе могло уже не существовать, и въ это время оба эти звука въ положеніи не послѣ гласныхъ можетъ быть уже совпали въ одномъ звукѣ i̯, тогда какъ между гласными существовало j (обыкновенно изъ индоевропейскаго j, такъ какъ индоевропейское i̯ не послѣ ĭ, ī въ такомъ положеніи еще ранѣе измѣнилось въ придыханіе). По крайней мѣрѣ, въ общеславянскомъ языкѣ нѣкогда существовало такое различіе между i̯ (въ положеніи не послѣ гласныхъ) и j (въ положеніи послѣ гласныхъ), при чемъ въ i̯ здѣсь перешло и литовско-славянское ĭ

слоговое передъ гласными. Въ то время, когда въ литовско-славянскомъ языкѣ различались еще индоевропейскія i̯ и j, и когда i̯ между гласными уже не существовало, возникло здѣсь фонетическое измѣненіе ĕ въ ĭ въ положеніи послѣ ĭ и i̯, между тѣмъ какъ ĕ послѣ j сохранялось какъ ĕ. Въ балтійскихъ языкахъ литовско-славянскія группы ĭĭ и i̯ĭ имѣютъ различную судьбу (изъ ĭĭ здѣсь получалось ĭ, которое не являлось изъ i̯ĭ), тогда какъ въ общеславянскомъ языкѣ, гдѣ литовско-славянское i слоговое передъ гласными совпало съ i̯, и литовско-славянскія группы ĭĭ и i̯ĭ совпали въ одной группѣ i̯i, которая при положеніи послѣ согласной не въ конечномъ слогѣ измѣнилась въ ĭĭ и далѣе въ ĭ. Общеславянское ĭ (старославянское **и**, русское и) такого происхожденія является, напр., въ окончаніи основъ настоящаго времени глаголовъ тѣхъ классовъ, къ которымъ принадлежатъ старославянскіе глаголы **сѣдѣти** («сидѣть»), **горѣти** и т. д. и **хвалити**, **носити** и т. д., русскіе сидѣть, горѣть и т. д. и хвалить, носить и т. д., напр., въ формахъ настоящаго времени **сѣдиши**, **сѣдить**, **сѣдите** и **хвалиши**, **хвалить**, **хвалите**, русскія сидишь, сидитъ, сидите и хвалишь, хвалитъ, хвалите. Въ глаголахъ класса **сѣдѣти**, **горѣти**, непроизводныхъ по основамъ настоящаго времени, въ основахъ неопредѣленнаго еще въ литовско-славянскомъ языкѣ являлись производныя основы на -ē (напр., съ старославянскимъ **сѣдѣти** тождественно литовское sėdė̃ti), а основы настоящаго времени были получены изъ индоевропейскихъ основъ тематическаго спряженія на -i̯ă° -i̯ă°, гдѣ удареніе падало на слоговую гласную этого суффикса (ă°, ă°), между тѣмъ какъ въ индоевропейскихъ основахъ настоящаго времени на -jă° -jă° удареніе падало на гласную корня. Индоевропейскія основы настоящаго времени на -jă° -jă° являются въ старославянскомъ языкѣ въ такихъ глаголахъ, какъ **орѫ** («пашу») **орѣти**, **колѫ колѣти**, русскія орю оретъ, колю колетъ, съ которыми тождественны по образованію основъ настоящаго времени такіе литовскіе глаголы, какъ arìù árìa («орю, оретъ»), и такіе греческіе глаголы, какъ φθείρω, κτείνω (гдѣ іоническое и аттическое ει не

дифтонгъ, но долгое закрытое е, образовавшееся въ этихъ діалектахъ изъ общегреческаго ĕ въ положеніи передъ группою изъ rj, съ индоевропейскимъ j), а индоевропейскія основы настоящаго времени на -ję̆° -ję̄°, являющіяся, какъ я сказалъ, въ такихъ старославянскихъ глаголахъ, какъ **сѣждѫ сѣдѣть**, **горѫ горѣть**, русскія сижу сидитъ, горю горитъ, въ литовскомъ языкѣ мы находимъ въ глаголахъ класса sė̀džiu sė̀di («сижу, сидитъ»), а въ греческомъ въ такихъ глаголахъ, какъ, напр., χαίρω (гдѣ αιρ- изъ arį̆-, съ индоевропейскимъ į), φαίνω (гдѣ αιν- изъ anį̆-, съ индоевропейскимъ į). Итакъ, въ старославянскихъ глаголахъ класса **сѣждѫ сѣдѣть**, **горѫ горѣть** старославянское **ѣ** изъ общеславянскаго ī, получившагося непосредственно изъ ĭĭ, восходитъ къ литовско-славянскому ję̆ (откуда въ литовскомъ языкѣ i съ фонетическою утратой į послѣ согласной передъ мягкою гласной), образовавшемуся изъ jė̆, т. е. изъ индоевропейскаго ję̆°. Но индоевропейское ă° въ окончаніи основъ тематическаго спряженія существовало только въ формахъ 2 и 3 лицъ единственнаго и двойственнаго чиселъ и 2 лица множественнаго числа, между тѣмъ какъ въ другихъ формахъ съ тѣми же основами являлось ă° въ окончаніи основъ (въ 1 лицѣ единственнаго числа настоящаго времени это ă° въ соединеніи съ личнымъ суффиксомъ обращалось фонетически въ ā°), а въ литовско-славянскомъ языкѣ ję̆ въ окончаніи разсматриваемыхъ нами основъ существовало и въ этихъ формахъ (но не въ 1 лицѣ единственнаго числа), т. е. въ 1 лицѣ множественнаго и двойственнаго чиселъ, въ 3 лицѣ множественнаго числа и въ причастіяхъ, какъ свидѣтельствуетъ сопоставленіе славянскихъ и балтійскихъ формъ (общеславянское **ѧ** въ старославянскихъ формахъ 3 лица множественнаго числа **сѣдѧть**, **горѧть** и въ причастныхъ основахъ **сѣдѧшт-**, **горѧшт-** образовалось, какъ я объясняю далѣе, изъ -jĭn-). Надо думать поэтому, что еще въ литовско-славянскомъ языкѣ въ этихъ глаголахъ подъ вліяніемъ тѣхъ формъ, гдѣ явилось фонетически ję̆ изъ jė̆ въ окончаніи основъ, это ję̆ переносилось и въ формы, въ которыхъ было получено въ окончаніи основъ ję̆°,

т. е. чередованіе гласныхъ ĭ и ă° въ спряженіи такихъ глаголовъ не удержалось въ языкѣ, и одна изъ этихъ гласныхъ вытѣснила собою другую.

Сказанное мною о происхожденіи общеславянскаго ī, старославянскаго **н**, въ окончаніи основъ настоящаго времени непроизводныхъ глаголовъ, напр., въ старославянскихъ основахъ **сѣдн-**, **горн-**, примѣняется и къ общеславянскому ī, старославянскому **н**, въ окончаніи основъ настоящаго времени производныхъ глаголовъ, напр., въ старославянскихъ **хвалн-**, **носн-** (**хвалнть**, **носнть**), русскія хвали-, носи- (хвалитъ, носитъ). Эти основы восходятъ къ индоевропейскимъ основамъ производныхъ глаголовъ на -i̯ă° -i̯ă° послѣ согласной; въ греческомъ языкѣ сюда принадлежатъ такіе производные глаголы, какъ, напр., τεκταίνω, τελείω (съ производными основами отъ основъ на согласную), а также, напр., и ἀγγέλλω, ἐχθαίρω (съ производными основами отъ основъ на гласную), и соотвѣтственныя образованія мы находимъ также и въ древнеиндійскомъ языкѣ. Въ литовско-славянскомъ языкѣ производные глаголы съ такимъ образованіемъ основъ настоящаго времени приняли на себя, между прочимъ, и значенія утраченныхъ здѣсь индоевропейскихъ винословныхъ (каузативныхъ) глаголовъ съ основами настоящаго времени на -ă°jă° -ă°jà° (откуда въ греческомъ языкѣ часть производныхъ глаголовъ на -εω и въ латинскомъ также часть производныхъ глаголовъ на -eo). Въ балтійскихъ языкахъ не сохранились основы настоящаго времени производныхъ глаголовъ, соотвѣтствующія старославянскимъ основамъ настоящаго времени класса **хвалн-** или **носн-**, а въ соотвѣтствіи съ основами неопредѣленнаго такихъ глаголовъ на общеславянское -ī, старославянское -**н**, напр., **хвалн-тн**, **носн-тн**, русскія хвалить, носить, и въ балтійскихъ языкахъ сохранились основы неопредѣленнаго на -ī, напр., въ литовскомъ vartýti «поворачивать» (при настоящемъ vartaú, а о происхожденіи литовскихъ глаголовъ на -au я упоминалъ прежде), тождественномъ по происхожденію съ старославянскимъ **вратнти**, русское воротить, гдѣ общеславянская основа *vortī-. Это бал-

тійское ī, общеславянское ī въ основахъ неопредѣленнаго такихъ глаголовъ восходитъ вѣроятно къ литовско-славянскому ī изъ индоевропейскаго ī производныхъ глаголовъ съ основами литовско-славянскаго неопредѣленнаго на -ī и съ основами настоящаго въ литовско-славянскомъ языкѣ на -ījĕ -ījă° (литовскіе глаголы на -yju, старославянскій глаголъ **възпиѭ**), гдѣ j могло получиться какъ изъ первоначальнаго j, такъ и изъ первоначальнаго i̯ (сравните греческіе производные глаголы на -ιω и латинскіе глаголы на -io 4-го спряженія). Надо замѣтить, что производные глаголы индоевропейскаго языка перешли въ отдѣльные индоевропейскіе языки исключительно въ основахъ настоящаго времени (т. е. въ личномъ глаголѣ въ формахъ настоящаго и прошедшаго несовершеннаго времени), между тѣмъ какъ въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ изъ основъ настоящаго времени такихъ глаголовъ были извлекаемы и основы не настоящаго времени, по аналогіи спряженія глаголовъ непроизводныхъ. Какъ скоро въ литовско-славянскомъ языкѣ въ производныхъ глаголахъ съ основами настоящаго на -i̯ĕ (откуда далѣе -i̯ĭ) -i̯ă° были извлечены основы не настоящаго времени, такими основами явились основы на -i̯, но основы на -i̯ въ формахъ, суффиксы которыхъ начинались съ согласной, напр., въ неопредѣленномъ, имѣвшемъ въ началѣ суффикса t (старославянское -**тн**, литовское -ti), не могли удержаться, такъ какъ i̯ передъ согласными не существовало въ языкѣ; какъ скоро же i̯ въ такомъ положеніи становилось слоговымъ, на него оказывало вліяніе ī, получавшееся въ окончаніи основъ неопредѣленнаго производныхъ глаголовъ съ основами настоящаго на литовско-славянскія -ījĕ -ījă°, а въ нѣкоторыхъ глаголахъ тѣ и другія образованія могли еще ранѣе вполнѣ совпадать по значеніямъ (такое явленіе представляетъ древнеиндійскій языкъ въ нѣкоторыхъ глаголахъ съ соотвѣтственными образованіями основъ настоящаго времени). Въ тѣхъ формахъ, суффиксы которыхъ начинались съ гласной, i̯ въ окончаніи основъ настоящаго времени разсматриваемыхъ нами глаголовъ не должно было переходить въ слоговой звукъ и про-

должало сохраняться какъ i̯, съ его дальнѣйшими фонетическими измѣненіями. Такъ образованы старославянскія причастія прошедшаго времени дѣйствительнаго залога **хвалѣ хвалѣша** и тому подобныя, гдѣ **ѣ** изъ **ъ** (сравните **несъ несъша**) въ положеніи послѣ мягкаго звука (общеславянское мягкое l въ **хвалѣ** изъ li̯), и такъ же образованы эти причастія и въ литовскомъ языкѣ (напр., vàrtęs, родительный vàrčiusio), между тѣмъ какъ другое славянское образованіе тѣхъ же причастій, являющееся въ старославянскихъ формахъ **хвалнвъ хвалнвъша** и тому подобныхъ (въ паннонскихъ текстахъ господствуютъ формы типа **хвалѣ**, не **хвалнвъ**[1]), вызвано было вліяніемъ аналогіи со стороны причастій прошедшаго времени дѣйствительнаго залога другихъ глаголовъ съ основами неопредѣленнаго на гласную (напр., **бнвъ, дѣлавъ**). Основы настоящаго времени на i̯ вошли въ составъ и славянскихъ причастій прошедшаго времени страдательнаго залога, напр., въ старославянскомъ **хвалѥнъ** (сравните **-ѥнъ** въ **вѣдѥнъ**), при чемъ надо замѣтить, что такія формы образовались уже послѣ того, какъ старое i̯ĕ измѣнилось въ литовско-славянскомъ языкѣ въ ii̯.

Общеславянское ii̯ изъ литовско-славянскихъ ii̯ и ĭi̯ (получившихся изъ i̯ĕ и ĭĕ) въ конечномъ слогѣ словъ неодносложныхъ не переходило въ ĭi̯, ī, а i̯ въ этомъ ii̯ съ теченіемъ времени подверглось въ общеславянскомъ языкѣ такимъ же фонетическимъ измѣненіямъ, какъ и всякое i̯ въ положеніи послѣ согласныхъ (объ этихъ измѣненіяхъ я говорю далѣе); на основаніи этого различія въ измѣненіи группы ii̯ можно предполагать, что ĭ слоговое стало переходить въ общеславянскомъ языкѣ въ ь (і ирраціональное) слоговое прежде всего при положеніи въ конечномъ слогѣ словъ неодносложныхъ, и что, слѣдовательно, и измѣненіе й слогового въ ъ (и ирраціональное) слоговое началось здѣсь также въ конечномъ слогѣ словъ неодносложныхъ. Общеславян-

1) См. статистическое сопоставленіе тѣхъ и другихъ образованій въ паннонскихъ текстахъ у Wiedemann'a, Beiträge zur altbulgarischen Conjugation, стр. 134.

ское ji̯, ji̯ь, съ дальнѣйшими фонетическими измѣненіями, изъ литовско-славянскихъ ji̯ и ïï, получавшихся изъ i̯ë и ïë, я вижу, напр., въ окончаніи 2 лица единственнаго числа славянской повелительной формы, изъ индоевропейскаго желательнаго наклоненія, въ глаголахъ нетематическаго спряженія, т. е. въ тѣхъ общеславянскихъ формахъ, изъ которыхъ произошли старославянскія **даждь, вѣждь, ѫждь** (гдѣ **ѫ** изъ **ѣ** въ началѣ слова), русское ѣшь въ значеніи повелительной формы (ш изъ конечнаго ж), а также старославянское **вижды**, русское вишь (ш изъ конечнаго ж), хотя въ послѣднемъ глаголѣ нетематическое спряженіе настоящаго времени было утрачено (сравните въ литовскомъ языкѣ при настоящемъ тематическаго спряженія véizdžiu, соотвѣтствующемъ старославянскому **вижду**, русскому вижу, настоящее нетематическаго спряженія véizdmi, которому въ старославянскомъ языкѣ соотвѣтствовало бы ***вимь**); что касается формъ **даждн, повѣждн, вижднъ** въ Синайскомъ требникѣ, то онѣ представляютъ новообразованіе въ конечномъ **н** вмѣсто **ь**, подъ вліяніемъ повелительной формы тематическаго спряженія, напр., **берн**. Въ основахъ не единственнаго числа славянскихъ повелительныхъ формъ нетематическаго спряженія старославянское **н** изъ общеславянскаго ī въ окончаніи основы (не въ конечномъ слогѣ словъ), напр., въ формахъ **дадите, ядите**, образовалось такъ же, какъ и старославянское **н** изъ общеславянскаго ī въ окончаніи основъ настоящаго времени **хвали-, носи-** или **сѣди-, гори-**, т. е. общеславянское ī въ случаяхъ того и другого рода восходитъ къ болѣе древнему общеславянскому ji̯ при положеніи его не въ конечномъ слогѣ словъ. Въ индоевропейскомъ языкѣ основа желательнаго наклоненія въ нетематическомъ спряженіи образовывалась при посредствѣ суффикса, который въ формахъ единственнаго числа дѣйствительнаго залога имѣлъ на себѣ удареніе и являлся въ видѣ -ïā°- и -i̯ā°-, откуда греческое -ιη-, напр., въ εἴην, древнелатинское -iē- въ siem, sies, siet (ī въ sim, sis, sit перенесено изъ формъ не единственнаго числа); въ формахъ же не единственнаго числа дѣйствительнаго залога этотъ суффиксъ

являлся передъ ударяемыми окончаніями и въ связи съ этимъ имѣлъ болѣе слабый видъ, именно, какъ я думаю, -ĭă^{e}- и -i̯ă^{e}- въ формахъ дѣйствительнаго залога, а не -ī-, какъ предполагаютъ другіе [1]), при чемъ, однако, въ формѣ 3 лица множественнаго числа фонетически получилось окончаніе -iắ^{e}nt, -i̯ắ^{e}nt (сравните древнелатинское sient, греческое εἶεν, а -εν фонетически изъ -ēnt), гдѣ въ составъ ă^{e} вошли ă^{e} въ окончаніи суффикса желательнаго наклоненія -ĭă^{e}-, -i̯ă^{e}-, + ă^{e} личнаго окончанія -ắ^{e}nt [2]). Въ литовско-славянскомъ языкѣ чередованіе между ĕ и ē въ этомъ суффиксѣ желательнаго наклоненія исчезло, и одна изъ этихъ гласныхъ вытѣснила собою другую, а именно основы на -ĭĕ, -i̯ĕ, откуда -ĭī, -i̯ī, замѣнили собою основы на -iē, -i̯ē, полученныя въ формахъ единственнаго числа (дѣйствительнаго залога).

Съ старославянскими повелительными формами **даждь** **дадите**, **ѣждь** **ѣдите** родственны литовскія формы желательнаго наклоненіи, образованныя черезъ присоединеніе къ супину спрягаемаго глагола формъ желательнаго наклоненія отъ индоевропейской глагольной основы (корня) *bhŭ- = *bhū- «быть», и, напр.,

---

1) Новообразованія, являющіяся въ индо-иранскихъ языкахъ въ формахъ множественнаго и двойственнаго чиселъ дѣйствительнаго залога этого желательнаго наклоненія, не могли бы быть поняты при томъ предположеніи, что основа такихъ формъ оканчивалась въ индоевропейскомъ языкѣ на -ī; противъ этого -ī свидѣтельствуетъ и индоевропейское образованіе формы 3 лица множественнаго числа дѣйствительнаго залога какъ въ языкѣ Авесты, такъ и въ греческомъ и латинскомъ языкахъ. Чередованіе въ индоевропейскомъ языкѣ ā того или другого качества въ формахъ единственнаго числа дѣйствительнаго залога съ ă соотвѣтствующаго качества въ другихъ формахъ дѣйствительнаго залога я принимаю и для тѣхъ глагольныхъ основъ, которыя состояли изъ одного корня на -ā различнаго качества въ «сильномъ» видѣ, т. е., напр., въ греческомъ φᾰμέν (при φημί, гдѣ η изъ ᾱ) я вижу въ α индоевропейское ă^{a}, а не индоевропейское слоговое ирраціональное a; иначе не могли бы быть поняты индо-иранскія новообразованія въ такихъ формахъ.

2) Въ нетематическомъ спряженіи индоевропейскими окончаніями 3 лица множественнаго числа дѣйствительнаго залога я вывожу въ положеніи подъ удареніемъ -ắ^{e}nti и -ắ^{e}nt, а въ положеніи безъ ударенія -a̯nti и -a̯nt (въ перфектѣ существовало и особое окончаніе); въ случаяхъ перваго рода самое удареніе препятствовало образованію -a̯n-.

литовское i въ -bite во 2 лицѣ множественнаго числа, напр., въ nèštumbite (отъ nèšti «нести»), относится къ старославянскому **и**, напр., въ **дадите**, **ꙗдите** такъ же, какъ литовское i, напр., въ sėdite (изъявительное наклоненіе) «вы сидите» относится къ старославянскому **и** въ **сѣдите** (въ изъявительномъ наклоненіи). Литовское -bi- въ литовскомъ желательномъ наклоненіи восходитъ къ индоевропейской основѣ желательнаго *bhu̯ĭă^{e} при *bhu̯ĭā^{e}- (другое индоевропейское образованіе *bhūi̯ă^{e}- при *bhūi̯ā^{e}-), гдѣ u̯ послѣ начальной согласной исчезло или въ литовско-славянскомъ языкѣ (о случаяхъ такого рода я упоминалъ уже), или можетъ быть еще въ индоевропейскомъ языкѣ при энклитическомъ употребленіи этой формы въ значеніи связки (сравните индоевропейское энклитическое *tă^{o}i̯ «тебѣ», откуда, напр., греческое энклитическое τοί, старославянское энклитическое **ти**, изъ *tu̯ă^{o}i̯, откуда, напр., греческое σοί); на утрату здѣсь u̯ еще въ индоевропейскомъ языкѣ указываетъ, повидимому, древнеперсидская форма желательнаго наклоненія отъ этого глагола (bijā, 3 лицо единственнаго числа). Если индоевропейскій языкъ имѣлъ *bhĭă^{e}-, *bhĭā^{e}-, то здѣсь же могло явиться и измѣненіе *bhĭă^{e}-, *bhĭā^{e}- въ *bhi̯ă^{e}-, *bhi̯ā^{e}-, при тѣхъ же фонетическихъ условіяхъ, которыя и въ другихъ случаяхъ вызывали здѣсь чередованіе ĭ слогового передъ гласной и i̯ (напр., въ другихъ основахъ желательнаго наклоненія глаголовъ нетематическаго спряженія); или же въ литовско-славянскомъ языкѣ при *bĭĕ-, *bĭĭ- (изъ *bhĭă^{e}-) получалось и *bi̯ĕ-, *bi̯ĭ-, по аналогіи съ -i̯e-, -i̯i- въ другихъ основахъ желательнаго наклоненія. Литовское -bi- во всякомъ случаѣ восходитъ къ *bi̯ĭ-, не къ *bĭĭ (отсюда въ литовскомъ явилось бы -*bī-). Эта литовско-славянская основа желательнаго наклоненія *bi̯ĭ- извѣстна намъ и изъ старославянскаго языка, и при томъ въ значеніи основы такой формы вспомогательнаго глагола, которая въ соединеніи съ причастіемъ на **-лъ** спрягаемаго глагола служила для образованія условнаго наклоненія, хотя условное наклоненіе образовывалось здѣсь также и иначе, изъ соединенія формъ аориста вспомогательнаго глагола

бꙑхъ, бꙑ, бꙑ и т. д. (сравните русское бы) съ причастіемъ на **-лъ** спрягаемаго глагола. Основа желательнаго (славянскаго условнаго) наклоненія, тождественная съ литовскою основой -bi-, является въ старославянскомъ языкѣ въ паннонскихъ текстахъ какъ **би-** въ формахъ **бимь** (гдѣ личный суффиксъ **-мь** перенесенъ изъ настоящаго времени глаголовъ нетематическаго спряженія), **би, би, бимъ, бистє, бишѧ** (въ томъ же значеніи и **бѫ**, другого происхожденія), а формы двойственнаго числа не встрѣчаются въ текстахъ. Относительно **бистє** надо замѣтить, что эта форма замѣнила собою форму ***битє** (хорватское bite) подъ вліяніемъ **бꙑстє**, а также подъ вліяніемъ **-стє** въ **дастє, ꙗстє, вѣстє**; форма же **бишѧ** явилась вмѣсто болѣе древней формы ***би** (сербское и хорватское би, bi) по аналогіи **бꙑшѧ**, а что касается образованія общеславянскаго *bī въ 3 лицѣ множественнаго числа изъ *bi̯int, то объ этомъ я говорю далѣе, въ связи съ исторіей общеславянскихъ носовыхъ гласныхъ. Различіе между **и** изъ общеславянскаго ī въ формѣ **би** во 2 и 3 лицахъ единственнаго числа, съ одной стороны, и $^{(i)}$**ь** изъ общеславянскаго i̯ь, $^{(i)}$ь въ старославянскихъ **даждь, ꙗждь**, съ другой стороны, объясняется тѣмъ, что въ первомъ случаѣ было слово односложное, а въ односложномъ словѣ i̯ĭ послѣ согласной измѣнялось, слѣдовательно, въ общеславянскомъ языкѣ такъ же, какъ и внутри словъ, т. е. переходило въ ĭĭ, откуда ī.

Общеславянское i̯ĭ, i̯ь, $^{(i)}$ь послѣ согласной въ конечномъ слогѣ словъ неодносложныхъ изъ литовско-славянскихъ ĭĭ и i̯ĭ, получавшихся изъ ĭĭ и i̯ĭ, существовало нѣкогда и въ звательной формѣ единственнаго числа многихъ именъ того класса, къ которому принадлежатъ старославянскія имена **кои̑ь, мѫжь** и тому подобныя. Всѣ эти имена въ формахъ склоненія указываютъ на индоевропейскія основы на -ă°, чередовавшееся съ -ă^{e} и слѣдовавшее за мягкимъ звукомъ, а между тѣмъ звательная форма единственнаго числа образована въ нихъ (имена на **-ць** и **-ѕь -ʒь** не принадлежатъ сюда[1]) какъ въ именахъ съ основами на индо-

1) Имена на общеславянскія -сь и -dẑь (діалектическое -zь изъ -d͡zь) замѣнили собою болѣе древнія имена на -kъ и -gъ, какъ мы увидимъ далѣе, и въ

европейское -ŭ, напримѣръ, старославянское **коѭ** (сравните звательную форму на **-оу** въ именахъ съ основами на индоевропейское -ŭ послѣ твердаго звука, напримѣръ **сыноу**, между тѣмъ какъ форма **сыне** образована по аналогіи именъ съ основами на индоевропейское -ă° -ă^{e}). Утрата древняго образованія звательной формы на индоевропейское -ă^{e} въ славянскихъ именахъ съ основами на индоевропейское -à° -ă^{e} послѣ мягкаго звука объясняется, я думаю, тѣмъ, что въ большей части такихъ именъ на общеславянское -$^{(i)}$ь(s) въ именительномъ падежѣ (или, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ по самому значенію имени звательная форма была наиболѣе употребительна) были получены основы на индоевропейскія -ĭă° -ĭă^{e} и -i̯ă° -i̯ă^{e}, а не на -jă° -jă^{e}, такъ что, слѣдовательно, звательная форма такихъ именъ должна была оканчиваться на -$^{(i)}$ь (изъ индоевропейскихъ -ĭă^{e} и -i̯ă^{e}, откуда литовско-славянскія -ĭĭ, -i̯ĭ), т. е. должна была совпасть по окончанію съ именительнымъ падежомъ на -$^{(i)}$ь, какъ скоро въ послѣдней формѣ фонетически отпало конечное s. Звательная форма на $^{(i)}$ь такихъ именъ, когда еще въ именительномъ падежѣ сохранялось конечное s, перенесена была и въ тѣ имена на -$^{(i)}$ь(s), въ которыхъ были получены основы на первоначальныя -jă° -jă^{e} (послѣ согласной), и въ которыхъ поэтому звательная форма единственнаго числа должна была фонетически оканчиваться на -$^{(i)}$ĕ въ общеславянскомъ языкѣ, а это перенесеніе звательной формы на -$^{(i)}$ь въ такія имена вызывалось здѣсь тѣмъ, что тѣ и другія имена фонетически совпали между собою какъ въ окончаніи именительнаго единственнаго числа, такъ и въ окончаніяхъ формъ склоненія, и различались лишь въ звательной формѣ единственнаго числа, которая въ большинствѣ этихъ именъ фонетически оканчивалась на -$^{(i)}$ь, такъ какъ принадлежала именамъ съ основами на литовско-славянскія -ĭă° -ĭĭ (изъ -ĭĕ) и -i̯ă° -i̯ĭ (изъ -i̯ĕ); слѣдствіемъ же указаннаго перенесенія звательной формы на $^{(i)}$ь въ тѣ общеславянскія имена на $^{(i)}$ь(s) въ именительномъ падежѣ,

нихъ продолжала сохраняться звательная форма на -е, напр., старославянское **отьче**.

въ которыхъ были получены основы на первоначальныя -jă° -jă^{e} (послѣ согласной), должна была явиться замѣна звательной формы на -ě звательною формоїи на -ь и въ общеславянскихъ именахъ на -jь(s) въ именительномъ падежѣ (старославянское -**н**, напримѣръ, въ **кран**), съ основами на первоначальныя -jă° -jă^{e} послѣ гласной, такъ какъ эти имена совпадали въ формахъ склоненія съ именами на -$^{(i)}$ь(s) въ именительномъ падежѣ. Какъ скоро затѣмъ во всѣхъ этихъ именахъ конечное s въ именительномъ падежѣ отпало въ общеславянскомъ языкѣ (по закону, о которомъ я говорю далѣе), звательная форма на -$^{(i)}$ь и jь вполнѣ совпала въ окончаніи съ именительнымъ падежомъ тѣхъ же именъ; такое совпаденіе представлялось неудобнымъ (такъ какъ въ другихъ именахъ звательная форма продолжала отличаться отъ именительнаго падежа), и звательная форма на -$^{(i)}$ь и -jь въ разсматриваемыхъ нами именахъ была замѣнена въ общеславянскомъ языкѣ формой на -$^{(i)}$ū и -jū (ū изъ дифтонга оu̯), принадлежавшею по происхожденію именамъ съ основами на первоначальное -й въ положеніи послѣ мягкаго звука. Надо думать потому, что въ числѣ именъ старославянскихъ классовъ «**конь, кран**» были получены въ общеславянскомъ языкѣ нѣкоторыя имена съ основами на литовско-славянскія -i̯ŭ и -jŭ; эти общеславянскія имена, совпавшія фонетически въ именительномъ единственнаго числа съ прочими именами тѣхъ же классовъ (т. е. на первоначальныя -ă° -ă^{e} въ положеніи послѣ мягкаго звука), подчинились затѣмъ въ склоненіи аналогіи послѣднихъ именъ, составлявшихъ по отношенію къ нимъ во всякомъ случаѣ значительное большинство, но при этомъ сами передали прочимъ именамъ звательную форму, какъ скоро звательная форма на -$^{(i)}$ь и -jь стала представляться неудобною по совпаденію ея въ окончаніи съ именительнымъ падежомъ.

Можетъ быть и въ именительномъ и винительномъ падежахъ единственнаго числа общеславянское -$^{(i)}$ь въ части именъ старославянскаго класса «**конь**» восходитъ къ литовско-славянскимъ -ĭi̯ и -i̯ĭ, изъ -ĭĕ и -i̯ĕ, въ окончаніи основъ этихъ формъ, хотя то же

общеславянское -(i)ь должно было получиться фонетическимъ путемъ (какъ мы увидимъ далѣе) и изъ первоначальныхъ -ĭă°-, -i̯ă°-, -j̆ă°- въ тѣхъ же формахъ. Въ литовскомъ языкѣ въ соотвѣтствіи съ старославянскими именами класса «конь» мы находимъ частію имена на -(i)as въ именительномъ, на -(i)ą въ винительномъ единственнаго числа (гдѣ a изъ литовско-славянскаго ă°), напримѣръ, svẽčias «гость», частію же имена на -ỹs (у выражаетъ долгое i) и на -is въ именительномъ, на -į въ винительномъ единственнаго числа, напримѣръ, ežỹs «ежъ», žõdis «слово». Литовское ỹ (т. е. ӥ) въ этихъ именахъ произошло изъ литовско-славянскаго ĭĭ, а литовское i (безъ ударенія) здѣсь частію образовалось непосредственно изъ ĭ, при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ, частію же можетъ восходить къ литовско-славянскому i̯ĭ; что же касается литовско-славянскихъ ĭĭ и i̯ĭ, то мы знаемъ, что въ нихъ переходили индоевропейскія ĭă° и i̯ă°. Надо думать, что въ индоевропейскихъ именахъ (а также и въ мѣстоименіяхъ) съ основами на -à° -ă° въ положеніи послѣ ĭ и i̯ въ именительномъ и винительномъ единственнаго числа мужескаго рода, а также въ именительномъ-винительномъ единственнаго числа средняго рода, т. е. вообще при положеніи въ конечномъ слогѣ, извѣстно было и ă°, кромѣ ă°, т. е., что, напримѣръ, въ именительномъ единственнаго числа такихъ именъ при формѣ на -ĭă°s существовала и форма на -ĭă°s; индоевропейскія основы на -ĭă° и -i̯ă° въ этихъ формахъ извѣстны намъ не только изъ балтійскихъ языковъ, но также и изъ италійскихъ, и сюда принадлежатъ, напр., въ латинскомъ языкѣ такія образованія, какъ Clodis (при Clodius), alis (при alius), гдѣ латинское i изъ i̯ĕ. Въ виду фактовъ, представляемыхъ балтійскими языками, кажется очень вѣроятнымъ, что и въ общеславянскій языкъ перешли имена съ основами на литовско-славянскія -ĭĭ и -i̯ĭ, изъ индоевропейскихъ -ĭă° и -i̯ă°, въ именительномъ и винительномъ падежахъ единственнаго числа мужескаго рода, хотя, какъ я замѣтилъ уже, эти имена должны были совпасть здѣсь фонетическимъ путемъ съ именами, основы которыхъ въ тѣхъ же

формахъ оканчивались на первоначальныя -ĭa° и -i̯a°, а также и на -ja°.

Подобнымъ же образомъ и въ именительномъ и винительномъ единственнаго числа мужескаго рода мѣстоименія съ индоевропейскою основой i̯a°- i̯a°- (греческое ὁ въ ὅς) старославянское **н** въ **н-же** изъ общеславянскаго і, которое въ свою очередь непосредственно изъ i̯ĭ (какъ я объясню впослѣдствіи), можетъ быть тождественно съ литовскимъ ji- въ jis («онъ»), ją, гдѣ ji- изъ литовско-славянскаго i̯ĭ-, получившагося изъ i̯ĕ- (индоевропейское i̯ă°-), хотя общеславянское і, старославянское **н** въ **н-же**, явилось бы также и изъ литовско-славянскихъ формъ съ основой i̯ă°-.

Я говорилъ, что индоевропейское i̯ между гласными не сохранилось какъ i̯ еще въ литовско-славянскомъ и не перешло поэтому въ общеславянскій языкъ. Но съ теченіемъ времени общеславянскій языкъ получилъ i̯ въ новомъ положеніи между гласными, въ тѣхъ именно случаяхъ, когда слово, начинавшееся съ i̯, слилось съ словомъ, оканчивавшимся на гласную. Такіе случаи являлись въ склоненіи прилагательныхъ опредѣленныхъ, образовавшихся изъ соединенія падежныхъ формъ прилагательныхъ неопредѣленныхъ (а эти формы были тѣ же, что и въ существительныхъ) съ падежными формами того мѣстоименія, которое въ старославянскомъ языкѣ мы находимъ въ **н- ѭ- ѥ-** (въ **нже, ѭже, ѥже**), **ѥго, ѥму, ѥмоу, ѥи** и т. д. Употребленіе этого мѣстоименія (съ индоевропейскою основой i̯a°- i̯a°-) въ положеніи послѣ прилагательныхъ для образованія членной формы прилагательныхъ существовало еще въ литовско-славянскомъ языкѣ, какъ свидѣтельствуетъ сопоставленіе славянскихъ и балтійскихъ языковъ, а въ общеславянскомъ языкѣ (какъ и въ балтійскихъ языкахъ) формы прилагательнаго имени и формы этого мѣстоименія, слѣдовавшаго за прилагательнымъ, съ теченіемъ времени стали сливаться въ одномъ словѣ, при чемъ, какъ я уже замѣтилъ, общеславянскій языкъ получилъ новыя звуковыя сочетанія «гласная + i̯ + гласная». Во всѣхъ тѣхъ прилагательныхъ опредѣ-

ленныхъ, въ составъ которыхъ вошли неодносложныя формы мѣстоименія, i̯ въ положеніи между гласными исчезло въ общеславянскомъ языкѣ, между тѣмъ какъ въ началѣ односложныхъ формъ мѣстоименія, вошедшихъ въ составъ прилагательныхъ опредѣленныхъ, то же i̯ въ положеніи между гласными совпало въ общеславянскомъ языкѣ съ j (напр., въ *dobrā-jā, откуда старославянское **добраꙗ**, русское добрая). Это различіе въ исторіи i̯ между гласными въ тѣхъ и другихъ формахъ прилагательныхъ опредѣленныхъ стоитъ въ связи, я думаю, съ различіемъ тѣхъ и другихъ формъ этого мѣстоименія по отношенію къ ударенію. Въ двусложныхъ формахъ этого мѣстоименія, слѣдовавшаго за прилагательнымъ, вслѣдствіе энклитическаго употребленія являлось всюду, можетъ быть, удареніе перваго слога, второстепенное по отношенію къ ударенію прилагательнаго, между тѣмъ какъ односложныя формы этого мѣстоименія въ энклитическомъ ихъ употребленіи вовсе не имѣли ударенія. Въ такомъ случаѣ i̯ между гласными въ прилагательныхъ опредѣленныхъ подлежало исчезновенію въ общеславянскомъ языкѣ въ положеніи именно передъ гласными съ удареніемъ, когда эти гласныя приставленнаго мѣстоименія сохраняли еще второстепенное удареніе, между тѣмъ какъ въ положеніи передъ гласными безъ всякаго ударенія (въ односложныхъ формахъ приставленнаго мѣстоименія) то же i̯ переходило въ j.—Односложными формами мѣстоименія, вошедшими въ составъ формъ прилагательныхъ опредѣленныхъ, были не только тѣ формы, которыя являлись такими по самому ихъ происхожденію, именно формы именительнаго и винительнаго падежей всѣхъ трехъ чиселъ и всѣхъ трехъ родовъ, но также и нѣкоторыя другія, сокращенныя формы; а именно всѣ тѣ двусложныя формы этого мѣстоименія, которыя въ ихъ полномъ видѣ имѣли въ началѣ второго слога j, вошли въ составъ прилагательныхъ опредѣленныхъ въ сокращенномъ видѣ, безъ перваго слога i̯e- (старославянскія окончанія **-ѩ**, **-и**, **-ѭ**, **-и** въ родительномъ, дательномъ, творительномъ и мѣстномъ единственнаго числа женскаго рода и старославянское **-ю** въ роди-

тельномъ-мѣстномъ двойственнаго числа всѣхъ трехъ родовъ въ склоненіи прилагательныхъ опредѣленныхъ). Надо замѣтить, что въ эпоху распаденія общеславянскаго языка въ разсматриваемомъ нами мѣстоименіи при всѣхъ тѣхъ двусложныхъ формахъ, которыя начинались съ je- (изъ болѣе древняго ję-), были извѣстны сокращенныя энклитическія формы, безъ этого je-; въ старославянскомъ языкѣ эти сокращенныя формы почти не сохранились (родительный ѥ вмѣсто ѥѥ встрѣчается и въ старославянскихъ текстахъ), но онѣ засвидѣтельствованы другими славянскими языками, которые, между прочимъ, указываютъ и на общеславянскія энклитическія *γo, *mu при *jeγo, *jemu. На основаніи того, что въ составъ прилагательныхъ опредѣленныхъ вошли общеславянскія *ję γo, *ję mu (откуда позже *jeγo, *jemu) въ этомъ ихъ полномъ видѣ, а не въ видѣ *γo, *mu, я заключаю, что въ эпоху образованія общеславянскихъ прилагательныхъ опредѣленныхъ энклитическія формы *γo, *mu еще не существовали, и что онѣ возникли позже въ общеславянскомъ языкѣ, по аналогіи съ прочими энклитическими формами этого мѣстоименія, утратившими начальное ję- и вошедшими, какъ мы видѣли, въ составъ прилагательныхъ опредѣленныхъ. Понятно, что и въ этихъ болѣе раннихъ по происхожденію энклитическихъ формахъ, утратившихъ начальное ję- предъ слогомъ начинавшимся съ j, такая утрата начальнаго ję- не могла быть явленіемъ фонстическимъ и должна объясняться вліяніемъ какой либо аналогіи. Надо замѣтить, что падежныя окончанія въ этихъ формахъ были тѣ же, что и въ соотвѣтственныхъ падежныхъ формахъ именъ съ основами на первоначальныя -ă° -ă° (мужескаго и средняго рода) и -ā^{a} -ă^{a} (женскаго рода) въ положеніи послѣ мягкихъ звуковъ. Я предполагаю, что еще въ то время, когда мѣстоименіе, служившее для образованія опредѣленной формы прилагательнаго, было вспомогательнымъ словомъ, не слившимся еще съ прилагательнымъ, подъ вліяніемъ такихъ сочетаній формъ, какъ *sīn$^{(i)}$ā jā (именительный единственнаго числа женскаго рода), *sīn$^{(i)}$ѫ jѫ (винительный падежъ), и въ родительномъ падежѣ

являлось *sīn$^{(i)}$i͡ę ji͡ę, гдѣ *ji͡ę вмѣсто *i͡eji͡ę по аналогіи съ *sīn$^{(i)}$i͡ę; подобнымъ же образомъ получились сокращенныя формы вспомогательнаго мѣстоименія и въ дательномъ, мѣстномъ и творительномъ падежахъ единственнаго числа женскаго рода и въ родительномъ-мѣстномъ двойственнаго числа всѣхъ трехъ родовъ. Эти сокращенныя формы мѣстоименія, образовавшіяся въ сочетаніи съ прилагательными, имѣвшими мягкія окончанія основы, перенесены были затѣмъ и въ сочетанія съ прилагательными, имѣвшими твердыя окончанія основы, напримѣръ, въ родительномъ *dobrȳ ji͡ę, точно такъ же какъ и при употребленіи того же мѣстоименія отдѣльно отъ прилагательныхъ тѣ же сокращенныя формы могли являться въ качествѣ энклитическихъ формъ мѣстоименія.

Кромѣ указанныхъ нефонетическихъ сокращеній формъ въ прилагательныхъ опредѣленныхъ въ общеславянскомъ языкѣ, здѣсь существовали также и другія нефонетическія сокращенія въ образованіи формъ этихъ прилагательныхъ, а именно во всѣхъ тѣхъ падежныхъ формахъ, гдѣ падежное окончаніе прилагательнаго, одинаковое съ окончаніемъ вспомогательнаго мѣстоименія, заключало въ себѣ сочетаніе «согласная + гласная» и потому могло отдѣляться для сознанія въ качествѣ падежнаго окончанія, это окончаніе въ прилагательномъ имени отбрасывалось при образованіи изъ прилагательнаго и вспомогательнаго мѣстоименія одной цѣльной формы прилагательнаго опредѣленнаго. Поэтому, напр., въ творительномъ единственнаго числа женскаго рода изъ *dobrojǫ -jǫ (объ энклитической формѣ *jǫ я уже говорилъ) получалась форма *dobro-jǫ (совпавшая въ окончаніи съ соотвѣтственною формой прилагательнаго неопредѣленнаго) или, напр., въ творительномъ единственнаго числа мужескаго и средняго рода вмѣсто *dobrъmь-jīmь получалась форма *dobrъ-jīmь, а, напр., въ дательномъ множественнаго числа мужескаго и средняго рода изъ *dobromъ-jīmъ являлось непосредственно *dobro-jīmъ и т. д.

Я сказалъ, что въ тѣхъ формахъ прилагательныхъ опредѣленныхъ, въ составъ которыхъ вошли неодносложныя формы

вспомогательнаго мѣстоименія, общеславянскій языкъ получилъ i̯ въ такомъ положеніи между гласными, при которомъ это i̯ исчезало здѣсь, слѣдствіемъ чего явились, понятно, сочетанія слоговыхъ гласныхъ. Разсмотримъ теперь исторію этихъ сочетаній гласныхъ въ формахъ прилагательныхъ опредѣленныхъ.

Родительный падежъ единственнаго числа мужескаго и средняго рода. Окончаніе -āeγo, изъ -āi̯eγo, образовалось въ общеславянскомъ языкѣ тогда, когда то древнее -āĕ- въ окончаніи основъ настоящаго времени извѣстныхъ производныхъ глаголовъ, о которомъ я говорилъ прежде, уже не существовало въ такомъ видѣ, но являлось измѣненнымъ въ -āā-. Новое общеславянское -āĕ- въ окончаніи -āĕγo, образовавшееся, вѣроятно, въ послѣднія эпохи жизни общеславянскаго языка, сохранялось здѣсь безъ дальнѣйшаго измѣненія и перешло такимъ въ отдѣльные славянскіе языки, гдѣ оно подверглось измѣненіямъ, различнымъ въ различныхъ языкахъ. Въ старославянскомъ языкѣ это общеславянское -āĕ- обратилось въ **-аа-**, которое далѣе переходило въ одно **-а-**, и, напр., форма *dobrāeγo измѣнилась здѣсь въ **добраго**, откуда далѣе **добраго**; это измѣненіе āĕ въ старославянское **аа** вполнѣ однородно, слѣдовательно, съ тѣмъ общеславянскимъ измѣненіемъ āĕ (изъ литовско-славянскаго ā°(i̯)ĕ) въ āā, о которомъ я говорилъ прежде. Указаніе на то, что старославянское **-аа-** въ окончаніи **-аго** получилось изъ общеславянскаго -āĕ-, даютъ тѣ славянскіе языки (напр., чешскій, польскій), въ которыхъ мы находимъ -ē-, -e- въ соотвѣтствіи съ старославянскимъ **-аа-** въ этомъ окончаніи; это ē (e) можетъ быть сопоставляемо съ старославянскимъ **аа** лишь при посредствѣ общаго для нихъ ае. Что касается русской формы родительнаго единственнаго числа мужескаго и средняго рода прилагательныхъ опредѣленныхъ, то она представляетъ собою новообразованіе, какъ я объясню далѣе; нѣкогда, однако, русскій языкъ имѣлъ вѣроятно форму на -aγo, получившуюся фонетически изъ общеславянской формы на -āeγo (вѣроятно черезъ посредство формы на -aaγo, какъ въ старославянскомъ языкѣ).

Дательный падежъ единственнаго числа мужескаго и средняго рода. Окончаніе -ūетū-, изъ -ūдетū, еще въ общеславянскомъ языкѣ обратилось въ -ūотū, гдѣ ě перешло въ ŏ вслѣдствіе уподобленія предшествовавшему ū. Въ старославянскомъ языкѣ общеславянское -ūотū измѣнилось въ **-оуоумоу**, откуда **-оумоу** (въ сочетаніи съ мягкимъ звукомъ **-юоумоу**, **-юмоу**), напр., **доброуоумоу**, **доброумоу** (**къшьнюоумоу**, **къшьнюмоу**). Старославянское **-оуоу-** можетъ быть объясняемо изъ -ūĕ- во всякомъ случаѣ лишь черезъ посредство -uo-, а указаніе на то, что еще въ общеславянскомъ языкѣ здѣсь существовало -ūŏ- (изъ -ūĕ-), даютъ другіе славянскіе языки въ сопоставленіи ихъ съ старославянскимъ языкомъ. Въ старославянскихъ текстахъ болгарской редакціи, равно какъ и въ древнѣйшихъ старославянскихъ текстахъ русской редакціи (но не въ Остромировомъ евангеліи), мы находимъ въ дательномъ единственнаго числа мужескаго и средняго рода прилагательныхъ опредѣленныхъ окончаніе **-оомоу**, а въ сочетаніи съ мягкими звуками также **-єомоу** и **-єємоу** (послѣднее, кажется, только въ памятникахъ болгарской редакціи); окончаніе **-оомоу** можетъ быть сопоставляемо съ старославянскимъ **-оуоумоу** лишь при посредствѣ общаго для нихъ первообраза ***-оуомоу**. При окончаніяхъ **-оомоу** и **-єомоу**, **-єємоу** въ тѣхъ же старославянскихъ текстахъ болгарской и русской редакцій являются также и сокращенныя окончанія **-омоу** и **-ємоу**, которыя извѣстны и изъ старославянскихъ памятниковъ сербской редакціи; отсюда и въ современномъ русскомъ языкѣ -ому и -ему, напр., въ слѣпому, доброму, синему, и въ современномъ сербскомъ языкѣ -ōму, -ēму (гдѣ долгая гласная изъ соединенія двухъ гласныхъ). Въ русскомъ языкѣ подъ вліяніемъ -о- и -е- въ этихъ окончаніяхъ -ому и -ему тѣ же -о- и -е- проникли и въ форму родительнаго единственнаго числа мужескаго и средняго рода прилагательныхъ опредѣленныхъ, т. е. окончаніе этой формы -аго (изъ общеславянскаго -āего) замѣнилось окончаніями -ого и -его, съ ихъ дальнѣйшими фонетическими измѣненіями въ діалектахъ, напримѣръ, въ слѣпого, доброго, синего (мы пишемъ

неправильно добраго, синяго). Подобнымъ же образомъ въ сербскомъ языкѣ -ō-, -ē- изъ окончанія дательнаго падежа -ōму, -ēму были перенесены и въ окончаніе родительнаго падежа -ōга, -ēга (конечное а вмѣсто о подъ вліяніемъ а въ окончаніи родительнаго именъ существительныхъ), вмѣсто *-āго, *-āга. Что же касается, напр., чешскаго и польскаго языковъ, гдѣ въ родительномъ единственнаго числа мужескаго и средняго рода прилагательныхъ опредѣленныхъ мы находимъ -ē-, -е- изъ общеславянскаго -āе-, то здѣсь то же -ē-, -е- перенесено и въ форму дательнаго падежа, т. е. общеславянское окончаніе -ūomū измѣнилось здѣсь нефонетическимъ путемъ въ -ēmu, -emu.

Въ нѣкоторыхъ старославянскихъ памятникахъ (напр., въ Зографскомъ евангеліи, въ Маріинскомъ евангеліи) въ родительномъ и дательномъ падежахъ единственнаго числа мужескаго и средняго рода прилагательныхъ опредѣленныхъ встрѣчаются формы на **-аѥго** (**-ꙗѥго**), **-оуѥмоу** (**-юѥмоу**) при формахъ на **-ааго -аго** (**-ꙗаго -ꙗго**), **-оуоумоу -оумоу** (**-юоумоу -юмоу**), напр., **добраѥго, доброуѥмоу**; въ текстахъ, не отличающихъ **ѥ** отъ **є**, пишется, понятно, **-аєго, -оуємоу**. Въ этихъ формахъ на **-аѥго, -оуѥмоу** я вижу новообразованія, вызванныя вліяніемъ мѣстнаго единственнаго числа на **-ѣємь, -ѣѥмь** (въ прилагательныхъ съ основами на твердую согласную передъ конечною гласною), а частію также и вліяніемъ другихъ формъ, сближенныхъ въ окончаніяхъ какъ съ формами мѣстоименія **ѥмь, имь** и т. д., такъ и съ окончаніями падежныхъ формъ въ **мои, твои, свои**, частію **кыи** (**моѥмь** и т. д.).

Мѣстный падежъ единственнаго числа мужескаго и средняго рода. Общеславянское окончаніе -i͡eemь, изъ -i͡ei̯emь, существовавшее въ положеніи послѣ твердыхъ звуковъ, сохранялось и въ діалектахъ старославянскаго языка какъ **-ѣємь**, напр., **добрѣємь**; такія старославянскія формы извѣстны намъ изъ Остромирова евангелія. Въ діалектахъ паннонскихъ текстовъ **ѣє** обращалось въ **ѣѥ**, т. е. изъ **-ѣємь** мы находимъ здѣсь **-ѣѥмь, -ѣѥмъ** (**ъ** изъ **ь**) въ тѣхъ памятникахъ, которые знаютъ вообще букву **ѥ**, напр.,

въ Супрасльской рукописи (**тврьдѣємъ**); въ глаголическихъ текстахъ, не имѣющихъ вообще буквы **ѥ**, а также, напр., въ Саввиной книгѣ, гдѣ буква **ѥ** встрѣчается очень рѣдко, написаніе **-ѣємь** (**-ѣємъ**) въ окончаніи мѣстнаго падежа прилагательныхъ опредѣленныхъ должно читать **-ѣѥмь** (**-ѣѥмъ**), что относительно Саввиной книги свидѣтельствуется и тѣмъ, что въ діалектѣ этого памятника избѣгалось вообще стеченіе гласныхъ въ словѣ (здѣсь, напр., формы на **-ѧѧго**, **-ѹѹмоу** вполнѣ вытѣснены формами на **-ѧго**, **-ѹмоу**). Ранѣе, чѣмъ произошло діалектическое измѣненіе группы гласныхъ **ѣѥ** въ **ѣѥ**, окончаніе **-ѣємь** при какихъ-то условіяхъ во всѣхъ діалектахъ переходило въ **-ѣмь** (подобно тому какъ **-ѧѧго**, **-ѹѹмоу** при какихъ-то условіяхъ стали переходить въ **-ѧго**, **-ѹмоу**), а далѣе формы на **-ѣмь** (**-ѣмъ**), извѣстныя какъ изъ паннонскихъ текстовъ, такъ, напр., и изъ Остромирова евангелія, напр., **добрѣмь**, смѣшались въ употребленіи съ формами на **-ѣємь**, откуда діалектическое **-ѣѥмь**, подобно тому какъ то же существовало и по отношенію къ формамъ на **-ѧго**, **-ѹмоу** при формахъ на **-ѧѧго**, **-ѹѹмоу**. Въ нѣкоторыхъ памятникахъ, кромѣ того, мы находимъ формы на **-ѣмь**, **-ѣмъ** (**ъ** изъ **ь**), съ ихъ фонетическимъ измѣненіемъ въ діалектахъ въ формы на **-ѣѥмь**, **-ѣѧмъ**; формы на **-ѣмь** (**-ѣмъ**), нерѣдко встрѣчающіяся въ Супрасльской рукописи (напр., **добрѣмь**), извѣстны также, напр., изъ Изборника 1073 года (русской редакціи), гдѣ второе **ѣ** пишется іотированнымъ, какъ и въ началѣ словъ здѣсь встрѣчается иногда іотированное **ѣ** (извѣстное только изъ этого памятника); формы на **-ѣѧмъ** являются, напр., въ Ассемановомъ евангеліи (напр., **вѣуьнѣѧмъ**), а въ единичныхъ случаяхъ мы находимъ **-ѣѥмь**, **-ѣѧмъ** и въ Супрасльской рукописи (**гробьнѣѥмь**, **адьстѣѧмъ**). Въ этихъ старославянскихъ діалектическихъ формахъ на **-ѣмь** и т. д., существовавшихъ при формахъ на **-ѣємь**, **-ѣѥмь** и на **-ѣмь**, я вижу нефонетическое измѣненіе формъ на **-ѣмь** подъ вліяніемъ аналогіи со стороны формъ на **-ѧѧго**, **-ѹѹмоу** при формахъ на **-ѧго**, **-ѹмоу**, т. е. я думаю, что, напр., подъ вліяніемъ полныхъ формъ **добрѧѧго**, **добрѹѹмоу** при сокращенныхъ

добраго, **доброумоу** и при формѣ **добрѣмь** получалась аналогичная полная форма **добрѣѣмь**. Точно такъ же и въ старославянскомъ діалектическомъ **ѣѣ**, откуда **ѣа**, въ окончаніи основъ настоящаго времени извѣстныхъ глаголовъ (сравните въ Супрасльской рукописи **дѣѣши** съ **адьстѣѣмъ**) я вижу, какъ говорилъ уже, нефонетическое новообразованіе, вмѣсто **ѣ** изъ **ѣє**.

Въ русскомъ языкѣ въ предложномъ падежѣ единственнаго числа мужескаго и средняго рода прилагательныхъ опредѣленныхъ окончаніе -омъ, напр., (въ) добромъ, имѣетъ -о- перенесенное изъ окончаній дательнаго и родительнаго падежей подъ вліяніемъ аналогіи мѣстоименнаго склоненія, напр., подъ вліяніемъ формы (въ) томъ при формахъ тому, того.

Общеславянское окончаніе -īemь, изъ -ī̯iemь, въ положеніи послѣ мягкихъ звуковъ въ мѣстномъ единственнаго числа мужескаго и средняго рода прилагательныхъ опредѣленныхъ (ī здѣсь вмѣсто i͡e вслѣдствіе положенія послѣ мягкаго звука, какъ мы увидимъ далѣе) измѣнилось еще въ общеславянскомъ языкѣ въ -īimь, т. е. е уподобилось по качеству предшествовавшему ī; отсюда и въ старославянскомъ языкѣ **-нимь** и далѣе **-нмь**, напр., **вышьнинмь**. Въ русскомъ языкѣ форма, напр., (въ) синемъ однородна по образованію съ формой, напр., (въ) добромъ.

Творительный падежъ множественнаго числа. Общеславянскія окончанія -ȳīmī, изъ -ȳi̯īmī, въ положеніи послѣ твердыхъ звуковъ, и -īīmī, изъ -īi̯īmī, въ положеніи послѣ мягкихъ звуковъ, въ творительномъ множественнаго числа мужескаго и средняго рода прилагательныхъ опредѣленныхъ были перенесены въ общеславянскомъ языкѣ и въ женскій родъ, подъ вліяніемъ того, что въ приставленномъ мѣстоименіи форма женскаго рода въ этомъ падежѣ не отличалась отъ формы мужескаго и средняго рода. Въ старославянскомъ языкѣ отсюда **-ынми** и **-нми**, съ ихъ дальнѣйшими измѣненіями въ **-ыми** и **-ими**, напр., **добрыими**, **вышьнинми**. Въ русскомъ языкѣ -ыми и -ими, напр., добрыми, синими.

Родительный падежъ множественнаго числа. Общеславянскія

окончанія -ъїѫъ, изъ -ъjїѫъ, въ положеніи послѣ твердыхъ звуковъ, и -ьїѫъ, изъ -ьjїѫъ, послѣ мягкихъ звуковъ, обратились еще въ общеславянскомъ языкѣ въ -уїѫъ и -іїѫъ, гдѣ у и і, вѣроятно краткія, изъ ъ и ь вслѣдствіе уподобленія ихъ слѣдовавшему далѣе ї. Въ старославянскомъ языкѣ отсюда **-ыихъ** и **-иихъ**, съ ихъ дальнѣйшими измѣненіями въ **-ыхъ** и **-ихъ**, напр., **добрыихъ**, **кышьииихъ**. Въ русскомъ языкѣ -ыхъ и -ихъ, напр., добрыхъ, синихъ.

Творительный падежъ единственнаго числа мужескаго и средняго рода. Въ склоненіи именъ существительныхъ съ основами на первоначальное -ă°, а потому и въ склоненіи именъ прилагательныхъ неопредѣленныхъ съ тѣми же основами общеславянскій языкъ въ эпоху его распаденія представлялъ два образованія творительнаго единственнаго числа: 1) на -ъть послѣ твердыхъ звуковъ и потому на -ьть послѣ мягкихъ звуковъ и 2) на -оть послѣ твердыхъ звуковъ и потому на -еть послѣ мягкихъ звуковъ. Оба эти образованія, открывающіяся для общеславянскаго языка изъ сопоставленія между собою отдѣльныхъ славянскихъ языковъ, существовали и въ старославянскомъ языкѣ, съ извѣстными различіями по діалектамъ (въ паннонскихъ текстахъ господствуютъ формы на **-омь**, въ Остромировомъ евангеліи на **-ъмь**, а формы на **-ѣмь**, обычныя въ паннонскихъ текстахъ, нерѣдко являются и въ Остромировомъ евангеліи при формахъ на **-ьмь**). Общеславянское образованіе творительнаго единственнаго числа на -ъть я считаю болѣе древнимъ сравнительно съ формой на -оть, хотя и форма на -ъть въ этихъ именахъ была въ общеславянскомъ языкѣ новообразованіемъ, по аналогіи формы творительнаго въ именахъ съ основами на первоначальное -й. Въ литовско-славянскомъ языкѣ падежный суффиксъ, являющійся въ общеславянскомъ -mь, откуда старославянское **-мь**, и въ литовскомъ -mi, не употреблялся въ именахъ съ основами на первоначальное -ă°, и здѣсь существовало то образованіе творительнаго единственнаго числа, которое въ общеславянскомъ языкѣ дало бы въ результатѣ форму на -ѫ; какъ скоро въ общеславянскомъ

языкѣ падежный суффиксъ -ть, становясь принадлежностью склоняемыхъ словъ не женскаго рода, переносился и въ имена съ основами на первоначальное -ă° (мужескаго и средняго рода), прежде всего при этомъ могли оказать вліяніе имена съ основами на первоначальное -й, такъ какъ въ окончаніи именительнаго единственнаго числа тѣ и другія имена съ теченіемъ времени фонетически совпали въ общеславянскомъ языкѣ. Такимъ образомъ имена съ основами на первоначальное -ă° стали получать въ творительномъ единственнаго числа окончаніе -ъть, а подъ вліяніемъ формъ дательнаго множественнаго числа и дательнаго-творительнаго двойственнаго числа, гдѣ передъ т падежныхъ суффиксовъ продолжало существовать о въ окончаніи основъ такихъ именъ (въ формахъ на -ŏтъ, -отā), то же о получило возможность переноситься и въ форму творительнаго единственнаго числа этихъ именъ, т. е. при окончаніи -ъть здѣсь являлось и окончаніе -оть. Итакъ, въ творительномъ единственнаго числа мужескаго и средняго рода прилагательныхъ опредѣленныхъ общеславянскій языкъ нѣкогда долженъ былъ имѣть формы на -ъ(ть)-ӣть въ положеніи послѣ твердыхъ звуковъ и на -ь(ть)-ӣть въ положеніи послѣ мягкихъ звуковъ (о грамматическомъ выпаденіи -ть въ окончаніи самаго прилагательнаго я уже говорилъ); отсюда формы на -ъӣть, -ьӣть, съ ихъ фонетическимъ измѣненіемъ въ формы на -уӣть, -іӣть (сравните измѣненіе -ъӣ-, -ьӣ- въ -уӣ-, -іӣ- въ родительномъ множественнаго числа прилагательныхъ опредѣленныхъ). Если въ эпоху образованія формъ склоненія прилагательныхъ опредѣленныхъ общеславянскій языкъ имѣлъ уже въ творительномъ единственнаго числа мужескаго и средняго рода именъ прилагательныхъ, кромѣ формъ на -ъть, -ьть также и формы на -оть, -еть, то отсюда въ прилагательныхъ опредѣленныхъ надо ждать формъ на -оӣть, -еӣть, которыя еще въ общеславянскомъ языкѣ должны были измѣниться въ формы на -уӣть, -іӣть; сравните измѣненіе -ŏӣ-, -ĕӣ- въ разсматриваемыхъ мною далѣе формахъ дательнаго множественнаго числа и дательнаго-творительнаго двойственнаго числа прилага-

тельныхъ опредѣленныхъ. Въ общеславянскихъ формахъ творительнаго единственнаго числа мужескаго и средняго рода прилагательныхъ опредѣленныхъ могли совпасть, слѣдовательно, формы на болѣе древнія -ъ(ть)-ї̄ть, -ь(ть)-ї̄ть, съ одной стороны, и на -о(ть)-ї̄ть, -е(ть)-ї̄ть, съ другой стороны. Въ старославянскомъ языкѣ отсюда формы на **-ꙑмь, -ѣмь** и далѣе на **-ымь, -имь**, напр., **добрꙑмь, вꙑшьнѣмь**. Въ русскомъ языкѣ — формы на -ымъ, -имъ, напр., добрымъ, синимъ.

Дательный падежъ множественнаго числа и дательный-творительный двойственнаго числа. Въ дательномъ множественнаго числа прилагательныхъ опредѣленныхъ мужескаго и средняго рода общеславянскій языкъ имѣлъ нѣкогда формы на -оїмъ, изъ -о(тъ)-ї̄тъ, послѣ твердыхъ звуковъ, и на -еїмъ, изъ -е(тъ)-ї̄тъ, послѣ мягкихъ звуковъ; подобнымъ же образомъ въ дательномъ-творительномъ двойственнаго числа мужескаго и средняго рода прилагательныхъ опредѣленныхъ въ общеславянскомъ языкѣ существовали нѣкогда формы на -оїмā, изъ -о(тā)-ї̄тā, и на -еїмā, изъ -е(тā)-ї̄тā. Гласныя ŏ и ĕ передъ ї, уподобляясь послѣднему, перешли въ у и і, и такимъ образомъ въ эпоху распаденія общеславянскаго языка формы дательнаго множественнаго числа и дательнаго-творительнаго двойственнаго числа прилагательныхъ опредѣленныхъ мужескаго и средняго рода, перенесенныя здѣсь и въ женскій родъ (сравните сказанное относительно формы творительнаго множественнаго числа), оканчивались на -уїмъ, -ії̄мъ и на -уїмā, -ії̄тā. Отсюда въ старославянскомъ языкѣ формы на **-ꙑмъ, -ѣмъ** и на **-ꙑма, -ѣма**, съ ихъ дальнѣйшимъ измѣненіемъ въ формы на **-ымъ, -имъ** и на **-ыма, -има**, напр., **добрꙑмъ, вꙑшьнѣмъ**; **добрꙑма, вꙑшьнѣма**. Въ русскомъ языкѣ сюда принадлежатъ формы дательнаго множественнаго числа на -ымъ, -имъ и діалектическія формы творительнаго множественнаго числа на -ыма, -има (перенесенныя изъ двойственнаго числа), напр., добрымъ, синимъ; добрыма, хорошима.

Мѣстный падежъ множественнаго числа. Нѣкогда въ общеславянскомъ языкѣ прилагательныя опредѣленныя мужескаго и

средняго рода въ этомъ падежѣ должны были имѣть окончанія -i͡eīχъ, изъ -i͡e(χъ)-i̯īχъ (или -ē(χъ)-i̯īχъ), послѣ твердыхъ звуковъ, и -īīχъ, изъ -ī(χъ)-i̯īχъ, послѣ мягкихъ звуковъ, но затѣмъ еще въ общеславянскомъ языкѣ окончаніе i͡eīχъ замѣнялось окончаніемъ -uīχъ подъ вліяніемъ другихъ формъ косвенныхъ падежей этихъ прилагательныхъ, и тѣ же окончанія -uīχъ, -īīχъ были перенесены и въ женскій родъ (сравните сказанное о формахъ творительнаго и дательнаго множественнаго числа и дательнаго-творительнаго двойственнаго числа). Въ старославянскомъ языкѣ отсюда формы мѣстнаго множественнаго числа на **-ѣхъ**, **-ихъ** и далѣе на **-ыхъ**, **-нхъ**, напр., **добрѣхъ**, **кышьнихъ**. Въ русскомъ языкѣ сюда принадлежатъ формы предложнаго падежа множественнаго числа на -ыхъ, -ихъ, напр., (въ)добрыхъ, (въ)синихъ.

Я говорилъ, что въ тѣхъ формахъ прилагательныхъ опредѣленныхъ, въ составъ которыхъ вошли односложныя формы приставленнаго мѣстоименія, общеславянскій языкъ въ эпоху распаденія имѣлъ въ началѣ конечнаго слога j, частію изъ i̯, частію изъ стараго j. Но въ большинствѣ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ мы находимъ и въ этихъ формахъ такія окончанія, которыя восходятъ къ болѣе древнимъ окончаніямъ безъ j въ началѣ приставленнаго мѣстоименія, напр., dobrā, dobra, изъ *dobraa, или, напр., dobrē, dobre, dobrō, изъ *dobroe. Вѣроятно, еще въ общеславянскомъ языкѣ, напр., при формахъ *dobrājā, *dobroje существовали и формы *dobrāā, *dobroe, возникшія подъ вліяніемъ аналогіи со стороны другихъ формъ прилагательныхъ опредѣленныхъ. Въ старославянскомъ языкѣ сюда можетъ быть принадлежатъ формы на **-аа** при обыкновенныхъ формахъ на **-аѩ**, напр., **благаа**, **послѣдьнаа** при **благаѩ**, **послѣдьнѩѩ**; или же **а** вмѣсто **ѩ** здѣсь позднѣйшаго происхожденія?

Съ образованіемъ общеславянскихъ сочетаній -āe-, īe- (откуда -īo-) и т. д. изъ -āi̯e-, -īi̯e- и т. д., въ склоненіи прилагательныхъ опредѣленныхъ, въ фонетическомъ отношеніи однородно, можетъ быть, и образованіе -ee-, откуда -ē-, -i͡e-, въ общесла-

вянскихъ *nie̯smь, *nie̯sī и т. д., являющихся въ старославянскихъ **нѣсмь**, **нѣси**, **нѣсть** и **нѣ**, **нѣсмъ**, **нѣсте**, въ русскомъ нѣ (нѣ-ту, нѣтъ), если общеславянскія *nie̯smь, *nie̯sī и т. д. образовались изъ *ne-i̯esmь, *ne-i̯esī и т. д. Правда, общеславянскія *i̯esmь, *i̯esī (старославянскія **ѥсмь**, **ѥси**) и т. д. нѣкогда не имѣли въ началѣ звука i̯ и произошли изъ *esmь и т. д. по закону, о которомъ я буду говорить впослѣдствіи; возможно поэтому, что общеславянскія *nie̯smь, *nie̯sī и т. д., изъ *nēsmь, *nēsī, образовались изъ *ne-esmь и т. д., но, съ другой стороны, и *ne-i̯esmь должно бы было обратиться въ *nēsmь, откуда *nie̯smь, въ эпоху, когда, напр., -āi̯eγo въ родительномъ единственнаго числа прилагательныхъ опредѣленныхъ обращалось въ -āeγo.

Извѣстныя измѣненія гласныхъ при ихъ стеченіи существовали въ общеславянскомъ языкѣ и въ формахъ имперфекта, давшихъ существованіе старославянскимъ формамъ **несѣахъ несѣаше** и т. д. при **несѣхъ несѣше** и т. д., **горѣахъ горѣаше** при **горѣхъ горѣше**, **дѣлаахъ дѣлаашє** и **дѣлахъ дѣлаше**, **хождаахъ хождаашє** и **хождахъ хождаше** и т. д. Общеславянскій имперфектъ представляетъ извѣстное новообразованіе, которое въ его началахъ восходитъ, по моему мнѣнію, къ литовско-славянскому языку. Я думаю именно, что индоевропейскій имперфектъ былъ утраченъ еще въ литовско-славянскомъ языкѣ и совпалъ здѣсь въ значительной части непроизводныхъ глаголовъ (именно въ тѣхъ глаголахъ, въ которыхъ основа настоящаго времени состояла изъ корня + индоевропейское ă°, чередовавшееся съ ā°) съ индоевропейскимъ аористомъ «несигматическимъ» (напр., въ греческомъ ἔλιπον) въ одной формѣ съ значеніемъ аориста, между тѣмъ какъ образованіе этой формы совпадало съ образованіемъ первоначальнаго имперфекта, такъ какъ здѣсь являлась основа общая съ настоящимъ временемъ; отсюда въ старославянскомъ языкѣ такія формы несигматическаго аориста, какъ **ядъ** и т. д., и сюда же принадлежатъ по происхожденію въ спряженіи «сигматическаго» аориста на **-охъ** формы 2 и 3 лицъ единственнаго числа на **-є**, напр., **рєчє**, **нєсє**. Въ эпоху, когда въ литовско-славянскомъ

языкѣ такое прошедшее получило значеніе аориста, существовало уже въ тѣхъ же глаголахъ употребленіе новаго имперфекта, заимствованнаго отъ соотвѣтственнаго по корневой основѣ производныхъ (отглагольныхъ) глаголовъ съ основами настоящаго на литовско-славянскія -ē(į)ĕ -ē(į)ă° и -ā°(į)ĕ -ā°(į)ă° (о фонетической утратѣ į въ такихъ основахъ я уже говорилъ) и съ основами неопредѣленнаго на литовско-славянскія -ē, -ā°. Напр., въ литовско-славянскомъ непроизводномъ глаголѣ *vedā°n «веду» (старославянское **вєдѫ**, литовское vedù) старыя формы имперфекта *veda°n, *vedes, *vedet и т. д., получавшія значеніе аориста (старославянскія ***вєдъ**, **вєдє**, **вєдє**), замѣнялись формами *vedē(į)a°n, *vedē(į)es, *vedē(į)et и т. д., заимствованными отъ отглагольнаго глагола съ основой настоящаго *vedē(į)e- *vedē(į)a°-; или, напр., въ литовско-славянскомъ непроизводномъ глаголѣ *bēgā°n «бѣгу» (русское бѣгу, литовское bė́gu) старыя формы имперфекта *bēga°n, *bēges, *bēget, получавшія значеніе аориста (старославянскія **бѣгъ**, **бѣжє**, **бѣжє**), замѣнялись формами имперфекта *bēgā°(į)a°n, *bēgā°(į)es, *bēgā°(į)et и т. д., заимствованными отъ отглагольнаго глагола съ основой настоящаго *bēgā°(į)e- bēgā°(į)a°-. Отсюда явилось то прошедшее непроизводныхъ глаголовъ, которое мы находимъ въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ, напр., въ литовскомъ bė́gau (-au изъ пралитовскаго -āu), bė́gai (-ai изъ пралитовскаго -āi), bė́go (ō = пралитовское ā) и т. д., отъ глагола bė́gu «бѣгу», vedžiaú (-$^{(i)}$au изъ пралитовскаго -ēu, -eu), vedeí (-ei изъ пралитовскаго -ēi), vė́dė (ė = пралитовское ē) и т. д., отъ глагола vedù «веду»; въ формахъ 1 и 2 лицъ единственнаго числа окончанія прошедшаго времени здѣсь замѣнены окончаніями настоящаго времени, между тѣмъ какъ въ прочихъ формахъ настоящее и прошедшее еще ранѣе имѣли общія личныя окончанія (3 лицо множественнаго числа исчезло въ балтійскихъ языкахъ).

Какъ скоро имперфектъ отглагольныхъ глаголовъ съ основами настоящаго на литовско-славянскія -ē(į)ĕ -ē(į)ă° и -ā°(į)ĕ -ā°(į)ă° сталъ употребляться въ значеніи имперфекта соотвѣт-

ственныхъ по корневой основѣ непроизводныхъ глаголовъ, аористъ этихъ отглагольныхъ глаголовъ, который былъ лишь аористомъ сигматическимъ, по отношенію къ сигматическому аористу соотвѣтственныхъ непроизводныхъ глаголовъ получилъ возможность употребляться также въ значеніи имперфекта этихъ непроизводныхъ глаголовъ, такъ какъ имѣлъ въ гласныхъ $\bar{a}^{o}$, $\bar{e}$ передъ s признакъ общій съ новымъ имперфектомъ этихъ глаголовъ, и такимъ образомъ рядомъ съ двоякимъ образованіемъ аориста, несигматическаго и сигматическаго, получалось и двоякое образованіе имперфекта, несигматическаго и сигматическаго. Въ общеславянскомъ языкѣ сохранился только сигматическій имперфектъ, и при томъ лишь съ основами на литовско-славянское -ēs, откуда общеславянское -ēχ, -i$\widehat{\text{e}}\chi$, а передъ t -ēs, -i$\widehat{\text{e}}$s (такъ какъ здѣсь было получено изъ литовско-славянскаго языка то индоевропейское s, которое въ общеславянскомъ языкѣ въ положеніи не передъ t обращалось въ χ). Этотъ сигматическій имперфектъ, съ такимъ же переходомъ его въ тематическое спряженіе въ формахъ 1 лица трехъ чиселъ, какой мы находимъ и въ общеславянскомъ сигматическомъ аористѣ, сохранился безъ дальнѣйшаго измѣненія въ общеславянскомъ и старославянскомъ языкахъ только въ одномъ глаголѣ, именно въ старославянскихъ формахъ **бѣхъ**, **бѣ**, **бѣ** и т. д., гдѣ **бѣ-** изъ литовско-славянской отглагольной глагольной основы *bē-, получившейся или изъ индоевропейской основы *bhu̯ā^{e}-, или же изъ индоевропейской основы *bhā^{e}-, если u̯ исчезло здѣсь еще въ индоевропейскомъ языкѣ (корневая глагольная основа индоевропейское bhŭ- = *bhū-); сравните параллельную индоевропейскую основу *bhu̯ā^{a} или *bhā^{a} (изъ *bhu̯ā^{a}) въ латинскомъ имперфектѣ, напр., въ amābā-. Общеславянскія формы имперфекта *bi$\widehat{\text{e}}\chi$ъ, *bi$\widehat{\text{e}}$ и т. д., являющіяся въ старославянскихъ формахъ **бѣхъ**, **бѣ** и т. д., сохранялись въ такомъ видѣ въ одномъ только этомъ глаголѣ, сперва, вѣроятно, лишь при употребленіи его какъ вспомогательнаго глагола; во всѣхъ же прочихъ глаголахъ, а также между прочимъ и въ томъ же глаголѣ (старославянскія **бѣше** и **бѣаше**

и т. д.), сигматическій имперфектъ подвергся измѣненію въ окончаніяхъ подъ вліяніемъ существовавшихъ нѣкогда параллельныхъ формъ несигматическаго имперфекта, который по самому происхожденію принадлежалъ къ тематическому спряженію.

Въ формахъ всѣхъ тѣхъ лицъ, гдѣ сигматическій имперфектъ (по происхожденію, какъ сигматическій аористъ, нетематическаго спряженія) отличался въ слогѣ окончанія отъ несигматическаго имперфекта, онъ получилъ окончанія послѣдняго (за исключеніемъ продолжавшихъ сохраняться формъ *bi͡e, *bi͡ešѧ), и такими формами были именно формы 2 и 3 лицъ единственнаго числа и 3 лица множественнаго числа, а переходъ формъ 1 лица трехъ чиселъ въ тематическое спряженіе произошелъ еще ранѣе (какъ въ сигматическомъ аористѣ); слѣдовательно, напр., вмѣсто тѣхъ формъ, которыя въ эпоху распаденія общеславянскаго языка звучали бы *vedi͡e, *vedi͡ešѧ, общеславянскій языкъ получилъ формы *vedi͡ešе, *vedi͡eχѫ. Что же касается формъ 2 и 3 лица двойственнаго числа и 2 лица множественнаго числа, то такъ какъ въ конечномъ слогѣ этихъ формъ не существовало различія между тематическимъ и нетематическимъ спряженіемъ, сигматическій имперфектъ продолжалъ сохранять здѣсь старыя формы нетематическаго спряженія, напр., *vedi͡estā, *vedi͡este, *vedi͡este (сравните старославянскія окончанія -ста, -сте), хотя по аналогіи прочихъ формъ и здѣсь возможны были въ общеславянскомъ языкѣ новообразованія по тематическому спряженію, напр., *vedi͡ešetā, *vedi͡ešete, *vedi͡ešete (сравните старославянскія окончанія -шета, -шете въ паннонскихъ текстахъ)[1]). Какъ скоро въ значительномъ числѣ непроизводныхъ глаголовъ образовался указаннымъ путемъ новый имперфектъ, по аналогіи этой формы въ ея отношеніи къ формѣ настоящаго времени тѣхъ же глаголовъ

1) Можетъ быть еще въ діалектахъ общеславянскаго языка извѣстно было и смѣшеніе тѣхъ и другихъ окончаній, именно измѣненіе окончаній -stā, -ste въ -štā, -šte; такъ позволяло бы думать совпаденіе въ этомъ отношеніи древнерусскихъ діалектическихъ окончаній -шта (-шьта), -ште въ имперфектѣ съ соотвѣтственными окончаніями лужицкихъ языковъ (см. Соболевскій, Лекціи по исторіи русскаго языка, стр. 115).

и въ прочихъ глаголахъ, непроизводныхъ и производныхъ, получилось соотвѣтственное образованіе формы имперфекта. По аналогіи, напр., *vedēχъ при настоящемъ *vedѫ образовались, напр.: при настоящемъ *dvīgnѫ имперфектъ *dvīgnēχъ; при настоящемъ типа *bȳvāѫ имперфектъ *bȳvāēχъ и далѣе *bȳvāāχъ, съ фонетическимъ измѣненіемъ āē въ āā (сравните измѣненіе āĕ въ āā въ основѣ настоящаго *bȳvāa-); при настоящемъ типа *bȳvājѫ долженъ былъ явиться имперфектъ *bȳvājēχъ и далѣе *bȳvājāχъ, съ фонетическимъ измѣненіемъ ē въ ā въ положеніи послѣ мягкаго звука (объ этомъ фонетическомъ явленіи я говорю далѣе), но, повидимому, еще въ общеславянскомъ языкѣ образованія типа *bȳvājēχъ, *bȳvājāχъ были вытѣснены образованіями типа *bȳvāēχъ, *bȳvāāχъ; при настоящемъ типа *ūtēѫ получался имперфектъ *ūtēēχъ и далѣе *ūtēāχъ, съ фонетическимъ измѣненіемъ ē въ ā послѣ мягкаго звука; при настоящемъ типа *ūtējѫ является имперфектъ *ūtējēχъ и далѣе *ūtējāχъ; съ фонетическимъ измѣненіемъ ē въ ā послѣ мягкаго звука (образованія этого рода неизвѣстны изъ старославянскаго языка, но засвидѣтельствованы нѣкоторыми другими славянскими языками); при настоящемъ *χvāl̥ѫ, χvāl$^{(i)}$ѫ получался имперфектъ *χvāl̥ēχъ, *χvāl$^{(i)}$ēχъ и далѣе *χvāl̥āχъ, *χvāl$^{(i)}$āχъ, съ фонетическимъ измѣненіемъ ē въ ā послѣ мягкаго звука. Въ тѣхъ непроизводныхъ въ настоящемъ времени глаголахъ, которые въ формахъ не настоящаго времени получили въ литовско-славянскомъ и общеславянскомъ языкахъ соотвѣтственныя производныя основы, имперфектъ образовывался отъ этихъ производныхъ основъ, по аналогіи съ имперфектомъ однородныхъ по основамъ производныхъ глаголовъ; напр., въ глаголахъ класса *gorĭѫ, *gor$^{(i)}$ѫ (старославянское **горѫ**), гдѣ въ формахъ не настоящаго времени еще въ литовско-славянскомъ языкѣ являлась производная основа на -ē (старославянское **горѣ-**), имперфектъ образовывался отъ этой основы, т. е. общеславянскій языкъ получилъ здѣсь форму *gorēēχъ, откуда *gorēāχъ; или, напр., въ такихъ глаголахъ, какъ *lĭžĭѫ, *lĭž$^{(i)}$ѫ (старославянское **лижѫ**), имѣвшихъ въ обще-

славянскомъ языкѣ въ основѣ не настоящаго времени производную основу на -ā (напр., старославянское **лиѕа-**), имперфектъ былъ образуемъ отъ этой основы, напр., *lĭzāēχъ, откуда *lĭzāāχъ (старославянское **лиѕахъ**). Что же касается тѣхъ общеславянскихъ непроизводныхъ въ настоящемъ времени глаголовъ, которые въ формахъ не настоящаго времени имѣли производныя основы, отличавшіяся отъ основъ настоящаго времени и по видоизмѣненіямъ корня, то въ такихъ глаголахъ имперфектъ образовывался въ общеславянскомъ языкѣ, по показаніямъ различныхъ славянскихъ языковъ, частію отъ этихъ производныхъ основъ, частію же отъ основъ настоящаго времени, напр., въ глаголѣ *zovѫ (старославянское **ꙁовѫ**), имѣвшемъ въ формахъ не настоящаго времени производную основу *zъvā- (старославянское **ꙁъва-**), имперфектъ допускалъ двоякое образованіе: *zъvāēχъ, откуда *zъvāāχъ (старославянское **ꙁъвахъ**), и *zovēχъ (сравните **ꙁовѣше**, **ꙁовѣахѫ** въ Супрасльской рукописи). Въ общеславянскихъ производныхъ глаголахъ на *-ūjѫ и т. д. въ настоящемъ времени (въ старославянскомъ отсюда такіе глаголы, какъ **вѣроую**), имѣвшихъ въ формахъ не настоящаго времени вторично-производныя (т. е. производныя отъ производныхъ) основы на -ovā (напр., старославянское **вѣрова-**), имперфектъ образовывался отъ этихъ послѣднихъ основъ, т. е. оканчивался на -ovāēχъ, откуда -ovāāχъ, и т. д. (въ старославянскомъ, напр., **вѣроваахъ**, между тѣмъ какъ такія формы Супрасльской рукописи, какъ **вѣсѣдоующе**, **трѣбоующе**, представляютъ собою позднѣйшія новообразованія).

Общеславянскія формы имперфекта на -ēēχъ, напр., въ *ūmēēχъ, *gorēēχъ, когда -ēē- не измѣнилось еще въ -ēā-, и формы на -ēχъ, напр., въ *vedēχъ, *χvāl$^{(i)}$ēχъ, съ теченіемъ времени оказали вліяніе однѣ на другія, и при формахъ *ūmēēχъ, *gorēēχъ, откуда далѣе *ūmēāχъ *ūmi͡eāχъ, *gorēāχъ gori͡eāχъ, въ общеславянскомъ языкѣ явились и формы *ūmēχъ, *ūmi͡eχъ, *gorēχъ, *gori͡eχъ, точно такъ же какъ, съ другой стороны, при формахъ *vedēχъ, *χvāl$^{(i)}$ēχъ, откуда далѣе *vedi͡eχъ, *χvā-

l$^{(i)}$āχъ, здѣсь получились также и формы *vedēēχъ, *χvāl$^{(i)}$ēēχъ, откуда *vedēāχъ *vedi͡eaχъ, *χvāl$^{(i)}$āēχъ *χvāl$^{(i)}$āāχъ; при этомъ, однако, болѣе полныя формы не были вытѣснены въ общеславянскомъ языкѣ болѣе краткими формами.

Въ старославянскомъ языкѣ общеславянскія формы имперфекта на -āāхъ являются въ формахъ на -ѧахъ, откуда далѣе -ахъ, напр., **дѣлѧахъ**, **дѣлахъ**; измѣненіе -ѧа- въ -а- здѣсь такое же, какъ, напр., въ **добраго** изъ **добрѧаго**. Общеславянскія формы имперфекта на -jāāχъ и -jāχъ и на -$^{(i)}$āāχъ и -$^{(i)}$āχъ являются въ старославянскомъ языкѣ въ формахъ на -ѧахъ и -ахъ, напр., **бѣѧахъ**, **бѣахъ**; **хвалѧахъ**, **хвалахъ**, при чемъ формы на -ахъ могли возникнуть въ самомъ старославянскомъ языкѣ изъ формъ на -ѧахъ, подобно, напр., формѣ **кѣшьнѣаго** изъ **кѣшьнѣѧаго**. Общеславянскія формы имперфекта на -i͡eāχъ и -i͡eχъ въ старославянскомъ языкѣ мы находимъ въ формахъ на -ѣахъ и -ѣхъ, напр., **идѣахъ**, **идѣхъ**; **горѣахъ**, **горѣхъ**. Старославянскія формы на -ѣхъ едва ли можно считать старославянскими сокращеніями формъ на -ѣахъ: если -ѣхъ произошло изъ -ѣахъ, то между -ѣахъ и -ѣхъ должна была существовать промежуточная ступень, такъ какъ непосредственно изъ -ѣа- нельзя выводить -ѣ-, а между тѣмъ въ текстахъ формы на -ѣхъ являются непосредственно при формахъ на -ѣахъ. Правда, въ Супрасльской рукописи встрѣчаются иногда и формы на -ѣѣхъ при формахъ па -ѣахъ и -ѣхъ, напр., **идѣѣше**, **градѣѣше**, но отсутствіе такихъ формъ въ другихъ текстахъ, имѣющихъ формы на -ѣахъ и -ѣхъ, указываетъ на то, что въ этомъ -ѣѣ- Супрасльской рукописи нельзя признавать фонетическое измѣненіе группы -ѣа-; я вижу въ формахъ на -ѣѣхъ Супрасльской рукописи новообразованія подъ вліяніемъ извѣстной аналогіи, а именно я думаю, что по аналогіи съ формами на -ѧахъ при формахъ на -ахъ (изъ -ѧахъ) и при формахъ на -ѣхъ явились образованія на -ѣѣхъ, аналогичныя съ образованіями на -ѧахъ- Та же аналогія вызвала въ Супрасльской рукописи формы на -ѧшѧхъ при формахъ на -ѧахъ и -ахъ, напр., **строѧшѧше**, **творѧшѧше**; подъ вліяніемъ формъ на -ѧахъ при

формахъ на -**ахъ** явились новообразованія на -**ѧхъ** при формахъ на -**ѫхъ**.

Въ русскомъ языкѣ общеславянскій имперфектъ исчезъ съ теченіемъ времени, но въ древне-русскомъ языкѣ онъ еще сохранялся; -ѣа- измѣнялось здѣсь въ -яа-, откуда далѣе -я-, напр., идяаше, идяше въ соотвѣтствіи съ старославянскимъ **идѣашє**.

V.

Измѣненія гласныхъ въ сочетаніи съ согласными. — Общеславянское ŏ *вмѣсто* ĕ *передъ* v. Еще въ діалектахъ литовско-славянскаго языка (но не во всѣхъ, какъ свидѣтельствуетъ прусскій языкъ) ĕ въ положеніи передъ v (изъ индоевропейскихъ v и u̯) измѣнялось въ ă°, откуда общеславянское ŏ, если только за v не слѣдовала мягкая гласная. Въ старославянскомъ языкѣ сюда принадлежатъ, напр., слѣдующіе случаи: **новъ**, тождественное съ греческимъ νε*F*ος, νέος (и съ латинскимъ novus, гдѣ o изъ e передъ v); **пложѫ**, тождественное съ греческимъ πλε*F*ω, πλέω; **слово**, тождественное по происхожденію съ греческимъ κλε*F*ος, κλέος, хотя и отличающееся отъ него по значенію. Что касается такихъ случаевъ, какъ **пловєшн**, **пловєть** и т. д., или **словєсє**, то здѣсь **о** (общеславянское ŏ) изъ e передъ «v + мягкая гласная» можетъ быть объясняемо вліяніемъ аналогіи однихъ формъ (**пложѫ**, **слово**) на другія. Точно такъ же и въ -**ов**- въ извѣстныхъ падежахъ именъ съ основами на первоначальное ŭ (чередовавшееся съ дифтонгами ă°u̯, ă°u̯), напр., въ формахъ **сынови**, **сынове**, **сыновъ**, общеславянское ŏ изъ ĕ передъ v (сравните въ греческомъ языкѣ, напр., πήχεες, изъ πηχε*F*ες, πήχεων, вмѣсто πηχέων, изъ πηχε*F*ων) имѣло частію нефонетическое происхожденіе, а именно въ именительномъ множественнаго числа (**сынове**) -ov- передъ старою мягкою гласной замѣнило собою -ev- подъ вліяніемъ -ov- въ родительномъ множественнаго числа (**сыновъ**) и въ дательномъ единственнаго числа (**сынови**); въ послѣдней формѣ общеславянское ĭ, старославян-

ское **и**, восходитъ, повидимому, къ литовско-славянскому дифтонгу ă°i̯ изъ индоевропейскаго ă^a i̯ (объ условіяхъ образованія общеславянскаго ī въ концѣ словъ изъ дифтонга ă°i̯ я говорю далѣе).

Указаніе на то, что въ тѣхъ діалектахъ литовско-славянскаго языка, гдѣ ĕ передъ v безъ послѣдующей мягкой гласной измѣнялось въ ă° (общеславянское ŏ), то же ĕ передъ «v + мягкая гласная» сохранялось безъ измѣненія, представляетъ числительное **девѧть, девѧтъ девѧтыи** (съ **девѧтъ** тождественно литовское devìntas), гдѣ мы находимъ литовско-славянское ĕ передъ «v + мягкая гласная»; начальное d въ этомъ числительномъ замѣнило собою n (сравните, напр., латинское novem, гдѣ o передъ v изъ e) еще въ діалектахъ литовско-славянскаго языка (но не во всѣхъ, какъ свидѣтельствуетъ прусскій языкъ), подъ вліяніемъ, какъ кажется, числительнаго «десять». Другимъ указаніемъ на литовско-славянское e передъ «v + мягкая гласная» служатъ общеславянскія *tebe, *sebe, старославянскія **тебе, себе** (въ русскихъ тебя, себя конечное я, т. е. ^(i)a, изъ ударяемаго конечнаго e въ положеніи не послѣ старой мягкой согласной); общеславянское -eb- въ этихъ формахъ восходитъ къ индоевропейскому a^e v- (съ **тебе** тождественно древнеиндійское tava), и нефонетическая замѣна v черезъ b въ общеславянскихъ *tebe, *sebe, какъ и въ *tobojѫ, *sobojѫ, откуда старославянскія **тобоѭ, собоѭ** (то же образованіе падежной формы въ древнеиндійскомъ tvajā «тобою», но корень является здѣсь въ другомъ видѣ), произошла подъ вліяніемъ b въ дательномъ *tebi͡e, *sebi͡e, откуда старославянскія **тебѣ, себѣ**, а здѣсь общеславянское b образовалось фонетически изъ индоевропейскаго bh (родственны латинскія tibi, sibi). Въ общеславянскихъ *tobojѫ, *sobojѫ ŏ передъ «v + твердая гласная» восходитъ къ литовско-славянскому ă° изъ ĕ, и то же ă° было перенесено и въ литовскія формы tavè, savè (неправильно пишутъ tavę̀, savę̀), которыя здѣсь получили вообще значеніе формъ винительнаго падежа и лишь въ нѣкоторыхъ діалектахъ употребляются и какъ формы родительнаго падежа.

Общеславянское і *изъ* ѣ *и* ь *передъ* j. Съ литовско-славянскимъ измѣненіемъ ѣ въ ă° (общеславянское ŏ) передъ v аналогично общеславянское измѣненіе ѣ въ ĭ, ь передъ j, а всякое ь передъ j обращалось затѣмъ въ общеславянскомъ языкѣ въ і недолгое (я предполагалъ для него прежде полудолготу, но можетъ быть оно было краткимъ). Въ старославянскомъ языкѣ изъ общеславянскаго і въ этомъ ij (равно какъ и въ ij съ старымъ ī) мы находимъ **и**, а въ паннонскихъ текстахъ частію также и **ь**, при чемъ между различными паннонскими памятниками существуютъ въ этомъ отношеніи извѣстныя различія, о которыхъ я буду говорить впослѣдствіи. Въ современномъ русскомъ языкѣ изъ разсматриваемаго нами общеславянскаго і (равно какъ и изъ стараго ī) передъ j, а также передъ русскимъ і̯(й) въ дифтонгѣ, изъ общеславянскаго jь (при извѣстныхъ условіяхъ), мы находимъ е въ положеніи подъ ударѐніемъ, а въ положеніи безъ русскаго ударенія общеславянское і (и старое ī) передъ русскимъ j исчезло у насъ или же, именно послѣ двухъ согласныхъ, въ литературномъ нарѣчіи является какъ і, которое существуетъ здѣсь также въ положеніи безъ ударенія передъ русскимъ і̯ въ дифтонгѣ.

Общеславянское і изъ ѣ передъ j является въ старославянскомъ **и** (**ь**), напр., въ именительномъ множественнаго числа на **-ніе** (**-ье**) въ именахъ мужескаго рода съ основами на первоначальное ĭ (чередовавшееся съ дифтонгомъ ă°i̯), напр., въ **трие** (**трье**), **людие** (**людье**), **татие**; сравните греческія τρεῖς, βάσεις изъ *τρεες, *βασεες, гдѣ между гласными исчезло индоевропейское j, латинскія trēs, ovēs изъ *trees, *ovees, гдѣ также между гласными исчезло индоевропейское j. Такого же происхожденія было общеславянское і передъ j и въ родительномъ множественнаго числа на -ijь, откуда старославянское **-ии** (**-ьи**), въ именахъ существительныхъ мужескаго и женскаго рода съ основами на первоначальное ĭ (чередовавшееся съ дифтонгомъ ă°i̯), напр., въ **людии** (**людьи**), **пѫтии**, **костии**, русскія людей, костей; сравните греческое -εων, съ утратою первоначальнаго j между гласными, напр., въ βάσεων.

Общеславянское і изъ ь передъ j было, напр., въ *trijь «трехъ» (по формѣ родительный множественнаго числа), откуда старославянское **трии** (**трьи**), древне-русское трей; сравните литовское trijú (греческое τριῶν, латинское triŭm допускаютъ объясненіе какъ изъ индоевропейскаго *trĭjă°m, такъ и изъ *trĭă°m). Такого же происхожденія общеславянское і передъ j было получено старославянскимъ языкомъ, напр., въ **прити** «заботиться, имѣть попеченіе», **приитель**, въ именахъ существительныхъ на **-ии** (**-ьи**), напр., **братии** при **братрии** (въ родственномъ греческомъ φρατρία -ια можетъ восходить къ индоевропейскому -ĭā[a]), которымъ въ литовскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ имена на -ija; въ именахъ прилагательныхъ на **-ии** (**-ьи**) **-иа** (**-ьа**) **-ие** (**-ье**), напр., **божии божиа божие**, поскольку такія имена восходятъ къ индоевропейскимъ образованіямъ съ основами на -ĭjă° -ĭjă[e] или -ĭjă°, -ĭjă[e] и на -ĭjā[a] или -ĭjā[a], чередовавшіяся при извѣстныхъ условіяхъ съ -ĭă° -ĭă[e] и -ĭā[a] (основы этого образованія являются въ старославянскомъ языкѣ въ такихъ именахъ прилагательныхъ, какъ **отьчь отьча отьче**); въ формахъ мѣстоименія **сиѫ** (**сьѫ**), **сиа** (**сьа**), **сии** (**сьи**)[1]). Общеславянское і изъ ь передъ j существовало и въ окончаніи -ijь въ именительномъ и винительномъ единственнаго числа мужескаго рода именъ прилагательныхъ опредѣленныхъ, оканчивавшихся въ неопредѣленной формѣ въ тѣхъ же падежахъ на -ь (конечное -jь въ -ijь изъ приставленнаго мѣстоименія *jь); въ старославянскомъ языкѣ отсюда **-ии** (**-ьи**) и далѣе рѣдкое **-и**, напр., **послѣдьнии** и **послѣдьни**, русское послѣдній.

Общеславянское измѣненіе ъ *въ* у *(звукъ* ы*) въ положеніи передъ* j. На общеславянское измѣненіе ъ передъ j въ у (та-

1) Въ формахъ сѣмь, сѣи, сѣиѫ, сѣю основа имѣетъ другой видъ, а именно здѣсь, какъ и въ сего, семоу, семь, общеславянское ě изъ ŏ въ положеніи послѣ согласной, бывшей нѣкогда мягкою (объ этомъ я говорю далѣе); слѣдовательно, для хронологіи фонетическихъ явленій въ общеславянскомъ языкѣ мы извлекаемъ отсюда, какъ и изъ формъ кыи, кои и т. д., указаніе на то, что измѣненіе ě въ ĭ, ь передъ j предшествовало по времени образованію ě изъ ŏ въ положеніи послѣ мягкихъ звуковъ.

кого же количества, какъ и і изъ ь передъ j) указываетъ форма именительнаго и винительнаго единственнаго числа мужескаго рода въ прилагательныхъ опредѣленныхъ съ основами на твердую согласную передъ конечною гласной, именно форма на -уjь, изъ -ъjь, гдѣ -jь изъ приставленной мѣстоименной формы *i̯ь. Отсюда въ старославянскомъ языкѣ форма на **-ын** и далѣе на **-ы**, напр., **добрын**, **добры**, въ русскомъ языкѣ въ литературномъ нарѣчіи формы на -ый, -ȍй (сравните ȍ изъ ы передъ j, напр., въ мȍю при старославянскомъ **мыѭ**), напр., добрый, слѣпȍй. Въ старославянскомъ языкѣ при формѣ на **-ын** существовала и форма на **-ън** (два звука), напр., **добрън** при **добрын**, а потому и форму на **-ы**, напр., **добры**, можно возводить здѣсь не только къ формѣ на **-ын**, но также и къ формѣ на **-ън**; кромѣ того, въ нѣкоторыхъ памятникахъ въ написаніи **ы** въ **добры** могли совпадать какъ звукъ ы, такъ и сочетаніе звуковъ ъ-и. Въ Остромировомъ евангеліи при формахъ на **-ын**, съ **ы** указаннаго происхожденія, и на **-ы** являются иногда и формы на **-ън**, преимущественно въ причастіяхъ прошедшаго времени дѣйствительнаго залога, напр., **видѣвън**, **пришьдън**, **съшьдън**, **въсѣавън**, **въсѣꙗвън**, **приимън**, **изъѣдън**, **осмън**, **дьр҃жавьнън**, гдѣ написаніе **ън** должно обозначать сочетаніе гласныхъ ъ и и, а не звукъ ы, такъ какъ ы въ Остромировомъ евангеліи вообще не передается написаніемъ **ън**; единичное **сън** при **сын** (неопредѣленная форма **сы**), если не описка, образовано по аналогіи съ **видѣвън** и т. д. при **видѣвын** и т. д. Съ формами Остромирова евангелія **видѣвън** и т. д. могутъ быть однородны и формы Супрасльской рукописи на **-ън** при формахъ на **-ын** и **-ы**, напр., **отъвръгън**, **благън**, **славьнън** и другія (хотя также, напр., **грѧдън**), но въ Супрасльской рукописи написаніе **ън** обозначаетъ иногда и звукъ ы, а потому и въ формахъ **отъвръгън** и т. д. значеніе написанія **ън** остается неяснымъ. Въ Зографскомъ евангеліи какъ въ именительномъ и винительномъ падежахъ единственнаго числа мужескаго рода прилагательныхъ опредѣленныхъ на **-ын**, такъ и въ другихъ падежахъ, имѣвшихъ **-ын-**, вмѣсто этого **ын** является (при рѣдкомъ **ы** въ сокращен-

ныхъ формахъ) написаніе, передаваемое мною условно черезъ ѣ, гдѣ ѣ обозначаетъ звукъ і (это ѣ, какъ указалъ Ягичъ, не входитъ въ составъ того написанія ы, которое обозначаетъ въ Зографскомъ евангеліи звукъ ы), напр., **добрѣ**, **прѣдавѣ**, **въсѣлавѣ**, **мрѣтвѣихъ**, **непраздънѣмъ** и т. д. Можно предполагать, что подъ вліяніемъ бывшаго нѣкогда колебанія между формами на **-ѣн** и на **-ѣ-н** въ именительномъ и винительномъ падежахъ единственнаго числа мужескаго рода прилагательныхъ опредѣленныхъ то же **ѣ-н** при **ѣн** являлось въ діалектахъ и въ другихъ падежныхъ формахъ этихъ прилагательныхъ, а какъ въ именительномъ и винительномъ падежахъ форма на **-ѣн** въ Зографскомъ евангеліи вытѣснена формой на **-ѣ-н**, такъ и въ другихъ падежахъ **-ѣ-н-** здѣсь вытѣснило собою старое **-ѣн-**. Въ связи съ этими формами Зографскаго евангелія находятся формы тѣхъ же опредѣленныхъ прилагательныхъ въ Синайскомъ требникѣ; здѣсь въ этихъ прилагательныхъ какъ въ именительномъ единственнаго числа мужескаго рода, такъ и въ другихъ падежныхъ формахъ, имѣвшихъ **-ѣн-**, извѣстно, между прочимъ, это **ѣн**, но при этомъ въ именительномъ единственнаго числа мужескаго рода обыкновенно является здѣсь или **-ѣн** или **-ѣ**, а въ другихъ падежахъ **-ѣ-**, и это **ѣ** (звукъ ы) надо выводить непосредственно изъ **ѣ-н**, не изъ **ѣн**, въ виду того, что въ прилагательныхъ опредѣленныхъ съ основами на мягкую согласную передъ конечною гласной группа **-нн-** въ тѣхъ же падежахъ обыкновенно сохраняется здѣсь, и лишь изрѣдка вмѣсто **-нн-** является **-н-** (см. Leskien, Handbuch der altbulgarischen Sprache, второе изданіе, стр. 91). Наконецъ, форма именительнаго единственнаго числа мужескаго рода на **-он**, встрѣчающаяся въ нѣкоторыхъ паннонскихъ текстахъ, напр., **оумєрон**, **сватон** въ Маріинскомъ евангеліи, **стон** вмѣсто **сватон** въ Зографскомъ евангеліи, **изѣдоі**, **благоі** въ Синайской псалтыри, восходитъ непосредственно также къ формѣ на **-ѣн** (объ измѣненіи **ѣ** въ **о** при извѣстныхъ условіяхъ въ діалектахъ старославянскаго языка я буду говорить впослѣдствіи).

Итакъ, въ именительномъ и винительномъ падежахъ единственнаго числа мужескаго рода прилагательныхъ опредѣленныхъ съ основами на твердую согласную передъ конечною гласной старославянскій языкъ имѣлъ при формѣ на **-ъıн** также и форму на **-ъ-н**. Въ этомъ **-ъ-н**, какъ свидѣтельствуютъ факты, во всякомъ случаѣ нельзя видѣть фонетическое измѣненіе группы **-ъıн**, т. е. отношеніе этого **-ъ-н** къ **-ъıн** не однородно съ отношеніемъ діалектическаго **-ьн** къ **-нн**, но какъ именно произошла старославянская форма на **-ъ-н** въ именительномъ и винительномъ единственнаго числа мужескаго рода прилагательныхъ опредѣленныхъ, для меня остается неяснымъ. Не образовалась ли эта старославянская форма изъ формы на **-ъıн** подъ вліяніемъ аналогіи формы на **-ъ** въ тѣхъ же падежахъ неопредѣленныхъ прилагательныхъ, т. е. не произошли ли **вндѣѫн**, **добрѫн** изъ **вндѣѫıн**, **добрѫıн** подъ вліяніемъ **вндѣѫ**, **добрѫ**, и не явилось ли это новообразованіе прежде всего въ причастіяхъ прошедшаго времени дѣйствительнаго залога (какъ могло бы свидѣтельствовать употребленіе формы на **-ѫн** въ Остромировомъ евангеліи), а въ этихъ причастіяхъ **-ы-** въ формѣ именительнаго на **-ъıн** не было защищено аналогіею другихъ падежей? Что касается того обстоятельства, что одновременно съ формой на **-ъ-н** изъ **-ъıн** не образовалась, однако, форма на **-ьн** изъ **-нн** подъ вліяніемъ формы неопредѣленныхъ прилагательныхъ на **-ь** (извѣстныя намъ діалектическія формы на **-ьн** имѣютъ, какъ я говорилъ, **ь** позднѣйшаго фонетическаго происхожденія), то этотъ фактъ можетъ быть объясняемъ тѣмъ, что далеко не во всѣхъ прилагательныхъ на **-нн** въ опредѣленной формѣ существовала неопредѣленная форма на **-ь**; такъ, въ прилагательныхъ **божнн** и тому подобныхъ опредѣленная форма именительнаго и винительнаго падежей совпадала съ неопредѣленною (**-нн** изъ общеславянскаго -ijь въ опредѣленной формѣ этихъ прилагательныхъ произошло изъ -ijь-jь по правилу, о которомъ я говорилъ прежде), въ сравнительной степени прилагательныхъ на **-нн** въ именительномъ единственнаго числа мужескаго рода опредѣленной формы, напр., **мьйнн**,

то же **-нн** было перенесено и въ соотвѣтственную неопредѣленную форму (вмѣсто формы на **-ь**), а подъ вліяніемъ такихъ прилагательныхъ, какъ **божнн**, образованіе на **-нн** въ сравнительной степени употреблялось и въ значеніи винительнаго единственнаго числа мужескаго рода какъ опредѣленной формы (вмѣсто формы на **-ьшнн**), такъ частію и неопредѣленной (при формѣ на **-ьшь**).

Общеславянское измѣненіе ěi̯ *передъ* j *въ* ē, *откуда* i͡e (?). На основаніи сопоставленія старославянскихъ **лѣкѫ** (**лнѣтн**), **смѣкѫ сѧ** (**смнѣтн сѧ**) и соотвѣтственныхъ образованій другихъ славянскихъ языковъ, напр., смѣюсь, съ латышскими leiju «лью», smeiju «смѣюсь» можно предполагать, что литовско-славянскій дифтонгъ ěi̯ въ положеніи передъ j обратился въ общеславянскомъ языкѣ въ ē, откуда далѣе i͡e (старославянское **ѣ**), еще тогда, когда ěi̯ само по себѣ не измѣнилось въ общеславянское ī.

Объ измѣненіи общеславянскаго i̯ (*изъ первоначальныхъ* ī, i̯ *и* j) *въ положеніи послѣ согласныхъ* я буду говорить впослѣдствіи, такъ какъ согласныя не губныя въ группахъ «согласная + i̯» сами подвергались извѣстнымъ измѣненіямъ, а исторію группъ «губная согласная + i̯» удобнѣе будетъ разсмотрѣть въ связи съ исторіей группъ «согласная не губная + i̯».

Общеславянское измѣненіе гласныхъ въ положеніи послѣ мягкихъ звуковъ (согласныхъ и гласныхъ). Въ извѣстную эпоху жизни общеславянскаго языка, и при томъ уже послѣ образованія носовыхъ гласныхъ (объ этомъ свидѣтельствуютъ общеславянскія $^{(i)}$**ѫ**, j**ѫ**, какъ мы увидимъ далѣе), гласныя ŏ, ŭ, ū (когда еще ŭ и ū не перешли въ ъ и ȳ) въ положеніи *послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ*, уподобляясь послѣднимъ, переходили въ соотвѣтственныя мягкія гласныя, именно ŏ въ ě, старославянское **є**, ŭ въ ĭ, откуда далѣе ь, старославянское **ь**, а ū въ ī, старославянское **ы**, при чемъ, какъ свидѣтельствуютъ факты, о которыхъ я говорю далѣе, измѣненіе u (ŭ, ū) въ i (ĭ, ī) происходило черезъ посредство звука ŭ (краткаго и долгаго). Это измѣненіе гласныхъ ŏ, ŭ, ū въ положеніи послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ возникло въ общеславянскомъ языкѣ еще тогда, когда дифтонгъ ŏi̯,

обратившійся съ теченіемъ времени въ ē и далѣе въ i͡e, сохранялся какъ ŏi̯, вслѣдствіе чего, какъ скоро ŏ послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ стало измѣняться въ ĕ, изъ ŏi̯ въ такомъ положеніи получалось ĕi̯, которое далѣе, какъ и всякое ĕi̯, переходило въ ī, старославянское **и**. Я думаю, что и дифтонгъ ŏu̯, обратившійся съ теченіемъ времени въ общеславянское ū, старославянское **оу**, сохранялся еще какъ ŏu̯ въ эпоху, когда ŏ послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ измѣнялось въ ĕ; поэтому изъ ŏu̯ въ такомъ положеніи получалось ĕu̯, которое далѣе, какъ и всякое ĕu̯, переходило въ i͡ū (черезъ посредство, вѣроятно, дифтонга ĭu̯), гдѣ i̯ въ положеніи послѣ i̯ сливалось съ нимъ въ одно i̯, а послѣ j, уподобляясь ему, переходило въ **j** (при чемъ изъ jj получалось j), тогда же, когда всякое i̯ послѣ согласныхъ не губныхъ уподоблялось предшествовавшей согласной (объ этомъ явленіи я говорю далѣе). Такимъ образомъ изъ общеславянскаго ŏu̯ въ положеніи послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ должно было получиться ū въ эпоху распаденія общеславянскаго языка, т. е. старославянское **ю**, въ различномъ значеніи этого написанія, а послѣ согласныхъ **ѵ**, **ж** и т. д. также и **оу**. Изъ такой исторіи общеславянскаго ŏu̯ послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ слѣдовало бы, что фонетическій законъ относительно разсматриваемаго нами измѣненія гласныхъ ŏ, ŭ, ū въ положеніи послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ возникъ въ общеславянскомъ языкѣ еще тогда, когда i̯ послѣ согласныхъ сохранялось какъ i̯; слѣдовательно, тѣми мягкими неслоговыми звуками, которые оказывали вліяніе на измѣненіе слѣдовавшихъ за ними ŏ, ŭ, ū, были въ такомъ случаѣ именно i̯ и j (послѣднее въ положеніи послѣ гласной). Въ числѣ случаевъ, гдѣ мы находимъ въ общеславянскомъ языкѣ, въ эпоху его распаденія, ū въ положеніи послѣ мягкой согласной, существуютъ, правда, и такіе случаи, въ которыхъ самое ū произошло не изъ первоначальнаго дифтонга, но изъ литовско-славянскаго ō (индоевропейскаго ā°) съ извѣстнымъ качествомъ долготы. Таковы, напр., общеславянскія (въ эпоху распаденія общеславянскаго языка) -jū и -$^{(i)}$ū въ окончаніи

дательнаго единственнаго числа именъ съ основами на индоевропейскія -jă°, -ĭă°, -i̯ă° (напр., въ старославянскихъ формахъ дательнаго **краю**, **коню**), а я говорилъ уже, что общеславянское -ū, откуда старославянское -ѹ, въ окончаніи дательнаго единственнаго числа именъ съ основами на индоевропейское -ă°, въ положеніи послѣ славянской твердой согласной, а также и въ окончаніи дательнаго падежа -mū (старославянское -мѹ) въ мѣстоименіяхъ, восходитъ къ индоевропейскому -ā°i̯, литовско-славянскому -ōi̯, гдѣ ō имѣло въ литовско-славянскомъ языкѣ ту долготу, при которой оно переходило въ общеславянскомъ языкѣ не въ ā, но въ ū (неслоговая часть первоначальнаго дифтонга исчезла). Или такимъ же было общеславянское (i)ū въ томъ словѣ, которое является въ русскомъ шуринъ (шу- изъ шю-) и въ соотвѣтственномъ словѣ другихъ славянскихъ языковъ, если это слово родственно съ древнеиндійскимъ sjālas, съ тѣмъ же значеніемъ (при чемъ различіе въ плавной, r и l, восходило бы къ индоевропейскому діалектическому различію, извѣстному намъ и въ другихъ словахъ). Эти случаи, однако, не препятствуютъ признавать, что общеславянское (въ эпоху распаденія общеславянскаго языка) ū изъ ŏu̯ послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ образовалось черезъ посредство ĕu̯, и даютъ лишь указаніе на исторію происхожденія общеславянскаго ū изъ литовско-славянскаго ō съ извѣстнымъ качествомъ долготы, а именно показываютъ, что это ō обратилось сперва въ общеславянскомъ языкѣ въ ŏu̯, которое далѣе, какъ и всякое ŏu̯, перешло само по себѣ въ ū, а въ положеніи послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ еще ранѣе измѣнилось въ ĕu̯ (когда ŏ послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ стало измѣняться въ ĕ), откуда i̯ū и т. д. Замѣчу еще, что на образованіе общеславянскаго ū изъ литовско-славянскаго ō съ извѣстнымъ качествомъ долготы черезъ посредство какого-то дифтонга (именно ŏu̯, какъ мы видимъ) указываетъ и то обстоятельство, что въ литовско-славянскомъ ōi̯ съ такимъ ō неслоговое i исчезло въ общеславянскомъ языкѣ, между тѣмъ какъ въ литовско-славянскомъ ā°i̯ (изъ первоначальнаго ā^ai̯) оно не отпа-

дало въ общеславянскомъ языкѣ, и изъ ā°i̯, какъ и изъ литовско-славянскаго ă°i̯, здѣсь получилось впослѣдствіи ē и далѣе ie͡ (старославянское **ѣ** въ дательномъ **рыбѣ**); утрата i̯ въ окончаніи дифтонга ōi̯, съ ō извѣстнаго качества долготы, могла произойти въ общеславянскомъ языкѣ въ то время, когда самое ō этого рода обращалось въ ŏu̯, т. е. i̯ исчезло здѣсь не въ окончаніи дофтонга, но въ окончаніи трифтонга.

Примѣры. Общеславянско ě изъ ŏ послѣ мягкаго неслогового звука является въ старославянскомъ **є**, напр., въ слѣдующихъ случаяхъ: въ мѣстоименной основѣ **іе-**, напр., въ формахъ **іего**, **іемоу**, **іем**, сравните греческое ὁ- въ относительномъ мѣстоименіи ὅς (греческое ˙ указываетъ здѣсь на индоевропейское i̯); въ окончаніи основы дательнаго множественнаго числа именъ съ основами въ этой формѣ на индоевропейскія -ĭă°-, -i̯ă°-, -jă°-, напр., **конiемъ**, **краiемъ**, сравните **о** въ дательномъ множественнаго числа **рабомъ**; въ окончаніи именительнаго-винительнаго единственнаго числа средняго рода именъ и мѣстоименій съ тѣми же основами, напр., **полѥ**, **копiѥ**, **моѥ**, сравните **о** въ **мѣсто** (это **о** вмѣсто **ъ** имѣетъ нефонетическое происхожденіе, какъ я объясню впослѣдствіи); въ творительномъ единственнаго числа на **-ѥмь** именъ на индоевропейскія -ĭā^{a}, -i̯ā^{a}, -jā^{a} въ именительномъ единственнаго числа, напр., **колiѥмь**, **братiѥмь**, сравните **о** въ **рыбоѭ**; въ окончаніи глагольныхъ основъ настоящаго времени на первоначальное -jā°, а послѣ ĭ и на индоевропейское -i̯ă° (i̯ въ такомъ положеніи переходило въ j еще въ литовско-славянскомъ языкѣ, какъ я говорилъ уже), въ причастіяхъ страдательнаго залога, напр., **глаголiемъ**, **дѣлаемъ**, **пiемъ**, сравните **о** въ причастіи **несомъ**; въ окончаніи тѣхъ же глагольныхъ основъ настоящаго времени въ формахъ 1 лица множественнаго и двойственнаго чиселъ, напр., **глаголiемъ глаголiевѣ**, **дѣлаемъ дѣлаевѣ**, **пiемъ пiевѣ** (сравните, напр., греческое ο въ φέρομεν), а подъ вліяніемъ аналогіи этихъ глаголовъ, въ которыхъ, слѣдовательно, окончаніе основы въ формахъ 1 лица множественнаго и двойственнаго чиселъ совпало въ общеславянскомъ языкѣ съ окончаніемъ основы на -ě изъ

индоевропейскаго -ă° въ формахъ 2 лица трехъ чиселъ и 3 лица единственнаго и двойственнаго чиселъ, то же ĕ еще въ общеславянскомъ языкѣ замѣнило собою ŏ (изъ индоевропейскаго ă°) въ формахъ 1 лица множественнаго и двойственнаго чиселъ настоящаго времени[1]) и въ другихъ глаголахъ тематическаго спряженія, напр., старославянскія **несемъ**, **несевѣ**, вмѣсто *несомъ, *несовѣ, при **несеть**, **несете**, подобно, напр., **глаголемъ**, **глаголевѣ** (съ ĕ изъ ŏ фонетическаго происхожденія), при **глаголеть**, **глаголете**.

Общеславянское ĕi и далѣе ī изъ ŏi послѣ мягкаго неслогового звука является въ старославянскомъ **и**, напр., въ слѣдующихъ случаяхъ: въ формахъ мѣстоименія **имь**, **имъ**, **ими**, **има**, **ихъ**, отъ индоевропейской основы *jă°- (греческое ὁ въ относительномъ ὅς), сравните **ѣ** (= греческое οι, напр., въ τοῖσιν) въ **тѣмь**, **тѣмъ**, **тѣми**, **тѣма**, **тѣхъ**; въ окончаніи мѣстнаго единственнаго числа именъ съ основами на индоевропейскія -ĭă°, -i̯ă°, -jă°, напр., въ мѣстномъ **конѝ**, **полѝ**, **кран**, **копии**, сравните **ѣ** (= греческое οι въ οἴκοι «дома») въ мѣстномъ **рабѣ**, **мѣстѣ**; въ окончаніи мѣстнаго единственнаго числа именъ на индоевропейскія -ĭā^{a}, -i̯ā^{a}, -jā^{a} въ именительномъ единственнаго числа, напр., въ мѣстномъ **колѝ**, **братии**, сравните **ѣ** (= греческое αι въ χαμαί) въ мѣстномъ **рыбѣ**; въ окончаніи именительнаго-винительнаго двойственнаго числа тѣхъ же именъ на индоевропейскія -ĭā^{a}, -i̯ā^{a}, -jā^{a} въ именительномъ единственнаго числа, напр., въ двойственномъ **колѝ**, **братии**, сравните **ѣ** изъ индоевропейскаго ă^{a}i̯ въ двойственномъ **рыбѣ**; въ окончаніи именительнаго-винительнаго двойственнаго числа именъ средняго рода съ основами на индоевропейскія -ĭă°, -i̯ă°, -jă°, напр., въ двойственномъ **полѝ**, **копии**, сравните **ѣ** изъ индоевропейскаго ă°i̯ въ двойственномъ **мѣстѣ**. Общеславянское ĕi̯ и далѣе **і** изъ ŏi̯ послѣ мягкаго неслогового звука мы

1) Въ аористѣ продолжало сохраняться въ общеславянскомъ и старославянскомъ языкахъ -ŏ, -o въ окончаніи основы въ формахъ 1 лица множественнаго и двойственнаго чиселъ, напр., **идомъ**, и такое же ŏ, -o (подъ вліяніемъ аориста тематическаго спряженія) является въ **несохомъ**, **несоховѣ** и въ имперфектѣ **несѣахомъ**, **несѣаховѣ**.

находимъ въ старославянскомъ **и** также и въ окончаніи основы славянской повелительной формы (изъ индоевропейскаго желательнаго наклоненія) не единственнаго числа тѣхъ глаголовъ тематическаго спряженія, въ которыхъ основа тематическаго спряженія въ изъявительномъ наклоненіи оканчивалась на первоначальное -jă° (чередовавшееся съ -jă^e^), а послѣ ī и на первоначальное -i̯ă° (чередовавшееся съ -i̯ă^e^), напр., въ формахъ повелительнаго **глаго̑лимъ глаго̑лите, пишимъ пишите, дѣлаимъ дѣлаите, вѣроуимъ вѣроуите, пиимъ пиите**, сравните **ѣ** (= греческое οι въ φέροιτε) въ **берѣте**. Въ старославянскомъ языкѣ въ непроизводныхъ глаголахъ этого рода (но не въ производныхъ) рядомъ съ указанными формами существовали и новообразованія, съ основами не единственнаго числа на **-а** послѣ общеславянскаго **j** или послѣ согласной, полученной смягченною (въ паннонскихъ текстахъ и **ѣ** изъ **а** послѣ старославянской смягченной согласной), а также и на **ѣ**, вмѣсто **-и**, напр., въ Остромировомъ евангеліи **оубиѧмъ** (**ѧ** здѣсь ошибочное написаніе въ значеніи **ꙗ**), **съвѧжате**, а также напр. **покажѣте, вънемлѣте**, въ Зографскомъ евангеліи напр. **съвѧжате, покажате, покажѣте**, въ Саввиной книгѣ напр. **пиꙗте, покажате, покажѣте**, въ Супрасльской рукописи напр. **биꙗте, постелꙗмъ, покажате, просыпл̑ѣмъ** (здѣсь **ѣ** можетъ быть непосредственно изъ **а** послѣ старославянской смягченной согласной). Формы съ основами на **-ѣ** не діалектическое, какъ, напр., **покажѣте**, представляютъ собою болѣе позднія новообразованія сравнительно съ формами, имѣющими въ окончаніи основъ **а** послѣ общеславянскаго **j** или послѣ общеславянской смягченной согласной, напр., **покажате**, а **а** получилось здѣсь фонетически изъ **ѣ** послѣ мягкой согласной въ извѣстную эпоху жизни старославянскаго языка (когда **ч**, **ж** и т. д. были еще мягкими). И въ тѣхъ и въ другихъ новообразованіяхъ **ѣ** вмѣсто **и** перенесено изъ такихъ формъ, какъ **берѣмъ, берѣте**, т. е., напр., подъ вліяніемъ аналогіи со стороны **берѣмъ, берѣте** при формахъ изъявительнаго наклоненія **беремъ, берете**, и при формахъ изъявительнаго наклоненія **пиѥмъ пиѥте, глаголѥмъ глаголѥте** получались новыя формы

повелительнаго *пиѣмъ *пиѣте, *глаголѣмъ *глаголѣте, откуда фонетически пимъ пимте, глаголимъ глаголимте; подобныя же новообразованія, подъ вліяніемъ той же аналогіи, возникали и въ болѣе позднее время, какъ свидѣтельствуютъ такія новыя формы, какъ покажете при покажате (непосредственно изъ *покажимте). Вліянію аналогіи со стороны берѣмъ, берете на глаголимъ глаголите, пимъ пите и т. д. могло способствовать и то обстоятельство, что въ единственномъ числѣ повелительной формы и въ тѣхъ и въ другихъ глаголахъ было получено въ окончаніи -и, напр., бери, глаголи, пии (о происхожденіи здѣсь общеславянскаго і я говорю далѣе). — Въ глаголахъ съ основами изъявительнаго наклоненія (настоящаго времени) на индоевропейское -ja° -ją° послѣ согласной, т. е. въ тѣхъ глаголахъ, къ которымъ принадлежатъ въ старославянскомъ языкѣ, напр., сѣдѣти «сидѣть», носити, существовало еще въ общеславянскомъ языкѣ извѣстное новообразованіе въ окончаніи основы повелительной формы, а именно изъ -jŏj̨-, -jĕj̨ здѣсь являлось -ïï- вмѣсто -(i)ï-, подъ вліяніемъ основы изъявительнаго наклоненія (не въ 1 лицѣ единственнаго числа) на то -ïï-, о которомъ я говорилъ прежде, т. е., напр., подъ вліяніемъ основы *sēdïï- или *nosïï- въ формахъ изъявительнаго наклоненія *sēdiimъ, *sēdiite или *nosiimъ, *nosiite и въ повелительной формѣ получались *sēdiïmъ, sēdiite и *nosiïmъ, *nosiite, а -ïï- далѣе стягивалось въ -ï-, откуда старославянское -и- въ повелительныхъ формахъ сѣдимъ, сѣдите и носимъ, носите.

Общеславянское ĕj̨ и далѣе ī изъ того ŏj̨ въ положеніи послѣ мягкаго неслогового звука, которое образовалось изъ литовскославянскаго ā°j̨, индоевропейскаго ā^aj̨ (съ сокращеніемъ слоговой гласной въ дифтонгѣ), мы находимъ въ старославянскомъ и въ окончаніи дательнаго падежа единственнаго числа именъ на индоевропейскія -ïā^a, -jā^a, -jā^a въ именительномъ падежѣ, напр., въ дательномъ колѣ, братии, сравните ѣ (= греческое -ᾳ̑, -ῃ̑ въ χώρᾳ̑, τιμῇ̑) въ дательномъ рыбѣ.

Общеславянское ĕu̯ и далѣе ïu̯, jū, ū изъ ŏu̯ въ положеніи послѣ мягкаго неслогового звука мы находимъ въ старославян-

скомъ написаніи **ю** въ его различныхъ значеніяхъ, а послѣ извѣстныхъ согласныхъ (**ѵ**, **ж** и т. д.) также и въ **оу** при **ю**, напр., въ конечномъ слогѣ основы настоящаго времени такихъ производныхъ глаголовъ, какъ **коюѫ**, **краѵюѫ** и **краѵоуѫ** (въ неопредѣленномъ **коюєвати**, **краѵєвати** общеславянское ě изъ ŏ послѣ мягкаго неслогового звука), сравните производные глаголы на **-оуѫ** съ **оу** въ положеніи послѣ старой твердой согласной (въ литовскомъ тождественны по образованію производные глаголы на -auju), напр., **кѣроуѫ** (неопредѣленное **кѣровати**). Такого же происхожденія старославянское **ю**, **оу** въ звательной формѣ именъ на -$^{(i)}$ь, изъ общеславянскаго -$^{(i)}$ъ, и на **-и**, изъ общеславянскаго -jь, въ именительномъ падежѣ, напр., въ звательной формѣ **оучитєлю**, **краѵю** и **краѵоу**, **краю**; сравните **оу** (тождественное съ литовскимъ -au) въ звательной формѣ **сыноу**.

Общеславянское ěu̯ и далѣе ĭu̯, i͡u̯, ū изъ того ŏu̯ въ положеніи послѣ мягкаго неслогового звука, которое получалось изъ литовско-славянскаго ō съ извѣстнымъ качествомъ долготы, является, какъ я говорилъ, въ старославянскомъ **ю**, **оу** въ окончаніи дательнаго единственнаго числа именъ съ основами на индоевропейскія -ĭă°, -i͡ă°, -jă°, напр., въ дательномъ **коню**, **краѵю** и **краѵоу**, **краю**; сравните **оу** въ дательномъ **рабоу**.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ трудно опредѣлить, произошло ли общеславянское ū въ положеніи послѣ мягкаго неслогового звука (т. е. старославянское **ю**, а послѣ извѣстныхъ согласныхъ и **оу**) изъ ŏu̯ или же изъ ěu̯ (т. е. индоевропейскаго ă°u̯).

Общеславянское ĭ и далѣе ь изъ первоначальнаго ŭ (откуда далѣе ъ) въ положеніи послѣ мягкаго неслогового звука мы находимъ въ старославянскомъ **ь** въ корнѣ слова, напр., въ **шьвєнъ**, гдѣ общеславянское *šьv- изъ *si̯ŭv-, отъ индоевропейскаго корня *si̯ū- (въ старославянскомъ **шити**), передъ гласными *si̯ŭu̯- и *si̯ŭv-. Такого же происхожденія старославянское **ь** въ суффиксѣ является, напр., въ одномъ изъ двухъ образованій причастія прошедшаго времени дѣйствительнаго залога производныхъ глаголовъ на **-ити**, напр., въ формахъ **хвалѣ**, **хвалѣша** и т. д. (при **хва-**

лнѣъ, **хвалнѣ**ъ**ша** и т. д.); сравните **ъ** при **нес**ъ, **нес**ъ**ша** и т. д. Можетъ быть въ именахъ старославянскихъ классовъ «**конь**», «**кран**» (старославянское **н** здѣсь изъ общеславянскаго jь) были получены нѣкоторыя имена, съ основами на литовско-славянскія -j̆ŭ, -jŭ; въ такомъ случаѣ старославянскія **-ь** и **-н** (послѣднее изъ jь) въ именительномъ и винительномъ единственнаго числа этихъ именъ восходили бы частію къ общеславянскимъ -$^{(i)}$ь, -jь изъ -j̆ŭ, -jŭ, съ первоначальнымъ ŭ. Въ значительномъ большинствѣ такихъ именъ, однако, какъ показываютъ формы склоненія, были получены основы не на -j̆ŭ, -jŭ, но на первоначальныя -ĭă°, -j̆ă°, -jă°, гдѣ ă° чередовалось съ ă°, и въ тѣхъ изъ этихъ именъ, которыя имѣли основы на первоначальное -jă°, общеславянское ь въ именительномъ и винительномъ единственнаго числа получилось въ положеніи послѣ мягкаго неслогового звука изъ того ŭ, которое являлось въ общеславянскомъ языкѣ изъ ŏ въ конечномъ закрытомъ слогѣ, какъ мы увидимъ далѣе (сравните старославянское **ъ** изъ общеславянскаго ъ въ именительномъ и винительномъ **влькъ** или **влъкъ** (= греческія λύκος, λύκον), гдѣ общеславянское ъ изъ ŏ, индоевропейскаго ă°); въ литовскомъ языкѣ имъ соотвѣтствуютъ имена на -jas и -$^{(i)}$as въ именительномъ единственнаго числа. Что же касается тѣхъ именъ старославянскаго класса «**конь**», въ которыхъ получены основы на первоначальныя -ĭă° и -j̆ă° при -ĭă^{e} и -j̆ă^{e}, то, какъ я говорилъ уже, общеславянское ь, старославянское **ь**, въ именительномъ и винительномъ единственнаго числа допускаетъ здѣсь двоякое объясненіе: или также изъ ŭ, получившагося въ закрытомъ конечномъ слогѣ изъ индоевропейскаго ă° (сравните греческія имена на -ος въ положеніи послѣ старыхъ ĭ и j̆), или же изъ литовско-славянскаго ĭ, являвшагося изъ е, т. е. индоевропейскаго ă^{e}, въ положеніи послѣ ĭ и j̆ (сравните литовскія имена на -ýs и -is въ именительномъ, на $^{(i)}$ō въ родительномъ и т. д.). Точно такъ же и относительно общеславянскаго мѣстоименія *і изъ *jь, *j̆і, откуда старославянское **н** въ **н-же**, я уже говорилъ, что и здѣсь общеславянское ь допускаетъ двоякое объясненіе:

или изъ ŭ, получившагося въ конечномъ закрытомъ слогѣ изъ индоевропейскаго ă° (сравните греческое относительное мѣстоименіе ὅς), или изъ того литовско-славянскаго ĭ, которое происходило изъ индоевропейскаго ă^e въ положеніи послѣ i̯ и ĭ (сравните литовское jis «онъ»).

Общеславянское ĭ и далѣе ь изъ непервоначальнаго ŭ послѣ мягкаго неслогового звука мы находимъ въ старославянскомъ **ь** также, напр., и въ окончаніи родительнаго множественнаго числа въ такихъ формахъ, какъ, напр., **кон̑ь, доушь**, и сюда же принадлежитъ **и** изъ общеславянскаго jь (т. е. послѣ гласной), напр., въ родительномъ множественнаго **трии, костии**; сравните **ъ** въ родительномъ множественнаго **рабъ, женъ, словесъ, сыновъ.** Происхожденіе здѣсь общеславянскаго -ŭ, -ъ, родственнаго съ греческимъ -ων, латинскимъ -um (изъ -om) въ родительномъ множественнаго, я разъясню впослѣдствіи.

Общеславянское ī изъ первоначальнаго ū (которое далѣе измѣнилось въ общеславянское ȳ) въ положеніи послѣ мягкаго неслогового звука является въ старославянскомъ **и**, напр., въ **шити**, русское шить, гдѣ общеславянское š изъ si̯; съ **шити** тождественно литовское siū́ti «шить» (si- выражаетъ мягкое s) и родственны по корню латинскія suo, sūtum, sūtor.

Общеславянское ī изъ непервоначальнаго ū (которое далѣе перешло въ ȳ) въ положеніи послѣ мягкаго неслогового звука является въ старославянскомъ **и** въ окончаніи творительнаго множественнаго числа именъ съ основами на индоевропейскія -ĭă°, -i̯ă°, -jă°, напр., въ **кон̑и, краи**; сравните **ы** въ творительномъ **рабы**, а о происхожденіи этого **ы** (тождественнаго съ греческимъ -οις въ ἵπποις и съ латинскимъ -eis, -īs въ equīs) я говорилъ прежде.

Другого рода общеславянское измѣненіе качества гласной въ зависимости отъ предшествовавшаго мягкаго звука мы находимъ въ измѣненіи общеславянскаго ē изъ литовско-славянскаго ē (индоевропейскаго ā^e) въ положеніи послѣ мягкихъ неслоговыхъ и слоговыхъ звуковъ въ гласную болѣе открытую, именно въ ā,

откуда и старославянское **а**; въ эпоху, когда происходило это явленіе, общеславянскій дифтонгъ ŏi, слѣдовательно, еще не совпалъ съ **ѣ** изъ литовско-славянскаго ē. Образованіе общеславянскаго ā изъ **ѣ** послѣ мягкихъ звуковъ принадлежитъ, я думаю, болѣе позднему времени сравнительно съ разсмотрѣннымъ уже нами измѣненіемъ общеславянскихъ ŏ, ŭ, ū послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ, а именно въ то время, когда ē переходило въ ā въ положеніи послѣ мягкихъ звуковъ, общеславянское i̯ послѣ согласныхъ уже не сохранялось какъ i̯, но подвергалось тѣмъ измѣненіямъ, о которыхъ я говорю далѣе; я сужу такъ на основаніи того, что изъ общеславянскаго начальнаго i̯ē получалось, какъ мы увидимъ, одно ē, слѣдовательно еще тогда, когда не дѣйствовалъ законъ относительно измѣненія ē въ ā послѣ мягкихъ звуковъ, а между тѣмъ самое измѣненіе начальнаго i̯ē въ ē должно было происходить въ то время, когда i̯ послѣ согласныхъ уже не сохранялось какъ i̯, такъ какъ иначе и изъ i̯ē послѣ согласныхъ получилось бы ē, чего мы, однако, не находимъ.

Примѣры общеславянскаго измѣненія ē, изъ литовско-славянскаго ē, въ ā, старославянское **а**, въ положеніи послѣ мягкаго *слогового* звука я приводилъ уже, когда говорилъ о формахъ общеславянскаго имперфекта; сюда принадлежитъ, какъ мы видѣли, старославянское **а** послѣ **ѣ** въ такихъ формахъ, какъ **горѣахъ**, **оумѣахъ**, **несѣахъ**. Что же касается общеславянскаго измѣненія ē, изъ литовско-славянскаго ē, въ ā, старославянское **а**, въ положеніи послѣ мягкихъ *неслоговыхъ* звуковъ, то мы находимъ это явленіе именно послѣ j и послѣ смягченныхъ согласныхъ, а смягченными мягкими согласными были какъ различныя согласныя, получавшіяся изъ группъ «согласная + i̯», такъ и č, ž, š изъ k, g, χ передъ ē какъ передъ мягкою гласной. Старославянское **а** изъ общеславянскаго ā такого происхожденія является, напр., въ слѣдующихъ грамматическихъ случаяхъ: **а** въ окончаніи основы неопредѣленнаго въ **кричати**, **лежати**, **слышати**, **стоꙗти**, тождественное съ **ѣ** въ **горѣти** (сравните въ настоящемъ времени основы **кричи-**, **лежи-** и т. д. и **гори-**); **а** въ образованіи сравнительной

степени **мъножаи** (отъ **мъногъ**), **боуꙗи** (отъ **боуи**), тождественное съ **ѣ** въ **добрѣи** (отъ **добръ**); **а** въ словообразовательномъ суффиксѣ въ **печаль**, тождественное съ **ѣ** суффикса **-ѣль** въ **гыбѣль**; **а** въ словообразовательномъ суффиксѣ въ **оусниꙗнъ** («кожаный»), тождественное съ **ѣ** суффикса **-ѣнъ** въ **камѣнъ** («каменный»); первое **а** въ **-аа-** имперфекта въ **печаахъ**, **можаахъ**, **биꙗахъ**, **сѣꙗахъ**, **хвалꙗахъ**, **хождаахъ** (второе **а** здѣсь такого же происхожденія, какъ и въ **дѣлаахъ**), сравните **-ѣа-** въ **несѣахъ**. Въ корняхъ словъ общеславянское ā изъ ē послѣ мягкаго неслогового звука мы находимъ въ старославянскомъ **а** въ словахъ, имѣющихъ въ корнѣ **ча-**, **жа-** изъ нѣкогда бывшихъ kē-, gē-: напр., **чаръ**, **чаровати**, гдѣ общеславянское čā- изъ kē-, родственно литовское kerė́ti «чаровать» (съ краткимъ е въ ke-); **часъ**, родственно прусское kīsman (въ формѣ винительнаго единственнаго числа) «время», гдѣ ī изъ ē; **жаловати** «печалиться», родственно литовское gélti (съ новою долготой е въ ge-) «сильно болѣть» (напр., о зубахъ), «колоть» (напр., объ укушеніи пчелы), gė́limas (съ старою долготой е въ ge-) «сильная боль въ костяхъ»; **съ-жагати** «сожигать», сравните **жегѫ**, **жешти**.

Одновременно съ измѣненіемъ общеславянскаго ē, изъ литовско-славянскаго ē, въ ā въ положеніи послѣ мягкихъ звуковъ происходило, я думаю, и однородное измѣненіе общеславянскихъ носовыхъ гласныхъ į̄ и ų̄ послѣ мягкихъ звуковъ въ болѣе открытыя носовыя гласныя ę̄ и ų̄, но это явленіе я разсмотрю далѣе, въ связи съ образованіемъ въ общеславянскомъ языкѣ носовыхъ гласныхъ.

Измѣненія звуковъ въ группахъ «гласная + согласная». Общеславянское измѣненіе звуковыхъ сочетаній ь̯l̥, ъ̯l̥ *въ положеніи послѣ зубныхъ согласныхъ.* Общеславянскій языкъ получилъ изъ литовско-славянскаго языка звуковыя сочетанія ь̯l̥, ъ̯l̥ (изъ индоевропейскихъ сочетаній «α̯ + слоговая плавная не r») съ l̥ вѣроятно только закрытымъ (звукъ французскаго или нѣмецкаго l), а въ общеславянскомъ языкѣ въ положеніи этихъ сочетаній послѣ зубныхъ согласныхъ l̥ закрытое обращалось въ l̥ открытое (при-

близительно звукъ русскаго твердаго л), и въ связи съ этимъ ь̯ передъ такимъ ļ измѣнялось въ ъ̯, тамъ, гдѣ предшествовавшая зубная не была мягкою, между тѣмъ какъ послѣ мягкой зубной, именно послѣ č, ž, š, изъ смягченныхъ k, g, χ, сохранилось ь̯. Въ общеславянскомъ языкѣ въ эпоху его распаденія различались, такимъ образомъ, ьļ, ьļ̥, ъļ, ъļ̥, при чемъ сочетанія ьļ̥ и ъļ̥ существовали лишь послѣ зубныхъ; ъ̯ въ ъļ̥ получалось какъ изъ стараго ъ̯, такъ и изъ литовско-славянскаго ь̯ въ положеніи послѣ литовско-славянскихъ зубныхъ, т. е. послѣ общеславянскихъ не мягкихъ зубныхъ. Въ старославянскомъ языкѣ въ нѣкоторыхъ паннонскихъ текстахъ, именно въ Зографскомъ евангеліи, въ Саввиной книгѣ и частію въ Супрасльской рукописи, сохранились извѣстныя указанія на различіе общеславянскихъ ьļ, ъļ̥ и ъļ̥, а что касается общеславянскаго сочетанія ьļ̥, то самыя слова, въ которыхъ оно существовало, не извѣстны изъ этихъ текстовъ. Въ Зографскомъ евангеліи и въ Саввиной книгѣ мы находимъ изъ общеславянскаго ьļ̥ въ положеніи не передъ зубными **ль**, а передъ зубными **лъ** и **ль**, съ тѣмъ различіемъ, что передъ твердою зубною здѣсь является **лъ**, передъ общеславянскою мягкою зубною **ль** и **лъ**, послѣднее въ Саввиной книгѣ при отвердѣніи этой мягкой зубной (**млъѵати** въ Саввиной книгѣ, **мльѵати** въ Зографскомъ евангеліи), а въ Зографскомъ евангеліи подъ вліяніемъ аналогіи со стороны формъ слова, имѣвшихъ фонетически **лъ** (напр., **исплъ҃нь**, **наплъ҃ньше** въ Зографскомъ евангеліи подъ вліяніемъ **лъ**, напр., въ **исплънн**, **наплънитъ**, въ Саввиной книгѣ **исплнь**, **исплнєна** и т. д.), наконецъ передъ общеславянскою полумягкою зубною (изъ твердой зубной передъ мягкою гласной) Зографское евангеліе представляетъ **лъ**, а Саввина книга **лъ** и **ль**. Изъ общеславянскаго ъļ̥ въ Саввиной книгѣ и въ Зографскомъ евангеліи является вообще **лъ** при всякомъ положеніи въ словѣ (въ единичныхъ случаяхъ въ Зографскомъ евангеліи также и **ль**), а изъ общеславянскаго ъļ Зографское евангеліе имѣетъ **ль** и **лъ** въ однихъ и тѣхъ же словахъ, а Саввина книга **лъ** передъ твердою согласной и **ль** при **лъ** передъ не

твердою согласной. Въ Супрасльской рукописи **ль** и **лъ** изъ общеславянскихъ ь̯l̥, ъ̯l̥, ъ̯ł̥, въ значительной степени смѣшиваются между собою, и вмѣсто **ль** передъ твердыми согласными можетъ являться здѣсь и **лъ**, а вмѣсто **лъ** передъ не твердыми согласными. Супрасльская рукопись имѣетъ и **ль**, при чемъ различныя формы одного и того же слова съ такими **лъ**, **ль** могли вліять однѣ на другія; въ отличіе отъ Саввиной книги и Зографскаго евангелія, изъ общеславянскаго ь̯l̥ въ положеніи передъ твердыми зубными Супрасльская рукопись представляетъ при **лъ** и **ль**, между прочимъ, и тамъ, гдѣ нельзя предполагать вліянія аналогіи со стороны другихъ формъ слова съ **ль** въ положеніи не передъ твердыми зубными. — Въ другихъ паннонскихъ текстахъ ь̯l̥, ъ̯l̥, ъ̯ł̥ совпали вообще въ **лъ** (въ Маріинскомъ евангеліи въ единичныхъ случаяхъ является и **ль**, въ соотвѣтствіи съ **ль** Зографскаго евангелія и Саввиной книги); **лъ** въ этихъ текстахъ мы должны ждать и изъ общеславянскаго ь̯ł̥. Въ Остромировомъ евангеліи общеславянскія ь̯l̥, ъ̯l̥, ъ̯ł̥ также совпали въ **лъ**, хотя, какъ я говорилъ уже прежде, это **лъ** отличалось въ процессѣ образованія отъ того **лъ**, которое мы находимъ въ соотвѣтствующихъ случаяхъ въ паннонскихъ текстахъ; примѣры для общеславянскаго ь̯ł̥ изъ Остромирова евангелія не извѣстны.

Для различенія общеславянскихъ ь̯l̥, ь̯ł̥, ъ̯l̥, ъ̯ł̥ важны указанія нѣкоторыхъ западно-славянскихъ языковъ, именно чешскаго, польскаго и нижне-лужицкаго: изъ общеславянскаго ъ̯ł̥ мы находимъ въ польскомъ и нижне-лужицкомъ łu, въ чешскомъ lu и lou (ou фонетически изъ u при извѣстныхъ условіяхъ), изъ общеславянскихъ ь̯ł̥, ъ̯l̥ чешскій языкъ имѣетъ то же lu, между тѣмъ какъ въ польскомъ изъ общеславянскаго ь̯ł̥ мы находимъ oł, а изъ общеславянскаго ъ̯l̥—eł и oł, въ нижне-лужицкомъ oł изъ ь̯ł̥ и ъ̯l̥; наконецъ, изъ общеславянскаго ь̯l̥ чешскій языкъ имѣетъ l слоговое, польскій — eł и il$^{(i)}$ (въ зависимости отъ извѣстнаго различія въ фонетическихъ условіяхъ), нижне-лужицкій — oł и el$^{(i)}$ (въ зависимости отъ извѣстнаго различія въ фонетическихъ условіяхъ). Что касается русскаго языка, то здѣсь

общеславянское ъ̯ совпало съ ъ̯ и ь̯ въ одномъ ъл, откуда ол, а общеславянское ь̯, существовавшее лишь послѣ мягкихъ зубныхъ согласныхъ č, ž, š, сохранило въ русскомъ языкѣ ь не измѣненнымъ въ ъ, вслѣдствіе положенія послѣ мягкой согласной, т. е. изъ общеславянскаго ь̯ русскій языкъ получилъ ьл и далѣе ел и ол, съ тѣмъ о, которое являлось здѣсь изъ е и ь черезъ посредство ŏ при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ.

Приведу теперь примѣры для этихъ общеславянскихъ звуковыхъ сочетаній изъ старославянскаго языка Саввиной книги, Зографскаго евангелія и частію Супрасльской рукописи, а также и изъ западно-славянскихъ языковъ. Общеславянское ъ̯, существовавшее именно, какъ я говорилъ, въ положеніи послѣ немягкихъ зубныхъ согласныхъ, мы находимъ въ слѣдующихъ случаяхъ. Старославянское **длъгъ** «долгъ», **длъжьнъ**, **длъжьникъ**, съ ъ въ Саввиной книгѣ и въ Зографскомъ евангеліи, при чемъ въ Зографскомъ евангеліи два раза встрѣчается и ь при обыкновенномъ ъ; сравните польское dług, нижне-лужицкое dług, чешское dluh (русское долгъ). Старославянское **длъгъ** «долгій», въ Саввиной книгѣ встрѣчается только разъ, въ формѣ **длъзѣ**, въ Зографскомъ евангеліи въ томъ же мѣстѣ евангельскаго текста является **дльзѣ**, съ ь вмѣсто ожидаемаго ъ; сравните польское długi, чешское dlouhý, нижне-лужицкое dłujki (русское дологъ, долгій). Старославянская глагольная основа **тлък-** «толкать», съ ъ въ Саввиной книгѣ и въ Зографскомъ евангеліи, напр., **тлъкѫщюмоу** (въ Зографскомъ евангеліи **тлъкѫштоумоу**), **тлъцѣтє**, **тлъкнѫвъшю**; сравните польское tłukę tłuc, чешское tluku tloucí, нижне-лужицкое tłukaś (русскія толку и толкать). Старославянское **тлъстъ** «толстый», въ Зографскомъ евангеліи **оутлъстѣ** съ ъ (въ Саввиной книгѣ нѣтъ этихъ словъ); сравните польское tłusty, нижне-лужицкое tłusty и kłusty, чешское tlustý (русское толстъ, толстый). Старославянское **стлъпъ** «столбъ» въ Зографскомъ евангеліи съ ъ (въ Саввиной книгѣ нѣтъ этого слова); сравните польское słup, діалектическое stłup, нижне-лужицкое słup, чешское sloup. Общеславянское ъ̯, согласно съ указаннымъ мною правп-

ломъ, надо признать также въ слѣдующихъ случаяхъ. Церковнославянская глагольная основа **длѣб-** «долбить», не извѣстная изъ древнихъ текстовъ; сравните польское dłubać, чешское dlubati (русское долбить). Старославянское **тлъпа** «толпа», не встрѣчающееся въ Саввиной книгѣ и въ Зографскомъ евангеліи (но извѣстное, напр., изъ Супрасльской рукописи: **тлъпы**, съ **ъ**); чешское tlupa, въ польскомъ и нижне-лужицкомъ нѣтъ этого слова (русское толпа). Старославянское **ꙁлъчь** «желчь», съ **ъ** въ Саввиной книгѣ и въ Зографскомъ евангеліи; въ западно-славянскихъ языкахъ нѣтъ этого слова въ такомъ звуковомъ видѣ.

Въ словахъ **длъгъ** «долгій», **тлъкж**, **тлъпа** и въ основѣ **длѣб-** общеславянское ъ̯ въ положеніи послѣ твердой зубной согласной образовалось изъ литовско-славянскаго ь̯, какъ свидѣтельствуютъ балтійскіе языки; въ литовскомъ языкѣ отсюда il въ ilgas «долгій» (начальное d отпало еще въ общебалтійскомъ языкѣ), ap-tilkęs «ловкій, пронырливый», собственно, вѣроятно, «обтолкавшійся» (Лескинъ[1]) сопоставляетъ по переходу значенія русское діалектическое толочный парень «бывалый, дошлый», родственное съ толку, толкаю), tilpti «вмѣщаться», ap-dilbti «износиться, истереться отъ употребленія». Въ **тлъстъ** общеславянское ъ̯ послѣ твердой зубной восходитъ къ литовско-славянскому ъ̯: родственны латышскія tulzums «опухоль», tulzis «пузырь, прыщъ», литовскія tùlšti (настоящее tulštù, прошедшее tulžaú) «пропитываться влагою, разбухать», tulžis «желчь», собственно «желчный пузырь».

Примѣры для общеславянскаго ь̯, существовавшаго послѣ мягкихъ зубныхъ, изъ Саввиной книги и изъ Зографскаго евангелія (а равно и изъ Остромирова евангелія) не извѣстны, какъ я говорилъ уже, а въ западно-славянскихъ языкахъ и въ русскомъ сюда принадлежатъ слѣдующіе случаи. Польское czoł̨n и czoł̨no, нижне-лужицкое coł̨n, чешское člun, русское челнъ, челнокъ. Польское żół̨ty, нижне-лужицкое žołty, чешское žluty,

1) Leskien, Der Ablaut der Wurzelsilben im Litauischen, стр. 87.

русское желтый. Нижне-лужицкое žoł̣c, чешское žluć, русское желчь, польское żółć «желчь», чешское žluť. Польское żołna, нижне-лужицкое žolma, чешское žluna, русское желна (птица).

Общеславянское ь̥ существовало, напр., въ слѣдующихъ случаяхъ. Старославянское **влькъ** «волкъ», съ **ь** въ Зографскомъ евангеліи и въ Саввиной книгѣ, съ **ь** и съ **ъ** въ Супрасльской рукописи; сравните польское wilk, нижне-лужицкое veľk, чешское vlk (русское волкъ); тождественно литовское vìlkas. Старославянская глагольная основа **влък-** «влечь», съ **ь** въ Саввиной книгѣ и въ Зографскомъ евангеліи (одинъ разъ **ъ** въ Зографскомъ евангеліи), напр., въ **извлькъ, облъчєнъ**; въ западно-славянскихъ языкахъ (и въ русскомъ) эта основа вытѣснена общеславянскою основой *velk-, откуда старославянское **влѣк-**, напр., въ **влѣкѫ**; въ литовскомъ языкѣ съ старославянскимъ **влък-** «влечь» тождественно vilk-, напр., въ vìlkti «влечь». Старославянское **влъна** и **влъна** «волна» въ Супрасльской рукописи, **влъна** въ Зографскомъ евангеліи, т. е съ **ъ** изъ общеславянскаго ь̥ въ положеніи передъ не мягкою зубною (въ Саввиной книгѣ нѣтъ этого слова); сравните польское wełna, чешское vlna (русское волна); родственно литовское vilnìs «волна». Старославянское **мльчати** въ Зографскомъ евангеліи, **мълчати** въ Саввиной книгѣ, **мльчати** и **мълчати** въ Супрасльской рукописи; сравните польскія milczeć, milknąć, нижне-лужицкое meľcaś, чешскія mlčeti, mlknouti (русскія молчать, -молкнуть). Старославянская основа **плъз-** и **плъз-** «ползать» въ Супрасльской рукописи, напр., **плъзъкъ** «ползкій», **плъзаше** (въ Саввиной книгѣ и въ Зографскомъ евангеліи нѣтъ этихъ словъ); сравните польскія pełzać, pełznąć, чешскія plznouti, plzký (русскія ползать, ползкій). Старославянское **плънъ** «полный» въ Супрасльской рукописи, **плънъ** въ Саввиной книгѣ (въ формахъ **плънъ, плъна, плънѣ**) и въ Зографскомъ евангеліи (въ формахъ **плънъ, плъна**), т. е. съ **ъ** въ этихъ текстахъ изъ общеславянскаго ь̥ передъ немягкою зубною; сравните польское pełny, нижне-лужицкое połny, чешское plný (русское полонъ, полный); тождественно литовское pìlnas. Старославянская глагольная основа

ѩльнн- и **плънн-** «-полнить» въ Саввиной книгѣ и въ Супрасльской рукописи, **плънн-** въ Зографскомъ евангеліи, при чемъ въ Саввиной книгѣ въ формахъ, имѣвшихъ **н** мягкое изъ общеславянскаго n мягкаго (получавшагося изъ nj), въ положеніи передъ этимъ **й** является только **ь**, напр., въ **нспльнь**, **нспльнєнъ** (т. е. **нспльйь**, **нспльнєнъ**), между тѣмъ какъ въ формахъ, имѣвшихъ **н** изъ общеславянскаго n полумягкаго (въ положеніи n передъ мягкою гласной) мы находимъ здѣсь какъ **ъ**, такъ, но рѣже, и **ь**, напр., **нсплънншася** и **нспльнншася**; польское reĺnić, чешское plniti (русское -полнить). Общеславянское ъ̯ надо признать и въ слѣдующихъ случаяхъ. Старославянское **вльхвъ** «волхвъ» въ Саввиной книгѣ, **вльхвъ** и **влъхвъ** въ Супрасльской рукописи (въ Зографскомъ евангеліи нѣтъ этого слова); изъ западно-славянскихъ языковъ это слово не извѣстно. Польское weĺna «во́лна, шерсть», чешское vlna (русское во́лна); церковно-славянское **влъна** (Миклошичъ въ Словарѣ приводитъ изъ позднихъ текстовъ прилагательное **влънєнъ**); тождественно литовское vìlna. Польское wilgnąć «волгнуть», чешское vlhnouti (русское волгнуть); Миклошичъ въ Словарѣ приводитъ церковнославянское **влъгынн** «влага» изъ одного поздняго памятника; тождественно литовское vilg- въ vìlgyti «увлажать». Чешское vlha «иволга», польское wilga (при wywielga; сравните русское иволга, гдѣ происхожденіе и для меня не ясно); церковнославянское **влъга** изъ древнихъ старославянскихъ текстовъ не извѣстно. Польскія pilść и pilśń «войлокъ», чешское plsť (русское полсть); церковнославянское **плъсть** изъ древнихъ старославянскихъ текстовъ не извѣстно. Польское pilch «ящуръ», чешское plch; церковнославянское **плъхъ** изъ древнихъ старославянскихъ текстовъ не извѣстно.

Общеславянское ъ̯ является въ слѣдующихъ случаяхъ. Старославянское **мльва** и **млъва** «шумъ, смятеніе» въ Зографскомъ евангеліи и въ Маріинскомъ евангеліи, **мльва** въ Супрасльской рукописи, **млъва** въ Саввиной книгѣ (встрѣчается здѣсь только одинъ разъ), глагольная основа **мльви-** и **млъви-** въ Зографскомъ евангеліи и въ Саввиной книгѣ, напр., **мльвите**, **млъвѣаше** въ

Зографскомъ евангеліи, **млькѣше**, **млъвн** въ Саввиной книгѣ; сравните чешскія mluva «рѣчь», mluviti «говорить», польскія mowa, mówić, гдѣ -ow-, -ów- изъ древне-польскаго -oław- (русскія молва, молвить). Старославянское **плькъ** «толпа, полкъ», въ Супрасльской рукописи, **плъунтн са** и **плъунтн са** тамъ же (въ Зографскомъ евангеліи и въ Саввиной книгѣ нѣтъ этихъ словъ); сравните чешское pluk, польское pułk, pułk, въ древне-польскомъ и pełk, въ собственныхъ именахъ (русское полкъ); тождественны литовское pùlkas, латышское pulks «толпа» (людей и животныхъ), которыя, повидимому, нѣтъ достаточнаго основанія считать заимствованными изъ языка славянскаго. Старославянское **хльмъ** (въ формѣ **хльмомъ**) и **хлъмъ** въ Зографскомъ евангеліи, **хлъмъ** въ Саввиной книгѣ (встрѣчается только разъ); сравните чешское chlum, польское Chełm, нижне-лужицкое choł̇m (русское холмъ); общеславянское *χъl̥mъ заимствовано, повидимому, изъ языка германскаго (древне-саксонское holm «гора, холмъ» и т. д.). Чешское hluk «гулъ», польское giełk, z-giełk (русское голкъ); церковнославянское **глъка**, не извѣстное изъ древнихъ памятниковъ; родственно литовское gùlkščioja «идетъ молва».

Относительно старославянскаго **млъннн**, **млънн** (русское молнія), съ ъ передъ общеславянскою не мягкою зубною въ Зографскомъ евангеліи и въ Саввиной книгѣ (въ Супрасльской рукописи и **мльннн**), я не могу опредѣлить, имѣлъ ли здѣсь общеславянскій языкъ ъl̥ или же ьl̥.

Общеславянское измѣненіе ьr̥ *и* ьl̥ *съ* r̥ *и* l̥ *(закрытымъ) твердыми при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ въ* ьr̥$^{(e)}$, ьl̥$^{(e)}$ *съ* r̥ *и* l̥ *полумягкими*, обозначенными мною здѣсь черезъ r̥$^{(e)}$, l̥$^{(e)}$. Законъ этого фонетическаго явленія я опредѣляю такъ: общеславянскія r̥ и l̥ въ сочетаніяхъ ьr̥, ьl̥ сохранялись твердыми въ положеніи передъ твердыми зубными, между тѣмъ какъ въ положеніи передъ не зубными, твердыми и не твердыми, а также и передъ мягкими зубными, общеславянскія r̥ и l̥ въ ьr̥, ьl̥ измѣнялись въ r̥$^{(e)}$, l̥$^{(e)}$, при чемъ въ положеніи передъ твердыми не

зубными это измѣненіе вызывалось исключительно вліяніемъ предшествовавшаго ь; вопросъ же о томъ, въ какомъ видѣ являлись *фонетически* общеславянскія r̥ и l̥ въ ьr̥, ьl̥ въ положеніи передъ полумягкими зубными, я оставляю въ сторонѣ. Различіе между общеславянскими ьr̥ и ьr̥$^{(e)}$ засвидѣтельствовано языками польскимъ, лужицкими и русскимъ, а частію также и нѣкоторыми старославянскими текстами; различіе же между общеславянскими ьl̥ и ьl̥$^{(e)}$ засвидѣтельствовано языками польскимъ и лужицкими, а также нѣкоторыми старославянскими текстами, между тѣмъ какъ въ русскомъ языкѣ оно не сохранилось, вслѣдствіе того, что общеславянскія l̥ и l̥$^{(e)}$ совпали здѣсь въ звукѣ ł (л), передъ которымъ ь въ положеніи не послѣ мягкой согласной измѣнилось въ ъ, откуда о.

Изъ общеславянскаго ьr̥ передъ твердыми зубными въ польскомъ и нижне-лужицкомъ языкахъ получилось по бо́льшей части ar (которое являлось здѣсь и изъ общеславянскаго ъr̥), иногда польское $^{(i)}$ar, нижне-лужицкое er, въ верхне-лужицкомъ языкѣ or (которое являлось здѣсь и изъ общеславянскаго ъr̥), иногда $^{(i)}$er, между тѣмъ какъ общеславянское ьr̥$^{(e)}$ въ польскомъ языкѣ обратилось въ $^{(i)}$erz, съ rz (звуки r͡ž и r͡š, переходящіе въ ž и š) изъ r$^{(e)}$ черезъ посредство r$^{(i)}$, и въ $^{(i)}$er, er, въ зависимости отъ различнаго положенія въ словѣ, въ верхне-лужицкомъ въ $^{(i)}$er$^{(i)}$ и въ $^{(i)}$er, er, въ зависимости отъ различнаго положенія въ словѣ, въ нижне-лужицкомъ въ $^{(i)}$er, er. Изъ общеславянскаго ьl̥ передъ твердыми зубными въ польскомъ языкѣ получилось eł, въ лужицкихъ языкахъ oł (въ нижне-лужицкомъ послѣ v ał), между тѣмъ какъ общеславянское ьl̥$^{(e)}$ является въ польскомъ какъ il$^{(i)}$, пишется il (случаи передъ губною согласной не извѣстны), въ нижне-лужицкомъ какъ el$^{(i)}$, въ верхне-лужицкомъ $^{(i)}$el$^{(i)}$. Въ русскомъ языкѣ изъ общеславянскаго ьr̥ передъ твердыми зубными получилось ер, а подъ удареніемъ ёр, т. е. $^{(i)}$or, между тѣмъ какъ общеславянское ьr̥$^{(e)}$ является въ русскомъ или какъ ерь, т. е. er$^{(i)}$, или какъ такое ер, которое подъ удареніемъ передъ твердымъ слогомъ сохраняется не измѣненнымъ въ ёр, вслѣдствіе того, что р было здѣсь прежде мягкимъ.

Примѣры. Общеславянское ь̯р передъ твердыми зубными: русское бёрдо, польское bardo, нижне-лужицкое bardo; русское мёртвый, польскія martwy, umarły, нижне-лужицкое marły, верхне-лужицкое morvy; русское мёрзнуть, польское marznąć, нижне-лужицкое marznuś (верхне-лужицкое merznyć); русское чёрный, польское czarny, нижне-лужицкое carny, верхне-лужицкое čorny; русское жорновъ, изъ жёрновъ, польское żarna; русское зерно, зёрна, польское ziarno, нижне-лужицкое zerno, верхне-лужицкое zorno. — Общеславянское ь̯р(е): русское верьхъ (пишется верхъ), польское wierzch, нижне-лужицкое vérch, верхне-лужицкое véřch; русское первый и перьвый, нижне-лужицкое pérvy, польское pierwszy; русское верба (въ говорахъ и верьба), польское wierzba, нижне-лужицкое vérba, верхне-лужицкое véřba; русское черпать, польское czerpać, верхне-лужицкое čeřpać.

Общеславянское ь̯л передъ твердыми зубными: польское wełna «волна́» и «во́лна», верхне-лужицкое volma «во́лна», нижне-лужицкое valma «во́лна»; польское pełny «полный», лужицкое połny; польское pełzać «ползать». — Общеславянское ь̯л(е): польское wilk «волкъ», нижне-лужицкое veĺk, верхне-лужицкое véĺk; польскія milknąć «-молкнуть», milczeć «молчать», нижне-лужицкія meĺknuś, meĺcaś, верхне-лужицкія méĺknyć, méĺčeć; польское wilgnąć «волгнуть».

Въ старославянскомъ языкѣ различіе между общеславянскими ь̯л и ь̯л(е) сохранилось въ діалектахъ Зографскаго евангелія и Саввиной книги въ томъ явленіи, о которомъ я уже упоминалъ, а именно мы видѣли, что изъ общеславянскаго ь̯р передъ твердыми зубными въ этихъ текстахъ является **ръ**, между тѣмъ какъ общеславянское ь̯л(е) мы находимъ здѣсь въ видѣ **ль: плънъ, влъна**, но **влькъ** «волкъ», **извлькъ, обльчєнъ**, въ Зографскомъ евангеліи **млъчати** (въ Саввиной книгѣ **мльчати**, вслѣдствіе бо́льшаго отвердѣнія согласной ч въ ча [1]), въ Саввиной книгѣ **испльнь**,

1) Глаголъ млъчати встрѣчается здѣсь четыре раза, именно въ формахъ млъчаѫ, млъчаше, оумлъчаша, оумлъчита; въ послѣдней формѣ лъ вмѣсто ль (сравните обльчєнъ въ Саввиной книгѣ) подъ вліяніемъ лъ въ млъча-.

испльнена (въ Зографскомъ евангеліи **исплънь**, **наплънь**, подъ вліяніемъ другихъ формъ, гдѣ фонетически получилось **лъ**). Въ виду **пльнъ**, **вльна** въ Супрасльской рукописи, можно думать, что въ Зографскомъ евангеліи и въ Саввиной книгѣ **лъ** изъ общеславянскаго ь̯l̥ образовалось чрезъ посредство lь съ l закрытымъ твердымъ. Что касается различія въ старославянскомъ языкѣ общеславянскихъ ь̯r̥ и ь̯r̥(e), то мы находимъ его въ дошедшихъ до насъ текстахъ лишь въ нѣкоторыхъ остаткахъ, именно въ Саввиной книгѣ и въ нѣкоторыхъ памятникахъ русской редакціи, напр., въ Остромировомъ евангеліи. Въ Саввиной книгѣ изъ общеславянскихъ ь̯r̥ и ь̯r̥(e) является вообще **рь**, но въ **жрътва** (встрѣчается два раза: **жрътвы** и **жрътвѫ**) и **жрънъвахъ** (встрѣчается одинъ разъ) Саввина книга имѣетъ **ръ**, и можно думать, что rь съ твердымъ r изъ общеславянскаго ь̯r̥ въ положеніи послѣ **ж** не перешло въ этомъ діалектѣ въ **рь** съ полумягкимъ **р** и измѣнилось далѣе въ **ръ**. Можетъ быть и написаніе **дръꙁновениемь**, встрѣчающееся въ Саввиной книгѣ два раза, представляетъ въ **ръ** измѣненіе группы rь съ твердымъ r изъ общеславянскаго ь̯r̥ (передъ твердою зубною), хотя въ Саввиной книгѣ встрѣчается разъ и **дрьꙁанте**; что же касается двухъ или трехъ случаевъ, въ которыхъ вмѣсто обычнаго въ Саввиной книгѣ **трьп-** въ **трьплѫ** (т. е. **трьплѭ**), **трьпитъ**, **вь трьпѣнии** и т. д. является **тръп-** въ **тръплѫ**, **вь тръпѣнии** (здѣсь уже **вь** вмѣсто **въ** заставляетъ предполагать **трьп-**) и можетъ быть **потръпи** (въ другомъ мѣстѣ **потрьпи**), то здѣсь **ръ** вмѣсто **рь** изъ общеславянскаго ь̯r̥(e), какъ и въ другихъ паннонскихъ текстахъ, имѣющихъ **ръ** изъ общеславянскаго ь̯r̥ и изъ общеславянскаго ь̯r̥(e). Въ Остромировомъ евангеліи въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ разсматриваемыя нами звуковыя сочетанія написаны по-старославянски, мы находимъ обыкновенно, какъ и въ Саввиной книгѣ, **рь** изъ общеславянскихъ ь̯r̥ и ь̯r̥(e), но иногда Остромирово евангеліе представляетъ и **ръ** при **рь**, и при томъ лишь тамъ, гдѣ общеславянскій языкъ имѣлъ ь̯r̥, съ твердымъ r̥: сюда принадлежатъ **жрътвами** (при **жрьтвѣ**) и **жрънъвахъ** (въ другомъ мѣстѣ **жър̊нъвахъ**), съ тѣмъ же **жръ-**, какъ и въ Саввиной

книгѣ, а также **мрътвъ, мрътвыихъ, мрътвыхъ, оумръла, разврьзоста сѧ, отвръзоша сѧ, отъвръзъше, четвръток** (при **мрьтвъ, разврьзаѩ** и т. д.). Подобнымъ же образомъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ писецъ Остромирова евангелія вмѣсто старославянскихъ **рь** и **ръ** изъ общеславянскихъ ь̯г̥ и ь̯г̥(е) написалъ **ьрь** и **ьръ**, прибавивъ **ь** передъ **р** подъ вліяніемъ русскаго языка, мы находимъ написаніе **ьрь** вмѣсто **рь** какъ изъ общеславянскаго ь̯г̥(е), такъ и изъ общеславянскаго ь̯г̥ (напр., **вьрьгѫть, испьрьва, зьрьно**), а написаніе **ьръ** вмѣсто **ръ**, при **рь**, только изъ общеславянскаго ь̯г̥; написаніе **ьръ** встрѣчается именно въ **вьрътоградъ, мьрътвыихъ, пьръсты, дьръзаи, дьръзаите** (при **дьрьзнѫвъ**). Два раза встрѣчается въ Остромировомъ евангеліи написаніе **ър̑** вмѣсто старославянскаго **ръ** изъ общеславянскаго ь̯г̥, именно въ **жър̑нъвахъ**, при **жрънъвахъ**, и въ **четвър̑тъкъ**, при **четвръток** (и **четвьртъкъ**); одинъ разъ находимъ и **вър̑хоу** вмѣсто **вьр̑хоу**, встрѣчающагося нѣсколько разъ (при **врьхоу**), но здѣсь вѣроятно **ъ** написано ошибочно вмѣсто **ь**, а иначе это написаніе **ър̑** указывало бы на діалектическое старославянское **ръ** изъ общеславянскаго ь̯г̥(е), между тѣмъ какъ вообще Остромирово евангеліе не знаетъ **ръ** такого происхожденія. Съ употребленіемъ въ Остромировомъ евангеліи написаній **ьрь** и **ьръ** вмѣсто **рь, ръ** согласуется употребленіе тѣхъ же написаній, напр., въ Минеѣ, относимой къ 1095 году; и здѣсь написаніе **ьрь** является вмѣсто **рь** какъ изъ общеславянскаго ь̯г̥(е), такъ и изъ общеславянскаго ь̯г̥, между тѣмъ какъ написаніе **ьръ**, при **ьрь**, замѣняетъ собою **ръ**, при **рь**, изъ общеславянскаго ь̯г̥: напр. **жьрътвоу, пожьръты, пожьрълъ, мьрътвыхъ, вьръста, чьрътогъ, чьрътаниꙗ, проучьръташе**, при **проучьрьтаниꙗ, чьрьтогъ, вьрьста** и т. д.

Общеславянское измѣненіе сочетаній «неслоговая ирраціональная гласная (ь̯ или ъ̯) + *слоговая носовая согласная» въ положеніи передъ ударяемымъ слогомъ.* Въ эпоху, предшествовавшую образованію носовыхъ гласныхъ, общеславянское сочетаніе «ь̯ + слоговая носовая согласная» въ положеніи передъ ударяемымъ слогомъ обращалось въ ъ и въ ь; послѣднее получалось именно

послѣ мягкой согласной (задненёбныя согласныя измѣнялись въ мягкія č, ž, š передъ ь̯ какъ передъ мягкою гласной) и послѣ l закрытаго (а l было получено закрытымъ въ положеніи передъ ь какъ передъ мягкою гласной). Процессъ образованія этихъ ъ и ь изъ сочетанія «ь̯ + слоговая носовая согласная» я представляю себѣ такъ: сочетаніе «ь̯ + слоговая носовая согласная» въ положеніи передъ ударяемымъ слогомъ сперва теряло гласную, т. е. переходило въ одну слоговую носовую согласную, а затѣмъ слоговая носовая согласная обращалась въ слоговую гласную, подобно тому, какъ, напр., греческое α изъ индоевропейскаго сочетанія «неслоговая ирраціональная гласная (ᾰ) + слоговая носовая согласная» развивалось непосредственно изъ одной слоговой носовой согласной. На основаніи такого измѣненія общеславянскаго сочетанія «ь̯ + слоговая носовая согласная» въ положеніи передъ ударяемымъ слогомъ надо заключать, что и общеславянское сочетаніе «ъ̯ + слоговая носовая согласная» при томъ же условіи, т. е. передъ ударяемымъ слогомъ, переходило въ ъ, хотя я не знаю достовѣрныхъ примѣровъ для общеславянскаго ъ такого происхожденія.

Общеславянское ъ изъ «ь̯ + слоговая носовая согласная» передъ ударяемымъ слогомъ мы находимъ въ *sъ̯tó, откуда старославянское **сто**, русское сто; сопоставленіе съ литовскимъ šimtas «сто» указываетъ на литовско-славянскую основу *ç̯ъ̯tă°- (буквою ç я обозначаю ту литовско-славянскую фрикативную, которая получалась изъ индоевропейскаго k̑, т. е. k средненёбнаго) изъ индоевропейской основы «k̑ᾰ̯ntă°-, которую мы находимъ также въ латинскомъ centum, въ греческомъ ἑκατόν. Общеславянское ь послѣ l изъ «ь̯ + слоговая носовая согласная» въ положеніи передъ ударяемымъ слогомъ является въ *lьg̑kъ, откуда старославянское **лъгъкъ**, русское легокъ легкій; общеславянское *lьgъkъ заключало въ конечномъ -kъ новый суффиксъ, а *lьgъ изъ *lь̯ngús тождественно съ греческимъ ἐλαχύς, гдѣ ε образовалось фонетически передъ начальнымъ λ (сюда же принадлежитъ и древне-индійское laghús «легкій, незначительный»).

Въ общеславянскихъ производныхъ именахъ существительныхъ съ суффиксами -ъko-, -ъkā- въ положеніи послѣ твердыхъ не задненёбныхъ согласныхъ и съ -ьko-, -ьkā- послѣ k, g, χ, смягченныхъ при этомъ въ č, ž, š, такое чередованіе между ъ и ь можетъ быть объяснено при томъ предположеніи, что -ъk- и -ьk- восходятъ здѣсь фонетически къ -ъ̯nk-, полученному въ суффиксѣ передъ ударяемою гласной, хотя бы съ -ъk- и -ьk- такого происхожденія смѣшались -ъk- и -ьk- изъ первоначальныхъ -ŭk- и -ĭk- въ суффиксахъ. Въ русскомъ языкѣ сюда принадлежатъ, напр., такія образованія, какъ цвѣто́къ цвѣтка́, волосо́къ волоска́, зубо́къ зубка́, гдѣ -окъ изъ общеславянскаго -ъkъ, при сучёкъ сучка́, рожо́къ рожка́, мѣшо́къ мѣшка́, гдѣ -ёкъ, -окъ изъ общеславянскаго -ьkъ. Въ положеніи послѣ l мы находимъ въ такихъ именахъ общеславянское -ъk-, а не -ьk-, съ нефонетическою замѣной l закрытаго передъ -ъ̯nk- (изъ -ъ̯nk-) черезъ ł, существовавшее въ положеніи передъ твердою гласной въ тѣхъ основахъ, отъ которыхъ образованы эти имена; напр., въ русскомъ хохло́къ (подъ вліяніемъ ł въ хохолъ) или, напр., въ польскомъ dołek подъ вліяніемъ ł въ dół «долъ»). Съ общеславянскими -ъk-, -ьk-, изъ -ъ̯nk-, въ такихъ именахъ тождественны германское -ung- (изъ индоевропейскаго ąn̯ въ общегерманскомъ языкѣ получалось un), напр., въ древне-исландскихъ именахъ на -ungr, греческое -αγ- въ такихъ образованіяхъ, какъ μεῖραξ, Ἵππακος [1]).

Общеславянское ъ изъ ъ̯n̯ или можетъ быть изъ ъ̯n̯, въ положеніи передъ ударяемымъ слогомъ, надо признать и въ словѣ *vъtorъ, откуда старославянское **вторъ вторын**, русское второй, т. е. надо думать, что въ *vъtorъ ударе́ніе было на о (сравните русское втора въ значеніи существительнаго). Родственныя слова извѣстны изъ балтійскихъ и германскихъ языковъ (литовское ántras «другой, второй», ново-верхненѣмецкое ander), а также и изъ древне-индійскаго языка, при чемъ, однако,

1) О германскихъ и греческихъ образованіяхъ см. Brugmann, Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, zweiter Band, § 88.

эти языки указываютъ на индо-европейское ăn- (съ ă не склоннымъ къ e), между тѣмъ какъ **вторъ** предполагаетъ параллельную индоевропейскую основу съ a̯n̥-, т. е. съ литовско-славянскимъ ьn̥ или ъn̥; общеславянское v въ *vьtorъ приставлено фонетически передъ начальнымъ ъ. Съ общеславянскимъ ъ изъ индоевропейскаго a̯n̥ въ *vьtorъ тождественно можетъ быть греческое діалектическое α въ ἄτερος, гдѣ въ такомъ случаѣ греческое придыханіе восходило бы къ индоевропейскому придыханію, т. е. для индоевропейскаго языка надо было бы предполагать основы *ha̯n̥tă°ra°-, *ha̯n̥tă°ră°- (при *hă°nta°ra°-, *hă°ntă°ră°-, *hă°ntră°-, откуда нѣмецкое ander, литовское ántras), и общеславянское ъ въ *ъtorъ, *vьtorъ объяснялось бы непосредственно изъ *hn̥, а послѣднее изъ *hьn̥-. Сравните индоевропейскій мѣстоименный корень *hă°, *hă°, являющійся, какъ мы видѣли, въ латинскомъ ho-, въ русскомъ э-. Отношеніе греческаго ἕτερος къ ἄτερος не ясно.

Общеславянскія носовыя гласныя и ихъ измѣненія. Въ извѣстную эпоху жизни общеславянскаго языка сочетанія «гласная + носовая согласная», въ положеніи безъ послѣдующей гласной, т. е. передъ согласной и въ концѣ словъ, обратились въ носовыя гласныя. Гласныя въ этихъ сочетаніяхъ, измѣнившихся въ носовыя гласныя, были получены частію краткими, частію ирраціональными и при томъ неслоговыми (изъ индоевропейскаго a̯), частію же долгими. Сочетанія «ирраціональная неслоговая гласная (ь̯ или ъ̯) + слоговая носовая согласная» въ первоначальномъ концѣ словъ не существовали уже въ эпоху образованія общеславянскихъ носовыхъ гласныхъ и еще ранѣе подверглись тѣмъ измѣненіямъ въ не носовыя гласныя, о которыхъ я говорю далѣе, при обзорѣ фонетическихъ явленій конца слова; т. е. общеславянскія носовыя гласныя изъ сочетаній «ь̯ или ъ̯ + слоговая носовая согласная» мы находимъ въ положеніи не въ первоначальномъ концѣ слова и при томъ, какъ я объяснялъ уже, не передъ слогомъ, полученнымъ съ удареніемъ. Общеславянскія носовыя гласныя изъ сочетаній «долгая гласная + носовая со-

гласная» извѣстны намъ несомнѣнно только при положеніи этихъ сочетаній въ первоначальномъ концѣ словъ.

Общеславянскія носовыя гласныя были краткими и долгими. Краткія носовыя гласныя существовали здѣсь въ первоначальномъ концѣ словъ, какъ изъ краткихъ, такъ и изъ долгихъ гласныхъ въ положеніи передъ носовою согласной; долгія же носовыя гласныя являлись передъ согласными, какъ изъ сочетаній «краткая гласная + носовая согласная», такъ и изъ сочетаній «ь̯ или ъ̯ + слоговая носовая согласная». Указаніе на то, что общеславянскія носовыя гласныя въ первоначальномъ концѣ словъ были краткими и тамъ, гдѣ онѣ получались изъ сочетаній «долгая гласная + носовая гласная», мы находимъ въ окончаніи родительнаго падежа множественнаго числа, а долгота общеславянскихъ носовыхъ гласныхъ различнаго происхожденія въ положеніи передъ согласными засвидѣтельствована тѣми же отдѣльными славянскими языками, которые сохраняютъ указанія и на долготу общеславянскихъ не носовыхъ гласныхъ, и которые свидѣтельствуютъ при этомъ, что общеславянскія долгія носовыя гласныя имѣли тѣ же два вида долготы, какъ и общеславянскія долгія не носовыя гласныя. Происхожденіе долготы общеславянскихъ носовыхъ гласныхъ передъ согласными я объясняю тѣмъ, что сочетанія «краткая или ирраціональная гласная + носовая согласная (неслоговая и слоговая)» передъ согласными были получены изъ литовско-славянскаго языка съ долгими носовыми согласными (при чемъ въ этой долготѣ различались два вида, изъ индоевропейскихъ краткихъ и не краткихъ носовыхъ согласныхъ); долгія носовыя согласныя въ сочетаніяхъ «краткая гласная (изъ первоначальной краткой и изъ первоначальной ирраціональной гласной) + носовая согласная» въ положеніи безъ послѣдующей гласной существуютъ и теперь въ литовскомъ языкѣ.

Въ эпоху образованія въ общеславянскомъ языкѣ носовыхъ гласныхъ здѣсь явились именно слѣдующія носовыя гласныя: 1) ą̆° въ концѣ словъ и ą̄° передъ согласными, измѣнившіяся далѣе въ ǫ̆ и ǭ (я ихъ обозначаю вмѣстѣ черезъ ѫ), откуда въ старо-

славянскомъ языкѣ ѫ, звучавшее какъ ǫ, а въ русскомъ языкѣ, съ утратою носового свойства, у; 2) ę̆ въ концѣ словъ и ę̄ передъ согласными (я ихъ обозначаю вмѣстѣ черезъ ѧ), имѣвшія е открытое, т. е. e^a, откуда въ старославянскомъ языкѣ ѧ, звучавшее какъ ę, а въ русскомъ языкѣ, съ утратою носового свойства, я, т. е. $^{(i)}a$; 3) į̆ въ концѣ словъ и į̄ передъ согласными, утратившія впослѣдствіи носовое свойство еще въ общеславянскомъ языкѣ, при чемъ изъ į̆ получалось ĭ и далѣе ь, старославянское ь, а изъ į̄ — ī, старославянское и; 4) ų̆ въ концѣ словъ и ų̄ передъ согласными, утратившія носовое свойство еще въ общеславянскомъ языкѣ одновременно съ į̆ и į̄, при чемъ изъ ų̆ получалось ŭ и далѣе ъ, старославянское ъ, а изъ ų̄ — ū, ȳ, старославянское ы. Относительно общеславянскихъ носовыхъ гласныхъ, звучавшихъ въ эпоху распаденія общеславянскаго языка какъ ǫ̆ и ǭ (старославянское ѫ), замѣчу, что я предполагаю для нихъ болѣе древній видъ ą̆°, ą̄° на основаніи того, что въ положеніи послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ не получалось ę вмѣсто ǫ въ то время, когда изъ o въ такомъ положеніи являлось e. Измѣненіе o въ e (и u въ ü, i) послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ происходило, слѣдовательно, какъ я говорилъ, уже тогда, когда общеславянскій языкъ имѣлъ носовыя гласныя, но при этомъ надо думать, что въ эпоху, когда o и u послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ измѣнялись въ e и ü, тѣ носовыя гласныя, которыя впослѣдствіи звучали какъ ǫ, ǭ, еще не заключали въ себѣ звука o, такъ какъ иначе изъ ǫ въ такомъ положеніи надо бы ждать ę, подобно тому какъ изъ ų послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ являлось ü тогда же, когда й не носовое при томъ же условіи переходило въ ü (откуда ь).

Названныя мною общеславянскія носовыя гласныя получались въ общеславянскомъ языкѣ изъ слѣдующихъ сочетаній «гласная + носовая согласная» въ положеніи безъ послѣдующей гласной. 1) Носовая гласная ą̆°, откуда ǫ̆, получавшаяся въ концѣ словъ, являлась изъ сочетанія «ā° + носовая согласная», при чемъ ā°, сокращаясь въ этой носовой гласной, измѣнялось въ ă°.

Сочетаніе «ŏ + носовая согласная» въ концѣ словъ не существовало въ общеславянскомъ языкѣ въ эпоху образованія носовыхъ гласныхъ, такъ какъ вмѣсто ŏ въ конечномъ закрытомъ слогѣ еще ранѣе явилось й. 2) Носовая гласная ą̄°, откуда ǭ, получавшаяся передъ согласными, являлась въ большинствѣ случаевъ изъ сочетанія «ŏ + носовая согласная», при чемъ ŏ, удлиняясь въ этой носовой гласной, переходило въ ā°. По аналогіи съ несомнѣнными случаями образованія носовой гласной ę̄ изъ сочетанія «ь + слоговая носовая согласная» передъ согласными надо думать, что носовая гласная ą̄°, ǭ получалась также и изъ сочетанія «ъ + слоговая носовая согласная» передъ согласными, при чемъ, слѣдовательно, ъ, обращаясь въ слоговую гласную полнаго образованія, переходило въ ŏ, которое, удлиняясь въ этой носовой гласной, измѣнялось въ ā°. 3) Носовая гласная ę̆̄, именно ę̆̄ª, получалась въ концѣ словъ изъ сочетанія «ē + носовая согласная», при чемъ ē, когда оно еще звучало какъ ēª (было открытымъ), сократилось въ этой носовой гласной; кромѣ того, носовая гласная ę̆̄ должна была получаться и изъ сочетанія «ĕ + носовая согласная» въ концѣ словъ, но достовѣрные примѣры для сочетанія «ĕ + носовая согласная» въ концѣ словъ не извѣстны. 4) Носовая гласная ę̄, именно ę̄ª, являлась передъ согласными, во-первыхъ, изъ сочетанія «ĕ + носовая гласная», при чемъ ĕ, удлиняясь въ этой носовой гласной, переходило въ ē, именно въ ēª, которое продолжало сохраняться въ носовой гласной и тогда, когда общеславянское ē не носовое, бывшее нѣкогда открытымъ, измѣнилось въ ēⁱ, т. е. въ ē закрытое (откуда далѣе i͡e). Во-вторыхъ, та же носовая гласная ę̄, именно ę̄ª, передъ согласными получалась изъ сочетанія «ь̥ + слоговая носовая согласная», при чемъ, слѣдовательно, ь̥, обращаясь въ слоговую гласную полнаго образованія, переходило въ ĕ, которое удлинялось въ этой носовой гласной. 5) Носовая гласная ı̨̄, откуда далѣе ĭ, ь, получалась въ концѣ словъ изъ сочетанія «ĭ + носовая согласная»; также и изъ сочетанія «ī + носовая согласная» въ концѣ словъ надо ждать ı̨̄, откуда ĭ, ь, но примѣры здѣсь не извѣстны. 6) Носовая гласная

ę̆, откуда далѣе ĭ, получалась передъ согласными изъ сочетанія «ĭ + носовая согласная», при чемъ ĭ (когда оно еще не перешло въ ь) удлинялось въ этой носовой гласной. 7) Носовая гласная ǫ̆, откуда далѣе ŭ, ъ, получалась въ концѣ словъ, во-первыхъ, изъ сочетанія «ŭ + носовая согласная»; во-вторыхъ, и изъ сочетанія «ū + носовая гласная» въ концѣ словъ являлось также ǫ̆, откуда ŭ, ъ. 8) Носовая гласная ǭ, откуда далѣе ū, ȳ, получалась передъ согласными изъ сочетанія «ŭ + носовая согласная», при чемъ ŭ (когда оно еще не перешло въ ъ) удлинялось въ этой носовой гласной.

Примѣры. 1) Старославянское **ѫ** изъ общеславянскаго ǭ: -**ѫ** изъ индоевропейскаго -ā°m въ окончаніи винительнаго падежа единственнаго числа именъ и мѣстоименій съ основами на индоевропейское -ā^{a}, напр., въ формахъ **рꙑбѫ**, **тѫ**, русскія рыбу, ту; тождественны греческое -ᾱν -ην (съ діалектическимъ η), напр., въ χώραν, τιμήν, τήν, гдѣ конечное ν изъ индоевропейскаго m, латинское -ām, съ фонетическимъ сокращеніемъ ā передъ конечною носовою согласной, напр., въ aquam, istam. Старославянское -**ѫ** въ окончаніи перваго лица единственнаго числа настоящаго времени глаголовъ тематическаго спряженія, напр., въ **берѫ**, **везѫ**, русскія беру, везу, я возвожу къ индоевропейскому -ā°n, гдѣ конечное n было, можетъ быть, подвижнымъ въ индоевропейскомъ языкѣ (по фонетическимъ причинамъ); родственны греческое -ω въ φέρω, латинское -o въ fero, veho, литовское -u, непосредственно изъ ů, т. е. u͡o, въ vežù = **везѫ** (въ возвратной формѣ vežůs изъ vežů-si «ѣду»).

2а) Старославянское **ѧ** изъ того общеславянскаго ǭ, которое получалось изъ «ŏ + носовая согласная» передъ согласными: -**ѧть** изъ индоевропейскаго -ă°nti въ окончаніи 3 лица множественнаго числа настоящаго времени глаголовъ тематическаго спряженія, напр., въ **берѧть**, **везѧть**, русскія берутъ, везутъ; тождественно греческое дорическое -οντι, іоническое и аттическое -ουσι (изъ -οντι, -ονσι), напр., въ φέροντι, φέρουσι, родственно и латинское -unt изъ -ont, напр., въ ferunt, vehunt. Старославянское -**ѧшт**- въ причастіяхъ настоящаго времени дѣйствительнаго

залога отъ основъ тематическаго спряженія, напр., въ формахъ **бержшта, бержште, бержшти**, изъ индоевропейскихъ -ă°nt- и -ă°nt̨-, совпавшихъ грамматически въ общеславянскомъ -ŏnt̨-, откуда -ǭčt(i), старославянское **-жшт-** (въ русскомъ языкѣ -уч- въ прилагательныхъ изъ древнихъ причастій, напр., въ могучій, гдѣ могуч- тождественно съ старославянскимъ **могжшт-**, между тѣмъ какъ русскія причастія съ -ущ-, напр., берущій, заимствованы книжнымъ языкомъ изъ церковнославянскаго языка); родственны греческія -οντ- изъ индоевропейскаго -ă°nt- и -ουσ- (непосредственно изъ -ονσ-) изъ индоевропейскаго -ă°nt̨-, напр., въ причастныхъ формахъ φέροντες, φέρουσα, φερούσῃ, латинское -unt- изъ -ont- въ euntis. Старославянское **жзъкъ**, русское узокъ, родственны по корню латинскія ango, angustus, греческое ἄγχω. Старославянское **жгълъ**, русское уголъ, тождественно латинское angulus. Старославянское **ржка**, русское рука, тождественно литовское rankà «рука».

2б) Старославянское **ж** изъ того общеславянскаго ǭ, которое получалось изъ «ъ + слоговая носовая согласная», можно предполагать, какъ я говорилъ уже прежде, въ **джти** (настоящее **дъмж**) «дуть», если **джти** тождественно по гласной съ литовскимъ dùmti (настоящее dumiù), хотя старославянское **ж** въ **джти** могло бы объясняться и изъ «ŏ + носовая согласная». Или, напр., изъ сопоставленія польскаго bąbel «пузырь», чешскаго boubel съ литовскимъ bumbulis «водяной пузырь» могло бы быть выведено общеславянское *bǭbъlь, гдѣ ǭ восходило бы къ сочетанію «ъ + слоговая носовая согласная», если *bǭbъlь тождественно съ литовскимъ bumbulis и по первой гласной. Вообще, тѣ рѣдкіе случаи, въ которыхъ общеславянскій языкъ получилъ изъ литовско-славянскаго языка сочетаніе «ъ + слоговая носовая согласная» (вмѣсто обычнаго «ь + слоговая носовая согласная»), трудно отличать отъ случаевъ, въ которыхъ въ общеславянскомъ языкѣ было получено сочетаніе «ă° + носовая согласная».

3) Старославянское **а** изъ общеславянскаго ę̄, получавшагося изъ сочетанія «ē + носовая согласная» въ концѣ словъ, является

въ **мѧ**, **тѧ**, **сѧ** (винительный единственнаго числа), какъ свидѣтельствуютъ относительно количества гласной древне-индійскія слова, соотвѣтствующія старославянскимъ **мѧ**, **тѧ** (именно mām, tvām). Латинскія mē, tē, sē (долгота гласной обусловлена въ латинскомъ односложностью этихъ словъ) произошли изъ индоевропейскихъ энклитическихъ формъ, не имѣвшихъ въ концѣ падежнаго суффикса -m (тождественны древне-индійскія энклитическія mā и tvā); точно такъ же и греческія μέ, σέ (фонетически изъ *tμe), ἕ (изъ *sμe) образовались изъ индоевропейскихъ энклитическихъ формъ безъ m въ концѣ, а краткая греческая гласная въ этихъ словахъ получилась, я думаю, изъ индоевропейской долгой гласной съ извѣстнымъ качествомъ долготы, такъ какъ индоевропейскія долгія гласныя съ однимъ изъ двухъ видовъ долготы сокращались, какъ кажется, въ греческомъ языкѣ при положеніи въ открытомъ конечномъ слогѣ (таково, напр., ᾰ въ ζυγά, тождественномъ съ старославянскимъ *нга, гдѣ **а** изъ общеславянскаго ā, индоевропейскаго $\bar{a}^a$; сравните также τρίᾰ и τριᾰ́κοντα).

Старославянское **ѧ** изъ общеславянскаго ę̄ въ окончаніи именительнаго-винительнаго единственнаго числа именъ средняго рода съ основами на индоевропейское n, напр., въ **имѧ**, **сѣмѧ**, русскія имя, сѣмя, допускаетъ объясненіе какъ изъ индоевропейскаго $\bar{a}^e$n, такъ и изъ индоевропейскаго $\breve{a}^e$n; въ индоевропейскомъ языкѣ имена съ такими основами оканчивались въ именительномъ-винительномъ единственнаго числа какъ на -ą̄n, такъ и на -a^en и -a^on, гдѣ a^e и a^o были, можетъ быть, частію долгими, частію краткими, хотя прямыхъ указаній на количество a^e въ этой формѣ мы не имѣемъ. Въ соотвѣтственныхъ латинскихъ именахъ конечное -en, напр., въ nōmen, sēmen, допускаетъ различныя объясненія.

4 а) Старославянское **ѧ** изъ того общеславянскаго ę̄, которое получалось изъ «ē + носовая согласная» передъ согласными: **пѧтъ пѧтын**, русское пятый (въ общеславянскомъ языкѣ передъ t исчезло k), тождественны литовское pénktas, греческое πέμπτος,

гдѣ π передъ τ изъ индоевропейскаго k задненёбнаго; **свать**, русское святъ, тождественно литовское švéntas.

4б) Примѣры для старославянскаго **а** изъ того общеславянскаго ę̄, которое получалось изъ «ь̯ + слоговая носовая согласная» передъ согласными, я приводилъ уже прежде: **десать десатын**, русское десятый, тождественное съ литовскимъ dešimtas и съ греческимъ δέκατος; **па-мать**, русское па-мять, литовское at-mintis.

5) Старославянское **ь** изъ того общеславянскаго ь, которое получалось изъ į̆, образовавшагося изъ «ĭ + носовая согласная» въ концѣ словъ, является въ окончаніи винительнаго падежа единственнаго числа именъ съ основами на индоевропейское ĭ, напр., въ формахъ винительнаго **пѫть, кость**, гдѣ **-ь** изъ индоевропейскаго -ĭm; въ греческомъ языкѣ сюда принадлежитъ -ιν, напр., въ μάντιν, βάσιν, въ латинскомъ языкѣ -im, сохранившееся въ нѣкоторыхъ именахъ съ такими основами, напр., въ sitim (въ большинствѣ же такихъ именъ форма винительнаго единственнаго числа образована въ латинскомъ языкѣ по аналогіи именъ съ индоевропейскими основами на согласную, а въ именахъ съ такими основами индоевропейское окончаніе этой формы было -a̯m̥, откуда латинское -em).—Примѣры для общеславянскаго ь, старославянскаго **ь**, изъ того į̆, которое должно было получиться и изъ «ĭ + носовая согласная» въ концѣ словъ, не извѣстны.

6) Старославянское **и** изъ того общеславянскаго ī, которое происходило непосредственно изъ į̄, т. е. изъ болѣе древняго «ī + носовая согласная» передъ согласными, является въ окончаніи винительнаго множественнаго числа именъ съ основами на индоевропейское ĭ, напр., въ формахъ винительнаго **пѫти, кости**, гдѣ въ концѣ отпало въ общеславянскомъ языкѣ s; въ индоевропейскомъ языкѣ эта форма оканчивалась на -ĭns (суффиксъ винительнаго множественнаго числа -ns), откуда въ греческомъ языкѣ въ отдѣльныхъ діалектахъ -ῑ̆ς (изъ общегреческаго -i̯s), напр., въ винительномъ ὄῑ̆ς, εἴ̆ς.

7а) Старославянское **ъ** изъ того общеславянскаго ъ, которое получалось изъ ų̆, т. е. изъ болѣе древняго «ŭ + носовая согласная»

ная» въ концѣ словъ, мы находимъ, напр., въ винительномъ единственнаго числа именъ съ основами на индоевропейское ŭ, напр., въ формѣ винительнаго **сынъ** (литовское sūnų); въ индоевропейскомъ языкѣ эта форма оканчивалась на -ŭm, откуда въ греческомъ языкѣ -υν, напр., въ πῆχυν, въ латинскомъ -um, напр., въ manum. Старославянское **ъ** изъ общеславянскаго̀ ъ въ винительномъ единственнаго числа именъ и мѣстоименій съ основами на индоевропейское ă°, напр., въ формахъ винительнаго **влькъ** (**влъкъ**), **тъ**, восходитъ также къ ų̆, такъ какъ общеславянское ŏ изъ ă° въ конечномъ закрытомъ слогѣ обратилось въ ŭ еще ранѣе образованія носовыхъ гласныхъ; въ индоевропейскомъ языкѣ эта форма оканчивалась на -ă°m, откуда греческое -ον, напр., въ ἵππον, τόν, латинское -om и далѣе -um, напр., въ equom, filium, istum. Такого же происхожденія старославянское **ъ** изъ общеславянскаго ъ въ окончаніи 1 лица единственнаго числа прошедшаго времени (славянскаго аориста) тематическаго спряженія, напр., въ формахъ **ндъ**, **обрѣтъ**, гдѣ это **ъ** тождественно съ греческимъ -ον, напр. въ ἔφερον, ἔλιπον, и восходитъ къ индоевропейскому -ă°m (личный суффиксъ -m); въ славянскомъ сигматическомъ аористѣ и въ славянскомъ имперфектѣ, изъ сигматическаго аориста, общеславянское ъ, старославянское **ъ**, въ 1 лицѣ единственнаго числа, напр., въ старославянскихъ **несохъ**, **несѣахъ**, образовалось по аналогіи формъ прошедшаго времени тематическаго спряженія.

7б) Старославянское **ъ** изъ общеславянскаго ъ въ окончаніи родительнаго множественнаго числа, напр., въ формахъ родительнаго **рабъ**, **рыбъ**, **сыновъ**, **словесъ**, **тѣхъ**, можетъ быть объясняемо изъ того ų̆, которое произошло въ концѣ словъ изъ «ū + носовая согласная»; ū здѣсь образовалось изъ ō^{n}, т. е. долгаго закрытаго o, въ конечномъ закрытомъ слогѣ (прежде чѣмъ ō^{n} перешло въ ŏų̆), а ō^{n} изъ литовско-славянскаго ō, индоевропейскаго ā°, съ извѣстнымъ качествомъ долготы. Впрочемъ, и непосредственно изъ конечнаго ō^{n}n при сокращеніи ō^{n} въ носовой гласной мы можемъ ждать ų̆. Въ индоевропейскомъ языкѣ роди-

тельный множественнаго числа именъ и мѣстоименій, за исключеніемъ именъ съ основами на -ā^a, оканчивался на -ā°m (падежный суффиксъ въ склоненіи именъ -ā°m, а въ склоненіи мѣстоименій -sā°m); отсюда въ греческомъ языкѣ -ων, напр., въ ποδῶν, ἵππων, τάων (между гласными фонетически исчезло s), въ латинскомъ языкѣ -ŏm и далѣе -ŭm (долгая гласная передъ конечною носовою сократилась фонетически), напр., въ vocum, deum (deorum по аналогіи мѣстоименнаго склоненія), istorum, istarum (r между гласными изъ s), въ литовско-славянскомъ языкѣ -ōm и далѣе, можетъ быть, -ōn (если конечное m измѣнялось въ n еще въ литовско-славянскомъ языкѣ), откуда общеславянское -ъ, старославянское -ъ, литовское -ą (изъ -ǭ). Въ индоевропейскихъ именахъ съ основами на -ā^a родительный множественнаго числа оканчивался на -ā^{a}m, гдѣ въ составъ ā^a вошли ā^a въ окончаніи основы + ā° падежнаго суффикса -ā°m; въ литовско-славянскомъ языкѣ отсюда должно было получиться окончаніе -ā°m, которое, однако, было вытѣснено окончаніемъ -ōm (старославянское -ъ, напр., въ рыбъ, литовское -ą), по аналогіи родительнаго множественнаго числа прочихъ именъ и мѣстоименій; въ греческомъ и латинскомъ языкахъ форма родительнаго множественнаго числа именъ съ такими основами была замѣнена формою мѣстоименнаго склоненія (на индоевропейское -ā^a-sā°m), напр., въ греческомъ θεάων (между гласными исчезло s), при чемъ въ аттическомъ діалектѣ изъ -αων получилось -ων, въ латинскомъ aquarum (r между гласными изъ s).

8) Старославянское ы изъ того общеславянскаго ȳ, которое получалось изъ ǭ, т. е. изъ болѣе древняго «й + носовая согласная» передъ согласными, является въ винительномъ множественнаго числа именъ съ основами на индоевропейское ŭ, напр., въ формѣ винительнаго сыны, гдѣ въ концѣ отпало s въ общеславянскомъ языкѣ; въ индоевропейскомъ языкѣ эта форма оканчивалась на -ŭns, откуда въ греческомъ языкѣ -ῡς (изъ общегреческаго -ǫs), сохранившееся, напр., въ гомеровской формѣ γένῡς, въ латинскомъ языкѣ -ūs (изъ -uns, -ǫs), напр., въ manūs.

Такого же происхожденія старославянское **ы** изъ общеславянскаго ȳ и въ винительномъ множественнаго числа именъ и мѣстоименій съ основами на индоевропейское ă°, напр., въ формахъ винительнаго **рабы, ты**, такъ какъ ŏ изъ ă° въ конечномъ закрытомъ слогѣ перешло въ общеславянскомъ языкѣ въ й еще ранѣе образованія носовыхъ гласныхъ, и изъ индоевропейскаго -ă°ns въ окончаніи этой формы должно было получиться поэтому въ общеславянскомъ языкѣ -uns, -ų̄(s); въ общегреческомъ языкѣ сюда принадлежитъ -ŏns, -ǫs, откуда критское -ονς, лесбійское -οις, іоническое и аттическое -ους, напр., въ ἵππους, въ латинскомъ -ōs (изъ -ŏns, -ǫs), напр., въ equōs. Точно такъ же произошло старославянское **ы** изъ общеславянскаго ȳ и въ именительномъ единственнаго числа мужескаго рода (отсюда и въ среднемъ родѣ) причастій дѣйствительнаго залога настоящаго времени отъ основъ тематическаго спряженія на индоевропейское ă° въ положеніи не послѣ мягкаго звука, напр., въ **беры, веды**, а по аналогіи ихъ и въ причастіяхъ отъ основъ нетематическаго спряженія, напр., въ **сы, вѣды**. Старославянская форма **беры** произошла изъ индоевропейской формы на -ă°ncs (с изъ t передъ s), откуда литовско-славянское -ă°ns, общеславянское -ūns (изъ -ŏns), -ų̄s, -ȳ(s); въ литовскомъ языкѣ соотвѣтственная форма оканчивается на -ąs[1]), и, напр., съ старославянскимъ **веды** тождественно литовское vedą̀s «ведущій» (сюда же принадлежитъ и древне-индійская форма на -an, между тѣмъ какъ греческая форма на -ων, напр., φέρων, имѣетъ другое происхожденіе). Кромѣ названныхъ мною грамматическихъ случаевъ, примѣромъ общеславянскаго ȳ изъ ų̄, т. е. изъ болѣе древняго «й + носовая согласная» передъ согласною, служитъ также слово *lȳko, откуда русское лыко (то же слово извѣстно и изъ другихъ славянскихъ языковъ); родственно литовское lùnkas «лыко», гдѣ un изъ индоевропейскаго un.

1) Различіе въ литовскомъ языкѣ между этимъ -ąs и -ų̀s, -us въ винительномъ множественнаго числа именъ и мѣстоименій съ основами на индоевропейское ă° обусловлено первоначальнымъ различіемъ въ количествѣ n въ томъ и другомъ случаѣ.

Общеславянскія ц̆ и ц̄ въ положеніи послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ по закону, о которомъ я говорилъ уже, измѣнились въ ц̣̆ и ц̣̄; ц̣̆ перешло затѣмъ въ ı̣̆ (какъ ŭ въ ĭ), откуда ь, старославянское **ь**, а ц̣̄ подвергалось тому измѣненію, о которомъ я говорю далѣе. Примѣры для общеславянскаго ь такого происхожденія я приводилъ вмѣстѣ съ примѣрами для общеславянскаго ь изъ ŭ не носового въ положеніи послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ: сюда принадлежатъ именно старославянскія **ь** и **н**, послѣднее изъ jь, въ винительномъ единственнаго числа именъ классовъ «**кон̑ь**», «**кран**», поскольку такія имена представляютъ въ этомъ падежѣ индоевропейскія основы на -ĭă°, -i̯ă°, -jă° и частію, можетъ быть, на -i̯ŭ, -jŭ; сюда же принадлежатъ старославянскія **ь** и **н**, послѣднее изъ jь, въ такихъ формахъ родительнаго множественнаго числа, какъ **кон̑ь**, **кран**, **доушь**, **костин** и тому подобныя.

Измѣненіе общеславянскихъ ı̣̄ и ц̣̄ послѣ мягкихъ звуковъ. Общеславянскія ı̣̄ и ц̣̄ (послѣднее изъ ц̣̄, по указанному закону) въ положеніи послѣ мягкихъ звуковъ, неслоговыхъ и слоговыхъ, стали въ общеславянскомъ языкѣ болѣе открытыми, вѣроятно, тогда же, когда ē (изъ литовско-славянскаго ē) въ такомъ положеніи перешло въ ā, а именно изъ ı̣̄ послѣ мягкихъ звуковъ получилось ę̄, совпавшее съ ę̄ (ę̄ᵃ) изъ «ĕ или ь̯ + носовая согласная» передъ согласными, т. е. старославянское **ѧ**, а изъ ц̣̄ явилось въ такомъ положеніи непосредственно, вѣроятно, ǭ̣, которое перешло въ ę̄ⁱ, т. е. въ носовое е долгое закрытое, измѣнившееся далѣе въ i͡ę, именно тогда, когда и ēⁱ не носовое, въ которомъ совпали дифтонгъ ŏi̯ и старое ē (ēᵃ), распалось въ общеславянскомъ языкѣ на i͡e (старославянское **ѣ**). Какъ ę̄ⁱ, измѣнившееся на i͡ę, образовалось, вѣроятно, непосредственно изъ ǭ̣, такъ и то общеславянское ēⁱ не носовое, которое произошло изъ ŏi̯, явилось, вѣроятно, непосредственно изъ ọ̄, о чемъ я буду говорить еще впослѣдствіи.

Общеславянское i͡ę въ старославянскомъ языкѣ совпало съ общеславянскими ę̄, ę̆ (ę̄ᵃ, ę̆ᵃ) въ одномъ звукѣ ę, **ѧ**, но въ рус-

скомъ языкѣ общеславянскія ę ($\bar{ę}^a$, $ę^a$) и $\widehat{ię}$ имѣли различную исторію, а именно въ то время, какъ изъ ę здѣсь образовалось $^{(i)}$а (я), общеславянское $\widehat{ię}$ совпало въ русскомъ языкѣ съ общеславянскимъ $\widehat{ie}$, т. е. отсюда получилось древне-русское ѣ и далѣе е (съ его измѣненіями); и въ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ языкахъ, напр., въ польскомъ и словацкомъ, общеславянскія ę и $\widehat{ię}$ имѣли различную судьбу.

Общеславянское $\bar{ę}$ изъ $\bar{ı}$ послѣ мягкаго звука существовало въ формѣ 3 лица множественнаго числа настоящаго времени и въ причастіи настоящаго времени дѣйствительнаго залога глаголовъ тѣхъ классовъ, къ которымъ принадлежатъ старославянскія **горѣти**, **хвалити**. Мы видѣли уже прежде, что общеславянскій языкъ имѣлъ здѣсь нѣкогда сочетаніе ĭĭn передъ согласной, гдѣ ĭĭ изъ литовско-славянскаго jĭ; изъ ĭĭn передъ согласной ранѣе измѣненія ĭĭ въ ĭ получилось $\bar{ı}$ и далѣе $\bar{ı}\bar{ę}$, откуда въ эпоху распаденія общеславянскаго языка $\bar{ę}$, вѣроятно, черезъ посредство $ĕ\bar{ę}$ (при чемъ, слѣдовательно, первая, краткая гласная уподобилась по качеству второй, долгой). Въ старославянскомъ языкѣ отсюда **я** въ **горять**, **хвалять**; **гора**, **хвала** (въ концѣ здѣсь нѣкогда существовало s въ общеславянскомъ языкѣ); **горашта**, **хваляшта** и т. д.; русскія горятъ, хвалятъ, горячій (русскія причастія горящій, хвалящій заимствованы изъ церковно-славянскаго языка). Въ формѣ именительнаго единственнаго числа мужескаго рода (перенесенной и въ средній родъ) указанныхъ причастій общеславянскій языкъ имѣлъ въ концѣ -ĭ$\bar{ı}$s (изъ -ĭĭns) или -ĭ$\bar{ę}$s (изъ -ĭ$\bar{ı}$s) въ ту эпоху, когда вмѣсто ĭĭ въ конечномъ слогѣ словъ не односложныхъ являлось ĭь, $^{(i)}$ь, т. е. правило относительно измѣненія литовско-славянскаго jĭ въ общеславянское ĭь, $^{(i)}$ь въ конечномъ слогѣ словъ не односложныхъ не можетъ примѣняться къ данному случаю.

Общеславянское $\bar{ę}$ изъ $\bar{ı}$ послѣ мягкаго звука является, можетъ быть, и въ корневой части нѣкоторыхъ словъ. Такъ, въ тѣхъ общеславянскихъ словахъ, изъ которыхъ произошли старославянскія **жаждѫ** «желаю», **жажда** «жажда» (гдѣ **жд** изъ обще-

славянскаго ǧd(i), получившагося изъ dį), общеславянское žę̄- образовалось, можетъ быть, изъ žį̄-, гдѣ ž изъ g передъ мягкою гласной, и въ такомъ случаѣ по происхожденію эти слова были бы родственны съ старославянскимъ **жьдати**, а также и съ литовскимъ geidžiù «желаю»; носовая согласная передъ d въ общеславянскомъ *gind-, *žind- и т. д. была бы по происхожденію такъ называемымъ инфиксомъ. Или, напр., общеславянское *čę̄stь, откуда старославянское **часть**, русское часть, имѣло бы ę̄ изъ į̄ послѣ č (которое образовалось изъ k передъ мягкою гласной), если это слово родственно съ латинскимъ scindo scidi, греческимъ σχίζω; n передъ d и здѣсь по происхожденію инфиксъ, существовавшій нѣкогда лишь въ основѣ настоящаго времени. Общеславянскія *jęgā и *jęd͡zā, откуда русское яга въ баба-яга, старославянское **лза** «болѣзнь», словинское jeza «гнѣвъ», родственны, повидимому, съ латышскимъ īgt «имѣть внутреннюю боль, быть угрюмымъ», гдѣ ī объяснялось бы фонетически изъ in; общеславянское ję̄- въ этихъ словахъ въ такомъ случаѣ произошло изъ jį̄n-, а послѣднее изъ ǐn-, съ фонетическимъ присоединеніемъ į передъ начальною мягкою гласной; родственный корень, но съ индоевропейскимъ дифтонгомъ ă^{a}į̆ (въ чередованіи съ i), въ латинскомъ aeger. — Въ винительномъ падежѣ множественнаго числа именъ съ основами на индоевропейское ǐ первоначальное окончаніе формы -ǐns въ общеславянскомъ языкѣ измѣнилось фонетически, какъ я говорилъ уже, въ -į̄s, откуда -ī, старославянское **-и** (напр., въ винительномъ **пѧти**, **кости**); въ положеніи же послѣ общеславянской мягкой согласной должно бы было явиться въ окончаніи этой формы общеславянское -ę̄ изъ -ę̄s, старославянское **ѧ**, съ измѣненіемъ į̄ въ ę̄ послѣ мягкой согласной, но вмѣсто того мы и здѣсь находимъ старославянское **-и** изъ общеславянскаго -ī, напр. въ винительномъ **маломощти** (**шт** изъ общеславянскаго čt(i)), подъ вліяніемъ аналогіи со стороны прочихъ именъ съ основами на индоевропейское ǐ.

Общеславянское i͡ę изъ ī̆į̆ (черезъ посредство ǭ, ę̄^{i}) послѣ мягкихъ звуковъ является въ старославянскомъ **ѧ** (**ꙗ**) въ вини-

тельномъ множественнаго числа отъ основъ на индоевропейскія -ĭă°, -i̯ă°, -jă°, напр., въ формахъ **коня, мѫжѧ, ꙗ** (въ значеніи мужескаго рода), **краꙗ**, съ которыми тождественны древне-русскія формы на -ѣ, -е, напр., мужѣ, ѣ и муже, е; сравните старославянское **ы** въ винительномъ множественнаго числа **рабы, ты** (мужескаго рода), гдѣ, какъ мы видѣли, общеславянское -ȳ изъ -ų̄(s), а послѣднее изъ -ŏns, -ŭns. Сюда-же принадлежитъ общеславянское i͡ę, старославянское **ѧ** (**ꙗ**), древне-русское ѣ, откуда е, въ формахъ именительнаго и винительнаго множественнаго числа отъ основъ на индоевропейскія -ĭā^{a}, -i̯ā^{a}, -jā^{a} и въ родительномъ единственнаго числа именъ съ такими основами и мѣстоименій со всякими основами на индоевропейское -ā^{a}, напр., въ старославянскихъ формахъ **ꙁемлꙗ, доуша, ꙁмиꙗ, ꙗ** (женскаго рода), **тоꙗ, ѥꙗ**, съ которыми тождественны древне-русскія формы на -ѣ, -е, напр., землѣ, душѣ, еѣ и земле и т. д., и такія современныя русскія формы, какъ, напр., ее, её (по происхожденію форма родительнаго падежа, получившая значеніе также и винительнаго падежа). Сравните старославянское **ы** изъ общеславянскаго ȳ въ именительномъ и винительномъ множественнаго числа **жены, ты** (женскаго рода) и въ родительномъ единственнаго числа **жены**. Эти общеславянскія формы на -ȳ и на -i͡ę (послѣднее послѣ мягкой согласной) въ именительномъ и винительномъ множественнаго числа и въ родительномъ единственнаго числа отъ основъ на индоевропейское -ā^{a} представляютъ новообразованія, замѣнившія собою формы на -ā(s), которыя должны были получиться фонетически какъ въ именительномъ множественнаго числа и въ родительномъ единственнаго числа, изъ индоевропейскихъ формъ на -ā^{a}s (литовское -ōs въ именительномъ множественнаго и въ родительномъ единственнаго числа, напр., въ várnos «ворóны», греческое -ᾱς, -ης и латинское -ās въ родительномъ единственнаго числа, напр., въ χώρᾱς, familias[1]), такъ и въ винительномъ

1) Въ именительномъ множественнаго числа греческая форма на -αι и латинская на -ae (изъ -ai) представляютъ новообразованіе.

множественнаго числа, такъ какъ индоевропейскимъ окончаніемъ этой формы надо признавать -ā^{a}s (фонетически изъ конечнаго -ā^{a}ns), по указаніямъ, напр., древне-индійскаго и готскаго языковъ. Новообразованіе явилось сперва въ формѣ винительнаго множественнаго числа, подъ вліяніемъ винительнаго множественнаго числа отъ другихъ основъ, при чемъ форма на общеславянское -ās, изъ индоевропейскаго -ā^{a}s, получила при себѣ параллельное образованіе на общеславянское -ŏns (съ сокращеніемъ долгой гласной или фонетическимъ, или подъ вліяніемъ формы винительнаго множественнаго числа отъ другихъ основъ, на краткую гласную), откуда -ŭns, -ų̄s, и т. д. Подобнымъ же образомъ въ общегреческомъ языкѣ въ винительномъ множественнаго числа отъ этихъ основъ индоевропейское окончаніе формы -ā^{a}s было замѣнено новообразованіемъ на -ăns, -ą̆s, съ фонетическимъ сокращеніемъ долгой гласной въ такомъ положеніи; изъ общегреческаго -ą̆s критское -ανς, іоническое и аттическое -ᾱς (напр., въ τᾱ́ς), лесбійское -αις. Точно такъ же и въ общебалтійскомъ языкѣ въ винительномъ множественнаго числа отъ основъ на индоевропейское ā^{a} мы находимъ новообразованіе на -ns; въ литовскомъ языкѣ отсюда формы на -ą̆s и -ăs (-ăs изъ пралитовскаго -ą̄s при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ), напр., въ tą̆s (отъ ta «эта»), várnas (отъ várna «ворона»). Сходство между славянскими и балтійскими языками по отношенію къ этой формѣ позволяло бы предполагать, конечно, что еще въ литовско-славянскомъ языкѣ извѣстно было новообразованіе на -ā°ns (ā° изъ индоевропейскаго ā^{a}) въ винительномъ множественнаго числа отъ основъ на индоевропейское ā^{a}, но вполнѣ возможно и то, что балтійскіе и славянскіе языки получили это образованіе независимо другъ отъ друга. Во всякомъ случаѣ, и въ отдѣльномъ существованіи общеславянскаго языка при новообразованіи на -ŏns, откуда -ŭns и т. д., въ винительномъ множественнаго числа отъ основъ на индоевропейское ā^{a} продолжала нѣкогда сохраняться и форма на -ās, изъ индоевропейскаго -ā^{a}s, вслѣдствіе чего и при другихъ падежныхъ формахъ на -ās отъ тѣхъ же основъ, т. е. въ имени-

тельномъ множественнаго числа именъ и мѣстоименій и въ родительномъ единственнаго числа именъ, явились тогда же новообразованія на -ŏns, откуда -ŭns и т. д., а какъ скоро конечное s стало исчезать фонетически (въ послѣднюю эпоху жизни общеславянскаго языка никакая согласная въ концѣ словъ не допускалась), падежныя формы на -ā изъ -ās, совпадавшія съ формой именительнаго единственнаго числа этихъ именъ и мѣстоименій (хотя въ извѣстныхъ случаяхъ съ различіемъ въ мѣстѣ ударенія), по этой причинѣ были вполнѣ вытѣснены тѣмъ новообразованіемъ на -ŏns и т. д., которое въ результатѣ дало въ общеславянскомъ языкѣ форму на -ȳ послѣ твердыхъ согласныхъ и на -i̯ę̄ послѣ мягкихъ. Что касается родительнаго единственнаго числа мѣстоименій съ основами на индоевропейское $ā^a$, то здѣсь общеславянскій языкъ имѣлъ нѣкогда форму на -ŏjās (изъ индоевропейскаго $-ā^asi̯ā^as$, съ нефонетическою утратой s передъ i̯), при которой явилось новообразованіе на -ŏjŏns, откуда -ŏjŭns и т. д., подъ вліяніемъ новообразованія на -ŏns, -ŭns и т. д. при формѣ на -ās въ родительномъ единственнаго числа именъ съ основами на индоевропейское $ā^a$; а впослѣдствіи, когда въ этихъ именахъ форма родительнаго на -ā изъ -ās была вполнѣ вытѣснена новообразованіемъ (по указанной причинѣ), то же произошло и въ мѣстоименіяхъ, подъ вліяніемъ аналогіи именъ, т. е. въ эпоху распаденія общеславянскаго языка здѣсь существовала только форма на -ŏji̯ę̄ (старославянское **-ого**, напр., въ **того**, **сего**), хотя форма родительнаго на -ojā изъ -ŏjās не совпадала съ именительнымъ единственнаго числа этихъ мѣстоименій.

Старославянское **а** (**ѧ**) изъ общеславянскаго i̯ę̄ мы находимъ также и въ именительномъ единственнаго числа мужескаго рода (отсюда и въ среднемъ родѣ) причастій дѣйствительнаго залога настоящаго времени отъ основъ тематическаго спряженія на индоевропейское -jă°, напр., въ формахъ **сѣя**, **глаголя**, **нюта**, **дѣлая** (при родительномъ **сѣюшта**, **глаголюшта** и т. д.); сравните **ы** въ **беры**, **ведый**, гдѣ, какъ мы видѣли, общеславянское -ȳ изъ -ū̯(s), а послѣднее изъ -ŏns, -ŭns.

Измѣненіе общеславянскихъ сочетаній «краткая слоговая гласная (ĕ и ŏ) *+ плавная» послѣ согласныхъ въ положеніи передъ согласными.* Сочетанія «слоговая гласная + плавная» передъ согласными были получены общеславянскимъ языкомъ съ краткими гласными и при томъ именно съ гласными ĕ и ŏ, изъ литовско-славянскихъ ĕ и ă°; плавныя же въ этихъ сочетаніяхъ, какъ и слоговыя плавныя въ сочетаніи съ предшествовавшею неслоговою гласной, были въ литовско-славянскомъ языкѣ долгими, съ двумя видами долготы (изъ индоевропейскихъ краткихъ и не краткихъ плавныхъ), и такими же перешли и въ общеславянскій языкъ, какъ свидѣтельствуетъ сопоставленіе нѣкоторыхъ явленій въ этихъ общеславянскихъ сочетаніяхъ съ соотвѣтственными сочетаніями балтійскихъ языковъ, имѣющихъ здѣсь долгія плавныя (съ общебалтійскимъ различіемъ въ качествѣ долготы). Сравните сказанное мною относительно долгихъ носовыхъ согласныхъ въ сочетаніяхъ «гласная (краткая и ирраціональная) + носовая согласная» передъ согласными. Въ общеславянскомъ языкѣ литовско-славянскія сочетанія «краткая слоговая гласная + плавная» передъ согласными имѣли различную судьбу въ зависимости отъ того, были ли они получены въ началѣ словъ или же послѣ согласныхъ; сочетанія этого рода въ началѣ словъ я разсмотрю впослѣдствіи, а пока остановлюсь на общеславянскихъ сочетаніяхъ «ĕ или ŏ + плавная» передъ согласными въ положеніи послѣ согласныхъ, т. е. на сочетаніяхъ типовъ «tŏr-, tĕr- (и čĕr-), tŏl-, tĕl- и čĕl-» передъ согласными, при чемъ t я беру въ качествѣ представителя всѣхъ не мягкихъ (т. е. твердыхъ и полумягкихъ) согласныхъ, а č въ качествѣ представителя мягкихъ согласныхъ. Относительно «čĕl-» надо замѣтить, что, какъ показываетъ сопоставленіе западно-славянскихъ языковъ съ южнославянскими, «čĕl-» передъ согласными измѣнилось въ общеславянскомъ языкѣ въ «čŏl-» (русскій языкъ не препятствуетъ принимать то же «čŏl-», хотя и не рѣшаетъ вопроса), между тѣмъ какъ въ «čĕr-» не было подобнаго измѣненія. Общеславянское «čŏl-» изъ «čĕl-» передъ согласными, при отсутствіи «čŏr-» изъ

«čĕr-», свидѣтельствуетъ, что на образованіе гласной ö въ «čöl-» вліяла плавная l, а отсутствіе въ тѣхъ же діалектахъ общеславянскаго языка измѣненія «tĕl-» передъ согласными въ «töl-» или «tŏl-» (объ особенностяхъ, представляемыхъ въ этомъ отношеніи русскимъ языкомъ, я скажу впослѣдствіи) показываетъ, что $^{(i)}$ĕ, т. е. ĕ послѣ мягкой согласной, отличалось въ общеславянскомъ языкѣ отъ ĕ въ положеніи не послѣ мягкой согласной. Я вообще не имѣю въ виду въ этомъ курсѣ различія между общеславянскими ĕ и $^{(i)}$ĕ, такъ какъ для старославянскаго языка нельзя извлечь отсюда никакихъ указаній, но въ данномъ случаѣ намъ надо принять во вниманіе это различіе, такъ какъ изъ него объясняется возникшее въ общеславянскомъ языкѣ различіе между «tĕl-» передъ согласными, остававшимся «tĕl-» и «čĕl-» (т. е. «č$^{(i)}$ĕl») передъ согласными, измѣнявшимся въ «čöl-», а это общеславянское различіе отразилось и въ старославянскомъ языкѣ, какъ мы увидимъ далѣе. Общеславянское $^{(i)}$ĕ, т. е. ĕ послѣ мягкой согласной, звучало, можно думать, какъ ö^{e}, т. е. какъ ö склонное къ ĕ, а въ положеніи передъ «l + согласная» оно перешло въ ö^{o}, т. е. въ ö склонное къ ŏ (я пишу ö, не обозначая точно качества этого ö), т. е. «čĕl-» = «čö^{o}l-» измѣнилось передъ согласными въ «čöl-» = «čö^{o}l-». Подобно тому какъ общеславянское ĕ послѣ мягкой согласной отличалось отъ ĕ въ другомъ положеніи и звучало какъ ö^{e}, такъ и общеславянское $^{(i)}$ь, т. е. ь послѣ мягкой согласной, отличалось отъ ь въ другомъ положеніи и звучало, можно думать, какъ ирраціональное ü^{i}, т. е. какъ ирраціональное ü склонное къ i; возможно поэтому, что какъ общеславянское «čĕl-», т. е. «čö^{e}l-», передъ согласными измѣнилось въ «čö^{o}l-» (я пишу «čöl-»), такъ и въ общеславянскомъ «čь̥l-» (объ l въ этомъ сочетаніи я говорилъ прежде) $^{(i)}$ь̥, т. е. неслоговое ирраціональное ü^{i}, измѣнилось въ неслоговое ирраціональное ü^{u}, т. е. въ неслоговое ирраціональное ü склонное къ u, хотя въ этомъ случаѣ отдѣльные славянскіе языки не даютъ вполнѣ опредѣленныхъ указаній, такъ какъ тѣ измѣненія здѣсь гласной въ западно-славянскихъ языкахъ, о которыхъ я

уже говорилъ, могутъ быть объясняемы какъ общеславянскимъ отличіемъ этой гласной отъ $^{(i)}$ь въ другомъ положеніи, такъ и позднѣйшимъ вліяніемъ звука l̥ (l̥), полученнаго въ этомъ сочетаніи.

Касательно общеславянскаго l въ сочетаніяхъ типовъ «tŏl-, tĕl-, čŏl-» я долженъ замѣтить, что не опредѣляю точно его качества, т. е. не различаю здѣсь l закрытое и l открытое (l̥); затѣмъ, какъ по отношенію къ l въ сочетаніяхъ «tŏl-, tĕl-, čŏl-», такъ и по отношенію къ r въ сочетаніяхъ «tŏr-, tĕr-» (и «čĕr-») я не отличаю отъ r и l твердыхъ r и l полумягкія (r$^{(e)}$ и l$^{(e)}$), которыя могли существовать въ этихъ сочетаніяхъ при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ: можетъ быть, напр., r и l въ «tĕr- (čĕr-), tĕl-» становились полумягкими подъ вліяніемъ предшествующаго ĕ еще въ діалектахъ общеславянскаго языка.

Изъ сопоставленія между собою всѣхъ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ надо вывести то заключеніе, что еще въ общеславянскомъ языкѣ образовались извѣстныя различія между діалектами по отношенію къ сочетаніямъ «tŏr-, tĕr-, (čĕr-), tŏl-, tĕl-, čŏl-» передъ согласными. Въ нѣкоторыхъ діалектахъ общеславянскаго языка краткія гласныя во всѣхъ этихъ сочетаніяхъ удлинились, при чемъ ŏ обратилось въ ā°, откуда ā, ĕ въ ē, которое распалось на i͡e тогда же, когда получилось общеславянское i͡e и изъ ē другого происхожденія (изъ стараго ē и изъ дифтонга ŏi̯), а изъ удлиненія ŏ получилось въ результатѣ частію ē, откуда i͡e, частію же ā, и это различіе было, повидимому, не только различіемъ между самими діалектами, но вмѣстѣ съ тѣмъ и такимъ, которое зависѣло отъ какого-то различія въ фонетическихъ условіяхъ. Діалектическое удлиненіе краткой гласной въ общеславянскихъ сочетаніяхъ «tŏr-, tĕr- (čer-), tŏl-, tĕl-, čŏl-», передъ согласными вызывалось вліяніемъ долгой плавной, полученной за гласною; подобнымъ же образомъ въ діалектахъ латышскаго языка сочетанія «краткая гласная ă или ĕ + долгое r» передъ согласными измѣнились въ сочетанія «долгая гласная ā или ē + краткое r», и, напр., при vāŗna «ворона» однихъ діалектовъ

мы находимъ въ другихъ діалектахъ vārna. Общеславянскія діалектическія сочетанія «tār-, tie̯r- (čie̯r-), tāl-, tie̯l- и čāl- при čie̯l-» передъ согласными перешли какъ въ южно-славянскіе языки, такъ и въ чешскій и словацкій языки, при чемъ, какъ въ южно-славянскихъ языкахъ, такъ и въ чешскомъ и словацкомъ эти сочетанія получили перестановку гласной и плавной, т. е. обратились въ сочетанія «trā-, trie̯- (črie̯-), tlā-, tlie̯- и člā- при člie̯-», съ ихъ дальнѣйшими фонетическими измѣненіями въ отдѣльныхъ языкахъ; въ старославянскомъ языкѣ мы находимъ здѣсь сочетанія «тра-, трѣ- (ꙋрѣ-), тла-, тлѣ-» и «ꙋлѣ- при ꙋла-».

Въ числѣ діалектовъ общеславянскаго языка, имѣвшихъ удлиненіе гласной въ положеніи передъ плавною въ разсматриваемыхъ нами сочетаніяхъ, были и такіе, въ которыхъ это удлиненіе появлялось лишь передъ r, да и здѣсь, повидимому, оно было ограничено дѣйствіемъ какихъ-то фонетическихъ условій, между тѣмъ какъ передъ l въ разсматриваемыхъ нами сочетаніяхъ тѣ же діалекты имѣли всюду краткую гласную; сравните въ діалектахъ латышскаго языка удлиненіе краткой гласной въ положеніи именно передъ «r̄ + согласная», а не передъ «l + согласная». Общеславянское діалектическое удлиненіе гласной въ разсматриваемыхъ нами сочетаніяхъ въ положеніи только передъ r, да и здѣсь не всюду, перешло именно въ полабскій языкъ и въ діалекты кашубскаго языка, при чемъ въ общеславянскихъ сочетаніяхъ «tār-, tie̯r-», передъ согласными здѣсь сохранился первоначальный порядокъ звуковъ, безъ перестановки; въ полабскомъ языкѣ мы находимъ какъ общеславянское «tār-» передъ согласными, именно въ видѣ полабскаго «tor-» (полабское o изъ ā), а въ одномъ словѣ почему-то въ видѣ «tar-», такъ, хотя и очень рѣдко (только въ двухъ словахъ), и общеславянское «tie̯r-» передъ согласными, именно въ видѣ полабскаго «t$^{(i)}$or-», и «te^{i}r-» (гдѣ полабскія $^{(i)}$o и e^{i} изъ ie̯), а въ діалектахъ кашубскаго языка сохранилось только общеславянское «tār-» передъ согласными, именно въ кашубскихъ «tor-» и «tar-» (кашубское o здѣсь изъ ā).

Общеславянскія сочетанія «tŏr-, tĕr- (čĕr-), tŏl-, tĕl-, čŏl-» передъ согласными, сохранявшія въ діалектахъ краткую гласную передъ плавной, перешли въ русскій, польскій и лужицкій языки, а также въ значительной степени въ полабскій и кашубскій языки, хотя, какъ я говорилъ, въ полабскомъ и въ діалектахъ кашубскаго языка вмѣсто общеславянскаго «tŏr-» передъ согласными является обыкновенно общеславянское «tār-»[1]) (въ другихъ діалектахъ кашубскаго языка, можетъ быть подъ позднѣйшимъ вліяніемъ польскаго языка, господствуетъ сочетаніе изъ общеславянскаго «tŏr-» передъ согласными), а при обыкновенномъ общеславянскомъ «tĕr-» (и «čĕr-») передъ согласными въ нѣкоторыхъ случаяхъ полабскій языкъ получилъ и общеславянское «t͡ier-». Между русскимъ языкомъ и названными мною западнославянскими языками оказывается различіе по отношенію къ исторіи въ нихъ разсматриваемыхъ нами общеславянскихъ сочетаній. Во всѣхъ этихъ западно-славянскихъ языкахъ судьба общеславянскихъ сочетаній «tŏr-, tĕr-, tŏl- и т. д.» передъ согласными была такая же, какъ и судьба общеславянскихъ діалектическихъ сочетаній «tār-, t͡ier-, tāl- и т. д.» передъ согласными въ южно-славянскихъ языкахъ и въ чешско-словацкомъ, т. е. и здѣсь явилась перестановка гласной и плавной, и общеславянскія сочетанія «tŏr-, tĕr- (čĕr-), tŏl-, tĕl-, čŏl-» передъ согласными перешли въ этихъ западно-славянскихъ языкахъ въ сочетанія «tro-, tre- (čre-), tło-, tle-, čło-» (безъ варіанта «čle-»), съ ихъ фонетическими измѣненіями, при чемъ только относительно полабскаго «tla-» изъ общеславянскаго «tĕl-» передъ согласными надо замѣтить, что полабское a указываетъ здѣсь, повидимому, на извѣстное измѣненіе e еще до перестановки гласной и плавной. Въ русскомъ языкѣ исторія разсматриваемыхъ нами общесла-

1) Изъ полабскаго языка извѣстно только одно слово съ общеславянскимъ «tŏr-» передъ согласною, именно brûda (полабская гласная, обозначаемая Шлейхеромъ черезъ û, изъ o) «подбородокъ»; то же слово и изъ кашубскаго языка извѣстно, повидимому, только съ общеславянскимъ ŏr, именно какъ broda «борода» (о кашубскомъ словѣ см. Гильфердинга, Остатки Славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря — въ Этнографическомъ Сборникѣ, V, стр. 85).

вянскихъ сочетаній представляетъ явленія такъ называемаго полногласія, а именно мы находимъ здѣсь въ этихъ сочетаніяхъ новую гласную послѣ плавной, о послѣ плавной, полученной твердою, и е послѣ плавной, полученной полумягкою. Плавная r въ этихъ сочетаніяхъ была получена прарусскимъ языкомъ твердою послѣ о и полумягкою послѣ е, т. е. изъ общеславянскихъ «tŏr-, tĕr- (čer-)» передъ согласными здѣсь образовались «toro-, tere- (čere-)», съ ихъ фонетическими измѣненіями: плавная l въ разсматриваемыхъ нами сочетаніяхъ была получена прарусскимъ языкомъ твердою какъ послѣ о, такъ по большей части и послѣ е и ŏ, вслѣдствіе чего самое е передъ твердымъ l еще ранѣе появленія полногласія перешло въ о, т. е. общеславянскія сочетанія «tŏl-» и «tĕl-» передъ согласными здѣсь по бо́льшей части совпали въ «tol-», изъ котораго образовалось «toło-», съ его фонетическими измѣненіями, а изъ общеславянскаго «čŏl-» передъ согласными здѣсь получалось «čŏło-», откуда, по фонетическимъ условіямъ, и «čeło-» и «čoło-», при чемъ эти русскія «čeło-» и «čoło-» сами по себѣ не указываютъ непремѣнно на общеславянское «čŏł-», но могли бы восходить также и къ общеславянскому «čĕl-», съ тѣмъ же ĕ (т. е. ŏ°), какое существовало вообще послѣ мягкихъ согласныхъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы находимъ въ русскомъ языкѣ «tele-» и «čele-» передъ согласными изъ общеславянскихъ «tĕl-» и «čŏl-», при чемъ для меня остаются неясными тѣ фонетическія условія, отъ которыхъ зависѣло въ этихъ случаяхъ прарусское l полумягкое и потому le. Подобно тому какъ измѣненіе общеславянскихъ сочетаній «tŏr-, tĕr-, tŏl- и т. д.» передъ согласными въ діалектическія «tār-, tēr- (откуда tie͡r-), tāl- и т. д.» аналогично, какъ мы видѣли, съ подобнымъ же явленіемъ въ діалектахъ латышскаго языка, такъ и съ измѣненіемъ общеславянскихъ сочетаній «tŏr-, tĕr-, tŏl- и т. д.» передъ согласными въ русскія «toro-, tere-, toło- и т. д.» сходно извѣстное діалектическое явленіе въ латышскомъ языкѣ, а именно измѣненіе сочетаній «ăr̄-, ĕr̄-, ăl-, ĕl-, ĭr̄-, ŭr̄-, ĭl-, ŭl-» передъ согласными въ сочетанія, опредѣляемыя

Бѣленштейномъ[1]), какъ «ăr$_a$-, ĕr$_a$-, àl$_a$-, ĕl$_a$-, ĭr$_a$- и т. д.» (напр., var$_a$na изъ varna «ворона»), гдѣ мы находимъ, слѣдовательно, также полногласіе, въ его зачаткахъ.

Итакъ, исторія общеславянскихъ сочетаній «tŏr-, tĕr- (čĕr-), tŏl-, tĕl-, čŏl-» передъ согласными показываетъ, что еще въ діалектахъ общеславянскаго языка эти сочетанія получали удлиненіе гласной передъ плавной, а что это удлиненіе происходило еще въ общеславянскомъ языкѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ какъ появленіе изъ ĕ того i͡e, которое получалось изъ ē еще въ общеславянскомъ языкѣ, такъ и появленіе ā (черезъ посредство ā°) изъ удлиненія ŏ. Затѣмъ, въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ разсматриваемыя нами сочетанія почти всюду, какъ мы видѣли, подвергались измѣненію какъ сочетанія, и только въ полабскомъ языкѣ и въ діалектахъ кашубскаго языка сохранилось общеславянское діалектическое «tār-» передъ согласными не измѣненнымъ въ качествѣ сочетанія, а въ полабскомъ языкѣ также и рѣдкое «ti͡er-» передъ согласными. Въ большинствѣ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ мы находимъ въ разсматриваемыхъ нами сочетаніяхъ перестановку гласной и плавной, а въ русскомъ языкѣ является здѣсь полногласіе, т. е. вставляется послѣ плавной новая гласная; въ этихъ общеславянскихъ сочетаніяхъ было, слѣдовательно, что-то, что отличало ихъ какъ сочетанія отъ другихъ сочетаній звуковъ въ языкѣ и вызывало измѣненіе въ другія, привычныя сочетанія звуковъ. Исторія этихъ сочетаній въ русскомъ языкѣ позволяла бы предположить существованіе въ нихъ въ общеславянскомъ языкѣ слоговыхъ плавныхъ, такъ какъ сочетанія «toro-, tere-, toło-» изъ «tŏr-, tĕr-, tŏl-» передъ согласными могутъ указывать на «tŏr̥-, tĕr̥-, tŏl̥-», какъ на сочетанія промежуточныя между тѣми и другими, а предполагая для общеславянскаго языка сочетанія «tŏr̥-, tĕr̥- (čĕr̥-), tŏl̥-, tĕl̥-, čŏl̥-» передъ согласными и діалектическія «tār̥-, ti͡er̥- (či͡er̥-), tāl̥-, ti͡el̥-, čāl̥- и či͡el̥-», мы могли бы понять отсюда

1) Bielenstein, Die lettische Sprache, I, стр. 102.

также и появленіе здѣсь въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ перестановки гласной и плавной, при чемъ плавная становилась неслоговою. Итакъ, мнѣ кажется, можно предположить, что литовско-славянскія сочетанія «tă°r̄-, tĕr-, tă°l̄-, tĕl̄-» передъ согласными въ общеславянскомъ языкѣ обратились въ сочетанія «tŏrr̥-, tĕrr̥-, tŏll̥-, tĕll̥-», откуда въ однихъ діалектахъ «tār̥-, tēr̥- (и далѣе tiēr̥-), tāl̥-, tēl̥- (и далѣе tiēl̥-)», а въ другихъ «tŏr̥-, tĕr̥- и т. д.». Измѣненію литовско-славянскихъ r и l въ этихъ сочетаніяхъ въ общеславянскія rr̥, ll̥ могло способствовать извѣстное намъ изъ общеславянскаго языка (засвидѣтельствованное, какъ мы увидимъ, исторіею согласныхъ) стремленіе избѣгать закрытыхъ слоговъ, т. е. слоговъ, оканчивавшихся на неслоговую согласную [1]).

Относительно исторіи разсматриваемыхъ нами сочетаній надо замѣтить еще, что въ эпоху распаденія общеславянскаго языка эти сочетанія въ положеніи подъ удареніемъ, какъ и сочетанія «ъr̥-, ъr̥-, ъl̥-, ъl̥-» (о которыхъ я говорилъ уже), были двухъ видовъ или что самое ударепіе на такихъ сочетаніяхъ было двухъ видовъ, какъ свидѣтельствуетъ сопоставленіе между собою славянскихъ языковъ, напр., ударяемое -ŏr-, -ār- въ *vorпъ, *vārпъ, откуда русское вòронъ, сербское врâн (съ долгимъ нисходящимъ удареніемъ) отличалось отъ ударяемаго -ŏr-, -ār- въ *vorпā, *vārпā, откуда русское воро̀на, сербское вра̂на (съ краткимъ нисходящимъ удареніемъ). Впрочемъ, въ тѣхъ діалектахъ общеславянскаго языка, гдѣ сочетанія «tŏr-, tĕr-, tŏl- и т. д.» передъ согласными обратились въ «tār-, tiēr-, tāl- и т. д.», различіе въ ударенiи этихъ сочетаній могло измѣниться въ различіе ударенія самихъ долгихъ гласныхъ. Два вида этихъ сочетаній подъ уда-

1) Объ этомъ же стремленіи общеславянскаго языка упоминаетъ и Бругманъ (Grundriss der vergleichenden Grammatik, I, § 281) по поводу исторіи общеславянскихъ сочетаній «tŏr-, tĕr- и т. д.» передъ согласными, но при этомъ онъ предполагаетъ невозможныя для общеславянскаго языка, т. е. опровергаемыя показаніями отдѣльныхъ славянскихъ языковъ, сочетанія «tr̥rŏ-, tr̥rĕ-, tl̥lŏ-, tl̥lĕ-».

реніемъ или два вида ударенія этихъ сочетаній произошли въ общеславянскомъ языкѣ изъ двухъ видовъ долгой плавной, полученныхъ въ этихъ сочетаніяхъ изъ литовско-славянскаго языка. Сравните два вида ударенія на общеславянскихъ долгихъ гласныхъ, чистыхъ и носовыхъ, и на ie̯ изъ ē.

Приведу теперь примѣры разсматриваемыхъ нами общеславянскихъ сочетаній въ старославянскомъ языкѣ, при чемъ съ старославянскими словами я сопоставлю соотвѣтственныя слова въ русскомъ и польскомъ языкахъ; для общеславянскихъ діалектическихъ сочетаній «tār-» и «tie̯r-» передъ согласными я приведу также относящіяся сюда показанія полабскаго языка[1]), а для діалектическихъ сочетаній «čie̯l-» и «čāl-» передъ согласными я укажу и на факты сербскаго, словинскаго и чешскаго языковъ.

Примѣры. Старославянскія сочетанія «**тра-**» *передъ согласными изъ общеславянскихъ сочетаній* «tār-» *при* «tŏr-»: **брада**, русское борода, польское broda (сравните литовское barzdà, латинское barba, гдѣ второе b изъ индоевропейскаго dh); **вранъ** и **врана**, русскія воронъ и ворона, польское wrona, полабское vornó «ворона» (литовскія várnas и várna[2]); **врата**, русское ворота, польское wrota, полабское vórta (родственно литовское vártai); **вратити**, русское воротить, польское wrócić (литовское vartýti «поворачивать»); **градъ** «садъ», «городъ», **о-градъ** «садъ», русское городъ, о-городъ, польское gród, o-gród, полабское gord, vă-gard, vå-górd (литовское gárdas «загородка для скота»); **мразъ**, русское морозъ, польское mróz, полабское morz; **страна**, русское сторона, польское strona, полабское stárna.

Старославянскія сочетанія «**трѣ-**» *и* «**рѣ-**» *передъ согласными изъ общеславянскихъ сочетаній* «tie̯r-» *и* «čie̯r» *при* «tĕr-» *и* «čĕr-»: **брѣмя**, русск. беремя (между тѣмъ какъ русское книжное бремя заимствовано изъ церковнославянскаго языка), польск.

---

1) Относительно обозначенія звуковъ полабскаго языка см. Шлейхера Laut- und Formenlehre der polabischen Sprache.

2) Различаются по ударенію: varnas и várna.

brzemię (сравните общеславянское *ber- въ старославянскомъ **берѫ** и т. д.); **дрѣво**, русск. дерево, польск. drzewo (родственно литовское dervà «сосновое дерево»); **жрѣбя** «дѣтеныш», русск. жеребя, жеребенокъ, польск. źrebię «жеребенокъ»; **мрѣти**, русск. мереть, польск. mrzeć; **прѣ-** (фонетически передъ согласными), русск. пере-, польск. prze-, полабск. pe^{i}r-[1]) (тождественны литовское per, per-, латинское per); **прѣдъ** «передъ», **прѣжде**, русск. передъ, перёдъ (русск. прежде заимствовано), польскія przed «передъ», przód «перёдъ», полабск. ṕorz «прежде» (при pårė^{i}d «прежде», изъ *pre^{i}d, и при prid «передъ»); **срѣда** «середина» и «середа», русск. середа, середина, польск. śrzoda «середа», śrzodek «середина»; **трѣти**, русск. тереть, польск. trzeć (сравните латинское ter- въ tero); **чрѣво**, русск. діалектич. черево, польск. trzewo; **чрѣда** «черёдъ», русск. череда, черёдъ (съ однимъ изъ нихъ тождественно прусское kerdan, въ формѣ винительнаго единственнаго числа, «время»); **чрѣда** «стадо», русск. діалектич. череда, польск trzoda (сравните литовское kérdžius «пастухъ»).

Сравнительныя сочетанія «**тлѣ-**» *передъ согласными изъ общеславянскихъ сочетаній* «tāl-» *при* «tŏl-»: **власъ**, русск. волосъ, польск. włos; **влачити**, русск. волочить, польск. włóczyć (сравните литовское válkioti «волочить»); **глава**, русск. голова, польск. głowa (литовское galvà); **клати**, русск. колоть, польск. kłóć; **младъ**, русск. молодъ, молодой, польск. młody (прусское maldai «молодые»); **плакати** «полоскать» и церковнославянское **пласкати**, русск. полокати (древне-русск.) и полоскать, польск. płókać[2]); **сладъкъ**, русск. діалектич. солодкій (сладкій заимствовано), польск. słodki (общеславянское *soldъkъ произведено отъ *soldъ, съ которымъ тождественно литовское saldùs); **хлапъ**, русск. холопъ, польск. chłop.

Старославянскія сочетанія «**тлѣ-**» *передъ согласными изъ общеславянскихъ сочетаній* «tĭel-» *при* «tĕl-»: **блѣкж** **блѣшти**,

1) Шлейхеръ пишетъ pōr- и pūr-.

2) А въ плакати «плакать» является общеславянское *plāk-, какъ показываютъ, между прочимъ, русск. плакать, польск. płakać.

русск. волоку волочь, польск. wlokę wlec (съ **влѣкж** тождественно литовское velkù); **млѣко**, русск. молоко, польск. mleko; **млѣти**, русск. молоть, польск. mleć (сравните **мелж**); **плѣва** «мякина», русск. діалектич. полóва (при діалектич. пелёва), польск. plewa (прусское pelwo); **плѣнъ** «военная добыча», «плѣнъ», русск. полóнъ (плѣнъ заимствовано), польск. plon «добыча» (литовское pélnas «заработокъ», «заслуга»); **тлѣшти** «толкать», русск. толочь (сравните литовское télkti «созывать на толоку», а «толока» по-литовски talkà).

Старославянскія сочетанія «**улѣ-**» *и* «**ула-**» *передъ согласными изъ общеславянскихъ сочетаній* «čēl» *и* «čāl-» *при* «čöl-»: **жладж жлѣсти** и **жладж жласти** «уплачивать», изъ другихъ славянскихъ языковъ это слово не извѣстно (вѣроятно, оно заимствовано было въ общеславянскомъ языкѣ изъ языка германскаго: готское gild «подать», fra-gildan «ver-gelten»); **шлѣмъ** (въ Словахъ Григорія Богослова въ русскомъ спискѣ, относимомъ къ XI вѣку), русск. шеломъ; церковнославянск. **улѣнъ** и **уланъ** (послѣднее въ памятникахъ сербской редакціи), сербск. чла̂н, словинск- člen и član, чешск. člen и član, польск. członek (русск. членъ заимствовано); церковнославянск. **жлѣдица** (въ одномъ памятникѣ XVI вѣка: **облаки, воды, снѣгъ, жлѣдица, млѣнна, громы**), польск. żłód, żłódź «дождь со снѣгомъ», малорусск. óжеледь, ожеле́диця; церковнославянск. **жлѣза**, сербск. жлијèзда, словинск. žleza, чешск. žláza и žleza, русск. железа (польск. zołza изъ другого общеславянскаго слова). Сюда же принадлежитъ предполагаемое старославянское ***жлѣбъ** при сербск. жлијеб, словинск. žlĕb, чешск. žlab и žleb, польск. żłób, русск. жолобъ (изъ жёлобъ).

Въ одномъ сложномъ словѣ общеславянскій языкъ имѣлъ сочетаніе «čöl-» изъ «čel-» передъ согласной не изъ литовско-славянскаго сочетанія «-el-» между согласными, но новаго происхожденія, именно въ словѣ *čölvēkъ «человѣкъ»; l было здѣсь съ самаго начала краткимъ, и потому гласная передъ этимъ l осталась краткою и въ тѣхъ діалектахъ общеславянскаго языка,

гдѣ вообще краткая гласная передъ плавной, полученной долгою, удлинялась, хотя и въ этомъ слогѣ l передъ согласной было, вѣроятно, слоговымъ, и потому въ русскомъ языкѣ и здѣсь мы находимъ ло изъ этого l, а въ прочихъ славянскихъ языкахъ, гдѣ общеславянскія сочетанія «слоговая гласная + l» между согласными получали перестановку гласной и плавной, та же перестановка явилась и въ словѣ *čŏlvī̆ekъ. Общеславянское *čŏlvī̆ekъ я вывожу изъ сопоставленія русск. человѣкъ, польск. człowiek, верхне-лужицк. čłovėk, нижне-лужицк. clovėk, полабск. clavak[1]) съ старославянск. **ѵлокѣкъ**, словинск. človek, чешск. člověk, гдѣ, слѣдовательно, člo-, **ѵло-** изъ čŏl- черезъ посредство čol-. То же слово существовало въ общеславянскомъ языкѣ и въ другомъ видѣ, именно какъ *čŏlъ̆ī̆ekъ: отсюда русск. діалектич. челъэкъ и челѣкъ, болгарск. чолѣкъ, челѣкъ, сербск. діалектич. чȍек, а также, вѣроятно, и сербск. чȍвјек, нижне-лужицк. діалектич. człojek, польск. діалектич. człek (непосредственно изъ *człoek). Существованіе въ общеславянскомъ языкѣ *čŏlъ̆ī̆ekъ при *čŏlvī̆ekъ позволяетъ думать, что *čŏlvī̆ekъ образовалось или изъ *čŏlъ̆ī̆ekъ, или же, что мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, изъ *čŏlъ̆vī̆ekъ, которое, въ свою очередь, изъ *čŏlъ̆ī̆ekъ. Что же касается *čŏlъ̆ī̆ekъ, то оно указываетъ на болѣе древнее *čelъ̄kъ, *čelъī̆ekъ, гдѣ ъ измѣнилось въ ъ̆ въ положеніи передъ ударяемымъ ē, ī̆e. Слово *čelъ̄kъ, *čelъī̆ekъ было, вѣроятно, сложнымъ по происхожденію; первую часть, *čelъ-, можно сопоставить съ тѣмъ *čel-, которое является въ церковнослав. **ѵелѧдь** «familia», русск. челядь, а происхожденіе второй части, *ēkъ (ē изъ стараго ē или изъ дифтонга?), остается мнѣ неизвѣстнымъ; замѣчу только, что въ началѣ этой второй части произошла, можетъ быть, фонетическая утрата звука i̯, такъ какъ изъ й въ старомъ положеніи передъ гласною надо бы ждать въ общеславянскомъ языкѣ v, а не ъ.

1) Полабское clavak или člavak (Шлейхеръ пишетъ clâvak) важно въ томъ отношеніи, что оно своимъ la свидѣтельствуетъ противъ общеславянскаго lo, такъ какъ изъ общеславянскаго lo получилось бы полабское lŭ, между тѣмъ какъ происхожденіе этого la изъ -ŏl- между согласными однородно съ происхожденіемъ полабскаго la изъ -el- между согласными.

VI.

Измѣненія гласныхъ общеславянскаго языка подъ вліяніемъ положенія въ конечномъ слогѣ словъ. Измѣненіе общеславянскаго ŏ *въ* ŭ *въ конечномъ закрытомъ слогѣ.* Въ эпоху, когда въ общеславянскомъ языкѣ еще допускались согласныя въ концѣ словъ, а именно тогда, когда въ первоначальномъ концѣ словъ еще существовали длительныя согласныя (конечныя мгновенныя отпали ранѣе), гласная ŏ въ конечномъ закрытомъ слогѣ, т. е. передъ конечными согласными, измѣнилась въ ŭ, откуда ъ, старославянское **ъ**. Съ этимъ фонетическимъ явленіемъ общеславянскаго языка сравните подобное же явленіе въ латинскомъ языкѣ, гдѣ также ŏ въ конечномъ закрытомъ слогѣ измѣнилось съ теченіемъ времени въ ŭ, сперва въ положеніи не послѣ u и u̯ (v), а затѣмъ и въ такомъ положеніи, напр., filius изъ древне-латинскаго filios, genus изъ genos (греческое γένος), jugum изъ jugom (ζυγόν), а позже, напр., и vivus изъ vivos.

Старославянское **ъ** изъ общеславянскаго ъ указаннаго происхожденія является, напр., въ окончаніи именительнаго и винительнаго падежей единственнаго числа отъ основъ мужескаго рода на индоевропейское ă° въ положеніи послѣ не мягкихъ звуковъ, напр., въ старославянскихъ формахъ **влькъ** (**влъкъ**), **рабъ**, **жнвъ**, **тъ**. Въ именительномъ падежѣ общеславянскій языкъ имѣлъ здѣсь нѣкогда окончаніе -ŏs, откуда -ŭs, -ъ(s), изъ индоевропейскаго -ă°s; сравните греческое -ος, напр., въ λύκος (= **влькъ**), латинское -os, -us, напр., въ vīvos, vīvus (= **жнвъ**), литовское -as, напр., въ vìlkas (= **влькъ**), gývas (= **жнвъ**), tas «этотъ» (= **тъ**). Въ старославянскихъ формахъ винительнаго падежа **влькъ** (**влъкъ**), **рабъ**, **жнвъ**, **тъ** общеславянское ъ въ окончаніи получилось изъ -ŏn, -ŭn, -ų̆, а -ŏn изъ индоевропейскаго -ă°m; сравните греческое -ον, напр., въ λύκον, τόν, латинское -om, -um, напр., въ vivom, istum, литовское -ą, напр., въ tą (= **тъ**).

Въ именительномъ-винительномъ единственнаго числа средняго рода именъ (не мѣстоименій) съ основами на индоевропей-

ское ă° въ положеніи послѣ не мягкихъ звуковъ общеславянскій языкъ долженъ былъ получить фонетическимъ путемъ также форму на -ъ, изъ -ŏn, -ŭn, -ų̆, такъ какъ въ индоевропейскомъ языкѣ эта форма оканчивалась на -ă°m, откуда греческое -ον, напр., въ ζυγόν, латинское -om, -um, напр., въ jugum. Общеславянскій языкъ не сохранилъ здѣсь, однако, формы на -ъ, и причина этого заключалась въ томъ, что эта форма совпадала съ формой на -ъ въ именительномъ и винительномъ именъ мужескаго рода, между тѣмъ какъ въ мѣстоименіяхъ соотвѣтственныя формы средняго и мужескаго рода продолжали различаться; подъ вліяніемъ аналогіи со стороны мѣстоименій имена съ основами на индоевропейское ă° въ именительномъ-винительномъ единственнаго числа средняго рода замѣнили въ общеславянскомъ языкѣ форму на -ъ формой на -ŏ, т. е., напр., вмѣсто *lĭetъ «лѣто», *žĭvъ «живо» явились формы *lĭeto, *žĭvo, старославянскія **лѣто**, **живо**, по аналогіи съ *to, **то**, при *tъ, **тъ**, сперва, можетъ быть, въ именахъ прилагательныхъ, а затѣмъ и въ существительныхъ. Что же касается общеславянскаго -ŏ въ *to, то оно получилось фонетически изъ индоевропейскаго -ă°d (падежный суффиксъ здѣсь d), откуда латинское -od, -ud, напр., въ quod, istud; конечное d, какъ и всякая конечная мгновенная согласная, не существовало уже въ общеславянскомъ языкѣ въ ту эпоху, когда здѣсь дѣйствовалъ фонетическій законъ относительно измѣненія ŏ въ ŭ въ конечномъ закрытомъ слогѣ словъ. Подобно общеславянскому -ŏ въ старославянскихъ **лѣто**, **живо** произошло и общеславянское -ŏ въ старославянскомъ **нєбо** (родительный **нєбєсє**), т. е. въ именительномъ-винительномъ единственнаго числа именъ средняго рода съ основами на индоевропейское -ă°s, чередовавшееся съ -ă°s; именительный-винительный единственнаго числа этихъ именъ оканчивался въ индоевропейскомъ языкѣ на -ă°s, откуда греческое -ος въ νέφος, γένος, латинское -os, -us, въ genus, а въ общеславянскомъ языкѣ изъ конечнаго -ŏs должно было получиться -ŭs, -ъ, но въ то время, когда форма *lĭetъ, *žĭvъ замѣнялась формой *lĭeto, *žĭvo (подъ вліяніемъ *to), и

форма *neb̆ъ стала замѣняться формой *nebo, подъ вліяніемъ аналогіи со стороны *li̯e̯to, *živo вмѣсто *li̯e̯tъ, *živъ.

Старославянское **ъ** изъ того общеславянскаго ъ, которое получилось изъ ŏ въ конечномъ закрытомъ слогѣ словъ, является также въ окончаніи формы 1 лица единственнаго числа прошедшихъ временъ, напр., въ формахъ аориста **ндъ**, **нѣсъ**, **несохъ** или въ имперфектѣ **несѣхъ**, **несѣахъ**. Общеславянское ъ въ такихъ образованіяхъ, какъ старославянское **ндъ**, произошло изъ того -ŏn̥, -ŭn̥, ų, которое было получено изъ индоевропейскаго -ă°m въ окончаніи 1 лица единственнаго числа прошедшихъ временъ тематическаго спряженія (личный суффиксъ m); сравните греческое -ον въ такихъ формахъ 1 лица, какъ ἔφερον, ἔλιπον. То же окончаніе формы 1 лица единственнаго числа было перенесено въ общеславянскомъ языкѣ и въ сигматическій аористъ (полученный съ основою нетематическаго спряженія), а потому и въ славянскій имперфектъ, между тѣмъ какъ изъ индоевропейскаго языка было получено здѣсь въ окончаніи формы индоевропейское -a̯m̥, откуда греческое -α, напр., въ ἔλυσα.

Въ старославянскомъ **-мъ** въ окончаніи 1 лица множественнаго числа, напр., въ **несемъ**, **несохомъ**, общеславянское ъ образовалось изъ ŏs, ŭs, которое произошло изъ индоевропейскаго ă°s въ личномъ суффиксѣ -mă°s; сравните латинское -mus изъ -mos, напр., въ vehimus. — Такое же фонетическое происхожденіе имѣло общеславянское ъ и въ старославянскомъ **-мъ** въ окончаніи дательнаго падежа множественнаго числа, напр., въ формахъ **рабомъ**, **женамъ**, **тѣмъ**, **намъ**; общеславянское -mъ получилось здѣсь изъ -mŏs, -mŭs, съ которымъ я сопоставляю прусское -mas въ окончаніи дательнаго падежа множественнаго числа личныхъ словъ (при падежномъ суффиксѣ -mans въ дательномъ множественнаго числа другихъ словъ, частію и въ личныхъ словахъ).

Въ положеніи послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ общеславянское й измѣнялось, какъ мы знаемъ, въ ї, ь; это измѣненіе происходило въ общеславянскомъ языкѣ въ то время, когда изъ

ŏ въ конечномъ закрытомъ слогѣ здѣсь уже получилось ŭ, а потому и изъ этого ŭ послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ мы находимъ въ общеславянскомъ языкѣ ĭ, ь. Такого происхожденія старославянское **ь**, а изъ jь **и**, является въ именительномъ и винительномъ падежахъ единственнаго числа на **-ь** и **-и** именъ мужескаго рода классовъ «**конь**», «**край**» съ основами на индоевропейское -jă°, а также можетъ быть и въ тѣхъ именахъ класса «**конь**», которыя имѣли основы на индоевропейскія -ĭă° и -jă°, хотя, какъ я объяснялъ уже, индоевропейскія основы на -ĭă° и -jă° не могутъ быть отличаемы въ славянскихъ формахъ на -ь отъ индоевропейскихъ основъ на -ĭă° и -jă°.

Общеславянское ŏns въ концѣ словъ измѣнилось въ ŭns (когда ŏ въ конечномъ закрытомъ слогѣ переходило въ ŭ), а ŭns, какъ мы знаемъ, обращалось послѣ твердыхъ согласныхъ въ ū̆s, ūs, ȳ, старославянское **ы**, а послѣ мягкихъ согласныхъ въ ī̆s, ē̆s, i͡ę, старославянское **ѧ** (**ꙗ**). Примѣры старославянскихъ конечныхъ **ы** и **ѧ** (**ꙗ**), получившихся такимъ путемъ изъ конечнаго ŏns, я уже приводилъ; таковы, напр., **ы** и **ѧ** (**ꙗ**) въ формахъ винительнаго падежа **рабы**, **коня** или въ причастіяхъ **несы**, **дѣлаꙗ**.

Измѣненіе общеславянскаго ō^{n} *въ конечномъ закрытомъ слогѣ въ* ū *(?).* Одновременно съ измѣненіемъ общеславянскаго ŏ въ ŭ въ конечномъ закрытомъ слогѣ происходило, можетъ быть, и измѣненіе общеславянскаго ō^{n} (изъ литовско-славянскаго ō, индоевропейскаго ā°, съ извѣстнымъ качествомъ литовско-славянской долготы) въ ū при томъ же положеніи, и при томъ тогда, когда ō^{n} еще не обратилось въ ŏn̥, откуда ū. Случай этого рода можно предполагать въ окончаніи формы родительнаго падежа множественнаго числа, гдѣ, какъ мы видѣли, общеславянское -ъ, старославянское -ъ (напр., въ родительномъ **рабъ**, **сыновъ**, **тѣхъ**), образовалось изъ -ō^{n}n. Возможно, однако, какъ я замѣтилъ уже, понять происхожденіе общеславянскаго конечнаго ŭ, откуда ъ, изъ ō^{n}n и безъ посредства измѣненія этого ō^{n}n въ ūn, такъ какъ ō^{n} должно было сократиться въ конечной носовой гласной, а изъ

сокращенія ŏ^{n} мы можемъ ждать й, ъ, т. е. изъ конечнаго ŏ^{n}n мы можемъ ждать ѫ и далѣе ъ[1]).

Измѣненіе общеславянскаго конечнаго ē^{i}, *изъ старыхъ* ē *и* ŏi̯, *съ извѣстнымъ качествомъ долготы, въ* ī. Въ извѣстную эпоху жизни общеславянскаго языка, когда старыя ē и ŏi̯ совпали въ одномъ звукѣ ē^{i}, но прежде чѣмъ ē^{i} распалось на i͡e, эта гласная при одномъ изъ двухъ видовъ долготы переходила въ концѣ словъ въ ī, откуда старославянское и, между тѣмъ какъ конечное ē^{i} съ другою долготой сохранялось какъ ē^{i}, а затѣмъ, какъ и всякое ē^{i}, распадалось на i͡e, откуда старославянское ѣ. Въ литовскомъ языкѣ, въ соотвѣтствіи съ общеславянскимъ конечнымъ ī такого происхожденія, мы находимъ ai и тѣ ė (т. е. i͡e, получавшееся здѣсь, между прочимъ, изъ ai) и ė (т. е. ē^{i} изъ ē), которыя оставались безъ сокращенія въ пралитовскомъ языкѣ, а общеславянскому конечному i͡e въ литовскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ, при положеніи въ концѣ словъ, кромѣ ė, т. е. i͡e, изъ ai (фонетически въ словахъ односложныхъ подъ удареніемъ), тѣ i и e, которыя еще въ пралитовскомъ языкѣ сократились изъ пралитовскихъ i͡e (въ словахъ не односложныхъ) и ē съ извѣстнымъ качествомъ долготы; въ греческомъ языкѣ тому общеславянскому конечному ī, которое образовалось изъ общеславянскаго ŏi̯ (черезъ посредство ē^{i} съ извѣстнымъ видомъ долготы), соотвѣтствуютъ *οι* и *αι* съ краткимъ i̯ въ первоначальномъ концѣ слова (изъ индоевропейскаго краткаго i̯), а общеславянскому конечному i͡e изъ общеславянскаго дифтонга ŏi̯ (черезъ посредство ē^{i}) соотвѣтствуетъ въ греческомъ языкѣ *οι* (и *αι*, хотя достовѣрные примѣры для *αι*

1) Изъ славянскаго окончанія родительнаго падежа множественнаго числа видно, что старославянское ъ въ именительномъ единственнаго числа такихъ именъ мужескаго рода, какъ камъ (съ основами на индоевропейское -n), не можетъ быть объясняемо изъ литовско-славянскаго -ōn, индоевропейскаго -ā°n, т. е. не можетъ быть сопоставляемо съ греческимъ -ων, напр., въ ἄχμων. Общеславянское ȳ въ *kāmȳ не получилось ли изъ ūns, гдѣ къ -ō^{n} въ старомъ окончаніи формы присоединенъ суффиксъ s подъ вліяніемъ именительнаго единственнаго числа въ прочихъ именахъ мужескаго рода въ общеславянскомъ языкѣ? Діалектическая сербская и кашубская форма кам, kam не восходитъ ли къ общеславянской формѣ *kāmъ, гдѣ ъ фонетически изъ ō^{n}?

здѣсь не извѣстны) съ i̯ не краткимъ въ первоначальномъ концѣ слова (изъ индоевропейскаго i̯ не краткаго).

Примѣры. Старославянское **и** изъ того общеславянскаго конечнаго ī, которое получилось, черезъ посредство ē^{i}, изъ литовско-славянскаго ē съ извѣстнымъ качествомъ литовско-славянской долготы (съ «прерывистою» долготой): **мати, дъшти** (русскія мать, дочь, діалектическое дочѝ), тождественны литовскія mótė (съ новымъ значеніемъ «женщина, жена»), duktė̃[1]). Въ индоевропейскомъ языкѣ именительный единственнаго числа этихъ именъ оканчивался въ полномъ видѣ на -ā°r, откуда греческое -ηρ въ μήτηρ (дорическое μᾱ́τηρ), θυγάτηρ, латинское -ĕr, съ фонетическимъ сокращеніемъ изъ конечнаго -ēr, въ mater, но при этомъ въ индоевропейскомъ языкѣ существовало здѣсь, повидимому, и -ā° изъ -ā°r, т. е. съ утратою конечнаго r при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ въ сочетаніи словъ, и литовскія mótė, duktė̃ восходятъ, какъ кажется, къ индоевропейскимъ образованіямъ на -ā°, между тѣмъ какъ славянскія **мати, дъшти** сами по себѣ допускаютъ объясненіе какъ изъ индоевропейской формы на -ā°, такъ и изъ индоевропейской формы на -ā°r.

Старославянское **и** изъ того общеславянскаго конечнаго ī, которое получилось, черезъ посредство ē^{i}, изъ общеславянскаго bi̯ съ старымъ i̯ краткимъ: **-и** въ окончаніи 2 и 3 лицъ единственнаго числа славянской повелительной формы, изъ индоевропейскаго желательнаго наклоненія, въ глаголахъ тематическаго спряженія, напр., въ **бери, вези** (русскія бери, вези), сравните **-ѣ-**въ неконечномъ слогѣ въ формахъ не единственнаго числа, напр., въ **берѣте, везѣте**; того же происхожденія литовское -ė въ окончаніи 3 лица единственнаго числа литовскаго пермиссива, напр., въ te-vežė̃ «пусть онъ везетъ», и греческое -οι- въ желательномъ наклоненіи, напр., въ φέροις, φέροι (въ послѣдней формѣ -οι изъ -οιt, т. е. οι здѣсь не въ первоначальномъ концѣ слова).— Старославянское **-и** въ окончаніи именительнаго падежа множе-

1) Удареніе «восходящее».

ственнаго числа отъ основъ мужескаго рода на индоевропейское ă° въ положеніи не послѣ ĭ, i̯, j, напр., въ **раби, вльци (влъци), ти**; тождественно литовское -ai въ именахъ существительныхъ, напр., въ vilkaì «волки»[1]), греческое -οι съ i̯ краткимъ въ именахъ и мѣстоименіяхъ, напр., въ λύκοι, οἶκοι, τοί (сюда же принадлежитъ латинское -ei [изъ oi въ конечномъ слогѣ], -ī, напр., въ именительномъ equī). Что касается старославянскаго -и въ именительномъ падежѣ множественнаго числа отъ основъ мужескаго рода на индоевропейскія -ĭă°, -i̯á°, -jă°, напр., въ **кони, краи** (изъ **краjи**), **и-же**, то здѣсь общеславянскій языкъ имѣлъ то ī, которое образовалось изъ ĕi̯, гдѣ ĕ изъ ŏ въ положеніи послѣ мягкаго неслогового звука. — Старославянское -и въ окончаніи энклитическихъ формъ дательнаго падежа **ми, ти, си** тождественно съ греческимъ -οι, имѣвшимъ краткое i̯, въ μοι (и ἐμοί), τοι, а также и въ σοί изъ tu̯oi̯, между тѣмъ какъ греческое οἶ, родственное съ **си**, отличалось отъ послѣдняго тѣмъ, что было получено съ i̯ не краткимъ[2]). — Старославянское -и въ окончаніи дательнаго падежа единственнаго числа именъ съ основами на индоевропейское ŭ, напр., въ **сынови**; индоевропейскій языкъ имѣлъ здѣсь -ă^{a}i̯, составлявшее суффиксъ дательнаго единственнаго числа, въ греческомъ языкѣ отсюда αι съ i̯ краткимъ въ такихъ образованіяхъ инфинитива (изъ дательнаго падежа

---

1) Въ литовскомъ именительномъ множественнаго числа мѣстоименій мужескаго рода съ основами на индоевропейское ă° литовско-латышскій «прерывистый» дифтонгъ ai (т. е. съ старымъ краткимъ i̯) измѣнился въ литовско-латышскомъ языкѣ при положеніи въ односложномъ словѣ (а по аналогіи односложныхъ мѣстоименій и въ другихъ мѣстоименіяхъ) въ «длительный» дифтонгъ ai (т. е. съ i̯ не краткимъ), а длительное ai въ концѣ словъ измѣнялось въ длительное i͡e, которое въ пралитовскомъ языкѣ въ концѣ словъ не односложныхъ (и въ односложныхъ безъ ударенія) сокращалось въ i. Поэтому въ литовскомъ языкѣ мы находимъ въ мѣстоименіяхъ, напр., të «эти» (а также, напр., kokë «какіе», по аналогіи односложныхъ мѣстоименій), но въ именахъ прилагательныхъ, слѣдующихъ здѣсь аналогіи мѣстоименнаго склоненія, напр., gerì «хорошіе», при опредѣленной формѣ gerë-ji.

2) Литовскія энклитическія mi, ti (въ старыхъ текстахъ), si, съ значеніемъ не только дательнаго, но и винительнаго падежа, имѣютъ i по правилу, указанному въ предшествующемъ примѣчаніи.

отглагольнаго существительнаго), какъ δόμεναι, δοῦναι (изъ δοFεναι), λῦσαι.

Сопоставимъ теперь съ этими случаями тѣ, въ которыхъ мы находимъ старославянское конечное **ѣ** изъ общеславянскаго конечнаго i͡e.

Старославянское **ѣ** изъ того общеславянскаго конечнаго ie, которое получилось, черезъ посредство $\bar{e}^{i}$ съ извѣстнымъ видомъ долготы, изъ литовско-славянскаго ē съ «длительною» долготой: **вѣ** «мы оба», тождественно литовское vė въ vė-du «мы оба» (du «два»), гдѣ ė образовалось въ пралитовскомъ языкѣ изъ конечнаго ē съ «длительною» долготой. — Старославянское **ѣ** въ окончаніи глагольныхъ формъ 2 и 3 лицъ единственнаго числа прошедшаго времени отъ основъ на литовско-славянское ē, напр., въ имперфектѣ **бѣ**, въ аористѣ **видѣ**, **сѣдѣ**, гдѣ въ концѣ отпали первоначальныя ss и st; сравните въ литовскомъ языкѣ ė съ «нисходящимъ» удареніемъ, указывающимъ на старую «длительную» долготу, въ такихъ глаголахъ на -ėti, какъ, напр., sėdėti = **сѣдѣти** («сидѣть»), budėti = **бъдѣти**. — Сюда же принадлежитъ старославянское конечное **ѣ** въ **вѣдѣ** «я знаю» и въ формахъ дательнаго падежа **тебѣ**, **себѣ**, а также, вѣроятно, и въ дательномъ **мънѣ**; о происхожденіи здѣсь общеславянскаго i͡e я говорю далѣе.

Старославянское **ѣ** изъ того общеславянскаго конечнаго i͡e, которое получилось, черезъ посредство $\bar{e}^{i}$ съ извѣстнымъ видомъ долготы, изъ дифтонга ŏi̯ съ старымъ i̯ не краткимъ: **ѣ** въ окончаніи мѣстнаго падежа единственнаго числа именъ съ основами на индоевропейское ă° въ положеніи не послѣ первоначальныхъ ĭ, i̯, j, напр., въ формахъ **рабѣ**, **влъцѣ** (**влъцѣ**), русскія (въ) мѣстѣ, (въ) волкѣ (к здѣсь вмѣсто древняго ц, подъ вліяніемъ аналогіи другихъ падежныхъ формъ этого имени); тождественно греческое -oi̯ съ i̯ не краткимъ въ первоначальномъ концѣ слова въ такихъ образованіяхъ, какъ οἴκοι «дома», т. е. различіе между οἴκοι и οἴκοι связано по происхожденію съ различіемъ въ старославянскомъ языкѣ между **рабѣ** и **рабѣ**; сравните также греческое -αι

изъ индоевропейскаго -ă°i̯ (при -ă°i̯) въ діалектическомъ *οἴκει* «дома» (тождественно латинское -ei, -ī изъ общеиталійскаго -ei, какъ свидѣтельствуетъ языкъ осковъ, въ такихъ образованіяхъ, какъ domī «дома», bellī «на войнѣ»). — Старославянское **ѣ** въ окончаніи именительнаго-винительнаго падежа двойственнаго числа отъ основъ женскаго рода на индоевропейское ā^{a} (чередовавшееся съ ă^{a}) въ положеніи не послѣ первоначальныхъ ĭ, i̯, j, напр., въ формахъ **рыбѣ**, **рѫцѣ**, **тѣ** (женскаго рода); тождественны литовскія -ë и -i въ tẽ-dvi «эти обѣ» (dvi «двѣ»), gerëji-dvi «обѣ хорошія», rankì «обѣ руки»; въ индоевропейскомъ языкѣ эта форма оканчивалась на -ă^{a}i̯ съ i̯ не краткимъ, какъ свидѣтельствуютъ славянскіе языки вмѣстѣ съ литовскимъ, и съ краткою слоговою гласной, т. е. съ ă^{a} (окончаніе основы), какъ показываетъ древне-индійскій языкъ. — Старославянское **ѣ** въ окончаніи именительнаго-винительнаго падежа двойственнаго числа отъ основъ средняго рода на индоевропейское ă° въ положеніи не послѣ первоначальныхъ ĭ, i̯, j, напр., въ формахъ **лѣтѣ**, **тѣ** (средняго рода); въ индоевропейскомъ языкѣ эта форма оканчивалась на -ă°i̯ (отсюда и древне-индійская форма) съ i̯ не краткимъ, такъ какъ суффиксомъ именительнаго-винительнаго двойственнаго числа средняго рода было въ индоевропейскомъ языкѣ ĭ, какъ показываетъ древне-индійскій языкъ.

Что касается **ѣ** въ окончаніи мѣстнаго падежа единственнаго числа именъ женскаго рода съ основами на индоевропейское ā^{a} въ положеніи не послѣ первоначальныхъ ĭ, i̯, j, напр., въ формахъ мѣстнаго падежа **рыбѣ**, **рѫцѣ**, русскія (въ) рыбѣ, (въ) рукѣ, то во всякомъ случаѣ **ѣ** образовалось здѣсь изъ того общеславянскаго конечнаго i͡e, которое получилось (черезъ посредство ē^{i}) изъ дифтонга ŏi̯ съ старымъ i̯ не краткимъ (какъ свидѣтельствуетъ и мѣсто ударенія въ этой формѣ въ нѣкоторыхъ именахъ), но какъ именно произошло здѣсь -ŏi̯, остается неизвѣстнымъ въ точности; можетъ быть это -ŏi̯ восходитъ къ индоевропейскому -ā^{a}i̯ или -ă^{a}i̯ съ i̯ не краткимъ (и съ ā^{a} или ă^{a} въ окончаніи основы), но возможно и то, что эта славянская форма

образована по аналогіи мѣстнаго падежа единственнаго числа именъ съ основами на индоевропейское ă° (напр., **рабѣ**), какъ позволяетъ думать именно то обстоятельство, что индо-иранскіе языки вмѣстѣ съ балтійскими языками указываютъ на другое образованіе индоевропейской формы мѣстнаго падежа единственнаго числа именъ съ основами на $\bar{a}^{a}$ [1]). Съ славянскими формами мѣстнаго падежа **рыбѣ**, **рѫцѣ** въ латинскомъ языкѣ однородны такія образованія на -ai, -ae, какъ Romai, Romae «въ Римѣ», при чемъ и здѣсь, слѣдовательно, можно видѣть новообразованія (существовавшія еще въ общеиталійскомъ языкѣ, какъ свидѣтельствуетъ сопоставленіе латинскаго языка съ оскскимъ). Въ греческомъ языкѣ такія формы, какъ, напр., Θηβαι- въ Θηβαιγενής, образованы, повидимому, по аналогіи, напр., съ Πυλοι- въ Πυλοιγενής; что же касается греческаго *χαμαί*, въ которомъ лингвисты видѣли прежде индоевропейское образованіе мѣстнаго падежа единственнаго числа отъ основы на $\bar{a}^{a}$ (чередовавшееся съ $\check{a}^{a}$), то противъ такого объясненія свидѣтельствуетъ, между прочимъ, краткое ı̯ въ конечномъ αι въ *χαμαί*, и правильнѣе, кажется, мнѣніе тѣхъ лингвистовъ, которые видятъ въ *χαμαί* индоевропейское образованіе дательнаго падежа единственнаго числа отъ основы на согласную.

Особо надо замѣтить общеславянское конечное i͡e, старославянское **ѣ**, въ дательномъ падежѣ единственнаго числа именъ съ основами на индоевропейское $\bar{a}^{a}$ въ положеніи не послѣ первоначальныхъ ĭ, ı̯, j, напр., въ старославянскихъ формахъ дательнаго **рыбѣ**, **рѫцѣ**, русскія рыбѣ, рукѣ (рукѣ вмѣсто древняго руцѣ, подъ вліяніемъ аналогіи другихъ падежныхъ формъ этого имени). Общеславянскій языкъ получилъ здѣсь изъ литовско-славянскаго языка дифтонгъ $\bar{a}^{e}$ı̯, съ которымъ сравните грече-

1) Несомнѣнное новообразованіе имѣлъ общеславянскій языкъ въ мѣстномъ падежѣ единственнаго числа мѣстоименій женскаго рода, напр., въ старославянскихъ формахъ мѣстнаго падежа тои, кои (русскія (въ) той, (въ) ней); старославянское -и здѣсь изъ общеславянскаго ji, которое получилось изъ -jei, гдѣ ei изъ oi послѣ мягкой согласной, между тѣмъ какъ въ индоевропейскомъ языкѣ здѣсь во всякомъ случаѣ не существовала форма на -$\bar{a}^{a}$ı̯ или -$\check{a}^{a}$ı̯.

ское -ᾱ, -ῃ (съ діалектическимъ η), напр., въ χώρᾳ, τιμῇ; въ этомъ литовско-славянскомъ ā°i̯ i̯ было краткимъ (какъ свидѣтельствуетъ и мѣсто ударенія въ этой формѣ въ нѣкоторыхъ именахъ), но въ общеславянскомъ языкѣ дифтонгъ ā°i̯ съ краткимъ i̯ измѣнился въ ŏi̯ съ i̯ не краткимъ, т. е. вмѣстѣ съ сокращеніемъ слоговой части дифтонга здѣсь происходило удлиненіе его неслоговой части, а изъ ŏi̯ съ i̯ не краткимъ получалось, какъ мы знаемъ, то общеславянское ē^{i}, которое распадалось на i͡e (ѣ) и при положеніи въ концѣ слова.

Измѣненія гласныхъ въ сочетаніяхъ «гласная + согласная» въ концѣ словъ.

Общеславянскія гласныя изъ индоевропейскихъ сочетаній ᾳ̯m̥ *и* ᾳ̯n̥ *въ первоначальномъ открытомъ концѣ словъ.* Параллельно съ переходомъ индоевропейскихъ сочетаній «ᾳ̯ + слоговая носовая согласная» передъ согласными въ общеславянскія сочетанія «ь̯ + слоговая носовая согласная» съ ихъ дальнѣйшими фонетическими измѣненіями (о которыхъ я говорилъ уже) мы находимъ въ общеславянскомъ языкѣ ĕ, старославянское **є**, изъ индоевропейскихъ сочетаній «ᾳ̯ + краткая слоговая носовая согласная» въ первоначальномъ открытомъ концѣ словъ. Старославянское **є** такого происхожденія является, напр., въ окончаніи винительнаго падежа единственнаго числа отъ основъ на согласную въ этой формѣ, напр., въ такихъ образованіяхъ, какъ **сиѭ дъштєрє, матєрє чѧдолюбѫ, свєкръвє своѭ** (параллельныя формы винительнаго падежа **матєрь, свєкръвь** представляютъ новообразованія по аналогіи именъ съ основами на **ь** изъ первоначальнаго ĭ); въ индоевропейскомъ языкѣ винительный единственнаго числа именъ съ основами на неслоговой звукъ въ этой формѣ оканчивался на -ᾳ̯m̥̆, откуда греческое -α, напр., въ πόδα, ὄπα, латинское -em, напр., въ pedem, vocem.

Съ образованіемъ общеславянскаго конечнаго ĕ изъ индоевропейскаго сочетанія «ᾳ̯ + краткая слоговая носовая» въ открытомъ концѣ словъ аналогично образованіе общеславянскаго конечнаго ē, i͡e, откуда старославянское **ѣ**, изъ индоевропейскаго

сочетанія «$\underset{\smile}{\alpha}$ + долгая слоговая носовая согласная» въ открытомъ концѣ словъ. Старославянское **ѣ** такого происхожденія я вижу въ конечномъ **ѣ** въ глагольной формѣ **вѣдѣ** «я знаю» и въ формахъ дательнаго падежа **тебѣ**, **себѣ**, русскія тебѣ, себѣ, равно какъ то же предполагаю я и относительно ѣ въ дательномъ **мънѣ**, русское мнѣ. Съ **вѣдѣ** сравните греческое οἶδα (и древне-индійское vēda «я знаю»); по происхожденію это форма индоевропейскаго перфекта (т. е. настоящаго совершеннаго), получившая въ этомъ глаголѣ значеніе настоящаго несовершеннаго (т. е. такъ называемаго въ грамматикѣ «настоящаго» времени), вслѣдствіе чего она могла сохраниться въ этомъ глаголѣ и въ общеславянскомъ языкѣ, хотя общеславянскій языкъ утратилъ вообще формы индоевропейскаго перфекта. Въ латинскомъ языкѣ съ старославянскимъ конечнымъ ѣ въ **вѣдѣ** и съ греческимъ α въ οἶδα, λέλοιπα родственно ī изъ ei, напр., въ vidī, fecī. Старославянское ѣ, латинское ei, ī, греческое ᾰ (и древне-индійское ă) въ окончаніи этой формы могутъ быть связаны между собою, какъ мнѣ кажется, только при томъ предположеніи, что въ индоевропейскомъ языкѣ здѣсь существовало окончаніе формы -$\underset{\smile}{\alpha}\bar{n}$, родственное съ окончаніемъ 1 лица единственнаго числа настоящаго несовершеннаго на -ā°n въ глаголахъ тематическаго спряженія (въ составъ ā° здѣсь вошла конечная гласная основы); т. е. какъ общеславянское ē, i͡e, старославянское ѣ, такъ и латинское ei, ī я выводилъ бы изъ индоевропейскаго конечнаго $\underset{\smile}{\alpha}\bar{n}$, между тѣмъ какъ относительно греческаго ᾰ (и древне-индійскаго ă) я затрудняюсь опредѣлить, произошло ли оно также фонетическимъ путемъ изъ индоевропейскаго конечнаго $\underset{\smile}{\alpha}\bar{n}$, или же при $\underset{\smile}{\alpha}\bar{n}$ существовало здѣсь въ индоевропейскомъ языкѣ и $\underset{\smile}{\alpha}n$. Съ отношеніемъ старославянскаго конечнаго ѣ въ **вѣдѣ** къ латинскому ī, напр., въ fecī, vidī тождественно отношеніе старославянскаго ѣ въ дательныхъ **тебѣ**, **себѣ** къ латинскому ei, i въ tibei, tibi, sibei, sibi, гдѣ, какъ показываетъ языкъ осковъ, еще въ общеиталійскомъ языкѣ существовало ei; слѣдовательно, и въ латинскихъ vidī, fecī (написаніе ei въ этой формѣ извѣстно только изъ такихъ

надписей, гдѣ ei можетъ обозначать и долгое i) конечное ī изъ того ei, которое восходитъ къ общеиталійскому ei. Затѣмъ, какъ въ соотвѣтствіи съ старославянскимъ конечнымъ **ѣ** въ **вѣдѣ**, латинскимъ ei, ī въ fecī, vidī древне-индійскій языкъ представляетъ -ā, такъ и въ формѣ дательнаго падежа, соотвѣтствующей славянскому **тебѣ**, латинскому tibei, tibi, ведійское нарѣчіе древне-индійскаго языка имѣло въ окончаніи между прочимъ ā, именно въ суффиксѣ -bhjā (при -bhjām); въ латинскомъ -bei, -bi въ tibei, sibei исчезло, повидимому, передъ ei индоевропейское j или j еще въ общеиталійскомъ языкѣ, а также и въ славянскомъ **-бѣ** въ **тебѣ**, **себѣ** можно предполагать утрату того же звука, происшедшую, вѣроятно, еще тогда, когда индоевропейское $\breve{a}$ въ этихъ словахъ было въ литовско-славянскомъ языкѣ неслоговою ирраціональною гласной. Съ латинскимъ -bei, -bi въ tibi, sibi тождественно, я думаю, и латинское -bei, -bī въ nobis, vobis, гдѣ къ старой формѣ на италійское -bei присоединено еще s въ качествѣ окончанія множественнаго числа; въ древне-индійскомъ языкѣ мы находимъ въ дательномъ падежѣ множественнаго числа личныхъ словъ тотъ же падежный суффиксъ, который употреблялся и въ единственномъ числѣ второго личнаго слова, т. е. суффиксъ -bhjām, а въ ведійскомъ нарѣчіи и -bhjā (на -bhjā указываетъ здѣсь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ метръ, хотя въ дошедшемъ до насъ текстѣ всюду стоитъ въ этой формѣ -bhjām). Отношеніе латинскаго -bei, -bi въ tibi, sibi, nobis, vobis къ древне-индійскому -bhjā при -bhjām однородно съ отношеніемъ латинскаго -hei, -hi въ mihi къ древне-индійскому -hjā при -hjām[1]) въ окончаніи дательнаго падежа единственнаго числа перваго личнаго слова (на ведійское -hjā указываетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ метръ); въ индоевропейскомъ языкѣ падежный

1) Древне-индійская звонкая согласная, обозначенная мною черезъ h, обыкновенно передается въ латинской транскрипціи буквою h; природа этой согласной не извѣстна намъ (я произношу γ), но во всякомъ случаѣ эта древне-индійская согласная должна быть отличаема отъ латинскаго h, т. е. отъ придыханія (не звонкаго).

суффиксъ этой формы начинался, я думаю, съ придыханія, и латинское h въ mihi я вывожу изъ индоевропейскаго hi̯ или hj (въ древне-индійскомъ языкѣ отсюда hi̯)[1]). Славянская форма дательнаго падежа **мънѣ** представляетъ въ основѣ новообразованіе (сравните **мъноѩ**), но конечное **ѣ** можетъ имѣть здѣсь такое же происхожденіе, какъ и въ формахъ дательнаго падежа **тебѣ, себѣ**.

По поводу славянскихъ формъ дательнаго падежа **тебѣ, себѣ** надо замѣтить, что соотвѣтственныя формы существовали и въ прусскомъ языкѣ, а именно мы находимъ здѣсь формы, которыя писались tebbe и tebbei «тебѣ» и sebbei «себѣ»; подобнымъ же образомъ и въ соотвѣтствіи съ славянскою формою дательнаго падежа **мънѣ** въ прусскомъ текстѣ мы находимъ mennei, откуда слѣдуетъ, что новообразованіе въ основѣ этой формы явилось еще въ литовско-славянскомъ языкѣ, хотя по отношенію къ гласной основы прусская и славянская формы не тождественны (прусское e изъ ă°, а славянское **ъ** изъ o̯). Окончаніе этихъ прусскихъ формъ, переданное въ текстѣ черезъ ei и e, было такое же, какъ, напр., и въ прусской глагольной формѣ be, bēi «онъ былъ», родственной съ старославянскою формой **бѣ** (въ третьемъ лицѣ); позволительно думать поэтому, что индоевропейское сочетаніе «o̯ + долгая слоговая носовая согласная» въ открытомъ концѣ словъ еще въ литовско-славянскомъ языкѣ перешло въ e. Въ такомъ случаѣ можно ждать, что и общеславянское ѣ изъ индоевропейскаго «o + краткая слоговая носовая согласная» въ открытомъ концѣ словъ восходитъ къ литовско-славянскому ẽ, а изъ сопоставленія общеславянской частицы *že (ž изъ g), откуда старославянское **же**, русское же, съ литовскою частицей gi (напр. въ литовскомъ nei-gi, соотвѣтствующемъ старославянскому **ни-же**) можно было бы вывести заключеніе, что общеславянское конеч-

1) Въ греческомъ языкѣ тотъ же индоевропейскій суффиксъ является, повидимому, въ формахъ дательнаго падежа ἐμίν, τεῖν и τίν, εἴν, а также въ ἡμῖν, ὑμῖν, хотя въ фонетическомъ отношеніи исторія этихъ формъ остается не вполнѣ ясною (изъ индоевропейскаго i̯o греческое ι).

ное ĕ изъ индоевропейскаго конечнаго «α̂ + краткая слоговая носовая согласная» образовалось изъ литовско-славянскаго ĕ[1], т. е. изъ ĕ закрытаго, которое въ балтійскихъ языкахъ перешло въ ĭ[1]).

Общеславянскимъ ĕ и ŏ, откуда i͡e, въ первоначальномъ открытомъ концѣ словъ изъ индоевропейскихъ сочетаній «α̯ + слоговая носовая согласная (краткая и долгая)» соотвѣтствуютъ при другомъ положеніи, т. е. передъ согласными, общеславянскія сочетанія ъ̯n̥, ъ̯m̥, съ ихъ фонетическими измѣненіями. Но мы знаемъ, что индоевропейское α̯ при какихъ-то фонетическихъ условіяхъ еще въ литовско-славянскомъ языкѣ измѣнялось не въ ъ̯, какъ обыкновенно, но въ ъ̆; что же получалось въ общеславянскомъ языкѣ изъ такихъ индоевропейскихъ сочетаній «α̯ + слоговая носовая согласная» въ открытомъ концѣ словъ? Случаи для такихъ сочетаній съ индоевропейскою долгою слоговою носовою согласной мнѣ не извѣстны изъ общеславянскаго языка, а что касается этихъ сочетаній съ индоевропейскою краткою слоговою носовой, то кажется, что общеславянскій языкъ имѣлъ здѣсь й и далѣе ъ, откуда старославянское ѫ, въ соотвѣтствіи съ литовскимъ й, при чемъ я не опредѣляю, произошло ли это славянское и балтійское й изъ литовско-славянскаго й или же изъ литовско-славянскаго ŏⁿ, т. е. изъ ŏ закрытаго. Примѣромъ такого общеславянскаго ъ можетъ служить старославянское ѫ въ частицѣ **гѫ**, соотвѣтствующей литовской частицѣ gu, напр., въ **нєгѫ-ли** «не — ли» («можетъ быть»), «нежели», при литовскомъ negu «не — ли?», «и не»; сравните **жє**, литовское gi, а также греческое γα, γε (γα въ однихъ діалектахъ, γε въ другихъ), если только греческое γ здѣсь не изъ индоевропейскаго g средненёбнаго (а иначе съ греческимъ γα можно сопоставить славянскую частицу **-ꙁъ**, о которой я говорю далѣе).

Сочетанія «гласная + носовая согласная» въ общеславянскомъ концѣ словъ. Исторію сочетаній «слоговая гласная + носовая

1) Въ литовскомъ предлогѣ į «въ» нельзя было бы въ такомъ случаѣ видѣть *фонетическое* измѣненіе индоевропейскаго *α̯n̥ въ *открытомъ концѣ слова*.

согласная» въ первоначальномъ концѣ словъ въ общеславянскомъ языкѣ я уже разсмотрѣлъ: мы видѣли, что и въ этомъ случаѣ, какъ и въ положеніи передъ согласными (т. е. вообще въ положеніи не передъ гласными), общеславянскій языкъ получалъ носовыя гласныя изъ такихъ сочетаній, при чемъ носовыя гласныя, возникавшія въ концѣ словъ, были въ общеславянскомъ языкѣ краткими (какъ изъ сочетаній «краткая гласная + носовая согласная», такъ и изъ сочетаній «долгая гласная + носовая согласная»), въ отличіе отъ долгихъ носовыхъ гласныхъ, развивавшихся передъ согласными. Долготу общеславянскихъ носовыхъ гласныхъ передъ согласными (какъ изъ сочетаній «краткая гласная + носовая согласная», такъ и изъ сочетаній «неслоговая ирраціональная гласная + слоговая носовая согласная») я объяснялъ тѣмъ, что носовыя согласныя, неслоговыя и слоговыя, въ такомъ положеніи были получены изъ литовско-славянскаго языка долгими (съ двумя видами долготы); слѣдовательно, краткость общеславянскихъ носовыхъ гласныхъ въ первоначальномъ концѣ словъ должна быть объясняема тѣмъ, что носовая согласная, именно n, какъ изъ первоначальнаго n, такъ и изъ m, была здѣсь въ общеславянскомъ языкѣ краткою въ эпоху образованія носовыхъ гласныхъ. По отношенію къ тѣмъ случаямъ, гдѣ общеславянская носовая согласная въ первоначальномъ концѣ словъ происходила изъ индоевропейской краткой носовой согласной, напр., въ окончаніи винительнаго падежа единственнаго числа отъ основъ на гласную, можно допустить, что эта носовая согласная въ такомъ положеніи оставалась краткою и въ литовско-славянскомъ языкѣ и такою же перешла и въ общеславянскій языкъ; по крайней мѣрѣ, изъ балтійскихъ языковъ я не вижу указаній на долготу такой носовой согласной въ первоначальномъ концѣ словъ. Но были и такіе случаи, гдѣ общеславянскій языкъ получилъ изъ литовско-славянскаго языка долгую носовую согласную въ первоначальномъ концѣ словъ, изъ индоевропейской долгой носовой согласной. Напр., литовско-славянскій языкъ имѣлъ долгое n (съ «длительною» долготой, изъ индоевропейской дол-

готы) въ окончаніи -mīn въ мѣстномъ падежѣ единственнаго числа мѣстоименій мужескаго и средняго рода, изъ индоевропейскаго -smīn (древне-индійское -smin), съ нефонетическою утратою s въ литовско-славянскомъ языкѣ (происхожденіе этой утраты я уже объяснялъ); долгота ī (и при томъ именно «длительная») въ этомъ литовско-славянскомъ -mīn засвидѣтельствована исторіею этого окончанія въ литовскомъ языкѣ, гдѣ мы находимъ -mi въ однихъ діалектахъ (при -mim-pi, въ соединеніи съ «постпозиціей» -pi), -me въ другихъ, а эти -mi и -me изъ -mīn указываютъ на то, что здѣсь нѣкогда существовало въ палитовскомъ языкѣ mį̄ съ «длительною» долготой гласной į. Общеславянскій языкъ изъ этого литовско-славянскаго -mīn получилъ въ результатѣ -mь, откуда и старославянское -**мь**, напр., въ формахъ **томь**, **кемь**, т. е. въ общеславянскомъ языкѣ долгая носовая согласная въ концѣ слова сократилась, такъ какъ -mь произошло здѣсь изъ -mį̄, не изъ -mį̄ (отсюда явилось бы -mi), но самое -mį̄ изъ -mīn могло явиться здѣсь черезъ посредство -mīn, если вмѣстѣ съ сокращеніемъ конечной носовой согласной удлинялась предшествовавшая краткая гласная, а на такой процессъ образованія этого -mį̄ указываетъ исторія въ общеславянскомъ языкѣ литовско-славянскихъ сочетаній «краткая гласная + носовая согласная» въ непервоначальномъ концѣ словъ.

Общеславянскій языкъ получилъ изъ литовско-славянскаго языка сочетанія «гласная + носовая согласная» въ непервоначальномъ концѣ словъ въ тѣхъ именно случаяхъ, гдѣ за носовою согласной отпала мгновенная согласная, такъ какъ мгновенныя согласныя въ первоначальномъ концѣ словъ отпадали, я думаю, еще въ литовско-славянскомъ языкѣ. Случай такого рода является въ общеславянскомъ окончаніи третьяго лица множественнаго числа несигматическаго аориста и имперфекта; общеславянскій языкъ въ эпоху его распаденія имѣлъ здѣсь -ѫ, откуда старославянское -**ѫ**, напр., въ формахъ **ндѫ**, **падѫ**, **несѣхѫ**, **глаголахѫ**. Это славянское -ѫ произошло изъ индоевропейскаго -ă°nt въ третьемъ лицѣ множественнаго числа прошедшихъ временъ

тематическаго спряженія (ă° окончаніе основы, а nt личный суффиксъ), и съ -ѫ въ формахъ третьяго лица множественнаго числа аориста **ндѫ**, **падѫ** тождественно греческое -ον изъ -ont (съ фонетическимъ отпаденіемъ конечнаго t), напр., въ формахъ третьяго лица ἔφερον, ἔλιπον. Мы знаемъ, однако, что въ общеславянскомъ языкѣ еще ранѣе образованія носовыхъ гласныхъ ŏ въ конечномъ закрытомъ слогѣ перешло въ ŭ, и изъ индоевропейскаго -ă°nt въ общеславянскомъ языкѣ можно бы ждать поэтому въ результатѣ -ъ, старославянское -**ъ**, такъ какъ конечное t не существовало уже въ эпоху измѣненія ŏ въ ŭ (сравните *to, **то**, изъ индоевропейскаго *tă°d). Какъ же получилось общеславянское ѫ въ окончаніи третьяго лица множественнаго числа прошедшихъ временъ? Общеславянское ѫ въ концѣ словъ, т. е. ǭ, указываетъ, какъ мы знаемъ, на болѣе древнее ā°n, и вопросъ сводится, слѣдовательно, къ тому, какъ получилось общеславянское конечное ā°n изъ индоевропейскаго ă°nt. Я объясняю этотъ фактъ слѣдующимъ образомъ. Отпаденіе конечнаго t, какъ мгновенной согласной, произошло въ литовско-славянскомъ языкѣ тогда, когда въ положеніи передъ согласными носовыя согласныя, какъ и плавныя, были долгими (съ различнымъ качествомъ долготы), а я говорилъ уже прежде о томъ, что литовско-славянскій языкъ имѣлъ долгія носовыя согласныя и долгія плавныя въ положеніи передъ согласными; слѣдовательно, изъ -ă°nt при отпаденіи конечнаго t получалось -ă°n̄ (съ «прерывистою» долготою n), и отсюда-то или непосредственно изъ -ŏn̄ я вывожу общеславянское -ā°n, т. е. думаю, что долгая носовая согласная, являвшаяся въ концѣ слова, сокращалась, удлиняя предшествовавшую гласную.

Такое же происхожденіе имѣло общеславянское конечное ѫ въ старославянской формѣ третьяго лица множественнаго числа **бѫ** (въ паннонскихъ глаголическихъ текстахъ), совпадавшей по употребленію съ формой **бишѧ**, т. е. являвшейся въ значеніи формы условнаго наклоненія вспомогательнаго глагола. Эта форма **бѫ** была получена изъ индоевропейскаго языка съ значе-

ніемъ формы сослагательнаго наклоненія и восходитъ именно къ индоевропейской формѣ *bhu̯ă°nt изъ *bhŭă°nt (корень въ слабомъ видѣ bhŭ-, суффиксъ основы глагольной формы ă°/ă°, личный суффиксъ nt); утрата u̯ послѣ начальной согласной могла явиться въ литовско-славянскомъ языкѣ, а можетъ быть она допускалась, при извѣстномъ фонетическомъ употребленіи формы, и въ индоевропейскомъ языкѣ (сравните сказанное мною по поводу **бн-** въ формахъ **бнмь, бн** и т. д.). Родственная съ **бѫ** древнеиндійская форма (bhuvan въ значеніи сослагательнаго наклоненія) восходитъ къ индоевропейской формѣ *bhŭvă°nt, отъ корня bhū-, существовавшаго при bhŭ-.

Здѣсь могу я объяснить и происхожденіе общеславянской формы третьяго лица множественнаго числа условнаго наклоненія (изъ древняго желательнаго) *bī, о которой я уже упоминалъ, и которая въ старославянскомъ языкѣ была замѣнена новообразованіемъ **бѣша** (по аналогіи формы **бѣша**). Эта форма третьяго лица множественнаго числа *bī образовалась изъ литовско-славянской формы *bi̯ĭnt, т. е. *bi̯ĭn̄t, откуда *bi̯ĭn̄; изъ *bi̯ĭn̄ получилось въ общеславянскомъ языкѣ *bi̯ĭn, *bĭį̆ (изъ конечнаго ĭn мы должны ждать въ общеславянскомъ языкѣ į̆) и въ результатѣ *bī, черезъ посредство *bį̄.

Итакъ, надо думать, что въ общеславянскомъ языкѣ литовско-славянскія сочетанія «слоговая гласная + долгая носовая согласная» въ концѣ словъ (какъ въ первоначальномъ, такъ и въ непервоначальномъ) получили краткую носовую согласную, при чемъ предшествовавшая гласная, если была краткою, удлинялась.

Что касается индоевропейскихъ сочетаній «a̯ + слоговая носовая согласная», то, какъ я объяснялъ уже, въ первоначальномъ концѣ словъ общеславянскій языкъ не получилъ носовой согласной въ такихъ сочетаніяхъ. Въ непервоначальномъ концѣ словъ, тамъ, гдѣ въ концѣ отпала мгновенная согласная еще въ литовско-славянскомъ языкѣ, общеславянскій языкъ получилъ эти индоевропейскія сочетанія въ томъ же видѣ, какъ и въ поло-

женіи передъ согласными: сюда принадлежитъ окончаніе третьяго лица множественнаго числа въ сигматическомъ аористѣ, гдѣ общеславянское -ѧ, старославянское -ѧ въ **рєкошѧ**, **рѣшѧ**, **чисѧ**, образовалось изъ того -ь̯n̥, которое произошло, какъ показываетъ сравнительная грамматика, изъ индоевропейскаго -α̯n̥t; слѣдовательно, конечное t отпало, хотя и въ литовско-славянскомъ языкѣ, послѣ того, какъ индоевропейскія сочетанія «α̯ + слоговая носовая согласная» подверглись измѣненію въ гласныя не носовыя. На основаніи того, что въ литовско-славянскомъ окончаніи -ă°n изъ индоевропейскаго -ă°nt конечное t отпало, какъ мы видѣли, тогда, когда n стало уже долгимъ въ положеніи передъ согласною, надо думать, что и литовско-славянское окончаніе -ь̯n̥ изъ индоевропейскаго -α̯n̥t имѣло n̥ долгое, т. е. образовалось изъ -ь̯n̥t съ n̥ уже долгимъ въ положеніи передъ согласною; въ общеславянскомъ языкѣ конечное n̥ въ этомъ -ь̯n̥ оставалось, можетъ быть, долгимъ въ эпоху образованія носовыхъ гласныхъ, т. е. ѧ, получавшееся изъ этого ь̯n̥, могло быть такимъ же долгимъ ę (ę̄), какъ и то ѧ, которое являлось изъ ь̯n̥, ь̯m̥ передъ согласными.

Въ эпоху распаденія общеславянскій языкъ имѣлъ носовыя гласныя въ непервоначальномъ концѣ словъ и тамъ, гдѣ отпала конечная согласная въ самомъ общеславянскомъ языкѣ, но въ этихъ случаяхъ никогда не существовали въ концѣ словъ сочетанія «гласная + носовая согласная», т. е. носовыя гласныя въ этихъ случаяхъ образовались еще тогда, когда сохранялась конечная согласная.

Сочетанія «гласная + плавная» въ общеславянскомъ концѣ словъ. Достовѣрные примѣры для сочетаній «первоначальная долгая гласная + плавная» въ концѣ словъ изъ общеславянскаго языка не извѣстны; общеславянскія *mātī, *dъčt(i)ī (старославянскія **мати**, **дъшти**), гдѣ конечное ī, какъ мы видѣли, изъ литовско-славянскаго ē съ извѣстнымъ качествомъ долготы, могли быть получены изъ литовско-славянскаго языка съ ē въ окончаніи, изъ индоевропейскаго ā^e (сравните литовскія mótė,

duktē), а не съ -ēr, изъ индоевропейскаго -ā°r (греческія μήτηρ, θυγάτηρ).

Случаи для сочетаній «первоначальная краткая или ирраціональная гласная + плавная» въ *первоначальномъ* концѣ словъ изъ общеславянскаго языка также не извѣстны; правда, западнославянскіе языки, за исключеніемъ чешскаго, имѣютъ предлогъ изъ общеславянскаго предлога *per (напр., польск. prze) и *pi͡er (напр., полабск. pe¹r), «ради, для», полученнаго изъ литовско-славянскаго *per (литовское per «черезъ», сравните латинское per), но такъ какъ предлогъ является въ рѣчи въ тѣсномъ сочетаніи съ слѣдующимъ словомъ, то потому конечные звуки предлоговъ не могутъ служить ясными примѣрами для конечныхъ звуковъ словъ. Общеславянскій предлогъ *per и *pi͡er (изъ *pēr) въ звуковомъ отношеніи ничѣмъ не отличался отъ тождественной съ нимъ по происхожденію приставки *per- и *pi͡er-, которую я приводилъ въ числѣ примѣровъ для общеславянскаго сочетанія -er- при -i͡er- между согласными, и потому можно думать, что какъ въ приставкѣ *per- тотъ ея фонетическій видъ, какой существовалъ въ положеніи передъ согласными, переносился затѣмъ и въ положеніе передъ гласными, такъ и въ предлогѣ *per- получалъ господство тотъ его фонетическій видъ, который развивался въ положеніи передъ согласными.

Сочетанія «первоначальная краткая или ирраціональная гласная + плавная» въ *непервоначальномъ* концѣ словъ, именно тамъ, гдѣ въ самомъ общеславянскомъ языкѣ съ теченіемъ времени отпала конечная согласная, слѣдовавшая за плавною, существовали въ эпоху распаденія общеславянскаго языка въ тѣхъ формахъ второго и третьяго лицъ единственнаго числа сигматическаго аориста, изъ которыхъ произошли старославянскія формы **ꙁа-кла**, **оу-мрѣ**, **по-жрѣ** (въ первомъ лицѣ единственнаго числа: **ꙁа-клахъ**, **оу-мрѣхъ**, **по-жрѣхъ**) и соотвѣтственныя образованія нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ языковъ. Общеславянскій языкъ имѣлъ здѣсь такія формы, какъ *kol при *kāl, *mer при *mi͡er, *žьgъ, изъ болѣе древнихъ *kolˀ при *kālˀ, *merˀ при *mi͡erˀ

(изъ *mēr̥χ), *žь̥r̥χ, гдѣ -χ (или та фрикативная согласная, изъ которой происходило χ) во второмъ лицѣ изъ первоначальнаго -ss (первое s суффиксъ аориста, второе s личный суффиксъ), а въ третьемъ лицѣ изъ первоначальнаго -st (t, личный суффиксъ, отпало еще въ литовско-славянскомъ языкѣ); слѣдовательно, въ этихъ случаяхъ общеславянскія сочетанія «гласная + плавная», сохранялись въ концѣ словъ въ томъ видѣ, какой они получили еще въ положеніи передъ согласною. Итакъ, хотя въ общеславянскомъ языкѣ въ эпоху его распаденія, какъ мы увидимъ далѣе, не допускались вообще согласныя въ концѣ словъ, тѣмъ не менѣе существовали, однако, плавныя послѣ гласныхъ въ непервоначальномъ концѣ словъ. По отношенію къ такимъ случаямъ, какъ *žь̥r̥ или *tь̥r̥, откуда старославянскія діалектическія **жръ**, **тръ**, можно думать, конечно, что плавная въ концѣ слова сохранялась здѣсь потому, что была слоговою, между тѣмъ какъ согласныя, отпадавшія въ концѣ словъ въ общеславянскомъ языкѣ, были неслоговыми; слѣдовательно, и по отношенію къ такимъ случаямъ, какъ *kol при *kāl, *mer при *mi̯er (старославянскія **кла**, **мрѣ**), можно предполагать, что плавная была здѣсь въ общеславянскомъ языкѣ слоговою, т. е. мы находимъ въ этихъ случаяхъ подтвержденіе того предположенія, которое я высказалъ относительно слогового свойства плавныхъ въ общеславянскихъ сочетаніяхъ «первоначальная краткая гласная + плавная» въ положеніи между согласными.

Измѣненіе въ общеславянскомъ языкѣ конечныхъ ь *и* ъ, *изъ литовско-славянскихъ конечныхъ гласныхъ, въ сочетаніяхъ словъ.* Въ ту эпоху жизни общеславянскаго языка, когда здѣсь сохранялись конечныя согласныя, полученныя изъ литовско-славянскаго языка, за исключеніемъ носовыхъ, и когда ь и ъ носовыя (изъ ę и ǫ) еще не утратили носового свойства, въ это время конечныя ь и ъ не носовыя при извѣстномъ фонетическомъ положеніи въ сочетаніи словъ (при извѣстномъ вліяніи начала слѣдующаго слова) отпадали, а при какомъ-то другомъ положеніи конечное ь не носовое переходило въ ъ. Фонетическіе варіанты

одного и того же слова, получавшіеся такимъ образомъ, вліяли затѣмъ другъ на друга, т. е., напр., слово съ отпавшимъ конечнымъ ь или ъ могло переноситься и въ такое положеніе, при которомъ это ь или ъ по фонетическимъ условіямъ должно бы было сохраняться, и наоборотъ. Поэтому трудно опредѣлить съ точностью тѣ условія, которыя вызывали въ этихъ случаяхъ въ общеславянскомъ языкѣ отпаденіе конечныхъ ирраціональныхъ гласныхъ и измѣненіе конечнаго ь въ ъ. Относительно того, какъ происходило отпаденіе конечныхъ ь и ъ, можно предполагать, что сперва конечныя ирраціональныя гласныя становились неслоговыми въ положеніи безъ ударенія передъ ударяемою гласной слѣдующаго слова (сравните ъ̯ въ *čölъ̯i͡ekъ), и что затѣмъ эта неслоговая ирраціональная гласная могла переноситься и въ положеніе передъ согласною и въ этомъ положеніи фонетически исчезала, какъ скоро не препятствовало тому стеченіе согласныхъ (какъ въ *čölvi͡ekъ); надо замѣтить при этомъ, что послѣ носовой согласной конечная ирраціональная гласная не исчезала вполнѣ, вѣроятно вслѣдствіе того, что въ эту эпоху въ общеславянскомъ языкѣ не существовали вообще носовыя согласныя въ положеніи безъ послѣдующей гласной. Что же касается измѣненія конечнаго ь, изъ литовско-славянскаго конечнаго ĭ, въ ъ, то, можетъ быть, фонетическимъ условіемъ для этого явленія было положеніе ь (безъ ударенія?) передъ твердою гласной въ началѣ слѣдующаго слова. Относительно согласныхъ, получавшихся въ концѣ словъ вслѣдствіе отпаденія конечныхъ ь и ъ (изъ литовско-славянскихъ конечныхъ гласныхъ), надо замѣтить, что эти согласныя въ дальнѣйшемъ періодѣ жизни общеславянскаго языка, когда здѣсь не допускались вообще согласныя неслоговыя въ концѣ словъ, должны были отпадать фонетическимъ путемъ; только при слитіи даннаго слова съ слѣдующимъ словомъ въ одномъ словѣ эти согласныя, занимая мѣсто уже не въ концѣ слова, продолжали сохраняться и въ позднѣйшую эпоху. О тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ мы находимъ въ общеславянскомъ языкѣ отпаденіе такихъ конечныхъ согласныхъ, за кото-

рыми исчезли ь или ъ, я буду говорить впослѣдствіи, при обзорѣ исторіи согласныхъ, а пока остановлюсь на случаяхъ какъ отпаденія самихъ ь и ъ, изъ литовско-славянскихъ конечныхъ гласныхъ, такъ и измѣненія этихъ ь въ ъ.

Подвижное конечное ъ существовало въ общеславянскомъ языкѣ, напр., въ тѣхъ предлогахъ, которые оканчивались въ полномъ видѣ на -zъ; изъ памятниковъ старославянскаго языка предлоги **безъ**, **изъ**, **възъ**, **разъ** (діалектическое **розъ**) извѣстны намъ по бо́льшей части безъ конечнаго **ъ**, и при томъ не только въ сложеніи съ другимъ словомъ, но **безъ**, **изъ**, **възъ** также и въ сочетаніи съ падежными формами (предлогъ **разъ** употреблялся только какъ приставка). Напр., **безмьздьникъ**, **безоумьнъ**, **безмене**, **бес-печали**, **възгласи**, **въздати**, **възьми**, **въскрьснѫти**, **въз-благодать**, **въс-кѫѭ**, **избишѧ**, **изгънати**, **изити**, **испиѭть**, **из-мене**, **из-народа**, **из-оустъ**, **ис-тебе**, **раздѣли**, **разоумьнъ**, **распѧти**. Рѣдко въ древнихъ текстахъ мы находимъ **ъ** въ окончаніи этихъ предлоговъ; напр., въ Остромировомъ евангеліи нѣсколько разъ является **ъ** только въ **изъ** (напр., **изъ юности**, **изъ облака**, **изъшьдъ**) да одинъ разъ въ **възъ** (**възълюбилъ**). Въ общеславянскомъ *-zъ въ окончаніи нѣкоторыхъ предлоговъ (а также въ личномъ словѣ *jāzъ «я», о которомъ я говорю далѣе) я вижу частицу, въ которой для ъ я предполагаю такое же происхожденіе, какъ и въ частицѣ *-gъ, т. е. вывожу ъ изъ индоевропейскаго сочетанія «α̯ + слоговая носовая согласная» въ концѣ слова; славянское z въ *-zъ указываетъ на индоевропейское g средненёбное. Употребленіе этой частицы въ соединеніи съ предлогами извѣстно было еще въ литовско-славянскомъ языкѣ: съ общеславянскимъ *bezъ (**безъ**, русское безъ) сравните латышское bez «безъ» (конечная краткая гласная отпала фонетически), между тѣмъ какъ въ литовскомъ языкѣ тотъ же предлогъ является какъ be, т. е. безъ соединенія съ такою частицей. Общеславянское *vъzъ (**възъ**, русское воз-, вз-) родственно или даже тождественно съ литовскимъ uż- «воз-», латышскимъ uz «на», uz- «воз-»; здѣсь, повидимому, еще въ литовско-славянскомъ языкѣ

вполнѣ слилась частица съ извѣстнымъ предлогомъ (древнеиндійское ud- «воз-» ?). Общеславянское *izъ (**изъ**, русское изъ) образовалось изъ соединенія съ частицей *-zъ того предлога, который въ литовскомъ языкѣ является какъ iš «изъ», безъ соединенія съ такою частицей. Общеславянскія *rozъ (старославянское діалектическое **розъ**, русское роз-) и *ārzъ (старославянское **разъ**) произошли фонетически (съ различіемъ по діалектамъ) изъ болѣе древняго *or-zъ, гдѣ *or- тождественно съ балтійскимъ ar-, напр., въ прусскомъ ar-warbs «дрога», въ литовскомъ al-varas, изъ *ar-varas, «дрога» (въ томъ же значеніи и pér-varas); съ литовскимъ alvaras родственно, какъ указывали лингвисты, чешское roz-vora съ тѣмъ же значеніемъ, польское roz-wora, а также церковнославянское **раз-воръ** «vectis» (вторая часть та же, что въ русскихъ за-воръ, за-вора). Частица *-zъ въ общеславянскомъ языкѣ могла присоединяться также къ предлогамъ *per, *pi͡er (церковнославянское въ памятникахъ сербской редакціи **прѣзъ**, русское діалектическое перезъ) и *pro (сербское и малорусское проз). Съ употребленіемъ общеславянской частицы *-zъ при предлогахъ аналогично въ балтійскихъ языкахъ употребленіе частицы -gi (напр., въ литовскихъ prë-g; in-gi, ing; nů-gi, nůg).

Въ общеславянскомъ предлогѣ *obь (русское объ) существовало подвижное конечное ь, допускавшее и измѣненіе въ ъ. Въ старославянскихъ памятникахъ мы находимъ этотъ предлогъ обыкновенно безъ гласной въ концѣ; напр., **об-онъ полъ, об-ношть вьсѫ, обрѣсти, облобыꙁа, обѧтъ** (объ **о** вмѣсто **об** я говорю далѣе). Иногда являются въ сложеніи **обь-** и **объ-**: въ Зографскомъ евангеліи только **обь-**, въ четырехъ случаяхъ, напр., **обьхождааше**, въ Остромировомъ евангеліи одинъ разъ **обь-**, въ **обьѥмлють** (вмѣсто **обьѥмлѭть**), и одинъ разъ **объ-**, въ **объимъ**, въ Супрасльской рукописи **обь-**, напр., въ **обьходѧ, обьѩти**, и **объ-** (частію изъ **обь-**), напр., въ **объѩтъ, объстоѩштаѩ**, въ Маріинскомъ евангеліи **объ-** (изъ **обь-** ?), именно въ **объхождааше** и **объстоимъ**, въ Хиландарскихъ листкахъ (отрывокъ паннонскаго текста) **обь-**,

именно въ **обьходѧтъ** и **обьходитъ**. Общеславянское *obь, откуда *obъ и *ob, родственно съ греческимъ ἀμφί (еще ближе древне-индійское abhi); различіе между *obь и ἀμφί такое же, какъ между *obā, **оба**, и греческимъ ἄμφω. На ь въ *obь указываетъ и производное отъ него слово, являющееся въ старославянскомъ **обьшть** (русское обчій, между тѣмъ какъ общій заимствовано), изъ общеславянскаго *obьčt(i)ь.

Предлогъ **отъ** (русское отъ) въ старославянскихъ текстахъ сохраняетъ **ъ** при употребленіи въ качествѣ предлога, а при сложеніи съ другимъ словомъ въ одномъ словѣ является чаще также съ **ъ**, но въ нѣкоторыхъ сложеніяхъ обыкновенно или часто и безъ **ъ**. Напр., въ Остромировомъ евангеліи въ формахъ глаголовъ **отъвѣщати**, **отъкрыти**, **отъпоустити** вездѣ **отъ-** съ **ъ**, но, напр., формы глагола **отити** вездѣ имѣютъ **от-** безъ **ъ** или, напр., формы глагола **отрѣшити** обыкновенно имѣютъ **от-**, одинъ разъ **отъ-** (но **отърєщи**, **отърицати**), при **отъıати**, **отъимєть** также и **отѧти**, при **отъврьз-** и **отврьз-** и т. д. Или, напр., въ Маріинскомъ евангеліи въ **отъвѣштати**, **отъкрыти**, **отъпоустити**, **отърєшти** вездѣ **отъ-**, но, напр., въ **отити**, **отрѣшити**, **отвръз-** вездѣ **от-**, а, напр., при **отъıати**, **отъимєтъ** и **отѧти**, **отьмєтъ**. На основаніи такого употребленія **отъ**, **отъ-**, **от-**, представляющаго отличіе отъ употребленія предлоговъ на **-зъ** и предлога **обь**, **объ**, гдѣ, какъ мы видѣли, обыкновенно отсутствуетъ конечная гласная въ старославянскихъ текстахъ, я предполагаю, что въ общеславянскомъ *otъ, *otъ-, *ot-, совпали два слова: предлогъ *otъ изъ древняго нарѣчія *otos (родственно древне-индійское atas «отсюда», «оттуда»), при чемъ, слѣдовательно, конечное ъ въ этомъ *otъ было по условіямъ образованія фонетически неподвижнымъ, и предложная приставка *otъ- *ot- изъ того *otь-, которое я сопоставляю съ литовскимъ діалектическимъ ati- «от-» (при at- и ata-).

Общеславянскія мѣстоименныя нарѣчія на -γdā и -γdȳ, изъ -gdā и -gdȳ, являющіяся, напр., въ старославянскихъ **къгда** при **когда**, **тъгда** при **тогда**, **ѥгда**, въ русскихъ когда и когды, колды,

тогда и тогды, толды, образовались, я думаю, изъ нарѣчій на -gъ, гдѣ ъ было фонетически подвижнымъ, съ присоединеніемъ -dā, -dȳ подъ вліяніемъ такихъ нарѣчій, какъ *kъdā и *kъdȳ, *tъdā и *tъdȳ (отсюда, напр., старославянское **никъда** «никогда»); нарѣчія же на -gъ, какъ *kъgъ и *kogъ, заключали въ себѣ, вѣроятно, частицу -gъ, гдѣ ъ, какъ я объяснялъ, можетъ восходить къ литовско-славянской конечной краткой гласной (литовское -gu). Надо замѣтить, что въ памятникахъ старославянскаго языка вмѣсто обыкновеннаго -**гда** въ **къгда** и **когда**, **тъгда** и **тогда** и т. д., иногда, хотя и очень рѣдко, встрѣчается -**гъда** (въ Синайскомъ требникѣ -**гда**); въ Остромировомъ евангеліи два такихъ случая, именно одинъ разъ **никогъда** и одинъ разъ **кгъда**. Это -**гъда** могло бы указывать на общеславянское рѣдкое -gъdā при обыкновенномъ -gdā.

Общеславянское *ne-gъ (сравните литовское ne-gu) въ старославянскомъ **негъ-ли** «не — ли», «нежели» (напр., въ Саввиной книгѣ, въ Маріинскомъ евангеліи) имѣло подвижное ъ въ частицѣ -gъ, а *neg изъ *negъ измѣнялось при извѣстномъ фонетическомъ положеніи въ *nek, откуда *nek-lī при *neg-lī, старославянское **некли** (въ Супрасльской рукописи) при **негли** (въ Супрасльской рукописи), а по аналогіи съ **негъли** при **негли** являлось и **некъли** при **некли** (напр., въ Зографскомъ евангеліи, въ Супрасльской рукописи).

Въ окончаніяхъ третьяго лица единственнаго и множественнаго чиселъ настоящаго времени общеславянскій языкъ имѣлъ -tь, изъ индоевропейскаго -ti, напр., въ *jestь (**есть**), *berеть (**беретъ**), *bergtь (**беретъ**), *dadatь (**дадатъ**); въ третьемъ лицѣ единственнаго числа сравните литовское -ti въ ésti «есть», греческое дорическое -τι, іоническое и аттическое -σι (изъ -τι), а послѣ σ -τι, въ нетематическомъ спряженіи, напр., въ δίδωτι, δίδωσι; ἐστί, а въ третьемъ лицѣ множественнаго числа сравните греческое дорическое -τι, іоническое и аттическое -σι, напр., въ φέροντι, φέρουσι. Въ общеславянскомъ языкѣ конечное ь въ этомъ -tь, не имѣвшее на себѣ ударенія, по условіямъ его происхожденія (изъ литовско-славянской конечной краткой гласной) было

подвижнымъ и допускало измѣненіе въ ъ, подобно тому какъ, напр., *oьь могло измѣняться здѣсь въ *oь, *o и въ *oъ; объ отпаденіи конечной гласной въ этихъ формахъ на -ѣь я буду говорить впослѣдствіи, а пока остановлюсь на чередованіи здѣсь формъ на -ѣь и на -ѣъ. Въ старославянскомъ языкѣ продолжали существовать въ третьемъ лицѣ настоящаго времени тѣ и другія образованія, т. е. какъ на **-ть**, такъ и на **-тъ**, при чемъ въ нѣкоторыхъ діалектахъ являлись формы на **-ть**, а въ другихъ формы на **-тъ**. Въ паннонскихъ текстахъ мы находимъ здѣсь обыкновенно **-тъ**, напр., **ѥстъ**, **дастъ**, **берѣтъ**, **бержтъ**, **сѫтъ**, **дадѧтъ**, между тѣмъ какъ **-ть** въ этихъ формахъ встрѣчается вообще очень рѣдко въ паннонскихъ текстахъ, но въ одномъ отрывкѣ паннонскаго текста, именно въ Новгородскихъ евангельскихъ листкахъ (сохранились два листа), господствуютъ формы на **-ть** (26 случаевъ формы единственнаго числа и 7 случаевъ формы множественнаго числа), тогда какъ **-тъ** встрѣчается здѣсь рѣдко (4 случая формы единственнаго числа). Въ старославянскихъ памятникахъ русской редакціи, какъ въ Остромировомъ евангеліи, такъ и въ другихъ, обыкновенно являются формы на **-ть**, т. е., напр., **ѥсть**, **дасть**, **берѣть**, **бержть**, **сѫть**, **дадѧть**, хотя, напр., въ Остромировомъ евангеліи есть нѣсколько единичныхъ случаевъ такихъ формъ и на **-тъ**; **-ть** въ этихъ памятникахъ не можетъ быть объясняемо, конечно, исключительно тѣмъ, что въ древнерусскомъ языкѣ существовали здѣсь формы на -ть (т. е. на мягкое т), хотя можно думать, что въ старославянскихъ оригиналахъ русскихъ списковъ формы на **-тъ** встрѣчались не такъ рѣдко при обыкновенныхъ формахъ на **-ть**. Современныя русскія формы на твердое т (тъ) въ третьемъ лицѣ, напр., беретъ, дастъ, берутъ, ѣдятъ, образовались изъ формъ на мягкое т (-ть), съ фонетическимъ отвердѣніемъ конечной согласной; въ современныхъ нарѣчіяхъ собственно русскаго языка, а также въ значительной части нарѣчій малорусскаго языка, продолжаетъ существовать мягкость т (-ть) въ окончаніи этихъ формъ, а въ есть, вѣсть и наше литературное нарѣчіе имѣетъ сочетаніе ст съ мягкими с и

т послѣ звука е (ѣстъ вмѣсто ѣсть подъ вліяніемъ твердаго т въ окончаніи формы третьяго лица въ другихъ глаголахъ, между тѣмъ какъ на есть и вѣсть не распространилось это вліяніе, вслѣдствіе того, что есть и вѣсть по ихъ употребленію выдѣлились изъ глагольныхъ формъ третьяго лица). Съ **-ть** и **-тъ** въ третьемъ лицѣ единственнаго числа настоящаго времени тождественны **-ть** и **-тъ** въ старославянскихъ формахъ на **-сть** и **-стъ** въ аористѣ (сигматическомъ) нетематическаго спряженія, именно въ **дасть, дастъ** при **да, ѣсть** и **ѧсть, ѧстъ** (ѧ- въ діалектахъ изъ начальнаго **ѣ-**) при **ѣ** (**нѯ-ѣ**), ***ѧ, бысть, быстъ** при **бы**, при чемъ формы на **-сть** и **-стъ** переносились также и на второе лицо единственнаго числа аориста, вслѣдствіе совпаденія второго и третьяго лицъ аориста въ формахъ **да, ѣ** (***ѧ**), **бы**. И здѣсь въ паннонскихъ текстахъ является обыкновенно **ъ** въ окончаніи, при очень рѣдкомъ **ь**, между тѣмъ какъ въ Остромировомъ евангеліи и въ другихъ памятникахъ русской редакціи и здѣсь находимъ мы **ь**; въ Новгородскихъ евангельскихъ листкахъ встрѣчается только одинъ случай такой формы аориста, и при томъ именно на **ь**, какъ мы и должны ждать здѣсь (**прѣбысть**). Въ этихъ формахъ аориста **-сть** и **-стъ** перенесены изъ формъ настоящаго времени **дасть** и **дастъ, ѣсть, ѧсть** и **ѣстъ, ѧстъ**, а также **ѥсть** и **ѥстъ**, а именно подъ вліяніемъ аналогіи чередованія этихъ формъ настоящаго времени съ болѣе краткими формами **ѥ**, ***да**, ***ѣ** (***ѧ**), гдѣ фонетически отпало еще въ общеславянскомъ языкѣ окончаніе -st изъ -stь, и при формахъ аориста **да, ѣ** (***ѧ**) явились новообразованія **дасть, дастъ** и **ѣсть** (**ѧсть**), **ѣстъ** (**ѧстъ**), а далѣе по аналогіи съ этими новообразованіями и подъ вліяніемъ **ѥ** при **ѥсть, ѥстъ** получалось новообразованіе **бысть, быстъ** и при формѣ аориста **бы**. Изъ настоящаго времени были перенесены въ старославянскомъ языкѣ окончанія третьяго лица **-ть** и **-тъ** также и въ такія, рѣдкія въ древнихъ памятникахъ, образованія третьяго лица единственнаго числа имперфекта, какъ **моѹждашеть** въ Остромировомъ евангеліи (встрѣчается одинъ разъ), **ѯапрѣщашетъ** въ Саввиной книгѣ (встрѣчается одинъ разъ), вмѣсто обыкновен-

ныхъ формъ на **-шє**. Что же касается формъ на **-тъ** въ третьемъ (а отсюда и во второмъ) лицѣ единственнаго числа аориста на **-хъ** въ непроизводныхъ глаголахъ тематическаго спряженія, напр., **бнтъ, пѣтъ, ꙗтъ, начѧтъ, оумрѣтъ**, при параллельныхъ образованіяхъ безъ **-тъ**: **бн, пѣ, ꙗ, начѧ, оумрѣ**, то здѣсь, какъ въ паннонскихъ текстахъ, такъ и въ древнѣйшихъ старославянскихъ памятникахъ русской редакціи, напр., въ Остромировомъ евангеліи, исключительно является **ъ** въ окончаніи **-тъ**, безъ варіанта **ь**; отсюда видно, слѣдовательно, что окончаніе **-тъ** въ этихъ старославянскихъ формахъ аориста не было перенесено изъ настоящаго времени, такъ какъ иначе и здѣсь существовало бы **-ть** при **-тъ**. Я сопоставляю эти старославянскія формы аориста на **-тъ** съ прусскими формами третьяго лица единственнаго числа прошедшаго времени на -ts, существовавшими при формахъ безъ этого окончанія, напр., daits «онъ далъ» при dai, billāts «онъ сказалъ» при billā, immats «онъ взялъ» при imma (въ astits «есть» то же -ts присоединено къ формѣ настоящаго времени). Старославянское **-тъ** и прусское -ts указываютъ на литовско-славянское *tă°s (въ прусскомъ языкѣ фонетически выпала здѣсь гласная), а въ этомъ *tă°s я вижу указательное мѣстоименіе (старославянское **тъ**), которое еще въ литовско-славянскомъ языкѣ могло употребляться, слѣдовательно, въ качествѣ формальнаго слова (нѣкогда измѣнявшагося, вѣроятно, по грамматическому роду подлежащаго глагола) непосредственно за формами третьяго лица единственнаго числа прошедшихъ временъ, послѣ того какъ въ этихъ формахъ фонетически отпало конечное t, составлявшее личный суффиксъ; употребленіе этого формальнаго слова въ литовско-славянскомъ языкѣ являлось, вѣроятно, преимущественно при односложныхъ глагольныхъ формахъ прошедшаго времени, какъ позволяетъ думать старославянскій языкъ, гдѣ мы находимъ окончаніе **-тъ** такого происхожденія въ соединеніи именно съ односложными формами аориста[1]). Это старославян-

1) Совершенно единичными являются такіе случаи, какъ **сп҃етъ** (**съпасетъ**) вмѣсто **сп҃е** два раза въ Саввиной книгѣ и одинъ разъ въ Евангельскихъ лист-

ское **-тъ** въ аористѣ имѣетъ, слѣдовательно, общеславянское ъ неподвижное (изъ конечнаго -ŏs), т. е. **ъ** здѣсь не принадлежитъ къ числу тѣхъ конечныхъ **ь** и **ъ**, которыя мы теперь разсматриваемъ.

Какъ въ общеславянскихъ окончаніяхъ третьяго лица настоящаго времени конечное ь, изъ первоначальнаго конечнаго ĭ, измѣнялось при извѣстныхъ условіяхъ въ ъ и было при этомъ подвижнымъ, такъ и въ суффиксѣ -mь, изъ индоевропейскаго -mĭ, въ первомъ лицѣ единственнаго числа настоящаго времени въ глаголахъ нетематическаго спряженія общеславянскій языкъ имѣлъ ь способное переходить въ ъ, хотя и не отпадавшее вполнѣ, такъ какъ ь, ъ являлись здѣсь въ положеніи послѣ носовой согласной; съ этимъ общеславянскимъ личнымъ суффиксомъ -mь, откуда и -mъ, сравните греческое -μι, напр., εἰμί, εἶμι, δίδωμι, литовское -mi въ esmì «есмь», eimì «иду». Общеславянскій суффиксъ -mь въ первомъ лицѣ единственнаго числа частію не имѣлъ на себѣ ударенія, частію же, именно въ глаголахъ *jesmь (изъ *esmь) и *dāmь, являлся подъ удареніемъ, какъ свидѣтельствуютъ сербское jèсам (съ перенесеннымъ удареніемъ) и сербское чакавское да́м. Если то общеславянское конечное ь, которое по фонетическимъ условіямъ способно было переходить въ ъ, не было ударяемымъ, въ такомъ случаѣ въ *esmь, откуда *jesmь, и въ *dāmь ь фонетически не должно было измѣняться въ ъ, но понятно, что подъ вліяніемъ аналогіи со стороны другихъ глаголовъ, имѣвшихъ въ этой формѣ -mъ при -mь (съ гласною безъ ударенія), то же -mъ могло явиться и въ *esmь, *jesmь и *dāmь. Въ старославянскомъ языкѣ мы находимъ оба вида этого общеславянскаго окончанія, т. е. **-мь** и **-мъ**, при чемъ они были связаны здѣсь въ ихъ исторіи съ окончаніемъ перваго лица множественнаго числа **-мъ**, гдѣ **ъ** изъ того общеславянскаго ъ, которое получалось изъ конечнаго -ŏs: стремленіе отличать форму перваго лица множе-

---

кахъ Ундольскаго, крьститъ сѧ ἐβαπτίσθη одинъ разъ въ Остромировомъ евангеліи, рєчєтъ вмѣсто рєчє одинъ разъ въ Зографскомъ евангеліи, гдѣ, можетъ быть, описка, подъ вліяніемъ предшествующаго оумьрєтъ (л. 288 б).

ственнаго числа имѣло слѣдствіемъ то, что окончаніе **-мь** въ единственномъ числѣ продолжало сохраняться и въ тѣхъ говорахъ, гдѣ въ третьемъ лицѣ окончаніе **-ть** было вытѣснено окончаніемъ **-тъ**, но, съ другой стороны, подъ вліяніемъ варіантовъ **-мь** и **-мъ** въ первомъ лицѣ единственнаго числа стало возможно, по крайней мѣрѣ въ текстахъ, употребленіе окончанія **-мь** вмѣсто обыкновеннаго **-мъ** и въ первомъ лицѣ множественнаго числа, сперва въ глаголахъ нетематическаго спряженія, а затѣмъ и въ другихъ. Въ Остромировомъ евангеліи въ первомъ лицѣ единственнаго числа вмѣсто **-мь** мы находимъ **-мъ** всюду въ глаголѣ **имамъ**, **имамъ** (28 случаевъ) и одинъ разъ въ **вѣмъ**; съ другой стороны, въ первомъ лицѣ множественнаго числа глаголовъ нетематическаго спряженія (въ настоящемъ времени) здѣсь встрѣчается при обыкновенномъ **-мъ** также и **-мь**, именно часто **вѣмь**, нѣсколько разъ **ѥсмь**, одинъ разъ **нѣсмь** и одинъ разъ **ѣмь**. Въ Зографскомъ евангеліи **-мь** въ единственномъ числѣ и **-мъ** во множественномъ числѣ вообще строго различаются, хотя и здѣсь есть единичные случаи **-мъ** въ единственномъ числѣ (одинъ разъ **имамъ**, одинъ разъ **проповѣмъ**) и **-мь** во множественномъ числѣ глаголовъ нетематическаго спряженія (два раза **вѣмь**, одинъ разъ **дамь**[1]). Въ Сборникѣ Клоца разсматриваемая нами форма перваго лица единственнаго числа на **-мь**, **-мъ** встрѣчается только въ одномъ глаголѣ, именно въ **прѣдамь** въ **прѣдамь-н**, всюду (8 разъ) съ **ь**, при чемъ сохраненію **ь** благопріятствовало положеніе его здѣсь передъ **н** (кромѣ того, одинъ разъ **прѣдамин**, съ **ин** вмѣсто **ьн**). Въ Саввиной книгѣ въ единственномъ числѣ является преимущественно **-мь**, но при этомъ не особенно рѣдко находимъ здѣсь и **-мъ** вмѣсто **-мь** (нѣсколько разъ **имамъ**, нѣсколько разъ **вѣмъ** и т. д.); во множественномъ числѣ только въ единичныхъ случаяхъ встрѣчается въ Саввиной книгѣ окончаніе **-мь** вмѣсто обыкновеннаго **-мъ**, между прочимъ и въ глаголѣ тематическаго спряженія (по одному разу **ѥсмь**, **вьꙁидѣмь**,

1) У Видеманна **дамь** (Іоаннъ I, 22) не указано.

прѣндѣмь [1]). Въ Марінскомъ евангеліи и въ Синайскомъ требникѣ въ первомъ лицѣ единственнаго числа окончаніе **-мъ** значительно преобладаетъ надъ **-мь**; съ другой стороны, въ Марінскомъ евангеліи не особенно рѣдко встрѣчается **-мь** вмѣсто обыкновеннаго **-мъ** въ первомъ лицѣ множественнаго числа, между прочимъ и въ глаголахъ тематическаго спряженія (напр., не рѣдко **вѣмь**, одинъ разъ **выиндѣмь** и т. д.). Въ Супрасльской рукописи почти исключительно находимъ **-мъ** въ первомъ лицѣ единственнаго числа, а единичные случаи съ **-мь** встрѣчаются здѣсь и во множественномъ числѣ не рѣже, чѣмъ въ единственномъ [2]). Въ Ассемановомъ евангеліи и въ Синайской псалтыри, представляющихъ вообще значительное смѣшеніе старыхъ **ь** и **ъ**, чередованіе **-мь** и **-мъ** въ первомъ лицѣ единственнаго числа не можетъ быть отличаемо отъ **-мь** и **-мъ** въ мѣстномъ падежѣ единственнаго числа мѣстоименнаго склоненія, гдѣ получено было только **-мь** (въ Ассемановомъ евангеліи и въ томъ и въ другомъ случаѣ **-мь** встрѣчается рѣдко, въ Синайской псалтыри бо́льшее колебаніе между **-мь** и **-мъ**). — Въ русскомъ языкѣ твердое м въ ѣмъ, дамъ допускаетъ такое же объясненіе, какъ и твердое т въ беретъ, берутъ, такъ какъ въ русскомъ языкѣ и изъ конечнаго -мь получалось фонетически -м твердое (-мъ); въ такихъ случаяхъ, какъ семь, мягкая согласная въ концѣ подъ вліяніемъ мягкости той же согласной въ другихъ падежныхъ формахъ (семи, семью).

Общеславянское конечное ь, способное переходить въ ъ, существовало также въ суффиксѣ творительнаго падежа единственнаго числа -mь, тождественномъ съ литовскимъ суффиксомъ -mi (напр., въ ántimi «уткою», sunumì «сыномъ»), при чемъ относительно общеславянскаго суффикса я не рѣшаю, былъ ли онъ безъ ударенія во всѣхъ словахъ или же только въ значительной

---

1) У Видеманна не приведено **прѣндѣмь** (въ изданіи Срезневскаго стр. 135, 2—3).

2) Для **-мь** во множественномъ числѣ къ случаямъ, указаннымъ у Видеманна, надо дополнить **вѣхомь**, встрѣчающееся три раза (въ изданіи Миклошича стр. 288, 1; 2; 8).

части словъ. Въ старославянскомъ языкѣ оба вида этого падежнаго окончанія, **-мь** и **-мъ**, были связаны въ ихъ исторіи съ окончаніемъ дательнаго падежа множественнаго числа **-мъ**, гдѣ **ъ** изъ того общеславянскаго ъ, которое получилось изъ конечнаго ŏs: стремленіе различать двѣ падежныя формы, иначе совпадавшія, способствовало сохраненію окончанія **-мь** въ творительномъ единственнаго числа и въ тѣхъ говорахъ, гдѣ въ третьемъ лицѣ настоящаго времени **-ть** было вытѣснено окончаніемъ **-тъ**; съ другой стороны, подъ вліяніемъ варіантовъ **-мь** и **-мъ** въ творительномъ единственнаго числа возможно было, по крайней мѣрѣ въ текстахъ, употребленіе **-мь** вмѣсто обыкновеннаго **-мъ** и въ дательномъ множественнаго числа (напр., въ Остромировомъ евангеліи нѣсколько такихъ случаевъ). Для сопоставленія съ употребленіемъ **-мь**, **-мъ** въ творительномъ единственнаго я укажу и на употребленіе въ старославянскихъ памятникахъ общеславянскаго -mь въ мѣстномъ единственнаго числа мѣстоименій и прилагательныхъ опредѣленныхъ, гдѣ, какъ мы видѣли, общеславянское -mь образовалось изъ -mį и имѣло, слѣдовательно, такое конечное ь, которое не допускало фонетическаго измѣненія въ ъ; при томъ же -mь въ мѣстномъ падежѣ мѣстоименій было подъ удареніемъ. Въ Остромировомъ евангеліи въ творительномъ единственнаго числа при господствующемъ окончаніи **-мь** не особенно рѣдко встрѣчается и **-мъ** (напр., три раза **имєнємъ**, четыре раза **н҃ісомъ**, пять разъ **гл҃ѭщємъ**, **гл҃ющємъ**, два раза **богомъ** и т. д.), между тѣмъ какъ въ мѣстномъ падежѣ мы находимъ здѣсь всегда **-мь** и только одинъ разъ **-мъ** (**исходѧщимъ** л. 261 в), гдѣ въ буквѣ **ъ** можно видѣть поэтому описку. Изъ паннонскихъ текстовъ нѣкоторые имѣютъ одинаково **-мь** какъ въ мѣстномъ, такъ и въ творительномъ падежѣ; таковы Зографское евангеліе (въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ творительномъ падежѣ не ясна, повидимому, самая буква: **ь** или **ъ**, а одинъ разъ **-мъ** въ мѣстномъ падежѣ) и Кіевскіе глаголическіе отрывки (только одинъ разъ **-мъ** въ мѣстномъ падежѣ[1]).

1) Такъ, повидимому, надо читать слово **вѣчьнѣмъ** въ послѣдней строкѣ листа 2 а (см. фотографическій снимокъ въ приложеніи къ Glagolitica Ягича).

Въ Синайскомъ требникѣ въ творительномъ падежѣ при обыкновенномъ **-мь** иногда, хотя и рѣдко, встрѣчается **-мъ**, а въ мѣстномъ падежѣ я не замѣтилъ здѣсь случаевъ съ **-мъ**; это различіе, впрочемъ, можетъ зависѣть и отъ бо́льшаго количества самыхъ случаевъ творительнаго падежа. Въ Сборникѣ Клоца также при обыкновенномъ **-мь** въ творительномъ падежѣ иногда, именно въ шести случаяхъ, мы находимъ **-мъ**, между тѣмъ какъ въ мѣстномъ падежѣ всюду **-мь**; и здѣсь возможно, конечно, такое же объясненіе, какъ и по отношенію къ Синайскому требнику. Но нѣкоторые другіе паннонскіе тексты свидѣтельствуютъ о различіи между **-мь** въ творительномъ падежѣ и **-мь** въ мѣстномъ падежѣ. Такъ, въ Новгородскихъ евангельскихъ листкахъ въ творительномъ падежѣ мы находимъ три раза **-мь** и два раза **-мъ**, между тѣмъ какъ форма мѣстнаго падежа на **-мь** во всѣхъ пяти случаяхъ, гдѣ она встрѣчается, имѣетъ **ь** въ окончаніи. Саввина книга въ творительномъ падежѣ представляетъ колебаніе между **-мь** и **-мъ**, а въ мѣстномъ падежѣ на **-мь** почти всюду, за очень рѣдкими исключеніями[1]), написано **ь**. Въ Супрасльской рукописи, гдѣ вообще не рѣдко является конечное **ъ** новаго происхожденія, изъ **ь**, и въ мѣстномъ падежѣ поэтому при **-мь** часто встрѣчается **-мъ**, но между тѣмъ какъ въ этой формѣ отношеніе между **-мь** и **-мъ** можетъ быть выражено приблизительно цифрами 8 (**мь**) и 10 (**мъ**), въ творительномъ падежѣ **-мъ** является здѣсь, по крайней мѣрѣ, въ $2^1/_2$ раза чаще, чѣмъ **-мь**, хотя при этомъ на страницахъ 20—59 изданія Миклошича **-мь** значительно преобладаетъ надъ **-мъ**. Въ Маріинскомъ евангеліи, гдѣ также извѣстно вообще конечное **ъ** новаго происхожденія, изъ **ь**, такое **ъ** встрѣчается иногда и въ окончаніи мѣстнаго падежа **-мъ**, при господствующемъ **-мь**, между тѣмъ какъ

1) Я нахожу здѣсь **-мъ** въ мѣстномъ падежѣ лишь въ слѣдующихъ случаяхъ: **усемъ** (въ изданіи Срезневскаго стран. 27, 8), **единомъ** (51, 1), **немъ** (70, 1; 106, 27), **вѣчьнѣмъ** (122, 3); **всакомъ — исходящимъ** (146, 4 и 5); что же касается **неправьдьнѣмъ** на стр. 49. 25, то это ошибка изданія, не исправленная Ягичемъ; рукопись имѣетъ здѣсь **неправьдьнѣмь**.

въ творительномъ падежѣ мы находимъ здѣсь болѣе значительное колебаніе между **-мь** и **-мъ**. Въ Ассемановомъ евангеліи и въ Синайской псалтыри чередованіе между обыкновеннымъ **-мъ** и рѣдкимъ **-мь** въ творительномъ падежѣ не можетъ быть отличаемо, повидимому, отъ чередованія между **-мъ** и **-мь** въ мѣстномъ падежѣ, гдѣ **ъ** новаго происхожденія, изъ **ь**. — Въ русскомъ языкѣ твердое м въ творительномъ падежѣ, напр., дѣломъ, и въ мѣстномъ, напр., (въ) томъ, объясняется такъ же, какъ и твердое м въ окончаніи перваго лица единственнаго числа.

Фонетическимъ условіемъ, при которомъ образовалось въ общеславянскомъ языкѣ измѣненіе конечнаго ь, изъ литовско-славянской конечной гласной, въ ъ, я предполагаю, какъ говорилъ, положеніе такого ь въ тѣсномъ сочетаніи словъ передъ твердою гласною въ началѣ другого слова, при чемъ, можетъ быть, требовалось также отсутствіе ударенія на этомъ ь. Можно думать поэтому, что въ ту же эпоху конечное ъ изъ литовско-славянской конечной гласной въ положеніи передъ мягкими гласными въ тѣсномъ сочетаніи словъ получало такого же рода измѣненіе, т. е. переходило въ ь, по крайней мѣрѣ при отсутствіи на немъ ударенія. Относительно измѣненія въ общеславянскомъ языкѣ ь въ ъ (и ъ въ ь?) въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ я говорилъ, надо имѣть въ виду, что это явленіе произошло ранѣе того времени, когда утрачено было i̯ между гласными въ склоненіи прилагательныхъ опредѣленныхъ и когда, какъ мы видѣли, ь и ъ передъ ī измѣнились въ і и у, при чемъ такому измѣненію подвергались и ъ, ь изъ носовыхъ ъ и ь (напр., въ родительномъ падежѣ *dobryīχъ). Одновременно съ образованіемъ уī и іī изъ ъī и ьī въ склоненіи прилагательныхъ опредѣленныхъ явились іі, уі изъ ьі, ъі въ словахъ, представлявшихъ собою слитіе глагольной формы на ь или на ъ съ энклитическою мѣстоименною формой винительнаго падежа *і «его» (изъ *i̯ь, какъ я объясню далѣе); таковы старославянскія **прѣдамии** при **прѣдамь и**, **видѣхомъıи** при **видѣхомъ и**, **погоубитъıи** при **погоубитъ и**, **осѫдѧтъıи** при **осѫдѧтъ и** и т. д., древне-русскія почьтетии (почьтеть и), ведутии

(ведуть и) и т. д. Тогда же могло образоваться старославянское **кыннѫ** «всегда» изъ *vъ-inѫ; объ общеславянскомъ *inъ «одинъ», являющемся въ **кыннѫ**, я буду говорить впослѣдствіи.

Фонетическія явленія въ общеславянскихъ гласныхъ начала словъ. Отпаденіе начальныхъ ь *и* ъ *безъ ударенія въ сочетаніи словъ.* Въ ту эпоху жизни общеславянскаго языка, когда еще не дѣйствовалъ законъ относительно появленія звуковъ i̯ и u̯ передъ начальными гласными, начальныя ь и ъ безъ ударенія при извѣстномъ положеніи въ тѣсномъ сочетаніи словъ, вѣроятно послѣ словъ, оканчивавшихся на неирраціональную гласную, отпадали, между тѣмъ какъ при другомъ положеніи тѣ же ь и ъ фонетически сохранялись, а затѣмъ подъ вліяніемъ однихъ случаевъ на другіе начальныя ь и ъ въ такихъ словахъ стали подвижными. Мы увидимъ далѣе, что начальное ь съ теченіемъ времени измѣнилось въ общеславянскомъ языкѣ въ ĭ (черезъ посредство i̯ь), а изъ начальнаго ъ явилось vъ (изъ u̯ъ); поэтому въ эпоху распаденія общеславянскій языкъ имѣлъ въ началѣ нѣкоторыхъ словъ подвижное (по крайней мѣрѣ въ діалектахъ) ĭ и подвижное vъ. Случаи съ подвижнымъ начальнымъ ĭ я разсмотрю впослѣдствіи, когда буду говорить объ образованіи этого ĭ изъ ь, i̯ь; сюда принадлежатъ, какъ мы увидимъ, напр., *zъ при *izъ «изъ», *grā при *igrā и т. д. Что же касается болѣе рѣдкаго подвижнаго vъ въ началѣ словъ (рѣдкаго потому, что мало случаевъ, въ которыхъ общеславянскій языкъ имѣлъ нѣкогда начальное ъ безъ ударенія), то я вижу его въ предлогѣ и глагольной приставкѣ *vъz, *vъz (старославянск. **въꙁ**, **въ**); на общеславянское *zъ-, *z- «воз-» при *vъzъ-, *vъz- указываютъ западно-славянскіе языки (напр., чешск. zchoditi «всходить» при vzchod, польск. śpiewać «воспѣвать», напр., при wzlatać »взлетать») и малорусскій языкъ (напр., зійти «взойти» при взійти, сходити «всходить»). Также и въ чешскомъ dud, польск. dudek «удодъ» можно предполагать утрату въ общеславянскомъ языкѣ начальнаго ъ; сравните церковнославянскія **въдодъ**, **въдндъ**, русск. удодъ, малорусск. о́дуд и т. д.

Появленіе въ общеславянскомъ языкѣ звуковъ i̯ *и* u̯ *передъ начальными гласными.* Въ извѣстную эпоху жизни общеславянскаго языка передъ всѣми, какъ я думаю, начальными гласными развивался неслоговой звукъ, именно i̯ передъ мягкими гласными, u̯ передъ губными гласными (т. е. передъ o̯ и различными u̯), а передъ ā какъ i̯, такъ и болѣе рѣдкое діалектическое u̯ (послѣднее, можетъ быть, только передъ ā безъ ударенія). Съ теченіемъ времени приставное u̯ тамъ, гдѣ оно не исчезло фонетически, измѣнилось въ общеславянскомъ языкѣ въ v, а что касается приставного i̯, то въ положеніи передъ мягкими гласными его дальнѣйшая исторія была та же, что и исторія стараго начальнаго i̯ (изъ индоевропейскихъ i̯ и j), между тѣмъ какъ въ положеніи передъ ā различіе между двумя этими i̯ обнаруживалось въ томъ, что въ нѣкоторыхъ діалектахъ общеславянскаго языка новое i̯ въ такомъ положеніи могло отпадать (т. е. отпадало фонетически по крайней мѣрѣ при какихъ-то условіяхъ), какъ свидѣтельствуютъ старославянскій и болгарскій языки. Такимъ образомъ можно предположить, что новое i̯, развившееся передъ извѣстными начальными гласными, было нѣкогда въ общеславянскомъ языкѣ вообще (передъ ā и передъ мягкими гласными) звукомъ ирраціональнымъ, болѣе краткимъ сравнительно съ старымъ i̯ въ началѣ слова, и что въ зависимости отъ этого дальнѣйшая исторія этого i̯, по крайней мѣрѣ въ діалектахъ общеславянскаго языка, не во всѣхъ сочетаніяхъ совпадала съ исторіею стараго начальнаго i̯. Если же новое начальное i̯ въ эпоху его появленія въ общеславянскомъ языкѣ было вообще звукомъ ирраціональнымъ, то то же можно предположить и относительно u̯, появлявшагося тогда же передъ извѣстными начальными гласными.

Я разсмотрю сперва тѣ случаи, въ которыхъ передъ общеславянскими начальными гласными приставлялось i̯, и начну съ i̯ передъ мягкими гласными. Въ положеніи передъ такими гласными это i̯ вполнѣ совпало съ старымъ начальнымъ i̯, а именно передъ тѣми мягкими гласными, которыя въ данную эпоху зву-

чали какъ е чистое (таково было ē изъ стараго ē) и i (именно ī), а также передъ ь, т. е. передъ мягкою ирраціональною гласной, старое i̯ также стало ирраціональнымъ, какъ и новое i̯, а затѣмъ ирраціональное i̯ того и другого происхожденія въ такомъ положеніи исчезло, между тѣмъ какъ въ положеніи передъ другими мягкими гласными новое начальное i̯ совпало съ старымъ i̯ въ звукѣ не ирраціональномъ, который затѣмъ измѣнился, какъ я предполагаю, еще въ общеславянскомъ языкѣ въ j. Мягкія гласныя, передъ которыми въ эпоху распаденія общеславянскаго языка сохранялось начальное j изъ i̯ того и другого происхожденія, были слѣдующія: 1) ě, звучавшее въ это время какъ e^{δ} или $ö^{e}$ послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями въ діалектахъ, 2) ѧ различнаго происхожденія и 3) то i͡e, въ положеніи послѣ j изъ новаго i̯, которое получалось изъ дифтонга ǒi̯, черезъ посредство ö, $ě^{i}$, между тѣмъ какъ j изъ стараго начальнаго i̯ мы въ такомъ положеніи не находимъ потому, что еще ранѣе той эпохи, когда стало приставляться i̯ передъ начальными мягкими гласными, дѣйствовалъ въ общеславянскомъ языкѣ фонетическій законъ относительно измѣненія ǒi̯ послѣ мягкихъ звуковъ въ ěi̯ (какъ и ǒ въ ě), откуда ī. Мягкія гласныя, передъ которыми начальное i̯ различнаго происхожденія не сохранялось уже въ общеславянскомъ языкѣ въ эпоху его распаденія, были слѣдующія: 1) то i͡e, которое произошло изъ стараго ē (литовско-славянскаго ē), 2) ī различнаго происхожденія, за исключеніемъ не энклитическихъ мѣстоименныхъ формъ *jī, *jīmь, *jīχъ, *jīmā, гдѣ j явилось впослѣдствіи, еще въ общеславянскомъ языкѣ (какъ свидѣтельствуютъ различные славянскіе языки), подъ вліяніемъ такихъ формъ, какъ *je, *jā, *jeγo и т. д., 3) ĭ изъ начальнаго ĭь (за исключеніемъ не энклитической мѣстоименной формы jь, какъ я разъясню далѣе) и 4) въ нѣкоторыхъ діалектахъ также ĕ, именно ĕ чистое, существовавшее при извѣстномъ фонетическомъ положеніи. Примѣры для общеславянскаго новаго i̯ передъ мягкими гласными въ тѣхъ сочетаніяхъ, гдѣ это i̯ исчезло затѣмъ въ общеславянскомъ языкѣ

одинаково съ старымъ i̯ въ томъ же положеніи, я приведу впослѣдствіи, когда буду говорить объ отпаденіи въ общеславянскомъ языкѣ начальнаго i̯ различнаго происхожденія, а теперь остановлюсь только на тѣхъ сочетаніяхъ, гдѣ начальное новое i̯ передъ мягкими гласными фонетически не исчезло, но перешло еще въ общеславянскомъ языкѣ, какъ я предполагаю, въ j.

Общеславянское i̯ĕ, i̯ē изъ начальнаго ĕ является въ старославянскомъ **ѥ**, русскомъ е (т. е. je и jo), напр., въ слѣдующихъ случаяхъ: **ѥсмь**, **ѥсн**, **ѥсть**, русск. есть, сравните литовскія esmì (и esù), esì, ésti, греческія εἰμί (лесбійск. ἔμμι), εἶ, ἐστί, латинскія es, est; **ѥмлѫ**, какъ показываетъ, напр., **въѯемлѫ**, гдѣ сложеніе глагола съ предложною приставкой произошло въ общеславянскомъ языкѣ въ то время, когда передъ начальнымъ е еще не приставлялось i̯; церковнославянское **ѥжь**, русское ежъ, сравните литовское ežỹs «ежъ», греческое ἐχῖνος.

Отъ этихъ случаевъ должны быть отличаемы тѣ, въ которыхъ старославянское начальное **ѥ** восходитъ къ тому общеславянскому i̯ĕ, i̯ē, гдѣ i̯, j изъ индоевропейскихъ i̯ и j; таково, напр., начальное **ѥ** въ мѣстоименной основѣ **ѥ-**, напр., въ **ѥго**, **ѥгда**, гдѣ, какъ мы видѣли, **ѥ-** тождественно съ греческою основой ὅ- въ относительномъ ὅς, изъ индоевропейскаго *i̯ă°-. О такихъ случаяхъ, какъ **єзєро** при **ѥзєро**, русское озеро (о изъ е), гдѣ еще въ діалектахъ общеславянскаго языка изъ начальнаго i̯ĕ (въ этомъ примѣрѣ съ новымъ i̯) получалось е, я говорю далѣе.

Въ ту эпоху, когда въ общеславянскомъ языкѣ передъ начальнымъ ĕ развивалось i̯, начальное h изъ индоевропейскаго h еще сохранялось въ ударяемомъ hĕ. Я указывалъ уже прежде на тѣ основанія, которыя заставляютъ меня предполагать для индоевропейскаго языка придыханіе, напр., въ началѣ того мѣстоименнаго корня, который является въ русскомъ э- въ этотъ или въ латинскихъ ho-, hī- (изъ hoi-) въ hoc, hic, но прежде я допускалъ возможность того, что въ эпоху распаденія общеславянскаго языка индоевропейское придыханіе вообще уже исчезло. Я вижу теперь, что изъ сопоставленія между собою всѣхъ сла-

вянскихъ языковъ надо вывести то заключеніе, что передъ гласной съ полнымъ (не второстепеннымъ) удареніемъ начальное придыханіе не исчезло и въ эпоху распаденія общеславянскаго языка: въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы можемъ предполагать для общеславянскаго языка начальное h передъ такою гласной (примѣры извѣстны именно для hé), мы находимъ утрату придыханія въ южно-славянскихъ языкахъ и въ великорусскомъ языкѣ, между тѣмъ какъ въ западно-славянскихъ языкахъ, въ малорусскомъ и въ бѣлорусскомъ въ этихъ случаяхъ является здѣсь γ (пишется буква h), что должно указывать на существованіе придыханія въ эпоху распаденія общеславянскаго языка. Что же касается общеславянскаго начальнаго h передъ неударяемою гласной, то въ этихъ случаяхъ отдѣльные славянскіе языки не даютъ никакихъ указаній на существованіе придыханія въ эпоху распаденія общеславянскаго языка, и изъ начальнаго неударяемаго hĕ я нахожу въ общеславянскомъ языкѣ jĕ, получавшееся изъ ĕ, i̯ĕ: утрата придыханія произошла здѣсь, повидимому, ранѣе того времени, когда стало приставляться i̯ передъ начальнымъ e. Придыханіе исчезло, вѣроятно, еще въ общеславянскомъ языкѣ также и передъ гласною, имѣвшею второстепенное удареніе или терявшею удареніе при энклитическомъ употребленіи слова, но изъ такого hĕ явилось не i̯ĕ, jĕ, а ĕ, т. е. въ этихъ случаяхъ придыханіе существовало еще въ ту эпоху, когда передъ начальнымъ e развивалось i̯. Общеславянское начальное hé должно было перейти въ старославянскій языкъ какъ e (и въ другихъ южно-славянскихъ языкахъ e), и, дѣйствительно, въ тѣхъ старославянскихъ памятникахъ, которые различаютъ написанія **є** и **ѥ**, я нахожу постоянно **є**, не **ѥ**, изъ общеславянскаго начальнаго hé. Сюда принадлежатъ именно слѣдующіе случаи въ Остромировомъ евангеліи (равно какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ старославянскихъ памятникахъ русской редакціи) и въ Супрасльской рукописи[1]). **Єн** «да», въ Супрасльской рукописи (встрѣчается

1) Къ старославянскимъ текстамъ, различающимъ ѥ и є, принадлежитъ и отрывокъ, называемый Новгородскими евангельскими листками, но по незначи-

очень часто) постоянно съ **є**, въ Остромировомъ евангеліи (встрѣчается очень часто) также съ **є**, одинъ разъ **е́й**; въ нашемъ современномъ ей, т. е. јей, въ ей-богу, ей-ей, заимствованномъ изъ церковнославянскаго языка, не сохранилось древнее произношеніе. На происхожденіе старославянскаго начальнаго **є** въ **єн** изъ общеславянскаго ĥe указываютъ словацкое ĥej (т. е. γej) «да» и сербское діалектическое éja, «да», при чемъ въ éja восходящее удареніе свидѣтельствуетъ о перенесеніи ударенія съ слѣдующаго слога; съ старославянскимъ **єн**, изъ общеславянскаго *ĥéjь, тождественно, по крайней мѣрѣ по звуковой сторонѣ, наше междометіе эй, малорусское гей (буквою ґ я обозначаю звукъ γ), чешское ĥei (т. е. γei). **Єтєръ** «какой-то, нѣкій», въ Супрасльской рукописи 9 разъ, всюду съ **є**, въ Остромировомъ евангеліи 11 разъ съ **є**, два раза съ **е́**; изъ другихъ славянскихъ языковъ то же слово не извѣстно, но родственное нижне-лужицкое votery «нѣкоторый», гдѣ vo изъ общеславянскаго o, свидѣтельствуетъ о томъ, что въ **єтєръ** мѣстоименный корень не есть то общеславянское јe-, которое существовало, напр., въ мѣстоименныхъ формахъ *јe, јeγo и т. д., и что, слѣдовательно, этимъ корнемъ могло быть то же общеславянское ĥe-, при -ĥo-, -o, которое мы находимъ, напр., въ русскихъ это, эво и т. д., а на происхожденіе старославянскаго **єтєръ** изъ *ĥeterъ, а не изъ *јeterъ, *eterъ съ приставнымъ ј, указываетъ постоянство написанія **єтєръ** въ Супрасльской рукописи, безъ варіанта **ієтєръ** (сравните то, что я говорю далѣе объ **єzєро** при **ієzєро** въ Супрасльской рукописи). Общеславянское начальное ĥé я предполагаю и въ **єсє** «вотъ» въ Супрасльской рукописи (въ Остромировомъ евангеліи нѣтъ этого слова), такъ какъ въ пяти случаяхъ изъ семи это слово является здѣсь съ **є** въ началѣ; что же касается **ієсє**, встрѣчающагося два раза въ Супрасльской рукописи, то если ј въ этомъ **ie** не новаго происхожденія (**ієсє** оба раза встрѣчается въ положеніи послѣ **н**), **ie** въ **ієсє** могло бы восходить къ обще-

---

тельности объема этотъ памятникъ не даетъ примѣровъ для того старославянскаго **є**, которое получалось изъ общеславянскаго начальнаго ĥé.

славянскому jĕ изъ неударяемаго начальнаго hĕ, между тѣмъ какъ въ **єсє** начальное **є** изъ hé. Сравните съ **єсє** русское эс-тотъ (подобнымъ же образомъ эв- въ эвтотъ родственно съ эво, а эн- въ энтотъ тождественно съ малорусскимъ ґен въ ґен-ґен «вонъ тамъ»). Общеславянское he- въ этомъ **є-сє** то же, понятно, что и въ *he-to или въ he-vo, *he-po и т. д.; изъ этого hé- великорусское э-, напр., въ это, эво, бѣлорусское ґе-, напр., въ ґето, ґено, малорусское ґе-, напр., въ ґен-ґен «вонъ тамъ», ґенде «тамъ», ґенто «недавно», ґев «сюда», чешское he- въ hen «тамъ» (при hyn), hevka, польское he- въ hen «вонъ, вонъ», кашубское he- въ hevo «вотъ» и т. д.

Общеславянское начальное hé при jĕ изъ hĕ безъ ударенія и, можетъ быть, при ě изъ hĕ съ второстепеннымъ ударѳніемъ существовало въ вопросительной частицѣ *hédā при *jedá и, можетъ быть, при *edā; *hédā употреблялось только въ прямомъ вопросѣ. Въ старославянскомъ языкѣ отсюда **єда** и **ıєда**, вліявшія одно на другое, при чемъ въ Остромировомъ евангеліи (какъ и въ другихъ текстахъ русской редакціи, различающихъ **є** и **ı**) мы находимъ **єда** (встрѣчается очень часто, два раза въ Остромировомъ евангеліи ěда), между тѣмъ какъ въ Супрасльской рукописи **ıєда** является чаще, чѣмъ **єда** (я встрѣтилъ здѣсь 25 разъ **ıєда**, 11 разъ **єда**). Съ старославянскимъ **єда** сравните сербское ěда (въ прямомъ вопросѣ), гдѣ ě изъ общеславянскаго hé. Общеславянское начальное hé при jĕ изъ hĕ безъ ударенія существовало также въ словѣ *héšče «еще» при *ješčé; кромѣ того, извѣстно было, повидимому, и *ešče, гдѣ ě изъ hĕ съ слабымъ, второстепеннымъ ударѳніемъ (при энклитическомъ употребленіи). Въ Остромировомъ евангеліи мы находимъ какъ **ıєщє**, такъ, нѣсколько рѣже, и **єщє**, а въ Супрасльской рукописи почти исключительно является **ıєштє**; съ послѣднимъ тождественно, напр., русское еще, а съ **єщє** (**єштє**) сравните русскія діалектическія э́ще въ эщé (русское э указываетъ на общеславянское he[1]), а эщé образовалось изъ

1) Изъ общеславянскаго начальнаго ě въ русскомъ языкѣ я жду о, какъ объясню впослѣдствіи.

ѣще подъ вліяніемъ эщé), верхне-лужицкое діалектическое hešće (при hišće, о которомъ я говорю далѣе)[1]), словацкое ešte, кашубское діалектическое esz (при jesz), а также родственное hejsz (h, т. е. звукъ γ, представляетъ собою измѣненіе древняго придыханія), полабское ist, гдѣ гласная i объясняется фонетически изъ e.

Общеславянское начальное hé при jě изъ hě безъ ударенія можно предполагать и для старославянскаго **єдъва** при **ѥдъва**. Въ Остромировомъ евангеліи, гдѣ это слово встрѣчается, впрочемъ, только одинъ разъ, мы находимъ **єдъва**, которое извѣстно также и изъ другихъ старославянскихъ памятниковъ русской редакціи, различающихъ **є** и **ѥ**; въ Словахъ Григорія Богослова, гдѣ, правда, написаніе **є** употребляется не рѣдко и вмѣсто **ѥ**, слово **єдъва**, довольно часто встрѣчающееся здѣсь, имѣетъ вездѣ **є** (подобно, напр., **єтєръ** или подобно **єда** при очень рѣдкомъ **ѥда**); въ Супрасльской рукописи въ большинствѣ случаевъ является **ѥ** въ **ѥдъва**, **ѥ́два**, **ѥдва** (8 разъ), и только два раза я нахожу здѣсь **є** (**єдва** на стран. 97 и 218), такъ что это **є** само по себѣ не имѣло бы значенія (въ единичныхъ случаяхъ вообще написаніе **є** въ Супрасльской рукописи употребляется и вмѣсто **ѥ**). Съ старославянскимъ **ѥдъва** тождественно русское едва, извѣстное и изъ другихъ славянскихъ языковъ съ j въ началѣ. Общеславянское *hédъvā и hedъvá, откуда *jedъvá, я разлагаю по происхожденію на *hedъ и *vā: съ послѣднимъ сравните литовское vós «едва»[2]), а *hedъ родственно съ *héde, откуда, напр., ново-болгарское éде, éди (и изъ e безъ ударенія) «кое-», «-либо» въ еди-кой «какой-либо, кто-либо», еде-как «кое-какъ»[3]); къ *hed- я возвожу и *jed- безъ ударенія въ *jedínъ, *jedьnъ́, откуда, напр., старославянскія

1) Лужицкое начальное he, т. е. γe, можетъ указывать не только на общеславянское he, но также и на e.

2) Литовское діалектическое advós «едва» заимствовано изъ русскаго одва (объ одва я говорю далѣе) съ присоединеніемъ a подъ вліяніемъ vós.

3) Съ общеславянскими *héde, *hedъ родственно ново-верхненѣмецкое et- въ etlich (древне-верхненѣмецкое ëtalîh), etwa (древне-верхненѣмецкое ëtteswār «гдѣ-либо»), etwas.

єдинъ, єдьи-, между тѣмъ какъ словинскія eden и en «одинъ» указываютъ на діалектическое общеславянское ĥé- (e въ словинск. eden я объясняю вліяніемъ e въ en, а о происхожденіи en «одинъ» я буду говорить впослѣдствіи).

Общеславянское начальное ě изъ ĥě съ второстепеннымъ удареніемъ, именно изъ мѣстоименнаго ĥe-, я вижу въ кашубскомъ союзѣ e «и» (сравните то, что я говорю далѣе объ общеславянскомъ *i «и»), въ сербскомъ союзѣ e «что», въ словацкомъ и кашубскомъ союзѣ ež «что» (сравните далѣе польское iż «что»); съ этимъ ež родственно древне-русское оже въ значеніи союзовъ «что» и «если», при чемъ оже или изъ общеславянскаго *eže (а мы увидимъ впослѣдствіи, что общеславянское начальное e въ русскомъ языкѣ перешло въ o), или изъ *ože, существовавшаго при *eže и при *āže (древне-русское аже «что», «если»), отъ мѣстоименнаго *ĥo- (при *ĥe- и при *ĥa-), но во всякомъ случаѣ русское оже, по моему мнѣнію, не изъ *ježe, такъ какъ при данномъ фонетическомъ положеніи начальное jě не переходило въ ě въ діалектахъ общеславянскаго языка (какъ я разъясню далѣе). Общеславянскій союзъ *eže «что» долженъ быть отличаемъ отъ союза *ježe, *ježe, представляющаго собою по происхожденію средній родъ единственнаго числа относительнаго мѣстоименія; отсюда, напр., старославянское **єжє** «что» съ **є** въ Остромировомъ евангеліи и по бо́льшей части въ Супрасльской рукописи.

Возвращаюсь теперь къ тѣмъ случаямъ, гдѣ общеславянскій языкъ въ эпоху его распаденія имѣлъ j изъ того i, которое развилось передъ начальными мягкими гласными.

Общеславянское начальное ja, jа изъ **а** различнаго происхожденія является въ старославянскомъ **ꙗ**, напр., въ **ꙗти**, тождественномъ съ литовскимъ imti «брать», сравните **въꙁ-ати**, русское вз-ять, гдѣ глаголъ соединился съ предложною приставкой въ одномъ словѣ еще тогда, когда передъ начальною мягкою гласной не развилось i; **ꙑзꙑкъ**, русское языкъ, родственно прусское insuwis (первое s обозначаетъ здѣсь звукъ z) «языкъ»: въ началѣ этого слова еще въ литовско-славянскомъ языкѣ отпало

d передъ n̥, какъ показываютъ латинское lingua изъ dingua, ново-верхненѣмецкое Zunge (верхненѣмецкое z изъ общенѣмецкаго t, которое получалось изъ индоевропейскаго d); ѩsа, ѩzа, родственно, повидимому, какъ я указывалъ уже, латышское īgt «чувствовать внутреннюю боль, чувствовать неудовольствіе», а также латинское aeger (послѣднее отъ корня безъ внутренней носовой согласной). Отъ этихъ случаевъ надо отличать по происхожденію такіе, какъ церковнославянское ѩтрꙑ, русское ятровь, гдѣ общеславянское начальное i̯a, i̯a имѣло i̯ и далѣе j изъ стараго i̯ или j; съ ѩтрꙑ родственно латинское janitrix (а также греческое εἰνάτηρ).

Общеславянское начальное i̯i͡e, i̯i͡e изъ нѣкогда бывшаго ŏi̯ произошло, какъ я думаю, черезъ посредство долгаго ŏ, i̯ŏ, i̯ē^{i}, т. е. я предполагаю, что въ эпоху, когда передъ начальными мягкими гласными появилось i̯, старый дифтонгъ ŏi̯ звучалъ какъ мягкая гласная долгое ŏ (откуда впослѣдствіи ē^{i}, совпавшее съ ē^{i} изъ стараго ē). Въ старославянскомъ языкѣ общеславянское начальное i̯i͡e перешло въ ѩ, а въ русскомъ языкѣ оно частію также измѣнилось въ ja (я), частію же, въ другихъ діалектахъ, сохранялось какъ i̯i͡e (буква ѣ), откуда je (буква е); подобнымъ же образомъ и въ прочихъ славянскихъ языкахъ общеславянское i̯i͡e или совпадало съ старымъ ja, или сохраняло i͡e съ его дальнѣйшими фонетическими измѣненіями; можетъ быть еще въ общеславянскомъ языкѣ i͡e въ данномъ положеніи, т. е. послѣ мягкой согласной, отличалось по качеству e отъ i͡e въ другомъ положеніи. Общеславянское начальное i̯i͡e указаннаго происхожденія я вижу въ старославянскомъ ѩ, напр., въ слѣдующихъ случаяхъ: ѩдъ, русское ядъ и древне-русское (діалектическое) ѣдъ, едъ, сербское ӣjед (ије = ѣ) и т. д., родственно ново-верхненѣмецкое Eiter, и тотъ же корень, повидимому, въ греческомъ οἰδάω; ѩzва, русское язва и древне-русское (діалектическое) ѣзва, езва, чешское jízva (í = ѣ) и т. д., родственны литовскія aiža «щель», aižýti «лущить», а еще ближе по образованію и по значенію прусское eyswo «язва, рана», гдѣ, однако, въ дифтонгѣ другая

слоговая гласная, если это eу, т. е. eі, не было діалектическимъ прусскимъ измѣненіемъ стараго аі. Другіе примѣры для общеславянскаго начальнаго jĭe- я приведу далѣе, когда буду говорить объ общеславянскомъ начальномъ ĭ въ чередованіи съ jĭe (изъ индоевропейскаго чередованія ĭ и дифтонга ă°ĭ).

Теперь перейду къ общеславянскому начальному jă, jā съ ĭ новаго происхожденія. Такое ĭ передъ ā, какъ я говорилъ уже, въ нѣкоторыхъ діалектахъ общеславянскаго языка стало подвижнымъ, прежде чѣмъ измѣнилось въ j; въ старославянскомъ языкѣ въ этихъ случаяхъ мы находимъ **а** и болѣе рѣдкое **ꙗ**, въ новоболгарскомъ ja и a, въ другихъ славянскихъ языкахъ, въ томъ числѣ и въ русскомъ, ja. Напр., **агнѧ** и **агньць** при рѣдкомъ **ꙗгньць** (послѣднее одинъ разъ въ Сборникѣ Клоца: **ѣгньць**, гдѣ въ началѣ глаголическая буква, соотвѣтствующая буквамъ **ꙗ** и **ѣ** въ кириллицѣ), ново-болгарскія агне и ягне, русское ягненокъ ягнята, польское jagnię и т. д., родственны латинское agnus и греческое ἀμνός (μ изъ β передъ ν, а β изъ лабіализованнаго g); **агода** (встрѣчается въ Саввиной книгѣ), русское ягода, польское jagoda и т. д., родственно литовское ũga «ягода» (общеславянское ā и литовское ũ изъ литовско-славянскаго ō, индоевропейскаго ā°), а также латинское ūva, гдѣ ū изъ ō; **аіє** и **аиіє**, русское яйцо, польское jaje и т. д.; о возможной связи общеславянскаго *jāje, *āje съ греческимъ ᾠόν, латинскимъ ōvum я говорю далѣе; **авѣ** и **авѣ** «явно», **авити** и **авити**, русскія на яву, явиться, польское na jawie и т. д., родственны древнеиндійское āvis «явно» и древне-литовскія (въ одномъ старомъ текстѣ) ovije «на яву», ovitis (т. е. ovytis) «явиться во снѣ»[1]); церковнославянскія **аблъка** и **аблъка**, а также **аблъко** и **аблъко** «яблоко», **аблань** «яблонь», ново-болгарскія ябълка и аблъка, польскія jabłko, jabłoń, и т. д., сравните литовскія obelìs «яблонь», óbůlas «яблоко», прусскія woble «яблоко», wobalne «яблонь» (w приставлено передъ

1) Нѣтъ основанія, конечно, считать эти литовскія слова заимствованными изъ русскаго или польскаго языка; русское я-, польск. ja- было бы передано черезъ jo-, не черезъ o-.

начальнымъ о). Особо надо замѣтить общеславянское начальное jā, jā, съ ị новаго происхожденія, отпадавшимъ въ діалектахъ, въ словѣ *jāzъ «я» (въ діалектахъ и *āzъ), откуда также, съ отпаденіемъ подвижнаго конечнаго ъ, *jāz и далѣе *jā: въ старославянскомъ языкѣ мы находимъ азъ (одинъ разъ въ Маріинскомъ евангеліи и ѣзъ вмѣсто и азъ, гдѣ j въ н-ѣ, т. е. н-ꙗ, позднѣйшаго происхожденія), въ ново-болгарскомъ яз и аз, въ другихъ славянскихъ языкахъ это слово извѣстно только съ j въ началѣ: русское язъ (древне-русское), я, польское ja и т. д. Нѣкогда въ общеславянскомъ языкѣ это слово звучало, я думаю, *jęz-zъ, гдѣ jęz- изъ *ez-, съ которымъ тождественно латышское es «я» (литовское aš имѣетъ почему-то a и въ тѣхъ діалектахъ, гдѣ начальное e не измѣнялось вообще въ a); родственны греческое ἐγώ, латинское ego, отличающіяся, однако, по окончанію отъ общеславянскаго *ez- въ *ez-zъ, латышскаго es, литовскаго aš, прусскаго as (прусское a могло быть фонетическимъ измѣненіемъ начальнаго e). Что же касается -zъ въ предполагаемомъ мною общеславянскомъ *ez-zъ, *jęz-zъ, то это та же частица, которая являлась, какъ мы видѣли, и въ соединеніи съ предлогами, напр., въ *be-zъ; сравните по употребленію греческое γα въ дорическомъ ἐγώνγα. Изъ *jęzzъ получилось далѣе въ общеславянскомъ языкѣ, по моему предположенію, *jęzъ, при чемъ, слѣдовательно, вмѣстѣ съ измѣненіемъ zz (двойной звонкой фрикативной) въ одно z удлинилась предшествовавшая краткая гласная (имѣвшая на себѣ удареніе)[1]), а *jęzъ должно было обратиться въ *jāzъ (откуда *jāzъ) въ ту эпоху, когда ę послѣ мягкихъ звуковъ переходило въ ā; понятно, что образованіе *jęzъ изъ *jęzzъ мы должны относить къ тому времени, когда уже не существовало ị (старое и новое) передъ

1) Другихъ случаевъ для такого фонетическаго явленія я не знаю въ общеславянскомъ языкѣ, но надо имѣть въ виду, что самое сочетаніе zz могло получаться здѣсь лишь при слитіи одного слова, оканчивавшагося на s, z, съ другимъ, начинавшимся съ z. Прибавлю еще, что сказанное мною объ удлиненіи общеславянской краткой гласной передъ z изъ zz не распространяется на ирраціональную гласную (сравните далѣе объ i въ предлогѣ *izъ).

старымъ ē въ началѣ слова, такъ какъ иначе и изъ этого *i̯ēzъ явилось бы *ēzъ. Совершенно невѣроятнымъ кажется мнѣ предположеніе, по которому *i̯ēzъ, откуда *i̯āzъ, образовалось изъ «i̯ezъ (а это *i̯ezъ сопоставляютъ съ древнеиндійскимъ aham «я» и отдѣляютъ, слѣдовательно, по окончанію отъ соотвѣтственнаго слова въ балтійскихъ языкахъ), подъ вліяніемъ аналогіи долгой гласной въ *tȳ «ты»: не было бы, я думаю, никакого повода для такого вліянія, такъ какъ *i̯ezъ (въ два слога) и *tȳ (односложное) не имѣли бы ничего общаго между собою по звуковой сторонѣ. — По поводу старославянскаго ѧ въ **аѧъ** и ново-болгарскаго а въ аз (при яз) надо замѣтить, что это ѧ, а, образовавшееся несомнѣнно изъ i̯a, показываетъ, что и въ такихъ случаяхъ, какъ **агнѣ**, ново-болгарское агне (при ягне), **агода** и т. д., нѣтъ основанія видѣть въ ѧ, а старое начальное ā, а не измѣненіе сочетанія i̯ā, терявшаго i̯.

Отъ случаевъ, въ которыхъ общеславянскій языкъ имѣлъ начальное i̯ā, i̯ā съ новымъ i̯, подвижнымъ въ діалектахъ, надо отличать тѣ случаи, гдѣ общеславянское начальное i̯ā, i̯ā представляло старое i̯, откуда j; въ случаяхъ послѣдняго рода и въ старославянскихъ текстахъ мы находимъ только ꙗ, не ѧ. Примѣрами старославянскаго начальнаго ꙗ изъ общеславянскаго i̯ā, i̯ā съ старымъ i̯ могутъ служить: **ꙗкъ** «какой» (относительное мѣстоименіе), родственное съ литовскимъ joks «какой», мѣстоименный корень тотъ же, что и въ формахъ **его**, **емоу** и т. д.; **ꙗможе** «куда» (относительное), отъ того же мѣстоименнаго корня; **ꙗма**, русское яма, латышское jûma «глубокое мѣсто въ морѣ между мелью и берегомъ»; **ꙗръ**, **ꙗрость**, русскія ярый, яриться, сравните греческое ζωρός «крѣпкій» (о винѣ), гдѣ, слѣдовательно, ζ изъ индоевропейскаго j. Отъ **ꙗкъ** должно быть отличаемо по происхожденію древне-русское акъ съ тѣмъ же значеніемъ (напр., въ Изборникѣ 1073 года, въ лѣтописяхъ), гдѣ а изъ общеславянскаго ĭā; съ этимъ акъ, не извѣстнымъ изъ старославянскихъ текстовъ въ качествѣ мѣстоименія, сравните старославянскій союзъ **ако**, о которомъ я говорю далѣе, а по образованію это

акъ (изъ *hā + мѣстоименіе *kъ) должно быть сопоставляемо съ русск. экой (изъ *he + мѣстоименіе *kъ). При старославянскомъ **ѧможе** мы находимъ въ церковнославянскихъ текстахъ, писанныхъ въ Россіи, и **аможе** съ тѣмъ же значеніемъ (напр., въ Изборникѣ 1076 года); я предполагаю, что это **аможе**, не существовавшее въ самомъ русскомъ языкѣ, явилось изъ **ѧможе** подъ вліяніемъ **ако**, **акъı**, акъ при **ѧко**, **ѧкъı**, **ѧкъ**.

Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ общеславянскій языкъ въ эпоху его распаденія имѣлъ начальное ā, это ā восходитъ къ болѣе древнему hā, въ которомъ придыханіе еще сохранялось въ то время, когда передъ начальнымъ ā развивалось j. Общеславянское ā изъ hā является въ союзѣ *ā, откуда старославянское **а**, русское а (а-ли, а-вось и т. д.), польское a и т. д.; съ этимъ *ā тождественно литовское o «и, а» (придыханіе не сохранилось въ литовскомъ языкѣ). Тотъ же союзъ *ā изъ *hā мы находимъ въ старославянскомъ **аштє** «если», въ древне-русскомъ аче «если, хотя», а также въ чешскомъ ač «если, хотя», въ польскомъ acz «хотя», которыя не тождественны съ **аштє** (русское ч въ аче можетъ соотвѣтствовать какъ старославянскому шт, такъ и чешскому č, польскому cz). При **аштє** старославянскіе тексты имѣютъ и **ѧштє**, вообще очень рѣдко (въ Супрасльской рукописи одинъ разъ: **ѥсн ѧштє**), но въ Синайской псалтыри часто (**ѣштє**, т. е. съ тою глаголическою буквой, которая соотвѣтствуетъ буквамъ **ѧ** и **ѣ** кириллицы); повидимому, это **ѧштє** имѣетъ **ѧ**, вмѣсто а, позднѣйшаго происхожденія. Общеславянское начальное а, изъ hā является также въ старославянскихъ частицахъ **акъı** «какъ» и **ако** «когда», **акоже** «какъ», представляющихъ собою по происхожденію формы того мѣстоименія, которое мы находимъ въ древнерусскомъ акъ. Съ **ако** (въ Супрасльской рукописи), которое должно быть отличаемо по происхожденію отъ **ѧко**, сравните словинское ako «если», словацкое ako «какъ» (относит.), верхнелужицкое hako «какъ, когда» (относительныя), нижне-лужицкое ako, кашубское ako «какъ». При **акъı** существовало въ старославянскомъ языкѣ и **окъı** съ тѣмъ же значеніемъ (въ Супрасль-

ской рукописи); послѣднее изъ общеславянскаго *ĥokȳ, *okȳ. Мѣстоименный корень, являющійся въ общеславянскомъ ā изъ ĥā въ союзѣ *ā и въ *āko, *ākȳ, тотъ же, что и въ общеславянскихъ he- и o- изъ ho-.

Въ то время, когда въ началѣ словъ передъ мягкими гласными и передъ ā развивалось i̯, передъ прочими начальными гласными, т. е. передъ гласными губными, появлялось въ общеславянскомъ языкѣ u̯, которое, кромѣ того, приставлялось въ діалектахъ и передъ начальнымъ ā (или ā°) безъ ударенія; въ эпоху распаденія общеславянскаго языка это u̯ передъ ъ, ȳ, ā, а въ діалектахъ также и передъ ж являлось измѣненнымъ въ v, между тѣмъ какъ передъ ŏ, ū, а въ діалектахъ и передъ ж оно исчезло. По отношенію къ общеславянскимъ начальнымъ ŏ и ū можно было бы думать, конечно, и такъ, что передъ этими гласными общеславянскій языкъ вовсе не получалъ приставного звука, но въ виду того, что передъ прочими начальными гласными существовалъ въ общеславянскомъ языкѣ приставной звукъ, правильнѣе, мнѣ кажется, предполагать, что и начальныя ŏ и ŏu̯, откуда ū, не составляли въ этомъ отношеніи исключенія, т. е. что и передъ этими гласными развивался неслоговой звукъ, и при томъ именно то же u̯, которое являлось и передъ начальными звуками u, т. е. передъ ъ (или ŭ) и передъ старымъ ū, измѣнившимся далѣе въ ȳ; что же касается послѣдовавшей затѣмъ утраты u̯ передъ ŏ и передъ ŏu̯ (когда послѣднее, можетъ быть, еще не измѣнилось въ ū) или ū (изъ ŏu̯), то сравните утрату начальнаго i̯ передъ звуками e извѣстнаго качества и передъ звуками i. Итакъ, я думаю, что, напр., въ старославянскихъ **око оуи** (сравните ὄσσε, латинское oculus), **оухо оуши** (сравните литовское ausìs, латинское auris, а также греческое οὖς) общеславянскія начальныя ŏ и ū образовались изъ u̯ŏ и u̯ŏu̯, съ приставнымъ начальнымъ u̯. Что касается, впрочемъ, начальнаго u̯ŏu̯, то не во всѣхъ случаяхъ оно утратило приставное u̯, и въ словѣ *vūjь «дядя по матери» (сравните литовское avýnas «дядя», латинскія avus, avunculus) и въ производныхъ отъ него существовало vū изъ

u̯ŏu̯, хотя въ діалектахъ извѣстно было здѣсь, вѣроятно, и ū, безъ v (*ūjь). На общеславянское v въ началѣ этихъ словъ указываютъ польскія wuj (при uj въ старыхъ текстахъ), wujna «жена дяди по матери», а также ново-болгарское вуйна съ тѣмъ же значеніемъ (приведено въ Этимологическомъ словарѣ Миклошича), при уйка «дядя по матери», словинское vujec «дядя по матери» при ujec; малорусскія вуй, вуйна также могутъ имѣть старое v[1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ и относительно тѣхъ славянскихъ языковъ, гдѣ мы находимъ отсутствіе v въ началѣ этихъ словъ (напр., въ древне-русскомъ уй, при вуй въ Ипатьевской лѣтописи, въ чешскомъ uj и т. д.), можетъ быть вопросъ, не произошло ли здѣсь начальное u (y) въ этихъ словахъ, по крайней мѣрѣ частію, изъ общеславянскаго vū. Итакъ, допуская, что еще въ общеславянскомъ языкѣ при vū- въ *vūjь и т. д. существовало въ діалектахъ и ū- (*ūjь), мы имѣемъ право думать, что это ū образовалось здѣсь непосредственно изъ vū, т. е., что въ этихъ словахъ приставное u̯ перешло въ общеславянскомъ языкѣ въ v, между тѣмъ какъ, напр., изъ *u̯ou̯χo получалось *ūχo безъ посредства *vūχo, но съ утратою u̯. Общеславянское *vūjь, при *ūjь, свидѣтельствуетъ, слѣдовательно, о томъ, что исторія дифтонга ŏu̯ передъ j отличалась въ общеславянскомъ языкѣ отъ исторіи того же дифтонга въ другомъ положеніи; повидимому, изъ ŏu̯ передъ j получилась долгая закрытая гласная (передъ которою u̯ перешло въ v) ранѣе, чѣмъ изъ ŏu̯ въ другомъ положеніи. Не для всѣхъ, однако, словъ, начинавшихся съ o въ эпоху распаденія общеславянскаго языка, мы должны предполагать происхожденіе этого ŏ непосредственно изъ u̯ŏ; въ числѣ этихъ словъ были и такія, въ которыхъ общеславянскій языкъ имѣлъ нѣкогда h (изъ индоевропейскаго h) передъ ŏ, а по аналогіи съ тѣмъ, что мы знаемъ относительно общеславянскихъ начальныхъ he и ā изъ hā, надо думать, что и въ начальномъ ho подъ удареніемъ придыханіе еще сохранялось въ ту эпоху, когда стали

1) Въ Словарѣ Желеховскаго при вуй, вуйна не указаны уй, уйна, между тѣмъ какъ, напр., при ухо здѣсь приводится болѣе новое вухо.

приставляться звуки u̯ и i̯ передъ начальными гласными. Общеславянское начальное ŏ изъ нѣкогда бывшаго hŏ (черезъ посредство u̯ŏ лишь въ старомъ положеніи безъ ударенія) надо предполагать въ тѣхъ словахъ, гдѣ о чередовалось съ he и съ ā изъ hā; напр., въ *ošče (русск. още, ново-болгарск. още[1]) при *héšče и *ješčé, въ *odъvā (русск. одва, ново-болгарск. одваї) при *hédъvā или *edъvā (старославянское **єдъва**) и *jedъvā, въ *okȳ (старославянское **окы**) при *ākȳ изъ *hākȳ. Вѣроятно, и въ мѣстоименіяхъ *onъ (старославянское **онъ**, русское онъ), *ovъ (старославянское **овъ**) общеславянское о изъ ho; сравните *heno, *hevo.

Въ одномъ случаѣ мы находимъ въ общеславянскомъ языкѣ начальное о вмѣсто ожидаемаго vo, съ старымъ v изъ литовско-славянскаго v, именно въ словахъ *osā, *osъ, *osъvā «оса», откуда старославянское **оса**, русскія оса, осва, сербскія ȍса, ȏс, чешскія os, osva, польское osa и т. д.; съ *osā сравните литовское vapsà «оводъ» (въ общеславянскомъ языкѣ p передъ s фонетически исчезло), съ которымъ родственны древне-верхненѣмецкое wafsa, wefsa «оса», ново-верхненѣмецкое Wespe, латинское vespa. Общеславянское *osā не могло бы получиться фонетическимъ путемъ изъ *vosā, т. е. начальное v не могло бы отпасть, но нельзя ли предположить, что *vosā измѣнилось въ общеславянскомъ языкѣ въ u̯osā, откуда *osā, вслѣдствіе смѣшенія съ какимъ-то словомъ отъ того корня, который является, напр., въ старославянскихъ **остръ**, **остьнъ** «стрекало» и т. д. (родственны латинскія acies, acuo, греческое ἀκ-ωκή и т. д.)?

Общеславянское начальное u̯ѫ, съ приставнымъ u̯, съ теченіемъ времени измѣнилось въ vѫ, которое въ эпоху распаденія общеславянскаго языка въ части діалектовъ звучало какъ ѫ, безъ v. Изъ числа тѣхъ славянскихъ языковъ, въ которыхъ сама общеславянская гласная ѫ не перешла въ звукъ u (русск. у), мы

1) Сюда же принадлежатъ ново-болгарск. йоще, сербск. јоште, јошт, словинское jošče, гдѣ jo изъ o подъ вліяніемъ j въ параллельномъ *ješče, откуда словинское ješče (при ešče).

находимъ только въ старославянскомъ языкѣ отсутствіе v (в) передъ начальнымъ ѫ, между тѣмъ какъ въ прочихъ, именно въ польскомъ, кашубскомъ (гдѣ, впрочемъ, частію извѣстно и u изъ носовой гласной ѫ), полабскомъ, словинскомъ и ново-болгарскомъ языкахъ, здѣсь является начальное v, при чемъ въ словинскомъ языкѣ кромѣ vo, соотвѣтствующаго старославянскому начальному ѫ, существуетъ въ тѣхъ же словахъ и o, а въ ново-болгарскомъ при въ (отсюда и ъ, съ утратою в)[1]) мы находимъ въ соотвѣтствіи съ старославянскимъ начальнымъ ѫ также и діалектическое йъ. Что касается тѣхъ славянскихъ языковъ, въ которыхъ общеславянская носовая гласная ѫ сама по себѣ перешла въ звукъ u (русск. у), то изъ нихъ малорусскій языкъ, имѣя ву при у въ соотвѣтствіи съ старославянскимъ начальнымъ ѫ, указываетъ, я думаю, въ ву также на общеславянское начальное vѫ (въ этомъ ву в болѣе извѣстно въ малорусскомъ языкѣ, чѣмъ в въ ву, при у и в, изъ общеславянскаго начальнаго ū); въ прочихъ изъ такихъ славянскихъ языковъ исторія общеславянскаго начальнаго vѫ, ѫ совпала съ исторіею общеславянскаго начальнаго ū (напр., великорусск. у, верхне-лужицк. vu, нижне-лужицк. hu, т. е. γu), т. е. эти языки могли получить изъ общеславянскаго языка какъ начальное ѫ, такъ, по крайней мѣрѣ частію, и начальное vѫ, совпавшее здѣсь съ ѫ. Итакъ, я думаю, что общеславянское начальное vѫ, изъ u̯ѫ съ приставнымъ u̯, еще въ діалектахъ общеславянскаго языка измѣнилось въ ѫ, откуда какъ старославянское ѫ, такъ, напр., и словинское o при vo; въ болгарскомъ языкѣ это общеславянское ѫ перешло въ jѫ и далѣе въ новое йъ (при въ изъ vѫ). Надо замѣтить, что общеславянское начальное u̯ѫ съ приставнымъ u̯ съ теченіемъ времени совпало съ старымъ начальнымъ vѫ, гдѣ v изъ литовско-славянскаго v; поэтому-то можно думать, что общеславянское діалектическое ѫ изъ начальнаго u̯ѫ образовалось черезъ посредство vѫ, въ которомъ v получало такое же измѣненіе, какъ и въ старомъ началь-

1) Утрата в извѣстна и въ другихъ случаяхъ въ діалектахъ ново-болгарскаго языка.

номъ ѵѫ въ тѣхъ же діалектахъ. Общеславянское начальное ѵѫ, діалектическое ѫ, изъ ѵ̯ѫ съ приставнымъ ѵ̯ является въ старославянскомъ ѫ, напр., въ слѣдующихъ случаяхъ: **ѫгълъ**, русское уголъ, малорусское вугол при угол, словинское vogel при ogel, польское węgieł, сравните латинское angulus; **ѫгль**, русское уголь, малорусское вуголь при уголь, словинское vogel при ogel, польслое węgiel, полабское vęgil, сравните литовское anglìs «уголь»; **ѫзъкъ**, русское узокъ, узкій, малорусское вузкий при узкий, словинское vozek при ozek, польское wązki, сравните латинское angustus. Указаніе на то, что въ общеславянскомъ языкѣ передъ начальнымъ ѫ нѣкогда существовало приставное ѵ̯, можно извлечь и изъ общеславянскаго v въ томъ *vѫz-, которое является въ старославянскомъ **ѧзати**, русскомъ вязать и т. д. Это слово родственно съ старославянскими **ѫзл**, **съѫзъ** при **съѧѫзъ** (русскія узы, союзъ заимствованы книжнымъ языкомъ), **ѫже** «веревка», а также, напр., съ русскимъ узелъ, польскимъ węzeł и т. д.; общеславянское *vѫz- въ старославянскомъ **ѧзати** образовалось изъ *ѵ̯ѫz-, а послѣднее получило приставное ѵ̯ подъ вліяніемъ *ѵ̯ѫz- (откуда, напр., старославянское **ѫз-** въ **ѫзл**), между тѣмъ какъ фонетически вмѣсто *vѫz-, изъ *ѵ̯ѫz-, должно бы было явиться *jѫz-, съ приставнымъ j, и далѣе *jѫz-. Съ старославянскими **ѫзл**, **съ-ѫзъ**, **ѧзати** родственны, повидимому, греческое ἄγχω, латинское ango (отъ того же корня старославянское **ѫзъкъ**, латинское angustus), хотя для **ѧ** въ **ѧзати** не извѣстно соотвѣтствіе изъ другихъ (не славянскихъ) языковъ; чередованіе гласныхъ, полученныхъ изъ общаго индоевропейскаго языка, здѣсь такое же, какъ, напр., въ греческомъ ἔγχελυς и латинскомъ anguilla «ужъ» [1]). По поводу старославянскаго **съ-ѧзъ** (въ Супрасльской рукописи, въ Сборникѣ Клоца) при **съ-ѫзъ** (въ

1) Съ индоевропейскимъ корнемъ *a^{e}ngh (съ gh средненёбнымъ) въ **ѧзати** можно сопоставить его звуковой варіантъ *nă^{e}gh, являющійся, повидимому, въ латинскомъ necto и въ древнеиндійскомъ глагольномъ корнѣ naĥ «шить», хотя въ древнеиндійскомъ языкѣ съ naĥ такого происхожденія смѣшался глагольный корень nadh.

Супрасльской рукописи), а также **съ-вѫꙁа** (въ Словахъ Григорія Богослова) при ***съ-ѫꙁа** замѣчу, что здѣсь **в** восходитъ къ общеславянскому v изъ u̯, т. е. и въ тѣхъ діалектахъ общеславянскаго языка, гдѣ начальное u̯ передъ **ѫ** исчезало, то же u̯ передъ **ѫ** внутри слова (въ сложномъ словѣ) измѣнялось фонетически въ v; такъ же объясняется чешское vu въ pa-vuz «рычагъ» (сравните польскія po-wąz и pa-wąz съ тѣмъ же значеніемъ) при начальномъ u изъ **ѫ**, напр., въ uzel «узелъ». Въ Супрасльской рукописи въ одномъ мѣстѣ (стр. 333 въ изданіи Миклошича) является и **вѫꙁѣ** вмѣсто **ѫꙁѣ** (отъ **ѫꙁа**), именно въ **прѫтивѫ** (описка или опечатка изданія вмѣсто **противѫ**) **вѫꙁѣ**, но я предполагаю здѣсь въ **вѫꙁѣ** описку, вызванную буквами **вѫ** въ окончаніи предшествующаго слова. Въ Словарѣ Миклошича приведено и старославянское **вѫꙁъ** «vinculum» съ ссылкою на Сборникъ Клоца, но въ указанномъ мѣстѣ надо читать **съвѫꙁомь** (отъ **съвѫꙁъ**), а не **съ вѫꙁомь** (**дш҃ѫ къ себѣ съвѫꙁомь любовънымь совъкоуплѣѭште**).

Я говорилъ, что въ общеславянскомъ языкѣ начальное u̯ѫ съ приставнымъ u̯ совпало съ теченіемъ времени съ начальнымъ vѫ, имѣвшимъ старое v, т. е. какъ vѫ изъ u̯ѫ обращалось въ діалектахъ въ **ѫ**, такъ и изъ vѫ съ старымъ v тѣ же діалекты получали **ѫ**. Старославянское начальное **ѫ** изъ общеславянскаго vѫ, **ѫ** съ старымъ v я вижу въ слѣдующихъ случаяхъ: **ѫсъ** «усъ» въ **голоѫсъ** (указано въ Словарѣ Миклошича), русск. усъ усы, малорусск. вус ву́си и у́си, польск. wąs и т. д., родственно прусское wanso «пушокъ на подбородкѣ»[1]); **ѫтьлъ** «дырявый», русск. утлый «дырявый; хилый, слабый; калѣка», малорусск. ву́тлий и у́тлий «слабый, безсильный», польск. wątły «слабый, безсильный; непрочный» и т. д., родственны нѣмецкія wund, Wunde и греческое οὐτάω[2]).

---

1) Родственное слово извѣстно и изъ кельтскихъ языковъ (см. Фика Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, четвертое изданіе, II, 216).

2) Греческое οὐτάω произошло изъ индоевропейскаго uan̯t, съ присоединеніемъ о передъ начальнымъ u̯ и съ измѣненіемъ u̯an̯ въ u.

Въ ту эпоху, когда начальныя ѫж и vж еще различались въ общеславянскомъ языкѣ, въ словахъ *жzā, *жzъ и въ родственныхъ съ ними начальное ѫ было уже измѣнено въ v, подъ вліяніемъ v (изъ ѫ) въ *vжzātī, а прежде чѣмъ начальныя ѫж и vж совпали фонетически, начальное vж безъ ударенія подверглось въ общеславянскомъ языкѣ тому фонетическому измѣненію, результатомъ котораго явилось γж изъ такого vж, хотя подъ вліяніемъ аналогіи со стороны родственныхъ словъ, имѣвшихъ vж подъ удареніемъ, въ словахъ съ начальнымъ γж указаннаго происхожденія извѣстны были и параллельныя образованія съ vж, откуда діалектическое ж. Сюда принадлежатъ именно слѣдующіе случаи: *γжsi͡enīcā (напр., въ церковнославянск. **гоусѣница**, русск. гусеница, польск. gąsienica) при *vжsi͡enīcā, *жsi͡enīcā (напр., въ церковнославянскомъ **оусѣница**, польск. wąsienica, а также, съ другимъ значеніемъ, въ русск. усеница, заусеница), сравните *vжsъ, *жsъ «усъ»; *γжžь «веревка для связыванія, ремень» (напр., въ русск. гужъ, словинск. gož), сравните *vжže, *жže «веревка», напр., въ старославянск. **жже**; *γжžьvā «связь, напр., изъ прутьевъ» (напр., въ словинск. gožva, а также въ малорусск. гужва «связь у плуга», польск. gążwy «связь у цѣпа») при *vжžьvā, *жžьvā (въ малорусск. вужва при гужва), сравните *vжže, *жže «веревка»; *γжzъ «петля, связь» (въ бѣлорусск. гуз «петля», въ олонецкомъ пригузъ «связь у цѣпа»), сравните *-vжzъ, *-жzъ, напр., въ старославянскихъ **съвжзъ**, **съжзъ**. Предполагая въ этихъ случаяхъ для общеславянскаго языка γж, не gж, я имѣю въ виду олонецкое пригузъ, съ тѣмъ же г, которое сохраняется въ этихъ говорахъ и въ того, его и т. д., гдѣ, какъ мы видѣли, общеславянскій языкъ имѣлъ γ; можно предполагать поэтому, что общеславянское γ при положеніи въ началѣ слова измѣнилось въ великорусскомъ въ г (въ гужъ, гусеница) въ то время, когда оно сохранялось еще между гласными, хотя я не имѣю прямыхъ указаній на то, что измѣненіе начальнаго γ въ g не произошло еще въ общеславянскомъ языкѣ.

Возвращаюсь къ исторіи приставного ѫ въ общеславянскомъ

языкѣ. Въ положеніи передъ ъ и ў въ эпоху распаденія общеславянскаго языка существовало v изъ приставного u̯; отсюда v и въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ. Старославянское начальное **въ-** съ **в** такого происхожденія является въ слогѣ **вторъ вторын**, русск. второй, о которомъ я уже говорилъ (изъ *(h)n̥tórъ, *ъtórъ, *u̯torъ); родственно, напр., какъ мы видѣли, литовское àntras «второй» (съ другою индоевропейскою гласной). Такое же **в** въ предлогѣ **въ**, русск. во, в(ъ), родственномъ съ предложною приставкой **ж-**, русск. у-, напр., въ **жсобица** «раздоръ, мятежъ», **ждоль** «долина» (церковнославянск. **юдоль** изъ **ждоль**, гдѣ **ж** изъ **ж** болгарскаго происхожденія), или, напр., въ русск. утокъ, польск. wątek (въ старославянскомъ было бы ***жтъкъ**, сравните **тъкати**); родственны греческое ἐν, латинское in, латышское ē (изъ ę), литовское į. Какъ именно произошло общеславянское ъ въ предлогѣ *vъ, я не опредѣляю, такъ какъ мнѣ представляются здѣсь возможными различныя объясненія; по мнѣнію нѣкоторыхъ лингвистовъ, **въ** тождественно по происхожденію съ **ж-** и восходитъ къ *on, съ фонетическимъ измѣненіемъ конечнаго on въ un; но, можетъ быть, **ъ** въ **въ** изъ индоевропейскаго o̯n̥. Старославянское начальное **въ** съ общеславянскимъ v изъ приставного u̯ является также въ словѣ **въпити** «кричать», русск. вопить, какъ это видно изъ **възъпити**, гдѣ нѣтъ **в** передъ **ъ** именно потому, что соединеніе глагола съ предложною приставкой въ одномъ словѣ произошло здѣсь ранѣе того времени, когда въ общеславянскомъ языкѣ передъ извѣстными начальными гласными приставилось u̯.

Старославянское начальное **въ** другого происхожденія, съ **в** изъ того общеславянскаго v, которое было получено изъ литовско-славянскаго v, т. е. изъ индоевропейскихъ v и u̯, мы находимъ въ словахъ **вънъ**, русск. вонъ (напр., въ пошелъ вонъ!), **вънѣ**, церковнославянск. **изъвъноу**; родственно прусское winna (читается wina) «вонъ», is-winadu «извнѣ», хотя отношеніе прусскаго i къ общеславянскому ъ для меня не ясно: представляетъ ли общеславянское ъ въ *vъnъ фонетическое измѣненіе (при какомъ-то условіи) литовско-славянскаго i или же въ литовско-

славянскомъ языкѣ существовали здѣсь, съ различіями по діалектамъ, и i и u изъ индоевропейскаго $\underset{\smile}{\alpha}$?

Старославянское начальное **въ** съ общеславянскимъ v изъ приставного u̯ является, напр., въ **въıкнѫти** «учиться», русск. привыкнуть; отъ того же корня, но съ первоначальнымъ дифтонгомъ, **оуıнти**. Такое же общеславянское v, напр., въ *vȳdrā, откуда русск. выдра, польск. wydra, сербск. ви̏дра и т. д. (изъ старославянскихъ текстовъ это слово не извѣстно); тождественно литовское ú̃dra «выдра» (съ долгимъ u), родственны греческія ὕδρος, ὕδρα и нововерхненѣмецк. Otter (съ o изъ краткаго u). Сюда же принадлежитъ общеславянское v, напр., въ *vȳmа, откуда русск. вымя, польск. wymię, и т. д. (въ общеславянскомъ *vȳmа передъ m фонетически исчезло d); тождественно, я думаю, латинское -ūmen въ sūmen «вымя свиньи» и родственны греческое οὐθαρ, латинское ūber (гдѣ b изъ индоевропейскаго dh).

Въ старославянскомъ личномъ словѣ **въı**, русск. вы, общеславянское v изъ индоевропейскаго v или u̯; сравните **васъ**, **вамъ** и т. д., а также, напр., латинское vos. Общеславянское ȳ въ *vȳ «вы» объясняется, я думаю, такъ же, какъ ȳ вмѣсто ā изъ ās въ именительномъ множественнаго и въ родительномъ единств. ч. именъ съ основами на -ā, напр., въ старославянскомъ **женъı** (объ этихъ случаяхъ я уже говорилъ), т. е. **въı** можетъ быть тождественнымъ по происхожденію съ латинскимъ vōs.

Приставное u̯ въ діалектахъ общеславянскаго языка развивалось и передъ начальнымъ ā, но крайней мѣрѣ передъ ā безъ ударенія (**или**, можетъ быть, передъ ā°, если позднѣйшее ā въ эту эпоху, по крайней мѣрѣ въ положеніи безъ ударенія, звучало еще какъ ā°), а изъ u̯ā получалось далѣе vā, хотя по бо́льшей части передъ старымъ начальнымъ ā намъ извѣстно въ общеславянскомъ языкѣ j̯, откуда j. Общеславянское vā такого происхожденія надо предполагать въ діалектическихъ *vājé, *vājьcé «яйцо», откуда словацкое vajce, чешское vejce (изъ *vajce), между тѣмъ какъ другіе славянскіе языки указываютъ здѣсь, какъ мы видѣли, на общеславянскія *jāje, *jājьce и *āje, *ājьce изъ *j̯āje,

*i̯ā̯jьсе съ приставнымъ i̯. Такое же общеславянское начальное vā существовало въ словѣ *varьno «известь», которое, повидимому, было заимствовано нѣкоторыми діалектами въ такомъ видѣ изъ другихъ діалектовъ; отсюда сербское діалектическое ва́пно (съ перенесеннымъ удареніемъ), словинское діалектическое vapno, польское wapno, чещское vapno, церковнославянское **по-вап(ь)-нєнъ**, **по-вапленъ** «покрытый известью», между тѣмъ какъ сербское діалектическое ја́пно (съ перенесеннымъ удареніемъ) указываетъ на общеславянское *jārьno, а словинское apno, можетъ быть, изъ общеславянскаго діалектическаго *ārьno, имѣвшаго ā изъ i̯ā (или же словинское apno заимствовано изъ болгарскаго языка?). Происхожденіе этого слова мнѣ не извѣстно.

Появленіе въ общеславянскомъ языкѣ звуковъ i̯ и u̯ передъ начальными гласными происходило, вѣроятно, въ ту эпоху, когда согласныя (неслоговыя) въ концѣ словъ уже не существовали, и когда, слѣдовательно, слоговая гласная въ началѣ слова представляла собою слоговую гласную въ началѣ слога при всякомъ положеніи слова, какъ въ началѣ рѣчи (или послѣ паузы), такъ и въ тѣсномъ сочетаніи въ рѣчи съ предшествовавшимъ словомъ. Понятно, что одновременно съ появленіемъ звуковъ i̯ и u̯ передъ начальною слоговою гласной, какъ передъ гласною начала слога, тѣ же i̯ и u̯ должны были развиться и въ положеніи между слоговыми гласными внутри словъ, т. е. также передъ гласною начала слога. Дѣйствительно, мы имѣемъ указанія на то, что въ общеславянскомъ языкѣ въ ту эпоху, когда еще не существовали такія образованія, какъ *dobrāeγo, т. е. когда въ *dobrāeγo еще сохранялось i̯ между гласными, стеченіе внутри словъ двухъ слоговыхъ гласныхъ не тождественныхъ по качеству не допускалось, и между такими гласными должно было появляться или i̯, съ дальнѣйшимъ его фонетическимъ измѣненіемъ, или u̯, съ его фонетическимъ измѣненіемъ; при этомъ, однако, передъ одною и тою же слоговою гласной въ положеніи послѣ слоговой гласной допускались и i̯ и u̯ (съ различіями по діалектамъ), т. е. различіе между i̯ и u̯ въ этихъ случаяхъ могло обусловливаться не только качествомъ

той гласной, передъ которой развивался такой неслоговой звукъ, но также и качествомъ предшествовавшей гласной. Случаи, о которыхъ я говорю, являются въ слѣдующихъ словахъ.

Общеславянскія *rѫkojѧtь и *rѫkovѧtь (гдѣ вторая часть сложнаго слова родственна съ глаголомъ *jѧtī, старослав. **ѩти**): старославянскія **рѫкоѩть** и **рѫковѧть** «manipulus», словинск. rokovet, сербск. ру̏ковет съ тѣмъ же значеніемъ, чешск. rukovět «рукоятка» и «горсть чего», польск. rękojeść «рукоятка» (родственно, хотя фонетически не тождественно, съ **рѫкоѩть**), русск. архангельск. ру́ковядь «рукоять», вмѣсто руковять (русск. рукоять, откуда рукоятка, заимствовано книжнымъ языкомъ); въ русск. руковядь и въ сербск. руковед, при ру̏ковет, д явилось вслѣдствіе смѣшенія этого слова съ общеславянскимъ *rѫkovādь, откуда словинск. rokovad «горсть хлѣба» (при rokovat, подъ вліяніемъ rokovet), а здѣсь вторая часть родственна съ глаголомъ *vodītī (сравните словинск. rokovoditi съ значеніемъ «handhaben»). Общеславянскія *pājѫkъ и *pāvѫkъ, *pāѫkъ (изъ *pāvѫkъ) «паукъ», *pājѫčīnā и *pāvѫčīnā, *pāѫčīnā (изъ *pāvѫčīnā) «паутина»: старославянскія **паѭчина** и **паѫчина**, русск. паукъ, паутина (изъ *паукина, а *паукина вмѣсто *паучина подъ вліяніемъ паукъ), польск. pająk, pajęczyna, чешск. pavouk, pavučina и т. д.; происхожденіе общеславянскаго *pāѫkъ, откуда *pai̯ѫkъ, *pājѫkъ и *pāu̯ѫkъ, *pāvѫkъ (*pāѫkъ), не извѣстно мнѣ; можетъ быть, здѣсь было нѣкогда индоевропейское i̯ между гласными, а индоевропейское i̯ въ такомъ положеніи должно было исчезнуть еще въ литовско-славянскомъ языкѣ. Общеславянскія *čölъ̯i͡ekъ, изъ *čelъi̯ēkъ, čelъ̯ēkъ, и *čölvi͡ekъ, изъ *čelъ̯vēkъ, «человѣкъ»; изъ *čelъ̯i̯ēkъ получилось *čelъ̯ēkъ и далѣе *čelъ̯i͡ekъ тогда же, когда, напр., *dobrāi̯eγo обратилось въ *dobrāeo, т. е. когда исчезало i̯ между гласными въ положеніи передъ ударяемою гласной. О происхожденіи этихъ общеславянскихъ словъ и объ исторіи ихъ въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ я уже говорилъ прежде, хотя связь между собою общеславянскихъ *čölъ̯i͡ekъ и *čölvi͡ekъ оставлена была мною тогда неразъясненною, точно

такъ же, какъ и относительно ē, i͡e въ этихъ словахъ я не рѣшалъ прежде, произошло ли оно изъ стараго, литовско-славянскаго ē, или изъ дифтонга; но если бы общеславянскій языкъ имѣлъ нѣкогда *čelъi̯oi̯kъ (съ удареніемъ на oi̯), то отсюда въ результатѣ получилось бы *čölъīkъ, такъ какъ измѣненіе ŏi̯ въ ĕi̯, ī послѣ мягкихъ звуковъ происходило ранѣе той утраты i̯, какая вызывалась положеніемъ этого звука между гласными, передъ ударяемою гласной (сравните *doьrуīχъ, гдѣ ī изъ ŏi̯ послѣ i̯); слѣдовательно, ē, i͡e въ *čölъi͡ekъ и *čölvi͡ekъ образовалось изъ стараго, литовско-славянскаго ē, а измѣненіе *čelъi̯ēkъ въ *čelъēkъ, *čölъi͡ekъ свидѣтельствуетъ о томъ, что утрата i̯ между гласными, передъ ударяемою гласной, происходила ранѣе того времени, когда ē изъ стараго ē въ положеніи послѣ мягкихъ звуковъ измѣнялось въ ā. Разсматриваемый нами фонетическій законъ относительно появленія въ общеславянскомъ языкѣ звуковъ i̯ и u̯ въ положеніи между гласными не тождественными по качеству даетъ объясненіе и того уже извѣстнаго намъ факта, что въ глаголахъ съ производными основами настоящаго времени на индоевропейскія -ā^{a}i̯ā$^{e/o}$-, -ā^{e}i̯ā$^{e/o}$-, гдѣ i̯ между гласными исчезло еще въ литовско-славянскомъ языкѣ, общеславянскій языкъ имѣлъ въ третьемъ лицѣ множ. числа формы на -ājмtь, -i͡ejмtь, а не на -āмtь, -i͡emtь; мы видимъ теперь, что изъ -āмtь, -ēмtь должны были фонетически явиться или -ājмtь и -ējмtь, -i͡ejмtь (гдѣ j изъ i̯), или -āvмtь и -ēvмtь, -i͡evмtь (гдѣ v изъ u̯), откуда въ діалектахъ можно бы ждать -āмtь, -i͡emtь, а на появленіе въ этихъ случаяхъ исключительно лишь образованій на -ājмtь, -i͡ejмtь (не на -āvмtь, -i͡evмtь) могли вліять образованія на -ājмtь, -i͡ejмtь глаголовъ съ тѣми производными основами, въ которыхъ существовало старое j между гласными. Соотвѣтственнымъ образомъ объясняются въ тѣхъ же глаголахъ формы на -ājж, -i͡ejж изъ -āж, -ēж въ первомъ лицѣ единствен. ч. и формы на -ājetъ, -i͡ejetъ и на -ājevi͡e, -i͡ejevi͡e въ первомъ лицѣ множеств. и двойств. ч., гдѣ нѣкогда основа должна была оканчиваться на -āo-, -ēo-.

Что касается стеченія двухъ тождественныхъ по качеству гласныхъ, то въ такомъ положеніи въ общеславянскомъ языкѣ не развивались ̯і и ̯ц между гласными, какъ свидѣтельствуютъ разсмотрѣнныя уже нами глагольныя образованія настоящаго времени съ основами на -āa- изъ -āe- (гдѣ между гласными исчезло фонетически индоевропейское ̯і), напр. въ старославянскихъ **бываатъ**, **бываашн**; такого же рода общеславянскія глагольныя образованія настоящаго времени съ основами на -i͡ee- изъ -ēe-. Стеченіе двухъ тождественныхъ по качеству гласныхъ существовало также, какъ мы видѣли, въ основахъ общеславянскаго имперфекта.

Утрата начальнаго ̯і *въ общеславянскомъ языкѣ.* Въ ту эпоху жизни общеславянскаго языка, когда уже образовалось новое начальное ̯і, приставленное передъ начальными мягкими гласными и передъ ā, и когда не существовало ̯і между гласными (см. выше), возникъ фонетическій законъ, по которому начальное ̯і всякаго происхожденія (старое и новое) передъ старымъ ē, изъ литовско-славянскаго ē (новое ē изъ дифтонга ŏ̯ī въ эту эпоху еще не существовало), передъ ī различнаго происхожденія (или передъ ĕ̯ī и ī, если ĕ̯ī въ это время еще не совпало съ ī) и передъ ь исчезало и, слѣдовательно, было непосредственно передъ тѣмъ ирраціональнымъ; это явленіе ограничивалось началомъ словъ потому, что не въ началѣ словъ ̯і въ эту эпоху уже не было извѣстно (̯і послѣ согласныхъ еще ранѣе уподобилось предшествовавшей согласной). Въ нѣкоторыхъ діалектахъ общеславянскаго языка начальное ̯і исчезало или становилось подвижнымъ также и передъ ē, но лишь при извѣстномъ фонетическомъ положеніи, именно тамъ, гдѣ слѣдующій слогъ заключалъ въ себѣ ē не послѣ мягкаго звука, а въ нѣкоторыхъ частяхъ такихъ діалектовъ также и въ тѣхъ случаяхъ, когда слѣдующій слогъ заключалъ въ себѣ другую мягкую гласную. Я предполагаю на основаніи этого, что въ то время, когда происходила діалектическая утрата начальнаго ̯і передъ ē при указанномъ условіи, гласная, обозначаемая мною черезъ e, въ положеніи послѣ мягкихъ неслоговыхъ зву-

ковъ была вообще не чистымъ е, но, вѣроятно, извѣстнымъ видомъ ö (ö°), и что только передъ слогомъ, заключавшимъ въ себѣ е (понятно, не послѣ мягкаго звука), а въ нѣкоторыхъ діалектахъ и передъ слогомъ, имѣвшимъ другую мягкую гласную, существовало въ это время, по крайней мѣрѣ въ діалектахъ общеславянскаго языка, чистое ē въ положеніи послѣ мягкаго звука, и при томъ, конечно, не только въ начальномъ слогѣ словъ, но также и внутри словъ.

Утрата въ общеславянскомъ языкѣ начальнаго i̯ передъ ē изъ стараго ē (когда ē еще не измѣнилось въ ā въ положеніи послѣ мягкаго звука) является, во-первыхъ, въ тѣхъ словахъ, изъ которыхъ произошли старославянскія **ѣмь ѣстн, ѣдь** «ѣда, пища»[1]), съ **ѣ** въ Остромировомъ евангеліи (почти всюду, при очень рѣдкомъ **и** изъ **ѣ**) и частію въ Саввиной книгѣ[2]) (хотя въ Саввиной книгѣ чаще встрѣчается **и** изъ **ѣ** въ формахъ глагола **ѣмь**), русскія ѣмъ, ѣсть, ѣда, сербскія ӣjем jȅсти (ије, је—ѣ), чешскія jím jísti и т. д.; во-вторыхъ, сюда принадлежатъ тѣ общеславянскія слова, которыя мы находимъ въ старославянскихъ формахъ глагола **ѣдж**, съ **ѣ** въ Остромировомъ евангеліи въ **ѣдиахѫ**, встрѣчающемся два раза (при **и** изъ **ѣ** въ **иджіемъ**, одинъ разъ)[3]), въ русскихъ ѣду, ѣздить, въ чешскихъ jedu jeti (изъ общеславянскаго *i̯ēti, изъ *ēti, «ѣхать»), jezditi, въ сербскомъ jѐздити и т. д. Въ діалектахъ старославянскаго языка начальное **ѣ** являлось измѣненнымъ въ **и** (какъ и въ ново-болгарскомъ языкѣ мы находимъ въ этихъ случаяхъ я); напр., въ Супрасльской рукописи въ формахъ глагола **ѣмь** или въ существительномъ **ѣдь** «ѣда» всегда является **и** (**истн** и т. д.), и то же **и** проникло въ значительной степени и въ Саввину книгу, а частію и въ Остромирово евангеліе. Въ **прѣиде** «переѣхалъ» и въ **прѣи-**

1) Въ Остромировомъ евангеліи написано ѣдъ (л. 254 б), вѣроятно съ ошибочнымъ ъ.

2) ѣмъ (въ изданіи Срезневскаго стран. 13, 5 сн.), ѣшѧ (стран. 20, 15 св.; стран. 21, 3 св.), ѣдѧшѫхъ (стран. 21, 5 св.), ѣдѣхѫ (стран. 54, 13 сн.), ѣдѧ (стран. 142, 2 св. и 12 сн.).

3) Въ Саввиной книгѣ нѣтъ этихъ словъ.

дѣмъ «переѣдемъ» (повелительная форма) въ Остромировомъ евангеліи мы находимъ **ꙗ** изъ **ѣ** уже не въ началѣ слова, но въ положеніи послѣ **ѣ**; въ этомъ случаѣ **ꙗ** изъ **ѣ** существовало, можетъ быть, и въ тѣхъ діалектахъ, гдѣ начальное **ѣ** сохранялось неизмѣненнымъ (съ **прѣꙗдє** изъ ***прѣѣдє** надо не смѣшивать такіе случаи, какъ **добрѣѣмь** въ Супрасльской рукописи, гдѣ діалектическое **ѣѣ**, какъ мы видѣли, новаго происхожденія). Въ тѣхъ общеславянскихъ словахъ, изъ которыхъ произошло старославянское **ѣмь** (и **ꙗмь**), русское ѣмъ и т. д., передъ ē, откуда i͡e, было утрачено новое, приставное i̯; сравните литовскія ė́dmi и ė́du «жру» (ė изъ литовско-славянскаго ē), а также, съ индоевропейскимъ ă^{e}, греческое ἔδω, латинское edo[1]). Что же касается старославянскаго **ѣдѫ** (и **ꙗдѫ**), русскихъ ѣду, ѣздить и т. д., то здѣсь въ общеславянскомъ языкѣ утрачено было передъ ē, откуда i͡e, старое i̯, изъ литовско-славянскаго i̯; родственно литовское jóti «ѣхать верхомъ», и различіе въ гласной корня между литовскимъ jóti и, напр., общеславянскимъ *ētī и далѣе *i͡etī, изъ *i̯ētī (отсюда чешское jeti, верхне-лужицкое jêć, нижне-лужицкое jêś), такое же, какъ, напр., между литовскимъ vókas «крышка» и «вѣко» и общеславянскимъ *vēko и далѣе *vi͡eko, откуда церковнославянское **вѣко**, русское вѣко и т. д., или, напр., между литовскимъ mólis «глина» и общеславянскимъ *mēlъ и далѣе *mi͡elъ, откуда старославянское **мѣлъ**, русское мѣлъ и т. д., т. е. это различіе въ гласной основывается въ такихъ случаяхъ на старомъ чередованіи гласныхъ изъ индоевропейскихъ ā^{e} и ā^{a}. Съ литовскимъ jo- въ jóti тождественно общеславянское jā- въ словѣ *jāχātī, которое засвидѣтельствовано сербскимъ jȁхати «ѣхать верхомъ», словинскимъ jahati (буква h обозначаетъ звукъ χ), словацкимъ jachat' «ѣхать» (при jechat'); сюда же можно относить (по указанію именно другихъ южно-славянскихъ языковъ) старославянское **прѣꙗхавъшє**, съ **ꙗ**

1) Общеславянское *jāslī, откуда старославянское **ꙗсли**, съ **ꙗ** и въ Остромировомъ евангеліи, русское ясли, сербское jȁсли и т. д., если родственно съ этими словами, имѣетъ начальное jā не изъ jē.

въ Остромировомъ евангеліи, хотя ѧ въ такомъ положеніи могло бы образоваться и изъ ѣ. При *jāχ̯ātī существовало въ общеславянскомъ языкѣ и *i͡eχ̯ātī, русское ѣхать, польское jechać (при jachać) и т. д., и это *i͡eχ̯ātī было, можетъ быть, діалектическимъ измѣненіемъ слова *jāχ̯ātī, подъ вліяніемъ *i͡etī, *i͡edж, *i͡ezdītī.

Общеславянское начальное ī изъ i̯ī съ старымъ, литовско-славянскимъ i̯ надо бы было ждать въ мѣстоименныхъ формахъ *ī (именит. множ. ч. муж. р. и именит.—винит. двойств. ч. женск. и средн. р.), *īmь, *īχ̯ъ, *īmъ, *īmā, гдѣ самое ī изъ ei̯ въ i̯ei̯, образовавшемся фонетически изъ i̯oi̯, но, какъ показываютъ различные славянскіе языки, между прочимъ и русскій языкъ, въ эпоху распаденія общеславянскаго языка эти мѣстоименныя формы звучали *jīmь, *jīχ̯ъ, *jīmъ, *jīmā и, конечно, также *jī (напр. въ именит. множ. числа *jī-že «которые»), гдѣ j изъ i̯ неирраціональнаго, подъ вліяніемъ такихъ формъ, какъ *i̯ā, *i̯e, *i̯eγo и т. д., откуда *jā, *je, *jeγo и т. д. Впрочемъ, сербскія энклитическія их, им, съ звукомъ i въ началѣ, позволяютъ думать, что и въ общеславянскомъ языкѣ при энклитическомъ употребленіи сохранялись *īχ̯ъ, *īmъ и т. д., гдѣ ī фонетически изъ i̯ī (сравните то, что я говорю далѣе объ общеславянской формѣ винит. ед. ч. муж. р. въ этомъ мѣстоименіи); новыя польскія ich, im образовались, вѣроятно, изъ jich, jim (извѣстныхъ изъ древнепольскаго языка), какъ и русскія ихъ, имъ при jихъ, jимъ могли образоваться изъ послѣднихъ; какъ звучало написаніе **н** въ старославянскихъ **нмь**, **нхъ**, **нмъ**, **нма**, **н** (винит. двойств. ч. женск. и средн. р.), **н-же** (именит. множ. ч. муж. р. и именит. двойств. ч. женск. и средн. р. относит. мѣстоим.), остается неизвѣстнымъ.

Общеславянское начальное ī изъ i̯ī съ новымъ, приставнымъ i̯ я вижу, напр., въ *ītī «идти» (тождественно литовское eĩti «идти»); здѣсь начальное i, не ji, засвидѣтельствовано различными славянскими языками[1]), между прочимъ и русскимъ язы-

1) Полабское ai въ ait «идти» изъ ī; верхне-лужицкое hić и нижне-лужицкое hyś имѣютъ позднѣйшее h, т. е. γ.

комъ (наше идти изъ ити подъ вліяніемъ основы въ настоящемъ времени иду), и только въ чешскомъ и кашубскомъ языкахъ мы находимъ здѣсь ji въ началѣ (чешское jíti, кашубское jic), съ новымъ j; въ старославянскомъ **итн** мы имѣемъ право, поэтому, видѣть въ начальномъ **и** звукъ i, не ji. Понятно, что само по себѣ общеславянское *ītī ничѣмъ не свидѣтельствовало бы о томъ, что нѣкогда въ началѣ этого слова было приставное i̯, но изъ существованія въ общеславянскомъ языкѣ приставного i̯ въ другихъ случаяхъ (между прочимъ и передъ начальнымъ ā, какъ мы видѣли) и приставного u̯ передъ извѣстными гласными я заключаю, что i̯ должно было возникать и передъ начальнымъ ī; кромѣ того, по отношенію къ такимъ словамъ, какъ *ītī, гдѣ начальное ī изъ ěi̯, остается неизвѣстнымъ, измѣнилось ли уже ěi̯ въ ī въ ту эпоху, когда передъ всякимъ начальнымъ e развивалось i̯.

Отъ общеславянскаго начальнаго ī надо отличать общеславянское начальное ĭ, хотя пока мы и не во всѣхъ случаяхъ можемъ различать оба эти звука. Общеславянское начальное ī появлялось какъ изъ ji̯, i̯ь съ старымъ i̯, такъ и изъ i̯ь съ новымъ, приставнымъ i̯. Звукъ i въ этихъ случаяхъ для эпохи распаденія общеславянскаго языка засвидѣтельствованъ новыми южно-славянскими языками, русскимъ языкомъ, польскимъ, словацкимъ и лужицкими языками; въ чешскомъ здѣсь или ji, съ позднѣйшимъ j (какъ и въ ji изъ общеславянскаго начальнаго ī), или, при извѣстномъ положеніи въ словѣ, утрата i, при посредствѣ измѣненія его въ i̯, въ кашубскомъ — ji (какъ и изъ общеславянскаго начальнаго ī), въ полабскомъ — jai и ja° изъ ji. Различіе въ полабскомъ языкѣ между ai изъ общеславянскаго начальнаго ī (напр., ait «идти») и jai, ja° изъ того общеславянскаго начальнаго i, о которомъ я говорю теперь, позволяетъ думать, что оба эти i различались по качеству, а такое различіе было бы понятно при различіи ихъ въ количествѣ; я предполагаю, что общеславянское ĭ было болѣе закрытымъ сравнительно съ ĭ. Въ старославянскихъ текстахъ изъ общеславянскаго ĭ мы находимъ **и**, въ

которомъ имѣемъ право признавать звукъ і, не ji, но при этомъ мы должны имѣть въ виду то, что старославянское **н** въ этихъ случаяхъ само по себѣ не доказывало бы общеславянскаго і или ji, такъ какъ старославянское **н** получалось также и изъ общеславянскаго jь (внутри словъ). Что касается образованія общеславянскаго начальнаго ї изъ i̯ь (съ старымъ и новымъ i̯), то прежде я склоненъ былъ предполагать здѣсь какъ промежуточную ступень сочетаніе i̯ї, гдѣ ї изъ ь подъ вліяніемъ предшествовавшаго i̯, но теперь мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ другое объясненіе этого общеславянскаго ї, а именно я думаю, что общеславянское начальное i̯ь сперва утратило i̯ (которое было въ такомъ сочетаніи ирраціональнымъ, какъ я объяснялъ) и что затѣмъ ь, т. е. ирраціональное і, при положеніи въ началѣ словъ (т. е. въ началѣ слога) перешло въ звукъ болѣе закрытый, хотя и не столь закрытый, какъ ї въ общеславянскомъ языкѣ, въ связи съ чѣмъ оно изъ ирраціональнаго по количеству становилось краткимъ. Къ такому заключенію приводитъ меня западнославянская мѣстоименная форма именительнаго и винительнаго ед. ч. муж. р. jeп, напр., въ польскомъ и чешскомъ относительномъ мѣстоименіи jeп-że, jeп-že (сравните также нижне-лужицкое jeп «его», винит. над., верхне-лужицкое jо̱п), гдѣ je, соотвѣтствующее старославянскому **н** въ **н-же**, восходитъ къ общеславянскому jь, а конечное п изъ -пъ такое же, какъ въ западно-славянскомъ teп, соотвѣтствующемъ старославянскому **тъ**. Мы видѣли, что въ общеславянскомъ языкѣ существовали неэнклитическія мѣстоименныя формы *ji̯ть, *ji̯χъ и т. д. съ j изъ того неирраціональнаго i̯, которое замѣнило собою въ этихъ формахъ i̯ ирраціональное подъ вліяніемъ формъ *i̯ā, *i̯e, *ieγo и т. д. (откуда *jā, *je, *jeγo и т. д.); надо думать поэтому, что и въ формѣ именительнаго и винительнаго ед. ч. муж. р. *i̯ь (= литовск. jis, jį) при неэнклитическомъ употребленіи ея вмѣсто i̯ ирраціональнаго являлось подъ тѣмъ же вліяніемъ i̯ неирраціональное, откуда j, т. е. эта мѣстоименная форма *i̯ь переходила въ *jь, западно-славянское je- въ jeп. Но какъ энклитическія

формы *i̯ĭχъ, *i̯īmъ и т. д. имѣли, повидимому, только i̯ ирраціональное, которое затѣмъ исчезало фонетическимъ путемъ, такъ и форма винительнаго ед. ч. муж. р. *i̯ь «его» съ i̯ ирраціональнымъ при энклитическомъ употребленіи не измѣнялась формой *i̯ь съ i̯ неирраціональнымъ, откуда j, но оставалась и затѣмъ теряла фонетически ирраціональное i̯, при чемъ ь должно было обращаться въ ĭ; изъ этой формы *ĭ древне-польская энклитическая форма ji «его» (писалось gi), съ j или i̯ новаго происхожденія, а также, по крайней мѣрѣ въ написаніи, форма i. Поэтому и въ старославянскомъ языкѣ въ формѣ винительнаго ед. ч. муж. р. **и** «его», употреблявшейся лишь энклитически (при неэнклитическомъ употребленіи являлась въ значеніи винительнаго падежа форма родительнаго падежа **ѥго**), мы можемъ видѣть общеславянское *ĭ, образовавшееся изъ i̯ь съ i̯ ирраціональнымъ (литовск. ji̯); въ формѣ же именительнаго падежа ед. ч. муж. р. старославянское **и-** въ относительномъ мѣстоименіи восходитъ, вѣроятно, къ тому же общеславянскому *jь (сравните старославянское **и** изъ jь внутри словъ), изъ котораго получилось западно-славянское je- въ jen, jen-že.

Допуская для общеславянскаго языка образованіе начальнаго ĭ непосредственно изъ ь, терявшаго передъ собою i̯ (ирраціональное), я поэтому не нахожу въ языкѣ непосредственнаго указанія на то, что начальное ь изъ литовско-славянскаго ĭ получало передъ собою нѣкогда приставное i̯ въ общеславянскомъ языкѣ, но сказанное мною по поводу общеславянскаго начальнаго ī, изъ ī и ĕi̯, примѣняется и къ бывшему нѣкогда общеславянскому начальному ь изъ литовско-славянскаго ĭ, т. е. по аналогіи съ другими случаями, гдѣ мы находимъ въ общеславянскомъ языкѣ приставныя i̯ и u̯ въ началѣ словъ, я заключаю, что и передъ начальнымъ ь развивалось i̯ въ то время, когда передъ всѣми начальными гласными общеславянскій языкъ получилъ i̯ или u̯.

Общеславянское начальное ĭ изъ i̯ь съ старымъ i̯ существовало, какъ мы видѣли, въ формѣ винительнаго падежа *ĭ «его», тождественной или родственной съ литовскою формой ji̯ и род-

ственной съ греческимъ ἔν; о происхожденіи здѣсь литовско-славянскаго ĭ я говорилъ прежде. Отъ того же мѣстоименнаго корня образованы были общеславянскія *ĭde и *ĭdi͡ē «гдѣ» (относительное), изъ *i̯ьde и *i̯ьdē; отсюда старославянское **иде** «гдѣ» (сравните **дои-ьде**, о которомъ я говорю далѣе). — Общеславянское начальное ĭ изъ i̯ь съ i̯ неприставнымъ существовало также и въ *ĭgo «ярмо», откуда старославянское **иго**, словинское igo, чешское jho (произносится ho, т. е. γο, съ новою утратой начальнаго ĭ), кашубское jigo и vjigo, сравните латинское jugum и греческое ζυγόν, гдѣ ζ указываетъ на индоевропейское j; слѣдовательно, въ *i̯ьgo, откуда *igo, i̯ь образовалось въ общеславянскомъ языкѣ изъ i̯ŭ, i̯ĭ [1]).

Относительно общеславянскихъ словъ, начинавшихся съ ĭ изъ i̯ь съ новымъ, приставнымъ i̯, надо имѣть въ виду, что въ тѣхъ изъ нихъ, которыя имѣли нѣкогда начальное ь безъ ударенія, это ь стало подвижнымъ тогда же, когда явилось и подвижное начальное ъ безъ ударенія и когда конечныя ь и ъ, изъ литовско-славянскихъ конечныхъ ĭ и ŭ, также обратились въ подвижныя; отпаденіе начальныхъ ь и ъ безъ ударенія, какъ я объяснялъ уже, возникло въ ту эпоху, когда еще не были извѣстны приставныя i̯ и u̯, и фонетически являлось, вѣроятно, при тѣсномъ сочетаніи въ рѣчи слова, начинавшагося съ такого ь или ъ, со словомъ, оканчивавшимся на гласную неирраціональную (въ это время въ концѣ словъ еще допускались и согласныя), а затѣмъ подъ вліяніемъ однихъ случаевъ на другіе такія ь и ъ стали подвижными. Такимъ образомъ для тѣхъ общеславянскихъ словъ, начинавшихся съ і въ эпоху распаденія общеславянскаго языка, при которыхъ мы находимъ варіанты безъ гласной въ началѣ слова, эти варіанты свидѣтельствуютъ о происхожденіи здѣсь і изъ нѣкогда бывшаго ь (черезъ посредство i̯ь), т. е. указываютъ

1) Старослав. иго не можетъ быть тождественно съ литовскимъ jùngas «ярмо»: изъ *jung- въ общеславянскомъ языкѣ явилось бы въ результатѣ *jięg- (сравните сказанное мною прежде объ окончаніи винительнаго пад. множ. ч., напр., въ конѣ).

на то, что въ этихъ случаяхъ общеславянское начальное і не было ī изъ старыхъ ēi̯ и ī.

Мы знаемъ, что въ общеславянскомъ ь совпали индоевропейскія ī и o͡; поэтому и въ общеславянскомъ начальномъ ī изъ i̯ь съ новымъ, приставнымъ i̯ мы находимъ какъ ī изъ того i̯ь, которое образовалось изъ индоевропейскаго ī, такъ и ī изъ i̯ь, образовавшагося изъ индоевропейскаго o͡, именно изъ o͡ передъ неслоговою носовою согласной (случаи для общеславянскаго начальнаго i̯ь, ī изъ индоевропейскаго o͡ передъ неслоговою плавною согласной мнѣ не извѣстны). Начальное ī, черезъ посредство i̯ь, должно бы было являться въ общеславянскомъ языкѣ, по моему мнѣнію, также и изъ индоевропейскаго i̯ă°, такъ какъ индоевропейское ă° въ положеніи послѣ і и i̯ еще въ литовско-славянскомъ языкѣ, какъ я объяснялъ, измѣнялось въ направленіи къ ī, но я не знаю случаевъ, въ которыхъ общеславянскимъ языкомъ было бы получено индоевропейское начальное i̯ă°.

Общеславянское начальное ī (черезъ посредство i̯ь) изъ индоевропейскаго ī я вижу, напр., въ слѣдующихъ словахъ.

Старославянское **игратн** «прыгать; играть», русскія игра, играть и діалектическое грать, польск. igra и gra, grać, чешск. hra, hráti и т. д.; родственны въ древнеиндійскомъ языкѣ глагольные корни ing (n по происхожденію инфиксъ) и ēĝ (ē изъ индоевропейскаго ăi̯ съ ă какого бы то ни было качества, ĝ, т. е. d͡ž, изъ g при извѣстномъ фонетическомъ условіи) «шевелиться, двигаться». — Старославянскія **игъла** «игла», **игълинъ** «игольный», русск. игла, польск. igła, нижне-лужицк. gła, малорусск. голка. Миклошичъ въ Этимологическомъ словарѣ славянскихъ языковъ приводитъ при хорватскомъ igla также jagla, а jagla въ хорватскомъ нарѣчіи могло бы быть фонетическимъ измѣненіемъ общеславянскаго *ji͡egъlā, подобно тому какъ въ хорватскомъ jadovit «ядовитый» ja- изъ общеславянскаго ji͡e-. Изъ *ji͡egъlā объясняются также чешское jehla и верхне-лужицкія jehła, johła «игла», а съ другой стороны общеславянское *ji͡egъlā подтверждается прусскимъ ayculo «игла», гдѣ въ буквѣ с я вижу оши-

бочное написаніе вмѣсто g, подобно тому какъ въ girmis «червь» въ томъ же прусскомъ словарѣ буква g написана ошибочно вмѣсто c (литовск. kirmis). Общеславянское jie̯gъlā имѣло сильный звуковой видъ корня (ie̯ изъ индоевропейскаго ăi̯ съ ă не склоннымъ къ e), между тѣмъ какъ въ *igъlā, изъ *i̯ьgъlā, тотъ же корень являлся въ слабомъ звуковомъ видѣ. — Старославянское **искра**, русск. искра, польск. iskra и skra, бѣлорусск. скра, лужицк. škra и т. д.; общеславянское *skrā изъ *ьskrā позволяетъ думать, что въ *iskrā (русск. и́скра, сербск. и̏скра) удареніе передвинулось съ конечнаго слога, при чемъ могли вліять формы винительнаго и дательнаго ед. ч., полученныя съ удареніемъ на первомъ слогѣ. При *iskrā и *skrā, съ слабымъ звуковымъ видомъ корня, существовало и общеславянское *jie̯skrā, съ сильнымъ звуковымъ видомъ корня, какъ позволяетъ предполагать бѣлорусск. яскорка, и изъ общеславянскаго *jie̯sk- объясняются также малорусск. яскри́тися «сверкать», польск. jaskry, jaskrawy «ослѣпительно-яркій»; съ этимъ *jie̯sk- тождественно литовское aišk- въ áiškus «ясный, очевидный», а съ общеславянскимъ *isk- въ *iskrā тождественно литовское išk- въ iškus «ясный, очевидный». — Старославянское **нсто** (родительный пад. **нстесе**) «testiculus», **нстеса** «почки», хорватск. діалектическое ista «почки»; я предполагаю здѣсь для общеславянскаго языка *isto съ ĭ (изъ ьj), а при *isto существовало, повидимому, и *jie̯sto, на которое можетъ указывать **иєсто** «testiculus», встрѣчающееся одинъ разъ въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 года; написаніе **иє** вмѣсто **ѣ** мы находимъ въ этомъ памятникѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ (напр., **гниєкъ** л. 28 об.). Общеславянское *jie̯sto по сильному звуковому виду корня было бы тождественно съ древнескандинавскимъ eista «testiculus» (ei изъ общенѣмецкаго ai), а *isto по слабому звуковому виду корня соотвѣтствуетъ литовскому ìnkstas «почка; testiculus», отъ котораго отличается, однако, отсутствіемъ носового инфикса[1]).

1) Отождествлять исто съ литовскимъ ìnkstas, т. е. выводить для общеславянскаго языка *isto изъ *insto, я не могу, такъ какъ изъ *insto я ждалъ бы *jasto (сравните сказанное мною объ мза).

Къ случаямъ, гдѣ общеславянскій языкъ имѣлъ начальное ĭ (непосредственно изъ i̯ь, съ новымъ i̯) изъ индоевропейскаго ĭ, я отношу и *inъ «одинъ», *inokъ «одинъ только», откуда старославянскія **ино-**, напр., въ **иноѵадъ** μονογενής, и нарѣчіе **вы-инѫ**, **вынѫ** «всегда», церковнославянское **инокъ** «одинъ только; монахъ»; сюда же принадлежатъ: русское иноходь, польск. inochoda «иноходь» (при jednochoda), ino «только» (при jedno и jeno). Затѣмъ, церковно-славянское **иногъ**, встрѣчающееся не только въ значеніи «грифъ», но также, по опредѣленію Миклошича, и въ значеніи «μονιός, solivagus», должно быть относимо сюда же, а при **иногъ** «грифъ» существовало и **ногъ**, тождественное съ чешскимъ noh и съ польскимъ nog. Такимъ образомъ на основаніи общеславянскаго *nogъ при *inogъ надо думать, что въ *inogъ (имѣвшемъ удареніе не на первомъ слогѣ) i было краткимъ. Обыкновенно въ *inъ «одинъ», *inokъ видятъ общеславянское ī изъ индоевропейскаго дифтонга ă°i̯, такъ какъ этотъ дифтонгъ мы находимъ въ латинскихъ ūnus, изъ древняго oinos, и ūnicus (съ послѣднимъ сравните **инокъ**), въ греческомъ οἴνη «одно очко на игральной кости», въ готскихъ ains «одинъ» (ново-верхненѣмецк. ein), ainaha «единственный» (гдѣ ainah- тождественно съ латинскимъ ūnic- въ unicus), ainakls «одинокій» (съ ainak- сравните **иног-** въ **иногъ**, такъ какъ готское k указываетъ на индоевропейское g), въ прусскомъ ains «одинъ»; можетъ быть, тотъ же дифтонгъ вошелъ въ составъ и литовскаго vënas «одинъ», латышскаго vëns, хотя въ этомъ словѣ, имѣющемъ въ началѣ какую-то частицу (такъ какъ въ v нельзя видѣть здѣсь фонетическую приставку), ё не указываетъ непремѣнно на дифтонгъ въ началѣ самаго числительнаго. Итакъ, родственные языки въ томъ словѣ, которому соотвѣтствуетъ общеславянское *inъ «одинъ», свидѣтельствуютъ объ индоевропейскомъ дифтонгѣ ă°i̯, но изъ ă°i̯ мы не могли бы объяснить общеславянское начальное i; если бы въ *inъ «одинъ» начальное i было долгимъ, оно могло бы восходить къ индоевропейскому ă^e i̯, но въ данномъ словѣ дифтонгъ ă^e i̯ не извѣстенъ изъ родственныхъ языковъ, а если въ *inъ «одинъ» на-

чальное і было краткимъ, какъ заставляетъ думать *nogъ при *inogъ, это і надо выводить изъ индоевропейскаго ĭ. Индоевропейское *ĭnă°s «одинъ» не извѣстно, правда, изъ языковъ не славянскихъ[1]), но для общаго индоевропейскаго языка мы во всякомъ случаѣ имѣемъ право предполагать слабую основу *ĭnă°- при сильной основѣ *ă°i̯nă°-; однородно отношеніе индоевропейской сильной основы *ă°ivă°- «одинъ», извѣстной какъ изъ греческаго οἶος «одинъ только», такъ и изъ соотвѣтственнаго слова съ значеніемъ «одинъ» въ древне-иранскихъ языкахъ, къ слабой основѣ ĭvă°- «одинъ», являющейся въ гомеровской формѣ ἰῷ (основу женскаго рода *ĭvāª- можно видѣть въ формахъ ἰῆς, ἰῇ, но ἴα, ἴαν представляютъ собою новообразованія по аналогіи μία, μίαν). Принимая для общеславянскаго языка ĭ, изъ i̯ь, въ *inъ «одинъ», мы получаемъ возможность привести въ связь съ этимъ *inъ и слова *jedьnъ и *jedĭnъ, откуда старославянскія **єдьн-** и **єдинъ**, русскія одн-, напр., въ одного и одинъ (о происхожденіи здѣсь русскаго о я говорю далѣе), а *jedьnъ и jedĭnъ еще въ общеславянскомъ языкѣ вытѣснили собою отдѣльное слово *inъ въ значеніи числительнаго «одинъ» (хотя въ нѣкоторыхъ сложныхъ словахъ продолжало сохраняться *ino-), между тѣмъ какъ въ значеніи «одинъ = aliquis» это *inъ совпадало съ *inъ «aliquis» изъ *inъ «иной, другой». Я говорилъ уже, что въ *jedьnъ и *jedĭnъ я вижу въ началѣ ту же частицу, какая является и въ *jedъvā, гдѣ *jedъ- изъ *hedъ-, *edъ-, какъ показываетъ старославянское **єдъва** при **єдва** (сравните также словинское ed- въ eden «одинъ»); я предполагаю, слѣдовательно, что *jedьnъ, *jedĭnъ нѣкогда имѣли значеніе «одинъ = aliquis» и что затѣмъ они стали употребляться и въ значеніи числительнаго «одинъ» подъ влія-

1) Впрочемъ, индоевропейская производная основа *ĭnă°gă°-, которую я вижу въ **иногъ**, является, вѣроятно, и въ древне-латинскомъ ningulus «nullus», гдѣ nin- во всякомъ случаѣ не изъ ne-oin- (*ingulos можетъ быть объясняемо фонетически изъ *inigulos, а это изъ *inoglos, сравните сильный видъ той же основы въ готскомъ ainakls одинокій); на основаніи ningulus можно предполагать, что и singulus заключаетъ въ себѣ то же *ingulus (обыкновенно sin- въ singulus сопоставляютъ съ sem- въ semel).

ніемъ того, что и *inъ «одинъ» употреблялось, между прочимъ, и съ значеніемъ «aliquis». Общеславянское *jedьnъ образовалось изъ *ed-ьnъ (гдѣ *ed- изъ *hed- безъ ударенія) въ ту эпоху, когда передъ начальными гласными еще не приставлялись i̯ и u̯ и когда, слѣдовательно, *ьnъ «одинъ» еще не измѣнилось въ i̯ьnъ, откуда *inъ; въ *ed отпаденіе конечной ирраціональной гласной передъ гласною произошло по тому закону, о которомъ я говорилъ по поводу *bez-, *iz- и т. д. Что касается *jedīnъ, то оно могло образоваться изъ *edь-ьnъ, гдѣ въ частицѣ сохранялась подвижная ирраціональная гласная, являвшаяся какъ ь, изъ ъ, въ положеніи передъ ь; отношеніе *ed-ьnъ къ *edь-ьnъ, откуда *jedīnъ, было бы однородно съ отношеніемъ, напр., *nek-lī къ *negъ-li или съ отношеніемъ, напр., *-γdā въ *koγdā, *kъγdā къ *gъdā въ *kъgъdā, *kogъdā, а объ этихъ случаяхъ я уже говорилъ.

Въ словинскомъ языкѣ при jeden и eden «одинъ» существуетъ и en, въ связи съ которымъ находятся: enak «одинаково», при jednak, enok «однажды», при ednok и jednoč, veno (т. е. v-eno) «постоянно» (сравните по значенію **вы-нѫ**, **вынѫ**), при vedno; въ верхне-лужицкомъ языкѣ мы находимъ jen «одинъ», при jeden и jedyn, а также jeno «только», при jedno; въ нижне-лужицкомъ языкѣ существуютъ jana, jano «одна», «одно», при jadna, jadno (съ позднѣйшимъ ja изъ je), а также jano «только»; въ чешскомъ— jen и jenom «только», при jednom; въ польскомъ—jeno «только», при jedno (и при ino). Надо заключать отсюда, что еще въ общеславянскомъ языкѣ при *jedьnъ и *jedīnъ существовало и *jenъ «одинъ»; это *jenъ образовалось изъ *jednъ (о фонетической утратѣ d и t передъ n въ общеславянскомъ языкѣ я буду говорить впослѣдствіи), а *jednъ произошло изъ *ed-nъ, гдѣ *-nъ изъ *ьnъ́ «одинъ»: мы видѣли уже, что начальное ь безъ ударенія было нѣкогда подвижнымъ въ общеславянскомъ языкѣ, т. е. такимъ, которое при извѣстномъ сочетаніи звуковъ въ сочетаніи словъ фонетически отпадало. При *ednъ́, откуда *jednъ́, *jenъ́, существовало и *hédnъ, откуда *hénъ, какъ позволяетъ думать словинское en; или даже, можетъ быть, сперва явилось

только *hédnъ, т. е. *nъ изъ ьnъ́ соединялось именно съ *héd-, а не съ *hed-, а появленіе *ednъ́, *jednъ́, *jenъ́ могло быть вызвано вліяніемъ *edьnъ, между тѣмъ какъ въ словинскомъ языкѣ е въ eden, при jeden, образовалось, можетъ быть, подъ вліяніемъ е въ en. Такъ объясняются, по моему мнѣнію, общеславянскія *jedьnъ, *jedīnъ и *jenъ при *hénъ или *enъ въ ихъ отношеніи къ *inъ «одинъ», при чемъ, какъ мы видимъ, надо предполагать для *inъ начальное і краткое.

Общеславянское начальное ĭ (черезъ посредство i̯ь) изъ индоевропейскаго α̯ передъ носовою согласной мы находимъ, напр., въ слѣдующихъ случаяхъ.

Старославянское **имѧ**, русское имя, польское imię и т. д. (въ польск. miano, въ малорусск. ме́но, мення́ и т. д. общеславянская утрата начальнаго ь); въ этомъ словѣ общеславянское *ĭm- изъ *i̯ьm- образовалось изъ индоевропейскаго *α̯n̥m- вслѣдствіе уподобленія согласной n слѣдовавшему за нею m; родственно прусское emmens (и emnes) «имя», а также, съ другими звуковыми видами корня, греческое ὄνομα и латинское nōmen. — Старославянское **имѫ**, русское иму, польское imię и т. д., тождественно литовское imù «беру», а отъ того же корня съ индоевропейскою гласной ă° старославянское **ѥмлѭ**, **въз-ѥмлѭ** (родственно латинское emo); сравните **въз-ьмѫ**, русск. возьму, гдѣ предложная приставка соединилась съ глаголомъ прежде, чѣмъ *ьmѫ обратилось въ *i̯ьmѫ, *imѫ. Общеславянское ĭ надо признать и въ старославянскихъ **имамь**, **имѣти**, русск. имѣть, на основаніи польск. mam, mieć, верхне-лужицк. mam, mĕć, нижне-лужицк. mam, ḿeś, полабск. mët, малорусск. маю (инфинитивъ мати подъ вліяніемъ настоящаго маю). — Церковнославянское **имела** «омела», малорусск. име́ла, сербск. и̏мела и мѐла; отъ того же корня чешск. jemela, польск. jemioła съ общеславянскимъ je- (изъ е, i̯e) въ началѣ и словацк. omela, словинск. omela (при imela) съ общеславянскимъ о въ началѣ, между тѣмъ какъ въ русскомъ (и малорусскомъ) омела не могутъ быть различаемы общеславянскія *omelā и діалектическое *emelā (изъ i̯emelā, какъ мы увидимъ

впослѣдствіи); родственны прусское emelno «омела», литовское ámalas. — Старославянское **инъ** «другой, иной», **инако** «иначе», русск. иной, иначе и діалектическое нача, словинск. ini, iпаče и паče и т. д.; отъ того же мѣстоименнаго корня съ индоевропейскою гласной ă° и съ другимъ образованіемъ основы греческое ἕνιοι (и древнеиндійское anjas «другой»).

Въ числѣ словъ, имѣвшихъ въ общеславянскомъ языкѣ начальное ĭ изъ jь съ новымъ, приставнымъ j̆, были и такія, по отношенію къ которымъ вызываетъ вопросъ самое происхожденіе общеславянскаго ь, литовско-славянскаго ĭ: это литовско-славянское ĭ здѣсь не въ сочетаніи съ посовою или плавною согласной, т. е. не изъ индоевропейскаго $\underset{\frown}{\alpha}$, а между тѣмъ оно и не изъ индоевропейскаго ĭ, такъ какъ въ словахъ родственныхъ съ такими словами мы находимъ гласныя, получавшіяся изъ индоевропейскихъ ă° и ă°, чередовавшихся между собою. Я думаю теперь, основываясь на соображеніяхъ Кречмера[1]), что въ индоевропейскомъ языкѣ существовала извѣстная ирраціональная гласная какъ фонетическое ослабленіе отдѣльныхъ гласныхъ ă° и ă°, чередовавшихся между собою (а также и другихъ ă?), напр. при положеніи въ начальномъ слогѣ словъ, между тѣмъ какъ полная утрата такой гласной въ начальномъ слогѣ словъ фонетически являлась, можетъ быть, лишь при тѣсномъ сочетаніи слова съ другимъ, предшествовавшимъ словомъ. Мы знаемъ, что и индоевропейское α передъ неслоговыми носовыми и плавными въ начальномъ слогѣ слова сохранялось, а при другомъ положеніи частію сохранялось, частію исчезало. Эту индоевропейскую ирраціональную гласную, представлявшую собою фонетическое ослабленіе ă°, ă° (а можетъ быть и другихъ ă), обозначу здѣсь черезъ α^2; она отличалась отъ α, а также и отъ $\underset{\frown}{\alpha}$, хотя отличіе ея отъ послѣдней состояло, можетъ быть, лишь въ томъ, что α^2 было слоговою гласной. Въ греческомъ языкѣ эта гласная являлась въ ι, а въ сосѣдствѣ съ губными и съ старыми лабіализо-

1) См. Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, XXIX, 422.

ванными задненёбными также и въ υ; такое ι надо предполагать, напр., въ ἴσθι «будь» (при ε, напр., въ ἐστί), въ πίτνημι при πετάννυμι, въ πιτνέω при πετ- въ дорическомъ ἔπετον (въ πίπτω индоевропейская утрата гласной изъ $\breve{a}^e$ въ корнѣ, а ι въ удвоеніи изъ индоевропейскаго ĭ), а также, напр., въ ἵππος (сравните латинское equos, гдѣ e изъ индоевропейскаго $\breve{a}^e$), въ гомеровскомъ πίσυρες (сравните ε въ τέσσαρες) и др., а греческое υ изъ индоевропейскаго α^2 является, напр., въ κύκλος, гдѣ оба κ изъ индоевропейскихъ лабіализованныхъ k, какъ показываетъ родственное слово въ нѣмецкихъ языкахъ (тотъ же корень, но безъ удвоенія, съ индоевропейскимъ $\breve{a}^o$ въ старославянскомъ **коло** «колесо»)[1]). Въ латинскомъ языкѣ эта индоевропейская гласная совпала, повидимому, съ индоевропейскимъ α, т. е. перешла въ a, какъ позволяютъ думать, напр., quatuor, patulus (сравните ι въ πίτνημι) и др. Въ литовско-славянскомъ языкѣ та же индоевропейская гласная совпала съ индоевропейскимъ $\underset{\frown}{\alpha}$, т. е. измѣнилась въ ĭ, а частію (подъ вліяніемъ сосѣдней согласной) въ ŭ. Литовско-славянское ŭ изъ индоевропейскаго α^2 можно бы было предполагать въ литовскомъ ugnìs «огонь» (между тѣмъ какъ **огнь** имѣетъ о изъ индоевропейскаго ă не склоннаго къ e), въ литовскомъ ùpė «рѣка» (при прусскомъ аре), въ общеславянскомъ *χъtĭetī (отсюда, напр., старослав. **хътѣти**) при *χotĭetī (старослав. **хотѣти**, русск. хотѣть), а литовско-славянское ĭ изъ индоевропейскаго α^2 я предполагаю въ слѣдующихъ случаяхъ въ началѣ словъ[2]).

---

1) Въ греческомъ языкѣ гласныя ι и υ въ извѣстныхъ случаяхъ замѣнили собою и индоевропейское $\underset{\frown}{\alpha}$ въ сочетаніи съ плавными и носовыми, напр., въ γυνή, при беотійскомъ βανά (родственно, съ индоевропейскимъ a^e въ корнѣ старослав. жена), ῥίον, гдѣ между гласными фонетически исчезло s (родственно общеславянское *vьr̥χъ, старославянское врьхъ); λύκος (родственно общеславянское *vьl̥kъ, старославянскія влькъ и клькъ); въ послѣднемъ словѣ качество гласной (υ) вызвано не вліяніемъ λ, какъ я предполагалъ прежде, но вліяніемъ слѣдовавшей далѣе задненёбной лабіализованной (а на индоевропейское лабіализованное k въ этомъ словѣ указываютъ нѣмецкіе языки).

2) Литовско-славянское i, общеславянское ь изъ индоевропейскаго α^2 не въ началѣ словъ (хотя и въ начальномъ слогѣ словъ), надо предполагать, напр., въ общеславянскомъ *šьd- въ *šьdъ, откуда старослав. шьдъ; сравните общеславянское *χod- въ *χodĭtĭ, старослав. ходити. Такого же происхожденія обще-

Литовское iš «изъ», общеславянское *izъ и *iz, изъ *i̯ьz-zъ, *i̯ьzъ (какъ я объяснялъ уже), старославянское **нз-**, **нзъ** и т. д., сравните греческое ἐκ, ἐξ, латинское ex, съ гласною изъ индоевропейскаго ă°. При *izъ, *iz существовало въ общеславянскомъ языкѣ и *zъ изъ *ьzъ (гдѣ ь было безъ ударенія), какъ показываютъ чешскій, польскій и малорусскій языки (напр., чешск. zouti = церк.-слав. **нзоути**, польск. zbawić = старослав. **нзбавити**, малорусск. зволи́ти = старослав. **нзволити**); сюда же принадлежитъ, повидимому, и русское з въ позволить, дозволить. — Общеславянское *istъ и производныя отъ него, старославянскія **истъ**, **истокъ**, **истина**, русск. истовый и т. д.; сравните индоевропейскія *ă°s-, *s въ **есмь**, **естьство**, **сѫть** и т. д. (по отношенію къ значенію сравните съ **истъ** наше заимствованное сущій). — Общеславянское *išče «еще» и *šče (изъ *ьščе́) при *hešče, *ešče, *ješče и при *ošče изъ *hošče; изъ *išče мы находимъ русскія діалектическія ище, ишто, малорусское іще, т. е. jіще, гдѣ j подъ вліяніемъ еще (т. е. jеще), словинское išče, iše (съ діалектическимъ š изъ sč), верхне-лужицкое hišće (съ позднѣйшимъ h, т. е. γ, передъ i, полученнымъ безъ ударенія), нижне-лужицкое hyšć (съ такимъ же h, т. е. γ), а на общеславянское *šče указываютъ малорусское ще, при іще, и словинское še, при iše. Въ *išče, какъ показываетъ *hešče, *ešče, начальное ĭ образовалось изъ нѣкогда бывшаго hь, съ ь безъ ударенія, и при томъ или черезъ посредство ь, i̯ь, если *hьšče имѣло издавна ударе́ніе лишь на конечной гласной и, слѣдовательно, утратило h еще тогда, когда не дѣйствовалъ законъ о появленіи звуковъ i̯ и u̯ передъ начальными гласными, или непосредственно изъ ь, безъ посред-

---

славянское ь въ *žьg- при *žeg-, напр., въ старослав. жьгомъ (отсюда жъгомъ въ Супрасльской рукописи), пожьжѣ, жьзи (жьзи) или въ русск. жгу (изъ жьгу) при старослав. жегѫ. Сюда же принадлежитъ ь въ старославянскихъ тъщи, пъщи при тѣкѫ, пекѫ; сравните рыщи, о которомъ я говорилъ прежде, при рѣкѫ. Такого же происхожденія общеславянское ь при e въ *čьtȳr- при *četȳr- въ словѣ «четыре» (сравните греч. πίσυρες при τέσσαρες), *čьtvьrt- при *četvьrt- въ словѣ «четвертый»; изъ общеславянскаго *čьt- въ этихъ словахъ, напр., польск. czt-, cz- въ cztéry, czwarty, чешск. čt- въ čtyři, čtvrtý.

ства jь, если энклитическое *hьšče утратило h уже послѣ того времени, когда передъ начальнымъ ь развивалось j. — Общеславянскій союзъ *iže «что, чтобы», откуда польское iże, iż, при общеславянскомъ *eže изъ *heže, о которомъ я уже говорилъ; происхожденіе ĭ въ этомъ словѣ такое же, какъ и въ *išče. Рядомъ съ этимъ *iže существовало въ общеславянскомъ языкѣ и *že, непосредственно изъ *ьže; отсюда чешское že, польское że «что». — Общеславянская вопросительная частица *i-zā, рядомъ съ *zā изъ *ьzā, откуда польскія iza-li, za-ż, za-li, древне-чешскія za, za-li, сербское за-р; сравните польское aza, azali съ тѣмъ же значеніемъ, а также ѥza, указанное Миклошичемъ въ церковнославянскомъ памятникѣ чешской редакціи. То общеславянское ĭ, изъ hь, которое является въ *izā, *iže «что» (союзъ), *išče, вѣроятно, тождественно съ союзомъ *i, откуда старославянское и, русское и и т. д.; сравните общеславянскій союзъ *ā изъ hā, а также кашубскій союзъ e «и», гдѣ e указываетъ на общеславянское e изъ he. Съ общеславянскимъ ĭ изъ hь, напр., въ союзѣ *i-že «что» тождественно, можетъ быть, балтійское i въ литовскомъ ikì «до», въ латышскомъ ik- «еже-», напр., въ ik-dẽnas «каждый день, ежедневно», въ прусскомъ ikai «если».

Подобно тому какъ начальныя jē (съ ē изъ литовско-славянскаго ē), jī, jь теряли въ общеславянскомъ языкѣ j (ирраціональное), точно такъ же въ діалектахъ общеславянскаго языка начальное jĕ въ извѣстныхъ случаяхъ обращалось въ ĕ (съ утратою j ирраціональнаго), именно, какъ я думаю, то jĕ, въ которомъ слоговою гласной было чистое ĕ (не измѣненное въ направленіи къ ŏ). Указаніе на общеславянское діалектическое ĕ изъ начальнаго jĕ даютъ языки старославянскій, русскій и нижне-лужицкій: въ старославянскихъ текстахъ русской редакціи, различающихъ ѥ и є, мы находимъ въ этихъ случаяхъ є, въ Супрасльской рукописи є и ѥ; въ русскомъ языкѣ, и при томъ какъ въ собственно русскомъ, такъ и въ малорусскомъ, здѣсь является о изъ е, т. е. еще въ общерусскомъ языкѣ начальное е перешло въ о (между тѣмъ какъ общеславянское he сохраняло придыханіе въ обще-

русскомъ языкѣ); въ нижне-лужицкомъ языкѣ въ этихъ случаяхъ извѣстно he (съ позднѣйшимъ h, т. е. γ) при je. Приведу сперва самые случаи, въ которыхъ я нахожу въ этихъ языкахъ общеславянское діалектическое ě изъ начальнаго jě.

1) Старославянскій, русскій и нижне-лужицкій языки свидѣтельствуютъ объ общеславянскомъ начальномъ ě изъ jě при положеніи этой гласной передъ согласною полумягкою (не мягкою) + ě. Старославянское **єзєро** въ Остромировомъ евангеліи (встрѣчается пять разъ: 4 раза **є-**, 1 разъ **ѣ-**) и въ другихъ текстахъ русской редакціи, различающихъ **є** и **ѣ** (напр., въ Туровскомъ евангеліи), **єзєро** при **ѣзєро** въ Супрасльской рукописи (4 раза **є-**, 3 раза **ѣ-**), русск. и малорусск. озеро; другіе славянскіе языки, кромѣ лужицкихъ, указываютъ на общеславянское *jezero, изъ *jezero, сравните литовское *ėžeras, а въ лужицкихъ языкахъ другое общеславянское слово, именно *jezorъ (верхнелужицк. jezor, нижне-лужицк. jazor), изъ *jezorъ, съ которымъ тождественно латышское ezars, литовское діалектическое ážaras (съ діалектическимъ начальнымъ a изъ e), сравн. прусск. assaran. — Старославянское **єлень** при **ѣлень** въ Супрасльской рукописи (3 раза **є-**, 5 разъ **ѣ-**), **єлень** въ Словахъ Григорія Богослова (въ Остромировомъ евангеліи нѣтъ этого слова), русск. олень, малорусск. óлінь, óлень, нижне-лужицк. heleń при jeleń, въ другихъ славянскихъ языкахъ общеславянское *jelenь, родственно литовское élnis, а также греческое ἐλλός. — Русск. осень, малорусск. óсінь, въ старославянскихъ текстахъ нѣтъ этого слова (церковнослав. **ѣсень**), изъ лужицкихъ языковъ оно не извѣстно, въ прочихъ славянскихъ языкахъ общеславянское *jesenь, родственно прусское assanis. — Русск. осётръ (малорусск. осéтр заимствовано?), польск. jesiotr, сербск. jèсетра, изъ другихъ славянскихъ языковъ это слово не извѣстно, родственно прусское esketres. — Нижне-лужицк. heḿelina при jeḿelina «омела», сравните общеславянское *je- въ чешскомъ jemela, польскомъ jemioła, между тѣмъ какъ русск. и малорусск. омела можетъ имѣть о какъ изъ общеславянскаго діалектическаго e

(изъ je), такъ и изъ o, на которое указываетъ словинское и словацкое omela; родственны, какъ я говорилъ уже, прусское emelno, литовское ámalas.

2) Нижне-лужицкій и малорусскій языки свидѣтельствуютъ объ общеславянскомъ діалектическомъ ě изъ начальнаго jě при положеніи этой гласной передъ слогомъ, заключавшимъ въ себѣ согласную + r: нижне-лужицк. heŕebina при jeŕebina «рябина», малорусск. оря́бина «рябина» и о́рябок «рябчикъ», сравните церковно-славян. **іерабь** и **крабь** «perdix», словинск. jereb и jareb «куропатка», jerebika «рябина», польск. jarząbek «рябчикъ», jarzębina «рябина» и т. д., т. е. въ общеславянскомъ языкѣ въ этихъ словахъ существовало въ началѣ какъ je- и діалектическое e- (изъ je), такъ и jā-; изъ старославянскихъ текстовъ эти слова не извѣстны, а въ великорусскомъ языкѣ родственныя слова не имѣютъ въ началѣ ни общеславянскаго e- или je-, ни общеславянскаго jā- (рябчикъ, рябина, сравните рябой).

3) Русскій языкъ имѣетъ общерусское начальное o изъ e, утратившаго передъ собою j, и при положеніи передъ слогомъ, заключавшимъ въ себѣ въ общеславянскомъ языкѣ согласную (полумягкую или мягкую) + ī, между тѣмъ какъ въ старославянскихъ текстахъ, различающихъ **ѥ** и **є**, въ этихъ случаяхъ является **ѥ-**, а также и въ нижне-лужицкомъ языкѣ при такомъ фонетическомъ положеніи я нахожу только je-, по крайней мѣрѣ въ словѣ jelito «большой желудокъ у рогатаго скота»[1]). Русск. одинъ, малорусск. один, старослав. **ѥдинъ**, съ **ѥ** въ Остромировомъ евангеліи (встрѣчается очень часто, только одинъ разъ **є** въ **єдинн**) и въ Супрасльской рукописи (здѣсь лишь въ единичныхъ случаяхъ **є** въ этомъ словѣ, какъ и вообще въ Супрасльской рукописи вмѣсто **ѥ** въ единичныхъ случаяхъ встрѣчается **є**). — Малорусск. ожина «ежевика», польск. jeżyna, сравните русск.

1) Общеславянскій языкъ имѣлъ *jelito (чешск. jelito «кишка», польск. jelita «кишки») и *olīto (словинск. olita «кишки»), а, кромѣ того, существовало и *lito изъ *ьlīto- (съ отпаденіемъ ь безъ ударенія, а ь здѣсь изъ индоевроп. ə̯), какъ показываетъ русское литонья «третій желудокъ жвачниковъ».

єжевика. — Русск. овинъ, малорусск. овин, сравните бѣлорусск. ёвня, ёвна, а также литовское jáuja «овинъ, сушильня» (родственны литовск. javaí, множ. ч., «зерновой хлѣбъ», греческ. ζειά «полба» изъ ζε*F*ια). — Древне-русск. оли «когда» (относительное), въ Остромировомъ евангеліи и въ Супрасльской рукописи соотвѣтственное слово встрѣчается лишь въ сочетаніи съ предлогами: **отъ нєлиже**, **до нєлиже**. — Древне-русск. олико, въ Остромировомъ евангеліи всегда **єлико**, въ Супрасльской рукописи также обыкновенно **єлико** (въ единичныхъ случаяхъ **єлко**), въ Словахъ Григорія Богослова по бо́льшей части **єлко** (при рѣдкомъ **єлико**), какъ и въ Чудовской Псалтыри, гдѣ вообще правильно различаются **є** и **ѥ**, часто **єлко** (при **єлико**), но **є** вмѣсто **ѥ** здѣсь, вѣроятно, не фонетическаго происхожденія, а подъ вліяніемъ **є** въ діалектическомъ **єль** «сколько» (относительное).

Оглавленіе*.

Отдѣлъ *I.*

Вступительныя замѣчанія ..... 1—7

Мѣсто старославянскаго языка въ славянской семьѣ языковъ (1). — Памятники старославянскаго языка (1—3). — Значеніе старославянскаго языка для изученія славянскихъ языковъ (3). — Мѣсто славянскихъ языковъ въ индоевропейской семьѣ языковъ (3—5). — Сравнительно-историческій методъ въ языковѣдѣніи (5—6). — Предметъ фонетики (6). — Пособія для изученія старославянскаго языка (6—7).

Буквы, обозначающія звуки старославянскаго языка ..... 7—19

Два рода письменъ (7—8). — *Буквы (въ написаніяхъ кириллицы), обозначающія гласные звуки* (9-11). — *Буквы, обозначающія носовыя гласныя* (11). — *Слитныя буквы, обозначающія такъ называемыя іотированныя гласныя* (11—13). — *Буквы, обозначающія согласные звуки* (13). — *Буквы, обозначающія такъ называемыя шумныя (несмягченныя) согласныя* (13). — *Буквы, обозначающія (несмягченныя) носовыя согласныя* (13). — *Буквы, обозначающія (несмягченныя) плавныя согласныя* (13-14). — Способы обозначенія смягченности согласныхъ (14—15). — Способы обозначенія полусмягченности согласныхъ (15—16). — Буквы, обозначающія смягченныя согласныя (16—18). — *Буквы,*

* Курсивомъ передаются курсивныя заглавія, имѣющіяся въ самихъ Лекціяхъ.

обозначающія такія гласныя, которыя существовали лишь въ словахъ заимствованныхъ (18—19).—Вопросъ объ опредѣленіи мѣста ударенія въ старославянскихъ словахъ (19).

Отдѣлъ *II.*

Гласныя индоевропейскаго языка въ ихъ переходѣ въ языкъ старославянскій и родственные съ нимъ языки ..... 19—60

Эпохи въ жизни общеславянскаго языка, открываемыя сравнительнымъ изученіемъ родственныхъ языковъ . . 19—20

Измѣненія звуковъ и звукосочетаній самихъ по себѣ и измѣненія, вызываемыя положеніемъ звуковъ и звукосочетаній въ словахъ и въ сочетаніяхъ словъ въ рѣчи 20

Гласныя, существовавшія въ индоевропейскомъ языкѣ въ эпоху его распаденія ..... 20—25

Переходъ индоевропейскихъ гласныхъ въ языки общеславянскій, старославянскій и русскій, а также въ языки греческій и латинскій ..... 26—49

Индоевропейское ă° (26).—Индоевропейское ă° (26).—Индоевропейское ă^{a} (26—27). — Индоевропейское ă^{e} (27). — Индоевропейское ă° (27—28). — Индоевропейское ă^{a} (28—29). — Индоевропейское ирраціональное слоговое а (α) (29—31). — Индоевропейское ирраціональное неслоговое а (α̯) (32—39). — *Примѣры: Индоевропейскія сочетанія «неслоговое ирраціональное* а + *неслоговая носовая»* (39). — *Индоевропейскія сочетанія «неслоговое ирраціональное* а + *слоговая носовая»* (39—40). — *Индоевропейскія сочетанія «слоговая носовая* + *неслоговое ирраціональное* а» (40). — *Индоевропейскія сочетанія «неслоговое ирраціональное* а + *неслоговая плавная»* (40—41). — *Индоевропейскія сочетанія «неслоговое ирраціональное* а + *слоговая плавная»* (41—42). — *Индоевропейскія сочетанія*

«слоговая плавная + неслоговое ирраціональное а» (42—43). — Индоевропейское слоговое краткое i (i) въ положеніи безъ послѣдующей гласной (43—44). — Индоевропейское ī не передъ гласной (44). — Индоевропейское ŭ слоговое въ положеніи безъ послѣдующей гласной (44—45). — Индоевропейское ū не передъ гласной (45—46). — Исторія индоевропейскихъ ī и ū слоговыхъ передъ гласными (46—47). — Исторія индоевропейскихъ ī и ŭ слоговыхъ передъ гласными (47—49).

Индоевропейскіе дифтонги аi̯ и аu̯ съ а краткими или долгими разнаго качества . . . . . 49—59

Индоевропейскіе дифтонги аi̯ *съ* ă *различнаго качества въ языкахъ греческомъ, латинскомъ, старославянскомъ, русскомъ* (50—51). — *Примѣры* такихъ дифтонговъ (51 - 52). — Индоевропейскіе дифтонги аu̯ съ ă различнаго качества въ тѣхъ же языкахъ (52—54). — *Примѣры* такихъ дифтонговъ (54—55). — *Индоевропейскіе дифтонги* аi̯ *съ* ā *различнаго качества* въ тѣхъ же языкахъ (55—57). — *Примѣры* такихъ дифтонговъ (57). — *Индоевропейскіе дифтонги* аu̯ *съ* ā *различнаго качества* въ тѣхъ же языкахъ (58). — Индоевропейскіе дифтонги въ положеніи передъ слоговою гласной (58—59).

Примѣры исчезновенія индоевропейской гласной, которая, въ эпоху распаденія индоевропейскаго языка, въ полномъ видѣ являлась какъ ă^{e} и ă^{o}, чередовавшіяся между собою . . 59—60

Отдѣлъ *III.*

Согласныя индоевропейскаго языка въ ихъ переходѣ въ языкъ старославянскій и родственные съ нимъ языки . . . . . 60—87

Дѣленіе согласныхъ по условіямъ ихъ образованія. 60—61

Согласныя, существовавшія въ индоевропейскомъ языкѣ въ эпоху его распаденія . . . . . 61—63

Переходъ индоевропейскихъ непридыхательныхъ согласныхъ въ языки старославянскій и русскій, а также въ языки греческій и латинскій . . . . . 63—67

Индоевропейскія k и g задненёбныя (63). — *Примѣры: Индоевропейскія* k *задненёбныя, чистое и лабіализованное* (63—64). — *Индоевропейскія* g *задненёбныя, чистое и лабіализованное* (64). — Индоевропейскія k и g средненёбныя (64—65). — *Примѣры: Индоевропейское* k *средненёбное* (65). — *Индоевропейское* g *средненёбное* (65). — Чередованіе k задненёбнаго съ k средненёбнымъ (65—66). — Индоевропейское t. *Примѣры* (66). — Индоевропейское d. *Примѣры* (66). — Индоевропейское p. *Примѣры* (66—67). — Индоевропейское b непридыхательное (67).

Переходъ индоевропейскихъ мгновенныхъ придыхательныхъ въ языки греческій, латинскій, старославянскій, русскій . . . . . 67—70

Примѣры: Индоевропейскія g *задненёбныя придыхательныя, чистое и лабіализованное* (69). — *Индоевропейское* g *средненёбное придыхательное* (70). — *Индоевропейское* d *придыхательное* (70). — *Индоевропейское* b *придыхательное* (70). — Индоевропейскія глухія мгновенныя придыхательныя (70).

Переходъ индоевропейскихъ фрикативныхъ согласныхъ въ языки греческій, латинскій, старославянскій, русскій . . 70—78

Индоевропейскія i̯ *и* j (71—74). — *Индоевропейскія* u̯ *и* v (74—75). — *Индоевропейское* s (75—77). — *Индоевропейская фрикативная* z (77—78).

Индоевропейскія *слитныя согласныя* c *и* s . . . 78—80

Индоевропейскія сонорныя согласныя: носовыя и плавныя . . . . . 80—85

Индоевропейскія носовыя согласныя. Примѣры (80—81). — *Индоевропейскія плавныя согласныя. Примѣры* (81—83). — Сочетанія плавныхъ съ предше-

ствующею гласной полнаго образованія безъ послѣдующей гласной (83—84). — Сочетанія носовыхъ съ предшествующей гласной полнаго образованія безъ послѣдующей гласной (84—85).

Индоевропейское придыханіе h въ греческомъ, латинскомъ, старославянскомъ, русскомъ ..... 85—87

Отдѣлъ *IV.*

Вторичныя фонетическія явленія: измѣненіе звуковъ подъ вліяніемъ ихъ различнаго положенія въ словѣ ..... 87—88

***Измѣненія гласныхъ въ сочетаніи съ гласными*..... 88—138**

Индоевропейское i̯ *въ положеніи между гласными*..... 89—105

Сочетанія i̯ съ предшествующими ĭ, ī (89). — Переходъ i̯ передъ гласной, въ положеніи не послѣ ĭ, ī, въ придыханіе, подлежавшее исчезновенію еще въ литовско-славянскую эпоху (89—90). — Окончаніе -a въ родительномъ единственнаго именъ на индоевропейское ă° (90—91). — Исчезновеніе i̯ въ литовско-славянскихъ основахъ настоящаго времени производныхъ глаголовъ на индоевропейскія -ā°i̯ă°, -ā°i̯ă° и -ā°i̯ă°, -ā°i̯ă° (91—101). — Переходъ придыханія, замѣнившаго i̯ между гласными, въ задненёбную звонкую фрикативную γ и происхожденіе общеславянскихъ формъ какъ *toγo, *koγo (101—105).

Индоевропейское i̯ *въ положеніи не между гласными*, то есть послѣ согласныхъ и въ началѣ словъ, а также *индоевропейское* ĭ слоговое передъ гласными, существовавшее послѣ согласныхъ ..... 105—118

Происхожденіе общеславянскаго ī въ окончаніи основъ настоящаго времени непроизводныхъ глаголовъ класса **сѣдѣти**, **горѣти** (106—108). — Происхожденіе общесла-

вянскаго ī въ окончаніи основъ настоящаго времени производныхъ глаголовъ класса **хвалити, носити** (108—110). — Происхожденіе i̯ĭ, i̯ь въ окончаніи формъ повелительнаго наклоненія, какъ **даждь, вѣждь, ꙗждь, виждь**, изъ литовско-славянскихъ i̯ĭ и ĭĭ (110—112). — Происхожденіе і въ формахъ литовскаго желательнаго наклоненія и въ старославянскихъ формахъ **бимь, би, бисте** и т. д. (112—114). — Утрата древняго образованія звательной формы на индоевропейское -ă^{e} въ славянскихъ именахъ на индоевропейское -ă^{o}, -ă^{e} послѣ мягкаго звука (114-116). — Совпаденіе съ основами на -ĭa^{o} и -i̯a^{o} основъ на -ĭa^{e} и -i̯a^{o} въ общеславянскомъ языкѣ (116-118). — Происхожденіе старославянскаго **и** въ **иже** (118).

Появленіе i̯ въ общеславянскомъ языкѣ въ новомъ положеніи между гласными . . . . . 118—138

Образованіе формъ склоненія прилагательныхъ опредѣленныхъ (118—119). — Различіе въ судьбѣ i̯ въ этихъ формахъ, зависѣвшее отъ односложности и двусложности мѣстоименныхъ формъ, вошедшихъ въ составъ формъ опредѣленныхъ прилагательныхъ (119-120). — Нефонетическія сокращенія мѣстоименныхъ формъ въ составѣ опредѣленныхъ прилагательныхъ (120—121). — Родительный падежъ единственнаго числа мужескаго и средняго рода (122). — Дательный падежъ единственнаго числа мужескаго и средняго рода (123—124). — Мѣстный падежъ единственнаго числа мужескаго и средняго рода (124—126). — Творительный падежъ множественнаго числа (126). — Родительный падежъ множественнаго числа (126—127). — Творительный падежъ единственнаго числа мужескаго и средняго рода (127—129). — Дательный падежъ множественнаго числа и дательный-творительный двойственнаго числа (129). — Мѣстный падежъ множественнаго числа (129—130). — Возможность опущенія i̯ въ общеславянскихъ формахъ опредѣленныхъ прилагательныхъ, содержав-

шихъ въ своемъ составѣ односложныя формы приставленнаго мѣстоименія (130).

Сочетаніе -ее- въ тѣхъ общеславянскихъ словахъ, откуда произошли старославянскія **нѣсмь, нѣси** и т. д. (130—131).

Происхожденіе общеславянскаго имперфекта (131—137). — Старославянскія формы имперфекта на **-ахъ, -ахъ, -ѧахъ, -ѩхъ, -ѣахъ, -ѣхъ** (137—138). — Древнерусское измѣненіе **-ѣа-** въ **-яа-** въ имперфектѣ (138).

Отдѣлъ *V.*

Измѣненія гласныхъ въ сочетаніи съ согласными . . . . . **138—156**

Общеславянское ŏ *вмѣсто* ĕ *передъ* v . . . 138—139

Общеславянское ĭ *изъ* ĕ *и* ь *передъ* j . . . . 140—141

Общеславянское измѣненіе ъ *въ* у *(звукъ* ы*) въ положеніи передъ* j . . . . . 141—145

Общеславянское измѣненіе ĕ̯ *передъ* j *въ* ē, *откуда* ie͡ *(?)* 145

Объ измѣненіи общеславянскаго i̯ *(изъ первоначальныхъ* ĭ, i̯ *и* j*) въ положеніи послѣ согласныхъ* 145

Общеславянское измѣненіе гласныхъ въ положеніи послѣ мягкихъ звуковъ (согласныхъ и гласныхъ) . . 145—156

Общія замѣчанія (145—148). — *Примѣры:* Общеславянское ĕ изъ ŏ послѣ мягкаго неслогового звука (148—149). — Общеславянское ĕ̯ и далѣе ī изъ ŏ̯ послѣ мягкаго неслогового звука (149—151). — Общеславянское ŏ̯ц и далѣе ĭц, i̯ū, ū изъ ŏ̯ц въ положеніи послѣ мягкаго неслогового звука (151—152). — Общеславянское ĭ и далѣе ь изъ первоначальнаго ŭ (откуда далѣе ъ) въ положеніи послѣ мягкаго неслогового звука (152—154). — Общеславянское ī изъ первоначальнаго ū (которое далѣе измѣнилось въ общеславянское ȳ) въ положеніи послѣ мягкаго неслогового звука (154).

Общеславянское измѣненіе качества гласной въ зависимости отъ предшествующаго мягкаго звука (слогового или неслогового) (154—155).—Примѣры общеславянскаго измѣненія ē (изъ литовско-славянскаго ē) въ ā въ положеніи послѣ мягкаго *слогового* звука (155) и въ положеніи послѣ мягкихъ *неслоговыхъ* звуковъ (155—156).—Объ общеславянскомъ измѣненіи носовыхъ į̄ и ų̄ послѣ мягкихъ звуковъ въ болѣе открытыя носовыя гласныя ę̄ и ǭ̄ (156).

Измѣненія звуковъ въ группахъ „гласная + согласная“ . . . . . **156—170**

Общеславянское измѣненіе звуковыхъ сочетаній ь̯l̥, ъ̯l̥ *въ положеніи послѣ зубныхъ согласныхъ* . . . 156—161

Примѣры для общеславянскихъ ь̯l̥ послѣ другихъ согласныхъ . . . . . 161—162

Примѣры для общеславянскихъ ъ̯l̥ послѣ другихъ согласныхъ . . . . . 162—163

Общеславянское измѣненіе ь̯r̥ *и* ь̯l̥ *съ* r̥ *и* l̥ *(закрытымъ) твердыми при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ въ* ь̯r̥$^{(e)}$, ь̯l̥$^{(e)}$ *съ* r̥ *и* l̥ *полумягкими* . . . . . 163—167

Примѣры: Общеславянское ь̯r̥ передъ твердыми зубными (165).—Общеславянское ь̯r̥$^{(e)}$ (165).—Общеславянское ь̯l̥ передъ твердыми зубными (165).—Общеславянское ь̯l̥$^{(e)}$ (165).—Передача соотвѣтствующихъ сочетаній въ старославянскихъ памятникахъ (165—167).

Общеславянское измѣненіе сочетаній «неслоговая ирраціональная гласная (ь̯ или ъ̯)+слоговая носовая согласная» въ положеніи передъ ударяемымъ слогомъ . . 167—170

Общеславянскія носовыя гласныя и ихъ измѣненія . . . . . **170—186**

Примѣры: Старославянскія ѫ изъ общеславянскихъ ǭ, ǭ (изъ «ŏ + носовая согласная») и ǭ (изъ «ъ̯ + слоговая носовая согласная») (174—175).—Старославянскія ѧ изъ общеславянскихъ ę̆ (изъ «ē + носовая согласная») въ концѣ

словъ, ę̆ въ окончаніи именительнаго-винительнаго единственнаго числа именъ средняго рода, ę̄ (изъ «ĕ + носовая согласная»), ę̄ (изъ «ь + слоговая носовая согласная») передъ согласными (175—177). — Старославянское ѣ изъ ѣ̆ (образовавшагося изъ «ĭ + носовая согласная») въ концѣ словъ (177). — Старославянское и изъ того общеславянскаго ī, которое происходило непосредственно изъ i̯, т. е. изъ болѣе древняго «ĭ + носовая согласная» передъ согласными (177). — Старославянское ъ изъ общеславянскаго ъ (образовавшагося изъ ŭ̯, т. е. изъ болѣе древняго «ŭ + носовая согласная») и изъ общеславянскаго ъ въ окончаніи родительнаго множественнаго числа (177—179). — Старославянское ы изъ общеславянскаго ȳ (образовавшагося изъ «ŭ + носовая согласная» передъ согласными) (179—180). — Старославянское ь изъ i̯, восходящаго къ ii̯, которое изъ ŭ̯ и ū̯ въ положеніи послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ (181).

Измѣненіе общеславянскихъ ī *и* ū̯ *послѣ мягкихъ звуковъ* . . . . . 181—186

Общеславянское ę изъ ī послѣ мягкаго звука въ формѣ 3 лица множественнаго числа настоящаго времени и въ причастіи настоящаго времени (182). — Общеславянское ę изъ ī послѣ мягкаго звука въ корневой части нѣкоторыхъ словъ (182—183). — Общеславянское i͡ę изъ ū̯ послѣ мягкихъ взуковъ въ винительномъ множественнаго числа отъ основъ на индоевропейскія -ĭă°-, -i̯ă°-, -jă°-, въ именительномъ и винительномъ множественнаго числа отъ основъ на -ĭā^a-, -i̯ā^a-, -jā^a-, въ родительномъ единственнаго числа именъ и мѣстоименій отъ основъ на -ā^a (183—186). — Старославянское ѧ (ѩ) изъ общеславянскаго i͡ę въ именительномъ единственнаго числа мужескаго рода причастій дѣйствительнаго залога настоящаго времени (186).

Измѣненіе общеславянскихъ сочетаній „краткая слоговая гласная (ĕ и ŏ) + плавная“ послѣ согласныхъ въ положеніи передъ согласными . . . 187—198

Общія замѣчанія (187—195). — *Примѣры: Старославянскія сочетанія* «**тра-**» *передъ согласными изъ общеславянскихъ сочетаній* «tār-» *при* «tŏr-» (195). — *Старославянскія сочетанія* «**трѣ-**» *и* «**чрѣ-**» *передъ согласными изъ общеславянскихъ* «ti͡er-» *и* «či͡er-» *при* «tĕr-» *и* «čĕr-» (195—196). — *Старославянскія сочетанія* «**тла-**» *передъ согласными изъ общеславянскихъ сочетаній* «tāl-» *при* «tŏl-» (196). — *Старославянскія сочетанія* «**тлѣ-**» *передъ согласными изъ общеславянскихъ сочетаній* «ti͡el-» *при* «tĕl-» (196—197). — *Старославянскія сочетанія* «**члѣ-**» *и* «**чла-**» *передъ согласными изъ общеславянскихъ сочетаній* «či͡el-» *и* «čāl-» *при* «čöl-» (197). — Старославянское **чловѣкъ**, русское человѣкъ (197—198).

Отдѣлъ *VI.*

Измѣненія гласныхъ общеславянскаго языка подъ вліяніемъ положенія въ конечномъ слогѣ словъ . . . . . **199—235**

Измѣненіе общеславянскаго ŏ *въ* ŭ *въ конечномъ закрытомъ слогѣ* . . . . . 199—202

Измѣненіе общеславянскаго -ŏns въ концѣ словъ въ -ŭns и далѣе послѣ твердыхъ согласныхъ въ ȳ, а послѣ мягкихъ въ i͡ę 202

Измѣненіе общеславянскаго ō^{u} *въ конечномъ закрытомъ слогѣ въ* ū *(?)* . . . . . 202—203

Измѣненіе общеславянскаго конечнаго ē^{i}, *изъ старыхъ* ē *и* ŏi̯, *съ извѣстнымъ качествомъ долготы, въ* ī . . . . . 203—206

Случаи, въ которыхъ мы находимъ старославянское конечное **ѣ** изъ общеславянскаго конечнаго i͡e . . . . . 206—209

Измѣненія гласныхъ въ сочетаніяхъ «гласная + согласная» въ концѣ словъ . . . . . 209—220

Общеславянскія гласныя изъ индоевропейскихъ соче-

таній ą̯ и ą̯ *въ первоначальномъ открытомъ концѣ словъ* 209

Происхожденіе конечнаго **ѣ** въ старославянскомъ **вѣдѣ** «я знаю» и въ формахъ дательнаго падежа **тебѣ**, **себѣ**, **мънѣ**, ... 209—213

Происхожденіе конечнаго **-ъ** въ старославянской частицѣ **-гъ** (напр., въ **негъ-ли**) 213

Сочетанія «гласная + носовая согласная» въ общеславянскомъ концѣ словъ 213-215

Исторія въ общеславянскомъ языкѣ литовско-славянскихъ сочетаній «краткая гласная + носовая согласная» въ непервоначальномъ концѣ словъ . . . . . 215—217

Исторія въ общеславянскомъ языкѣ индоевропейскихъ сочетаній «α + слоговая носовая согласная» въ непервоначальномъ концѣ словъ . . . . . 217—218

Сочетанія «гласная + плавная» въ общеславянскомъ концѣ словъ . . . . . 218—220

Примѣры сочетаній «первоначальная краткая или ирраціональная гласная + плавная» въ *первоначальномъ* концѣ словъ (219). — Сочетанія «первоначальная краткая или ирраціональная гласная + плавная» въ *непервоначальномъ* концѣ словъ (219—220).

Измѣненіе въ общеславянскомъ языкѣ конечныхъ ь *и* ъ, *изъ литовско-славянскихъ конечныхъ гласныхъ, въ сочетаніяхъ словъ* . . . . . 220—235

Фонетическія явленія въ общеславянскихъ гласныхъ начала словъ . . . . . **235—281**

Отпаденіе начальныхъ ь *и* ъ *безъ ударенія въ сочетаніи словъ* 235

Появленіе въ общеславянскомъ языкѣ звуковъ i̯ *и* u̯ *передъ начальными гласными* . . . . . 236—258

Случаи съ i̯ передъ мягкими согласными (236—238). — Сочетанія, гдѣ начальное новое i̯ передъ мягкими гласными фонетически не исчезло, но перешло въ общеславянскомъ

языкѣ въ j. Сочетанія je- (238). — Начальное ударяемое сочетаніе hë- въ общеславянскомъ языкѣ въ чередованіи съ jë изъ he безъ ударенія (238—243). — Сочетанія jѫ- (243—244). — Сочетанія jie͡ изъ начальнаго o̯i̯ (244—245). — Сочетанія jā изъ i̯ā съ i̯ новаго происхожденія (245—247). — Сочетанія jā изъ первоначальнаго i̯ā (247—248). — Общеславянское начальное ā изъ hā (248—249). — Приставное u̯ передъ губными гласными o, u, ǫ (249—255). — Приставное u̯ передъ ъ и ȳ (256—257). — Приставное u̯ передъ начальнымъ ā (257—258).

Развитіе въ общеславянскомъ языкѣ звуковъ i̯ и u̯ между гласными . . . . . 258—261

Утрата начальнаго i̯ *въ общеславянскомъ языкѣ* . . . . . 261—281

Утрата начальнаго i̯ передъ ē изъ стараго ē (262—264). — Общеславянское начальное ī изъ i̯ī съ старымъ i̯ (264). — Общеславянское начальное ī изъ i̯ī съ новымъ, приставнымъ i̯ (264—265). — Общеславянское начальное ĭ какъ изъ i̯ь съ старымъ i̯, такъ и изъ i̯ь съ новымъ, приставнымъ i̯ (265—278). — Примѣры общеславянскаго начальнаго ĭ изъ i̯ь съ старымъ i̯ (267—268). — Примѣры общеславянскаго начальнаго ĭ (изъ i̯ь съ новымъ, приставнымъ i̯), восходящаго къ индоевропейскому ĭ (269—274). — Примѣры общеславянскаго начальнаго ĭ (изъ i̯ь съ новымъ, приставнымъ i̯), восходящаго къ индоевропейскому a̯ передъ неслоговою носовою согласной (274—275). — Примѣры общеславянскаго начальнаго ĭ (изъ i̯ь съ новымъ, приставнымъ i̯), восходящаго предположительно къ особой индоевропейской ирраціональной гласной (α_2), являвшейся фонетическимъ ослабленіемъ ă°, ă° (а можетъ быть и другихъ ă) (275—278). — Утрата, въ діалектахъ общеславянскаго языка, начальнаго i̯ передъ ĕ чистымъ, не измѣненнымъ въ направленіи къ ŏ (278—281).

Замѣченныя опечатки.

Страница.	Строка.	Напечатано:	Нужно:
13	15 св.	j или i	j или i̯
14	14 св.	с	s
55	4 св.	лоуча	лоучь
56	14 сн.	дифтонгъ ă^{a}i̯	дифтонгъ ā^{a}i̯
»	4 сн.	дифтонгъ ā^{o}i	дифтонгъ ā^{o}i̯
57	16 сн.	ă^{a}i̯	ā^{a}i̯
89	6 сн.	ĭ	i̯
91	10 св.	-ă^{a}i̯ā^{o}	-ā^{a}i̯ā^{o}
148	6 св.	дофтонга	дифтонга
»	8 св.	Общеславянско	Общеславянское
161	1 св.	чешское žluċ	верхне-лужицкое žołč
162	12 сн.	и для	и- для
173	13 сн.	«ĕ + носовая гласная»,	«ĕ + носовая согласная»,
174	6 св.	«ū + носовая гласная»	«ū + носовая согласная»
188	13 св.	«tĕl-» и «čĕl-»	«tĕl-», и «čĕl-»
»	15 сн.	«čĕl-» = «čö^{o}l-»	«čĕl-» = «čö^{e}l-»
196	14 сн.	Сравнительныя	Старославянскія
197	13 сн.	żlódź	żłódź
225	5 сн.	δίδωσι; ἐστί, а въ	δίδωσι, ἐστί; а въ
242	1 св.	эщé	ещé
249	15 св.	вовсе ne	вовсе не
253	6—7 св.	поль-слое	поль-ское
254	2 сн.	u̯a̯nt,	u̯a̯nt,
264	9 св.	и именит. — винит.	и именит.-винит.

2275/760

Цѣна 10 руб.; Prix 10 rbl.

Продается въ Книжномъ Складѣ Россійской Академіи Наукъ и у ея комиссіонеровъ:

И. И. Главунова и **К. Л. Риккера** въ Петроградѣ. **Н. П. Карбасникова** въ Петроградѣ и Москвѣ, **Н. Я. Оглоблина** въ Петроградѣ и Кіевѣ, **Люзакъ** и **Комп.** въ Лондонѣ.

Commissionaires de l'Académie des Sciences de Russie.

J. Glazunov et **C. Ricker** à Petrograd, **N. Karbasnikov** à Petrograd et Moscou, **N. Ogloblin** à Petrograd et Kiev, **Luzac & Cie** à Londres.